Одесский альманах

№74

III / 2018

ДЕРИБАСОВСКАЯ ✠ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

PLASKE
ПЛАСКЕ

Литературно-художественное издание серии «Одесская библиотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (74), 2018
Издается с 2000 г.

Учредитель и издатель: Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
(свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010 г.)
Председатель редакционного совета: Иван Липтуга
Редактор: Феликс Кохрихт
Редакционная коллегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора), Олег Губарь, Иван Липтуга
Технический редактор: Геннадий Танцюра
Верстка, корректура: Татьяна Коциевская

Свидетельство о государственной регистрации печатных средств массовой информации:
КВ № 19644-9444Р от 08.01.2013 г.

Адрес редакции: 65001 Украина, Одесса, ул. Ак. Заболотного, 12, а/я 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, ул. Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Тираж 500 экз.
Заказ № _____

accredited
FSC Trademark © 1996
Forest Stewardship Council A.C.
FCS-ACC-015

Літературно-художнє видання серії «Одеська бібліотека»
«Дерибасовская – Ришельевская». Альманах
№ 3 (74), 2018
Видається з 2000 р.

Засновник і видавець: Видавнича організація АТ «ПЛАСКЕ» (свідоцтво ДК № 3673 від 21.01.2010 р.)
Голова редакційної ради: Іван Ліптуга
Редактор: Фелікс Кохріхт
Редакційна колегія: Євген Голубовський (заступник редактора), Олег Губар, Іван Ліптуга
Технічний редактор: Геннадій Танцюра
Верстання, коректура: Тетяна Коцієвська

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованих засобів масової інформації:
КВ № 19644-9444Р від 08.01.2013 р.

Адреса редакції: 65001 Україна, Одеса, вул. Ак. Заболотного, 12, а/с 299
Тел.: +380 (48) 7-385-385
books@plaske.ua
www.plaskepress.com

Надруковано з готового оригінал-макету у типографії «Плутон»
65023 Україна Одеса, вул. Ніженська, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42
Наклад 500 прим.
Замовлення № _____

accredited
FSC Trademark © 1996
Forest Stewardship Council A.C.
FCS-ACC-015

© АО «ПЛАСКЕ», 2018
© «Дерибасовская – Ришельевская», 2018

От редакции

Вы держите в руках 74 номер альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». А мы уже видим контуры 75-го, неожиданно юбилейного номера, который выйдет в декабре этого года.

Но сегодня – о нынешнем. Он традиционно выходит ко дню рождения Одессы, ко 2 сентября. Одессе – 224 года. И на страницах альманаха оживает в исследовании О. Губаря город пушкинский, в статье С. Котелко город конца XIX века, в интервью с матушкой Серафимой Ф. Кохрихта – многоконфессиональная Одесса.

Обращаемся мы и к античным предшественникам города. С этого номера мы начинаем публиковать увлекательную книгу профессора А. Добролюбского «Имя дрока», рассчитывая полностью ее напечатать в четырех номерах. Дизайн книги осуществила дочь автора Елизавета Добролюбская. Книга, по сути, готова к тому, чтобы быть отданной в типографию. Осталось малое – найти деньги. А может, читая эту книгу в альманахе, любители истории нашего края помогут автору выпустить книгу.

Одессе – 224. На сто лет младше нее был Исаак Бабель. Перед революцией в Петрограде он написал и опубликовал очерк «Одесса», где заметил: «От рассуждений об Одессе моя мысль обращается к более глубоким вещам. Если вдуматься, то не окажется ли, что в русской литературе еще не было настоящего, радостного, ясного описания солнца?».

Эта фраза вспомнилась в связи с бабелевским конкурсом рассказов. И подумалось, что не случайно Аркадий Львов назвал свою книгу рассказов «Большое солнце Одессы». И Михаил Жванецкий, чье эссе, прочитанное на открытии конкурса, публикуемое нами в этом альманахе, рефреном повторяет: «Солнце собирает людей в Одессе».

Конкурсы, фестивали… Мы пишем это вступление к альманаху, когда в городе шумит Международный кинофестиваль. Он начался с показа фильма Киры Муратовой «Короткие встречи». К памяти этого великого кинорежиссера мы обратимся в 75 альманахе. На фестивале был показан фильм об Одессе и одесситах – «Интонации большой Одессы».

В июле в городе традиционно пройдет ярмарка-фестиваль «Зеленая волна», участниками которой станут поэты и прозаики, чьи стихи и рассказы публикует альманах, участники нашего редакционного конкурса «192 слова».

А в сентябре, когда выйдет этот альманах, в Одессу приедут скрипачи, ученики Столярского, Ойстраха.

Это реальность. Одесса стала фестивальной столицей Украины.

Теперь можно было бы начать давать анонсы юбилейного 75 альманаха. Рассказать о статье Елены Погорельской «Бабеля открыл Маяковский», о коллекции картин Николая Глущенко в Одесском художественном музее в статье Людмилы Ереминой… Но – сохраним интригу. В одном мы убеждены: за 74 номером последует номер 75.

Михаил Жванецкий

Богатство и бедность

Богатство и бедность, конечно, отличаются друг от друга.

Это многие заметили и устроили нам революцию.

И заперли богатство за высокие стены, а бедность выставили напоказ.

Мы были бедны, равны, и это ничего, если бы не были бесправны.

Но многим это нравится.

Тем, для кого это максимум, чего они могут достичь.

Тогда, конечно, приятно видеть рядом с собой всех.

И ученого, и артиста, и изобретателя.

Все едят то же, спят там же, одевают то же, а если возле бомбы какое-то усиленное питание, то их окружают забором.

Поэтому атомный центр, мясокомбинат, кондитерская фабрика и тюрьма выглядят одинаково. Колючая проволока. Забор и вышки по периметру.

Советская власть делала такие заборы, которые не удавались никому.

Первое изделие, удостоенное знака качества, – грандиозный рельефный забор невиданной красоты.

Отсюда вся наша живопись и правописание.

Там малыши выводили свои первые буквы под руководством неизвестных педагогов.

В Ташкенте мы ехали на «Жигулях» вдоль забора дачи Рашидова полчаса. На скорости 50-60 километров в час.

Хороший забор – это наша радость, наша молодость, наши первые свидания, первый поцелуй.

В стране, где все крадутся вдоль забора, легко дорогу спросить. Вам так и скажут – езжайте вдоль забора до пересечения с другим забором, там спросите.

Поэтому когда богатство за забором, а рядом такая жизнь, такая же, конечно, на душе спокойней. Оно, может, и ничего, если бы дракон не выдергивал каждую ночь по тысяче, по десять тысяч.

Остальные как-то резвились, травку пощипывали, песни пели, вид делали, но хор редел. Здорово поредел. Сейчас оставшиеся, конечно, шумят, хорошо вспоминают, мол, мы остались, и трутся головой об бывшую власть.

А если б те вдруг вспомнили.

Все, кто подох, собрались и вспомнили. Как спали, что ели, двадцать лет не видели женщин и сдохли под забором.

Или их воспоминания роли не играют.

Один баран не замечает исчезновения другого.

Но как нищета – социализм почетен.

Почетен социализм.

Мы общество строим.

Мы заняты.

Нищета пройдет.

Организм борется.

Да, конечно, из этой нищеты та кажется справедливой.

С песнями, с бардами, со всенародным одобрением и голубым огоньком в конце тоннеля.

Ну чего. Прошли мы тоннель. И странно – мы не замечали разницу жизни своей и своих начальников, но со слезами стали замечать разницу между своей и иностранной.

Между пролетариатом и пролетариатом.

Между крестьянством и крестьянством.

Мы, суки, строим счастливую жизнь, а они ее имеют.

Мы к ней подбираемся, вопя и утопая, а они там живут.

В нашем коммунизьме, который, кстати, они же придумали, а мы осуществляли, осуществляли, осуществляли, осуществляли, и где-то на развитом социализме сдохли.

Как же это выдержать?

Мы лучшие, передовые, прогрессивные, бесклассовые, могучие, а музыка оттуда, штаны оттуда, станки оттуда, ком эти пьютеры оттуда, а в конце и хлеб оттуда, и баранина. Что же они нам за теорию подсунули, при которой мы вечно голодные, и даже чтоб выпить, гнием в очередях?

И не Горбачев это придумал, а контраст стал невыносим, и побежали полковники КГБ на Запад, и разорились мы в соревновании под собственным забором, отделяющим нас от них.

И взвыли – хотим, как там. И великое свершилось.

Открыл нам Горбачев заборы, снял ворота.

Один, кстати.

Врал непрерывно и бесконечно.

Делал гадости и вызывал отвращение, а ворота и заборы снес.

И мы замерли. Залегли. Затихли.

С магнитофонами в руках.

Каждому по магнитофону.

Мечта сбылась.

И тут из нас полезли.

Как застарелые болезни. Полезли первые богачи.

Те же блатные, те же воры и спекулянты, те же продувные надуватели. Других-то не было.

Мы смотрели на них, не в силах пошевелиться.

Мы дали им разбогатеть. И теперь крутимся возле них.

За ними пошли получше, поскромнее и не такие уголовные.

Но те, первые, набрали силу и власть.

Но они наши, и другого пути не было.

Ты недоволен собственными купцами.

Они что, приехали из другой страны? Вся эта штука в том, что они образовались здесь, плоть от плоти.

И стали они рядом жить, и стали они рядом ездить, и всё покупать, и стрелять, и грабить. И все содрогнулись.

Разве о таком богатстве мы мечтали?

Мы хотели, чтоб, как раньше, все вместе, а здесь все по одному.

Они едят, мы – нет.

Неужели другого пути нет?

А мы все знаем только две жизни: прошлую и теперешнюю.

Теперешняя не нравится – давай назад.

Там не нравится – давай вперед.

Нет. Весь мир живет третьей жизнью, которую начинает сразу после второй.

Когда стрелять становится невыгодно материально.

Когда набирать костюмов и жратвы себе становится невыгодно и неинтересно.

Когда жить одному со жратвой и любовницей становится ни к чему.

Когда детей нужно где-то учить.

Когда себя нужно у кого-то лечить.

И главное, когда он, новый, может заработать, только если бедный наконец купит, потому что богатых не хватает ни на ресторан, ни на пароход.

Тогда богатый хочет, чтоб бедный купил.

Тогда богатый очень хочет, чтоб бедный стал богаче.

И это даже если тот бедный, как мы, честный и вялый, и ничего не может. Только лежать.

И в этом случае богатый очень заинтересован, чтоб бедный встал.

Я уже не говорю, что зарабатывать сейчас не проблема, так они еще нас заставят.

Потому что эта жуткая жизнь нормальна.

Через нее надо проползти.

Опять со стрельбой, как всегда.

Тут надо успокоиться. У нас любое движение связано со стрельбой. И революция, и гражданская, и до войны, и во время войны.

Все мы ворошиловские стрелки по людям.

Так что сегодняшняя стрельба – явление обычное, очень мелкое по сравнению.

Это есть наша плата за бескультурие и темноту, за пьянство и огромную, во всю державу, тюрьму, где зеки только и учились бить и пытать.

И хлынули наружу новые очень старые песни и новые очень старые люди.

И милиция стала продажной, как и была.

И ГАИ берет взятки, как и брала, и врачи берут, как и брали. И это не кончится, хотя должно закончиться.

Вот такой парадокс.

Оно всегда будет, но закончится, когда беспредел станет невыгодным.

Вот он уже становится невыгодным. Какая выгода открывать ресторан, если мы боимся туда идти?

Если милиция не тянет, разрастается охрана.

Новые начинают стрелять друг в друга уже за безопасность для своих клиентов.

Я говорю, беспредел невыгоден всем, кроме самых темных и больных, которых и надо судить, повально судить.

Значит, что нам нужно?

Скорая, милиция и инициатива.

Власть, как она неоднократно демонстрировала, – у нас в руках.

Кого хотим, того и выберем.

Выберем сумасшедшего, так и будем жить с ним во главе.

На культурного неспособны.

Гайдар для нас хуже всех, потому что был начитан и не врал.

Значит, выберем своего.

Неважно, мы и через это должны пройти.

Это и есть наша вторая жизнь по пути к третьей.

А третью мы уже видим и уже привыкаем.

Раскручиваемся потихоньку с жертвами и стрельбой.

Как же тут без стрельбы?

Стой там, иди сюда.

Пиши письмо, но не посылай.

Свари борщ, но не ешь.

Судиться б надо. Чтоб не стрелять.

Нормальный суд поверх народов, объективный и свободный.

И кому что.

А пока наши новые тоже тоскуют и по трое, по четверо ходят, чтоб не подстрелили.

И с охраной в постель, и в туалет, и пьет с охраной, и поет с ней у костра.

Легко представить, как это интересно.

Это ж одни и те же ребята пошли в убийцы и в охрану.

Так что нелегко с ними петь. Но надо.

И расслабляются наши новые только там, за забором, на Западе, под немецкую и турецкую речь.

А русским всегда хорошо отдыхалось среди турок и зеков.

– Гив ми плиз… Нин, как будет «кофе»? Кофе, кофе. Уан кофе и ей уан. Как в Москву позвонить? Алло, Людмила Александровна? Я на Карибах, переведите им, что я хочу завтрак в корвать. Ин бед. Я ему дам трубу. Скажите: нам с Нинкой в корвать.

А количество жизни одинаковое, растянутое в бедности или сжатое в богатстве.

И не надо обвинять богатых в скупости.

Бедный всегда широк.

Богатый скуп и не хочет давать.

Бедный широк, но ему давать нечего.

А тот потому и стал богатым, что скуп.

А этот потому и беден, что широк.

Дальше разбирайтесь сами.

Можно жить хорошо среди скверной жизни, как жили наши начальники, под страхом – снимут, выгонят, отнимут всё.

А можно жить тяжело среди жизни хорошей. Тяжело, а не плохо. Потому что есть выбор.

Михаил Жванецкий

О Бабеле

Солнце собирает людей в Одессе.

А люди в Одессе собирают одного.

Из многих уехавших и оставшихся.

Одного.

Который олицетворяет город. В котором людей собирает солнце.

Из всех Исааков – одного нам надо собрать – Бабеля.

Чтоб нам простили тех, кого мы потеряли. В городе, в котором людей собирает солнце.

Люди, которых в этом городе собирает солнце, совсем не похожи на всех других.

Они слышат недосказанное.

Они смеются неожиданно даже для себя.

Они удивительны.

Они откликаются на грустные слова смехом.

Они понимают глубже.

Они меня ставят в тупик.

Человек-возраст идет уже сзади. У него смешного мало, жизнь вытесняет.

Нет звонкости.

– Это лучше, – кричат они.

– Это он, тот, что сквозь слезы.

– Так это я, – объясняю я, – оттуда и говорю.

Да, ты оттуда говоришь.

Это ты говоришь сквозь слезы.

Я не умею гладко говорить.

Я всегда говорю сквозь что-то.

Чтоб получилось гладко, нужны одинаковые слова.

– А ты споткнись! Скажи: я был не прав.

И мы сразу поймем тебя в этом городе, в котором людей собрало солнце.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

История, краеведение

16 **Олег Губарь**
Путеводитель по пушкинской Одессе

54 **Андрей Добролюбский**
Имя дрока

69 **Сергей Котелко**
История здания на Княжеской улице, 1

91 Игуменья Серафима: «Любовью все преодолеем»

106 **Галина Педаховская**
На берегу прошлого

131 **Вадим Ярмолинец**
Любовный круг Александра Федорова

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Первый стационарный Городской театр

История его устройства и первый этап существования мною уже рассматривались, ссылки дал выше. Здесь хочу представить информацию, близкую и хронологически синхронную с посещениями и пребыванием Пушкина в Одессе. Занятно, что самая первая моя книжка в значительно степени посвящена как раз этой проблематике, однако то было популярное издание, без ссылок на источники, и, вынужден заметить, в некоторой степени незрелое, ребяческое.[702]

Прежде всего, надо понимать, что Городской театр всегда был убыточным, причем весьма ощутимо. Поэтому ему постоянно оказывалась не только бюджетная, но и всесторонняя общественная поддержка. Выражалось это, прежде всего, кооптированием в театральную дирекцию крупнейших и авторитетнейших одесских финансистов, коммерсантов, которые подавали горожанам личный пример бескорыстного служения этой значимой культурной институции. Первыми лицами в этом деле были старший Рено (долго), затем Ризнич (недолго), далее Рено-младший.

Режим функционирования театра до 1811 года, когда был заключен трехлетний контракт об устройстве и содержании итальянской оперы с антрепренерами Замбони и Монтовани, описан в публикации «Одесского альманаха».[703] Суть этого, да и последующих контрактов заключалась в том, что, ежегодно получая оговоренную сумму, антрепренеры набирают в Италии оперную

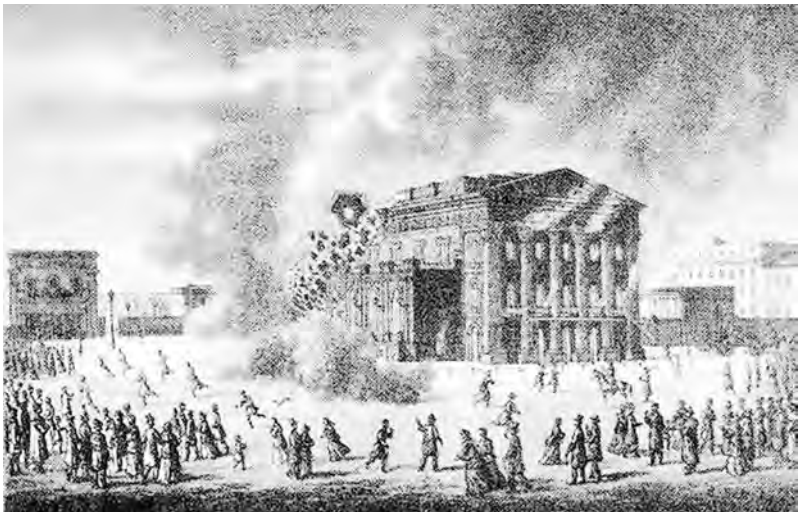
* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-73

труппу, привозят в Одессу и дают определенное число спектаклей. Город за свой счет и за счет привлеченных средств обеспечивает их жильем, дровами, свечами, кухаркой, прачкой, модисткой, реквизитом, декорациями, поддерживает надлежащее состояние – как самого театра, так и предоставленного актерам жилья, нанимает вспомогательный театральный персонал, оплачивает необходимые услуги ремесленников и проч. При этом выручка от реализации билетов, за исключением бенефисов (часть выручки достается бенефицианту), идет на частичное погашение бюджетного дефицита. Разумеется, театральные сборы ни в коей мере не могли компенсировать затраты.

Всеми повседневными делами театра с самой сдачи в эксплуатацию и на протяжении многих лет занимался специальный «смотритель гардероба», итальянец *Марк Акурти*, получавший от Комитета жалованье из расчета 500 рублей в год.[704] Трудно даже перечислить его обязанности. Пользуясь понятной нам терминологией, он был заместителем директора по АХЧ и фактическим директором тоже. Рено состоял директором формально, лишь теоретически решал принципиальные вопросы, находил источники финансирования, а фактической реализацией принятых решений занимался Акурти. Это видно на каждом шагу по журналам заседаний Одесского строительного комитета.

В частности, Акурти регулярно курировал работы проживавшего в Одессе дворянина Иосифа Крупского, с которым еще в 1809-м заключили контракт на внутреннюю отделку театра и производство декораций; Крупский был и машинистом сцены.[705] Затем Крупский заключил с Комитетом контракты «о содержании танцорок»[706] и по окраске крыши театра[707]. В феврале 1815-го в соответствии с решением Комитета Акурти рассчитывался за сделанные декорации уже с супругой Крупского Марьей, «по случаю смерти его».[708]

В обязанность Акурти входил надзор над техническим состоянием как самого театра, так и помещений, в коих размещалась театральная труппа, над сторожами, трубочистами, парашниками и проч. Здесь можно составить обширную летопись. 24 марта 1813-го он докладывает Комитету о том, что «в доме, занимаемом содержателями театра гг. *Жамбонием и Монтовани*» и на тамошнем



Пожар одесского театра. 2 января 1872 г.

сарае «разорены крыши»[709], 31 марта просит оплатить работу по замене в одесском театре 92 стекол и за починку «театральных комнат».[710] В самом начале мая из-за небрежной работы печников в театре начался пожар, оценку ущерба поручили Ф. Фраполли.[711] И так далее и тому подобное. После кончины Крупского Акурти и сам занимался изготовлением декораций.[712]

Помимо чисто хозяйственных дел Акурти ведал театральной кассой, то есть реализацией билетов и абонементов, разумеется, под надзором театральной дирекции. Мы имеем достаточно подробную информацию о театральных сборах с указанием названия постановок, начиная с 1810 года. Скажем, первым кресло (№ 7) абонировал близкий к де Ришелье *граф Петр Алексеевич Разумовский* (1775-1835), персонаж широко известный[713], предположительно пушкинский знакомец. Одну из лож абонировал *граф Константин Филипеско*, о котором упоминается в мемуарах А.Д. Ризо, графа Ланжерона, в письме князя Багратиона к Аракчееву и др. Филипеско заплатил за год 29 червонцев (плюс два рубля), что в пересчете по курсу 1812 года составляло 335 рублей 50 копеек.

Абонентская плата за кресло была на порядок ниже – 25 рублей[714], уж хотя бы потому, что ложи рассчитаны на несколько мест.

Долгорукий, посещавший театр летом 1810 года, пишет: «Театр – одно из прекраснейших зданий в городе и на лучшем месте. Ложи расположены полукругом в три этажа; над третьим раек, партер амфитеатром; он в несколько уступов и под ним креслы. Все устроено с наилучшим размером и вкусом. (…) Гардероб, как я слышал, очень достаточен, декорации некоторые видел, и нашел их нарядными; при мне, как я смотрел театр, выставлена была «Тюрьма» (мне пришло на мысль, что коммерция сидит в ней и ждет развязки своей драмы); один только недостаток: ни труппы, ни актеров».[715]

Первичный репертуар, до заключения контрактов с итальянцами, – преимущественно комедии, драмы, любительский балет. При этом в один вечер, как правило, давали сразу два спектакля: комедию или драму плюс балет, скажем, 11 августа 1810-го – комедию «Любовник на четырех ногах» и балет «Суд Парисов», 14 августа – комедию «Праздник благотворительной богини» и балет «Венера и Адонис», 23 августа – комедию «Исповедь супружеская» и балет «Диана на охоте» и т. п. Сборы колебались от 144 рублей до 238 руб. 74 коп.,[716] не считая абонементов. Даже при довольно высокой стоимости билетов и абонементов расходы на содержание театра значительно превышали доходы. Особенно разорительны были ремонты, переделки театра, домов, занимаемых актерами, антрепренерами, персоналом. По этому поводу тоже можно составить целую летопись.

Контракты по содержанию итальянской оперы заключались Замбони и Монтовани попеременно. Текст контракта на второе трехлетие с *Иваном* (*Джованни*) *Монтовани* сохранился в полном объеме: «1-е. Я, Монтовани, по согласию с Комитетом, принимаю на себя содержание театра, который и обязан я открыть с 15-го числа будущего ноября месяца сего года и продолжать по 14-е число октября месяца будущего 1817-го года и давать в оном итальянские оперы, российские оперы, трагедии, комедии и балеты, на основании постановлений. 2-е. Российская труппа имеет быть составлена с 14-ти лиц со включением суфлера, то есть пяти женщин и девяти мужчин. 3-е. Балет должен быть составлен из 17-ти лиц, то есть двух пар балетчиков и шести пар фигурантов и балетмейстера.

Снимок театра на следующий день после пожара

С тем, что содержание всех помянутых лиц имеет быть из собственного моего иждивения, не требуя ничего от комитета. 4-е. Российскою труппою и балетами должен я, Монтовани, начать представление на театре, как выше, с 15 числа ноября, и продолжать таковые на одну только четверть абонемента, представляя по два раза в каждую неделю. 5-е. По окончании сей четверти абонемента обязываюсь и паки восстановить и итальянскую оперу, составленную из прежней труппы, по силе заключенного мною на сей предмет с товарищем моим Осипом (Джузеппе. – **О. Г.**) Замбони контракта, после чего имеют быть спектакли даваемы по-прежнему, то есть в каждую неделю по три раза. 6-е. Комитет обязан все нужные в театре сделать починки и исправить оные по надлежащему, дабы можно было оный топить зимою. 7-е. Для поправки же и приведения в надлежащую исправность декораций и отделки машин для перемены суфитов в декорациях имеет мне, Монтовани, выдано Комитетом шестьсот рублей, с тем, что во всем том я сам должен иметь старание. 8-е. Сверх того Комитет должен мне выдать как на нужные издержки и прочее, также для вояжа, равно и для за-

контрактования актеров две тысячи рублей. Каковую сумму я по окончании трехгодичного контракта обязываюсь возвратить Комитету или наличными деньгами, или же театральными вещами, как будет угодно его сиятельству одесскому градоначальнику. 9-е. Квартира для меня и труппы имеет быть дана из Комитета без платежа, как и в старом контракте. 10-е. Оркестр имеет быть составлен из 16-ти лиц со включением и капельмейстера, на содержание коих в облегчение меня имеет ежегодно Комитет платить от себя, как и по прежнему контракту положено было, по две тысячи рублей. 11-е. Декорации и гардероб, и принадлежащие театру имеют быть мне в полное распоряжение вручены, каковые все я, Монтовани, по окончании сему контракту термина обязываюсь в возможно лучшем состоянии возвратить. 12-е. Смотритель должен быть от Комитета и на счет оного, который обязан будет иметь присмотр как за вещами театральными, так и в рассуждении порядка. 13-е. Нужное число солдат для перемены декораций и прочего и также, буде понадобится для спектаклей или балетов, имеет быть назначаемо Комитетом, произведение же оным уплаты должно быть от меня, Монтовани, каковая и прежде сего по назначению Комитета была производима, как по старому контракту».

Контракт Строительный комитет утвердил и вынес определение «на основании 7-го пункта выдать Монтовани шестьсот рублей из суммы портовой…».[717] Что такое «портовая сумма»? Это один из важных бонусов Одессе: пятая часть таможенных сборов, позднее – две пятых. «Портовая сумма» позволяла решать многочисленные проблемы, связанные со здравоохранением, просвещением, культурой, обустройством городского быта, сооружением храмов и многое другое.

Еще задолго до заключения данного контракта, 8 июня 1814-го, директор театра Жан Рено рапортовал Комитету о необходимости очередного исправления внутренних помещений театра. Объявлениями с 14 сентября по 4 октября призвали подрядчиков, «но никто желающий не явился». Пришлось ремонтировать с немалыми издержками хозяйственным способом под руководством Ф. Фраполли: по смете выходило 2.436 руб. 60 коп.[718] Эта сумма, как видим, превышает годовое содержание всего театрального оркестра, включая капельмейстера.

Попечение о театре продолжилось и после отъезда герцога Ришелье, когда обязанности градоначальника исполнял генерал-майор Ф.А. Кобле. В частности, летом 1815-го под руководством Фраполли ремонтировался казенный дом, в котором квартировали сами содержатели труппы Монтовани и Замбони.[719] Говоря по справедливости, граф А.Ф. Ланжерон уделял городским делам внимания не в пример меньше, нежели Ришелье и Воронцов, однако театр был им весьма обласкан. Об увлеченности графа театральной драматургией и связанных с этим занятием курьезах (широко известные сюжеты о том, как он мучил Пушкина чтением своих произведений) подробно сообщает М.П. Алексеев.[720] Одна из трагедий Ланжерона в ту пору была издана в Париже.

В феврале 1817-го Ланжерон велел увеличить в театре число кресел, располагавшихся возле сцены, перед стоячим партером, окрасить прежние кресла, починить декорации и заказать новый занавес, призвав живописцев для заключения контракта. «По оному позыву явился *иностранец Миллер* и объявил желание сделать новую переднюю ширму с видом порта и с аллегорическим изображением, переправить амфитеатр без суфитов. Переправить ширму лесовую вместе с кулисами, переправить ширму уличную вместе с кулисами, переправить воздушные суфиты ценою за всю работу 1.200 рублей. Больше же никто не явился; в рассуждение же прибавки кресел возложено сие на помощника городового архитектора Фраполли». Комитет заключил с Миллером контракт, согласно которому тот непременно обязывался завершить работу к светлому празднику Воскресенья Христова, в противном случае выплатит изрядный штраф, 600 рублей. Остальные работы поручили Фраполли в соответствии с утвержденной сметой.[721]

Поглядеть бы на ту ширму с видом одесского порта и аллегорическим изображением… Из контекста ясно, что в ряде спектаклей использовались универсальные декорации – лесная, уличная и, вероятно, другие.

В том же месяце Миллер приступил к работе и получил аванс 300 руб.[722] Что до Фраполли, то помимо сметной суммы 260 руб. 50 коп. на прибавление кресел он получил еще 250 на другие виды работ.[723] В апреле архитектор подробно отчитался по рас-

ходам: за бревна, ширмы, сукна и прочее, вплоть до «мишурной бахромы кресел».[724] В том же месяце Фраполли стали отпускать из портовой суммы деньги на починку занимаемого актерами флигеля в дни спектаклей.[725] 7 мая по рапорту директора Рено об опасности пожара Комитет обязал городскую полицию выполнять свои обязанности, а именно чтобы «доставляема была в Театр вода и пожарные трубы».[726]

Из портовой же суммы финансировалось содержание театральных сторожей, каковое курировал Акурти.[727] Летом 1818-го он же докладывал Комитету о том, что приторговал в театральный гардероб «греческое женское платье с вышивкою белого атласу одно, кафтан мужской с штанами атласный цвету яхонтового один, кафтан атласный голубой с вышивкою один, кафтан атласный дикого цвету один, кафтан атласный оливкового цвету один, кафтан с штанами и камзолом атласу песочного цвету один, кафтан атласный с камзолом цвету светло-травяного один, кафтан атласный пюсовый (темно-коричневый. – **О. Г.**). Итого восемь вещей». Рено освидетельствовал вещи, на которые и было отпущено 175 руб.[728]

Согласно третьему контракту (1817-1820), заключенному антрепренером Замбони, ему полагалось 10.000 рублей ежегодно, выплачиваемых в два приема.[729] В эту сумму включались его взаиморасчеты с актерами, их доставка из Италии и проч. 30 сентября 1818-го в заседании Комитета рассматривалось прошение Осипа Замбони о необходимости ремонта занимаемого им дома и флигеля, в котором проживали актеры. Архитектору Александру Дигби поручили составить смету, каковая вылилась в солидную сумму – 1.660 руб.[730]

Начало мая 1818-го ознаменовал визит в Одессу *императора Александра Павловича* со свитой, в числе которой было множество известных исторических персонажей. Привожу фрагмент записок *А.И. Михайловского-Данилевского* (1789-1848), в ту пору флигель-адъютанта, сопровождавшего монарха.

«Император провел в Одессе три дня, называя их одними из приятнейших в своей жизни. Как будто мановением волшебного жезла возникшая среди екатеринославских степей, Одесса в прекраснейшее весеннее время являлась в роскошном виде.

Государь осматривал все казенные заведения, даже частные училища, по нескольку раз в день выходил на балкон и был так доволен, что послал фельдъегеря в Париж вручить орден Св. Андрея Первозванного дюку де Ришелье, создателю Одессы. Его преемником был граф Ланжерон, известный многими прекрасными воинскими подвигами, благородством чувств и рассеянностью. Встречая в Одессе государя, он хотел представить его величеству рапорт о благосостоянии вверенного ему края, долго искал рапорт во всех карманах и, не найдя, сказал:

– Ma foi, sire, je ne sais pas ou j'ai mis mon rapport. (Право, государь, не знаю, куда положил мой рапорт.)

Император улыбнулся и пожал руку покорителя Монмартра. Ланжерон провел с государем четверть часа в своем кабинете и, выходя оттуда, запер дверь ключом, забыв, что там оставил императора.

Мая 4-го поутру выехали мы из Одессы в Вознесенск. Граф Аракчеев сидел в коляске с государем, потому что всегдашний спутник его величества, князь Волконский остался на несколько дней в Одессе, где воспитывались (в лицее. – **О. Г.**) его сыновья».[731]

Как видно из протоколов заседаний Строительного комитета, по представлению директора театра Рено антрепренеру Замбони дополнительно выплатили 200 рублей за «милодрамы» (так записано в архивном документе), поставленные специально «к приезду сюда государя императора».[732] Это были спектакли, выходившие за рамки заключенного контракта. 1 мая 1818-го в лавке купца Семена Мясникова было взято алого сукна на 420 рублей «для обивки в Театре трех лож к приезду государя императора».[733] Стало быть, монарх и первые лица свиты провел в театре не менее двух вечеров.

Кроме того, в журналах заседаний ОСК отмечено, что Рено отпустил «живописцу Пито на живописное украшение к приезду государя императора залы в доме, занимаемом его сиятельством (Ланжероном. – **О. Г.**), тысячу пятьсот рублей».[734] Когда летом 1819-го в Николаеве умер упоминавшийся выше живописец Миллер, то выяснилось, что ему еще полагалась доплата за театральную работу, 600 рублей, и «оформление покоев к приезду государя императора» – 400.[735] В письме К.Н. Батюшкова из Одессы от 12 июля 1818-го сказа-

но так: «Театр лучше московского и едва ли не лучше петербургского».[736] Надо полагать, речь идет о здании, а не о труппе.

Довольно значительные средства поглощали обновленный певческий хор и театральный оркестр. Расходы подробно перечислены в архивном документе от 30 декабря 1818 года: регенту и тенору Нипрокину – по 600 руб., басу Четверикову, двум тенорам и еще двум басам – по 400. «Мальчиков, кои употреблялись для пения и обучения на инструментах для театра, 24. До сего времени было на содержании 9 мальчиков, и отпускалось жалованья для регента, басов и теноров 1.800 р. На все оное издерживалось суммы от Комитета 2.000 р. Всего ж 5.000 р., следовательно, на содержание и одежду 9 мальчиков выходило в год 3.200 р.». В текущем году прибавилось 13 юных вокалистов; на пищу, топливо, свечи, книги, бумагу и проч. – 6.000 руб. Всего 9.400; капельмейстеру – 1.200.[737]

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Комитету, обремененному далеко не одним только театром, время от времени приходилось брать очень большие ссуды – 100.000 рублей – под скромные проценты у просвещенных буржуа, занимавшихся бизнесом иностранных консулов и др.: в первую очередь, у Рено, затем у консулов – английского, Емса, и испанского, дель Кастиллио.[738] 22 сентября 1819-го Рено единолично позаимствовал Комитету 140.000 на покрытие бюджетного дефицита «за обыкновенные проценты».[739]

27 ноября того же года Комитет постановил «за данный безденежно спектакль по случаю открытия в Одессе порто-франко возвратить содержателю Театра Замбони израсходованные им триста рублей деньги, выдав оные из суммы номерной; о чем предписать исправляющему должность казначея г. *Декарию*».[740] «Номерная сумма», о которой подробно сообщается в главе «Биржа извозчиков», связана с получением номеров (лицензий) владельцами гужевого транспорта и ежегодным налогом на транспортное средство. Что касается Декария (вероятно, Декарио или Декари), в документах ОСК от 18 мая 1823 года он упоминается как владелец хутора.[741]

12 июля 1820-го Комитет постановил выплатить Замбони причитающуюся за вторую половину года контрактную сумму –

5.000 рублей.[742] Ближе к концу года в Одессе стала проявляться довольно значимая в контексте наших интересов фигура – будущего антрепренера, итальянского импресарио и оперного режиссера *Гульельмо Буонаволио* (*Бонаволио*).

В журнале заседания ОСК от 10 декабря отмечено, что истекает срок содержания театра Замбони, а «иностранец Буонавоглий» предлагает следующие условия: он готов содержать театр пять лет, подбирать труппу, выплачивать ей жалованье, ставить оговоренное число спектаклей; Комитет должен: предоставить квартиры для проживания российских и итальянских актеров, балета и оркестра; выплачивать жалованье смотрителю и трем сторожам, доставлять нужное число статистов, оплатить ему путевые издержки по доставке труппы, 7.000 рублей, плюс все, что полагалось прежде, ежегодно платить ему 20.000, сверх того, доход от театра предоставить опять-таки ему. Прямо скажем, суровые условия. Тем не менее Ланжерон их утвердил.[743]

Замечательный одесский краевед, мой близкий товарищ А.Ю. Розенбойм, десятилетиями публиковавшийся под псевдонимом Ростислав Александров, в 2011 году впервые опубликовал любопытнейший документ – коллективный паспорт первой оперной труппы, нанятой Буонаволио в 1821-м. Документ датирован 5 июля, подписан Ланжероном и предназначен для свободного пересечения границы. В нем упоминаются: «австрийско-подданный Бонаволио с актерами Марианною Ариги, Анчело Квадри, Каториною Риески, Луиджи Риески, Франческо Монари, Андреа Бартолуцци, Франческо Фиорини, Анчела Рикарди, Луиджи Рикарди, Клементина Даннари (правильно – Ланари. – **О. Г.**), Луиджи Сюиди и Бернардо Брунетти».[744] Некоторые из них выступали тут и прежде, другие периодически вояжировали в Италию и назад,[745] отдельные навсегда связали судьбу с Одессой, но об этом ниже.

Мэри Холдернесс посещала одесский театр в 1820-м: «Здесь есть симпатичный театр, но особый способ освещения делает его намного менее веселым и приятным, чем наш; только сцена хорошо освещена, а в остальной части театра почти темно. Итальянские оперы, русские и французские пьесы исполняются здесь на очень хорошем уровне».[746]

Городской театр и так называемый «дом градоначальника»
со стороны Театральной площади

Важно знать, что параллельно с итальянской оперной труппой в это время в Городском театре выступала и драматическая русская. В мае 1821-го Ланжерон сделал соответствующие распоряжения Строительному комитету. В частности, граф высказал пожелание, «чтоб адъютант его *Александр Мартинович Меер* (встречается и написание *Мейер*. – **О. Г.**) назначен был директором здешней российской труппы, яко охотник Театра». В определении ОСК сказано: «российский театр имеет необходимую надобность в особом директоре для цензуры играемых пьес и порядку между актерами, то и просить господина Мейера взять на себя сию должность».[747] В «Месяцеслове на 1822 год», с. 178: лейб-гвардии конно-егерского полка штабс-капитан Александр Мартынович Меер. Гавриил Гераков познакомился с ним в октябре 1820-го: «Званые, товарищ мой и я, обедали у князя Волконского; стол роскошный. Тут обедали высокопарные без логики, молодые люди, приехавшие из столицы; кажется, с наукою, но счастливее были бы без оной. Тут был адъютант графа Ланжерона,

Мейер, воспитанный и скромный молодой гусарский офицер; мне он очень понравился». Меер (Мейер) значится в работе В.М. Сергеева «Масоны-декабристы» (1990), поскольку был и масоном, и членом Союза благоденствия.

Впрочем, российская труппа выступала лишь до августа 1822-го включительно. 10 числа этого месяца по старому стилю «Одесский комитет по объяснению содержателя театра Боноволи, что суммою, получаемою от Комитета, и доходами театра он не может содержать двух трупп актеров – италианской и русской, имели распоряжение, что здешняя публика очень мало посещает русский театр и, напротив того, много италианский; что от упразднения русского театра не будет никакой для публики потери; и для того определили: русскую труппу актеров на здешнем театре упразднить и о сем объявить содержателю театра Бонаволию». Определение подписали сам Ланжерон и члены Комитета – Геккель, Персияни. Потье, Круг, Рено.[748]

К слову, Гераков пишет о спектакле, который посетил 7 октября 1820-го: «Нехотя был в театре – бенефис актрисы Петровской; играли трагедию: Граф Беньевский, сочинения Коцебу, запрещенную в столицах; но здесь порто-франко. Правду сказать, что пиеса была играна дурно, обставлена дурно, декорации дурны, костюмы и дурны, и уродливы – сочинение самое несбыточное, и дурно сплетено».[749]

Казалось бы, Ланжерону можно предъявить претензии за отказ от поддержки «отечественного производителя», однако его решение было продиктовано сложившимися обстоятельствами. Довольно заметить, что в течение 1821 года (представления открылись 1 апреля) Комитет смог выплатить Буонаволио лишь 13 тысяч рублей из положенных 20-ти, остальные 7 ему выдал испанский консул. Долг дель Кастиллио возвратили в феврале 1822-го.[750] Синхронно снова ремонтировались занятые актерами строения,[751] а Боффо начал заниматься различными починками и перестройками в самом театре.[752] Вскоре Комитет признал необходимым сделать некоторые более масштабные перестройки внутри театра, что было поручено Боффо под надзором Рено. Следовало, например, «понизить и переделать сцену»: от этого получалось место для прибавки с двух сторон лож в трех ярусах,

в общей сложности шести; «понизить амфитеатр»; «находящийся ныне без всякого употребления под ложами 1-го яруса коридор соединить с партером»; «устроить гармоническую арку под сценою, сделать лестницы для соединения партера с ложами первого яруса». Смета вылилась в 2.445 рублей 10 копеек, без учета казенных материалов – балок и досок.[753]

Когда ввязались в дело, стало ясно, что сметной стоимостью не ограничиться. 7 августа 1822-го Комитет запротоколировал: Боффо выполнил все предположенные и дополнительные работы. Сцена понижена, устроено шесть новых лож, сделаны два пилястра и две полуколонны, партер соединен с коридором, устроена арка для оркестра, две лестницы, соединяющие партер с ложами 1-го яруса, разобраны две большие кирпичные печи. В ложах 2-го яруса сработаны новые полы и перегородки. Сделаны перегородки между оркестром, креслами и партером, починены машины, которые поддерживают лампы. Смонтирован новый подъезд для экипажей. Переделаны полы и потолки в двух кабинетах, переменены три двери под колоннами, оштукатурены и побелены коридоры 1-го и 2-го ярусов. Все это, кстати, дает *хорошее представление о внутреннем устройстве театра*. Примечательно, что нет никаких упоминаний о райке. А за всю реконструкцию набежало 6.157 рублей 50 копеек. Боффо получил 1.500, остальную часть затрат выделили из портовой суммы.[754]

Говоря короче, театр влетал в копеечку. Только аренда дома Черновой для размещения актеров обходилась городу в 3.300 рублей ежегодно.[755] Несмотря на серьезные финансовые вливания, театр было непросто поддерживать на должном уровне. 1 февраля 1823-го Буонаволио вынужденно принял в компаньоны крупного итальянского строительного подрядчика *Джакомо* (*Якова*) *Росси* (он был швейцарским подданным), который погасил задолженность перед актерами. Антрепренер просил Комитет, чтобы в дальнейшем все театральные доходы, включая плату за наем лож, и положенные по контракту 20.000 поступали непосредственно к казначею или другому назначенному Комитетом ответственному лицу и шли исключительно на оплату актеров и ни на что другое.[756] Буонаволио тут имеет в виду, что театр поневоле втягивался в судебные разбирательства с подрядчиками, владелицей

арендованного для актеров дома Черновой, налагаемые при этом секвестры и проч. Кстати, администратором театра в это время и позднее был уже не Акурти, а *Гаспар Фолетти* (*Фолети*), похоже, близкий родственник делового партнера Росси, Петра (Пьетро) Фолетти (Фолети).[757]

3 апреля 1823-го Комитет вновь изучал состояние театральных дел. Буонаволио не в состоянии рассчитаться с актерами и оркестром, ибо доходы театра до крайности упали. Необходимо «поставить театральные дела на ход к наступающему светлому празднику». Комитет готов способствовать. 1) Выдать причитающиеся антрепренеру 2.200 рублей и сверх того отпустить вперед на счет контракта, с 1 апреля по 1 октября, 10.000. «Всю оную сумму 12.000 рублей вручить *негоцианту Ризничу*, принявшему участие в делах Бонавоглия по театру и приведшему оные в порядок, на что и Бонавоглий согласен…».[758] Так в центре внимания оказывается Иван (Джованни) Ризнич, о котором мы говорили выше и которого бойкие комментаторы «Путешествия Онегина» изображают храпящим в театральных креслах. 12 апреля одесский 1-й гильдии купец Ризнич назначается в присутствие Одесского строительного комитета «по известному (…) достоинству и торговому заведению». Определили: «…привесть на верность службы к присяге».[759] 30 апреля подпись «Иван Степанович Ризнич» появляется под текущими определениями Строительного комитета.[760]

5 мая 1823-го в Комитете снова серьезное обсуждение театральных дел. Театр в большом расстройстве. Росси под разными предлогами самоустранился. На пост директора выдвигают Ризнича. «Особая доверенность, каковую имеет труппа к члену Комитета г. Ризничу, дала его сиятельству (градоначальнику графу А.Д. Гурьеву. – **О. Г.**) случай поручить г. Ризничу спорное дело актеров», будет «кончено в самое короткое время; после сего и дело компании Росси с Бонаволием должно считать уже решившимся». И так как скоро начинается сезон, то и удобно считать Ризнича директором – в отношении того, что касается договоров актеров с антрепренером. А Рено передаст ему экономические дела театра.[761]

Теперь вернемся к составу труппы, сверяя его с предыдущим.

14 мая 1823-го содержатель театра Буонаволио «просил словесно в присутствии Комитета удовлетворить его 1.200 рублей, употребленных на квартиру для актрисы девицы Ариги». Тут же – история вопроса. 13 ноября 1821-го Буонаволио подал прошение Ланжерону: хотя по 2-му пункту контракта Комитет должен нанять квартиры для всех актеров, но ему отведен дом только для него, где все актеры поместиться не могли. И другой дом – для русской труппы. «Таким образом, *девица Ариги, г-жа Рикарди, Бартолучи. Риески с женою, Гуельмини, г-жа Ро* и портной помещены с их приезда за 2.800 рублей по 5-е число октября. Теперь он нанял дом г. Черновой за 3.300 р. в год, где поместятся *г-жа Каталани, г. Гуельмини, г. Риески с женою, г-жа Ро* и портной. По окончании термина годового прежде нанятого дому поместятся тут *г.* и *г-жа Рикарди* и *Бартолучи*. Так что уже других квартир не нужно, кроме девицы Ариги». Журнал 28 ноября по этому прошению утвердил 3.300 рублей, но на квартиру Ариги деньги не отпускались, так как не было контракта. Тем не менее постановили выдать.[762] Кроме того, с 15 сентября 1822-го по 15 сентября 1823-го за 600 рублей для актера Бартолучи нанималась квартира у титулярного советника Леонтовича,[763] о чем упоминалось выше.

Таким образом, обнаруживается некоторая ротация в составе труппы: не видно Даннари (Ланари), Сюиди, Брунетти, Фиорини, Квадри, Монари, появляются Гуельмини, Каталани, Ро. Другие архивные свидетельства поясняют и уточняют интересующие нас обстоятельства. 6 сентября 1823-го в заседании Комитета обсуждаются причины и обстоятельства неуспеха летней антрепризы. Госпожа Рикарди родила ребенка. Солисты задержались в Пизе. Фиорини, Ланари и Гвиди согласились на оплату причитающихся им денег в рассрочку. Пришлось заложить театральный гардероб. Одесситы игнорируют уже хорошо знакомую им оперную труппу. Театр в основном посещают приезжие. Собственно одесскими жителями абонировано: в 1-м ярусе – 11 лож, во 2-м – 5, в нижнем – лишь 1, то есть тогда была инверсия лож, нумеровавшихся сверху вниз. Наблюдался явный упадок против предыдущего лета. Возникла угроза срыва сентябрьских спектаклей. При этом указано, что с начала содержания Буонаволио дал уже 270 представлений. Ризнич предлагает антрепренеру отказываться от всех предыдущих

товариществ и рекомендует в помощь ему актера (одновременно декоратора) Фиорини, надежного и честного.[764]

Очень возможно, тяжелая ситуация связана и, так сказать, с междуцарствием: лишь 28 июля 1823-го новый генерал-губернатор граф М.С. Воронцов сообщил градоначальнику графу А.Д. Гурьеву о том, «что постоянное пребывание его будет в Одессе, и что бумаги к нему по службе адресовать на некоторое время в Кишинев». А информация об этом зафиксирована Комитетом и вовсе 9 августа,[765] который тут же занялся подготовкой специальной *ложи для Воронцова*. Уже 18 августа сказанный актер *Франц* (*Франческо*) *Фиорини* докладывал директору Ризничу об издержке 151 рубля 20 копеек на уборку ложи к приезду нового генерал-губернатора. Реестр расходов: «французская бумага» двух сортов – 35 рублей, окраска пола – 4 руб., 30 аршин «желтого камбрика» (кембрика. – **О. Г.**) – 30 руб., мишурный позумент – 8 руб. 60 коп., две зеркальных люстры с позолоченными ручками – 27 руб., обойщику – 35 руб., жестянщику Гати – 5 руб., за наем дрожек для закупки вещей и материалов – 6 руб. 60 коп.[766]

Тщаниями Ризнича и ряда других лиц более-менее сносное функционирование театра продолжалось с осени 1823-го до лета 1824-го. Судя по разноречивым отзывам современников, не все обстояло хорошо, тем не менее были во всем этом и светлые стороны. Начнем с Н.М. Лонгинова, который дает отзыв о спектакле «Золушка», данном по случаю прибытия графа Воронцова 22 июля 1823-го: «Не стану говорить об игре актеров; труппа посредственная, но для Одессы она великое утешение, а зала театра и сцена вообще очень красиво и удобно устроены. Лучшая тут певица Каталани, которая собою недурна, но голос и искусство не годятся и в служанки к той Каталани, которую мы слышали».[767]

Годом ранее в театре бывал вояжер из «туманного Альбиона»: «В этом здании шли пьесы русских, польских и немецких авторов, исполнялась итальянская опера. Вскоре после нашего прибытия в одесскую гостиницу нам в руки дали программку одной из пьес Коцебу на русском языке и приглашение на итальянскую оперу для вечернего развлечения. Интерьер театра был удобен и не лишен элегантности, но плохо освещен. Мы не могли похвалить ни выступление русских актеров, ни итальянскую труппу,

ни оркестр, хотя они и превосходили то, что мы ожидали увидеть в городе, так недавно ставшем известным миру. Второго мая мы присутствовали на опере «Il Turco in Italia», где примадонной была мадам Каталани, родственница известной Каталани. Мы были очень довольны этим представлением. У мадам Каталани приятное лицо, и чрезмерная полнота не портит ее фигуры. Хотя ее голос не так хорош, как у ее знаменитой родственницы, она все же хорошая певица и неплохая актриса. Итальянская опера очень популярна в Одессе, чему не надо удивляться, так как итальянский язык здесь широко распространен. Представления проходят очень часто, генерал-губернатор Новороссии граф Ланжерон покровительствует труппе».[768]

Надо пояснить, что «одесская Каталани», то есть Аделина, приходилась неблизкой родней (супругой брата) знаменитой вокалистке Анжелике Каталани. Пушкин посвятил этой оперной диве несколько строк в стихотворении, адресованном Зинаиде Волконской:

Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

Теперь слово Ф.Ф. Вигелю, который сам не считал себя знатоком музыки, да и необъективностью частенько грешил:

«Одно увеселительное место, в коем собирались люди, был итальянский театр. Зачем именно итальянский, не могу сказать. Французский язык во всеобщем употреблении, его почти все понимают, и французскую труппу достать было бы легче и содержать дешевле. Кто были бешеные меломаны, которые подали мысль об итальянской труппе и упорно поддержали ее? Я, по крайней мере, их уже не нашел: все мне показались отменно равнодушными к музыке. Но уже так оно завелось, так оно и продолжается. Цены на места были самые низкие, и ложи все абонированы по большей части негоциантами. Летом, во время морских купаний, приезжие, не зная, куда вечером деваться, посещали театр и наполняли его. Негоцианты, всегда расчетливые, отдавали ложи свои гораздо дороже сим приезжим, так что в год

приходились они им даром. Зимой не сами эти господа, а жены их исправно посещали театр: тут только могли они видеться друг с другом, переходить из ложи в ложу, переговорить кой о чем, и все это, как я сказал выше, ничего им не стоило. Не будучи музыкантом, я с некоторого времени, благодаря Россини, сделался страстным любителем итальянской музыки и оттого не мог терпеть в ней посредственности, а тут все было ниже ее. Что сказать мне о певцах и певицах? Я видел в них кочевой народ, который, перебывав на всех провинциальных сценах, в Болонье, Сиенне, Ферраре и других местах, привозит к нам свои изношенные таланты. Через год, через полтора их прогонят; но те, коих выпишут на их место, не лучше их. Я назову примадонну Каталани, оттого что она носила громкое имя и была невесткой (женой брата) известной певицы, да хорошенькую Витали, да тенора Монари, который пел довольно приятно, но так слабо, что в середине залы его уже не слышно было. Давали прекрасные оперы: «Севильского цирюльника», «Итальянку в Алжире», «Сороку-воровку», но что за исполнение! А все согласно хлопали, хвалили. Так уже было принято: обычай, мода».

«Еще граф не воротился из Крыма. В городе, и особенно на пристани, было много торговой деятельности, но веселого шума нигде. Один театр занимал тогда всю публику и даже разделял ее. Приехала из Петербурга певица Данжевиль-Вандерберг, которую я там видел на сцене и о которой говорил в начале сей части. Она за что-то поссорилась с дирекцией, привезла в Одессу двух плохих актеров, Валдоски и Огюста, еще кой-кого понабрала и пустилась потчевать жителей водевилями. Старожилы, если только могли они быть в двадцатилетнем городе, видели в этом посягательство на священные, исключительные права, дарованные итальянцам. Им вторил старик граф Ланжерон, вероятно, по обязанности бывшего одесского градоначальника. Зато новый, граф Гурьев, ничего не смысливший в музыке и всегда отличавшийся галломанией, всею силою поддерживал французов. Конечно, в искусстве пения Данжевиль не могла бы состязаться даже с посредственными одесскими певицами, зато играла превосходно, была хороша собою и умела выбирать веселые пьесы, при представлении коих партер всегда бывал полон. Не доказывает

ли это, что итальянская опера была только делом условным, а настоящею потребностью – французской или даже русской театр? Но о сем последнем никто не смел даже думать, и нельзя было предвидеть, что через несколько лет две русские труппы в одно время будут играть на двух разных сценах и всегда привлекать множество зрителей. В таком разноязычном городе, как Одесса, был необходим общий язык; им сделался русский. Грек или англичанин, жид или француз, каждый произносил по-своему, но все друг друга понимали. Заведение театра еще более распространило употребление его между жителями».

«Никогда еще не видали в Одессе столь славной итальянской труппы, как в это время, и никогда после подобной ей не бывало. Примадонна Амати была хороша, очень хороша, да и только. Двадцатилетняя же Морикони была чудесна, очаровательна и красотой лица, и стройностию тела, и искусством играть и петь, а паче всего голосом контральто, который, я уверен, с трудом бы найти и в самой Италии. Мужественная красота Дезиро совершенно ответствовала его голосу, густому басу, вместе с тем нежному и гибкому. Тенора Молинелли я только слушал, а не глядел на него; как можно было сочетать столь прелестный голос с таким гадким лицом, несносной игрой и подлой фигурой! Все, что было для подставки, – было также весьма не худо. Россини был тогда во всем своем могуществе, соперников у него не было и, казалось, никогда не будет: оперы его, переведенные на все языки, игрались на всех театрах; в Одессе других тогда знать не хотели. Из бесчисленного их множества я назову только те, кои более других меня восхищали: «Семирамиду», «Танкреда», «Отелло». После жестоких нервных страданий в 1826 году, в продолжение лета 1827 брал я в Керчи ванны из морской воды; тем много успокоились мои бедные нервы, и оставшееся в них легкое раздражение умножало только мои музыкальные наслаждения. Можно посудить, какие удовольствия доставлял мне тогда одесский театр».

Вигель говорит о том, что, пробыв около месяца (зима с 1824-го на 1825-й) в Одессе, он не видел ни одного бала, но зато состоялось три маскарада. Первый, новогодний, у Воронцовых. Второй – у Ланжеронов. А вот третий, собственно общественный, в отличие от предыдущих, приватных (хотя и весьма многолюдных),

провалился. «В день рождения императрицы Елисаветы Алексеевны, – насмехается желчный мемуарист, – 13-го января, попытались сделать публичный маскарад в театре за деньги; но зала была почти совершенно пуста, и выручки не было достаточно даже на ее освещение. Расчетливые одессане все еще бегали от шумных забав».

И.П. Липранди: «В Одессе, независимо от встреч с знакомыми бессарабцами, театр иногда служил развлечением».

Граф М.Д. Бутурлин был человеком высокой музыкальной культуры, блистательным знатоком итальянской оперы и неплохим вокалистом, а потому его свидетельство (1824) особо ценно. «Мы пользовались ложею графа Воронцова в Итальянской опере и там бывали каждый день. Я жадно следил за этими спектаклями, познакомился лично с некоторыми из итальянских милых мне артистов и артисток и, благодаря чисто тосканскому моему наречию, сделался как бы их земляком».[769] Он пишет также, что в Одессе брал уроки игры на гитаре, чтоб аккомпанировать собственному вокалу: сперва у профессионального немецкого гитариста, а затем у любителя, итальянца Томазини, который бывал в доме отца Бутурлина еще ранее 1812 года.[770] Судя по всему, речь идет о Симоне Томазини, который занимался здесь значительными строительными подрядами, по крайней мере, с 1810 года.

У Бутурлина и Вяземской есть любопытные сообщения о гастролях в Одессе французской певицы Данжевиль (Данжвиль), в июле 1824-го доставившей Пушкину письмо П.А. Вяземского; интересующиеся без особого труда отыщут информацию.

«…Общества наши были расстроены, помрачены болезнью графа (Воронцова. – **О. Г.**), – пишет В.И. Туманский кузине Софье из Одессы 15 ноября 1824 г., – балов не было, а без балов немногие девушки доступны в нашем нравственном городке. Вот почему единственным убежищем моим и товарищей был театр, в котором, по крайней мере, глазами можно говорить».[771]

А.С. Пушкин – Л.С. Пушкину. Одесса, 25 августа 1823-го: «Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мне душу (…) Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни – впрочем, я нигде не бываю, кроме в театре».

Графиня Е.П. Гурьева, письмо к матери от 16 сентября 1822-го: «Театр очень красив, и итальянская труппа прекрасна, но это почти единственное удовольствие хорошего общества».

Она же, в письме от 12 мая 1824-го: «Новая труппа играла один раз. Я там еще не была, но говорят, что это очаровательно, и что актеры превосходны. Я пойду смотреть их, когда закончится мое лечение травами».

Она же, в письме от 19 мая 1824-го: «Новая труппа актеров, которую я еще не видела, оказалась не столь хороша, как о ней сперва говорили, но оркестр чудесен, поскольку он тоже состоит из итальянцев, как говорят, превосходных музыкантов. Актрисы далеко не красавицы. Но одна из них, по слухам, хороша. Проездом через Тульчин она завоевала гр. Александра Потоцкого – и он теперь приезжает в Одессу нарочно, чтобы за ней ухаживать».

Из журнала заседаний Одесского строительного комитета от 17 июля 1824-го видно, что в этот момент обязанности директора театра исполняет брат Ивана Ризнича Георгий. О причинах – чуть ниже. *Георгий Ризнич* договорился о трехлетнем контракте на содержание театра с одесским 3-й гильдии купцом *Цезарем* (*Чезаре*) *Негри*, «считая со второго дня Светлого Праздника Пасхи сего 1824 года». Негри полагалось уже не по 20, а по 38 тысяч плюс все театральные сборы. Согласно 12-му пункту контракта, следуемые от Комитета деньги и доходы от абонементов поступают на хранение к особому кассиру, которого назначает начальство или дирекция. А содержателю оные сборы будут отпускаться раз в три месяца по предъявленной им квитанции актеров и служащих – в том, что они удовлетворены расчетами с ним. Следуемые с 7 апреля по 7 июля 1824 г. 9.500 рублей 5 мая отпущены уже исправляющему должность директора театра коллежскому советнику Фродингу. Комитет также определил: следующие содержателю за 2-ю четверть года, 7 июля – 7 октября, выдать под расписку директора театра коммерции советника *Ивана Ризнича*, чтоб расходовал их на основании контракта.[772]

Было бы упущением не поинтересоваться фигурой упомянутого Фродинга. Очевидно, это российский дипломат, консул и «судья купеческих дел» в Константинополе, о котором пишет А.Х. Бенкендорф в связи с событиями 1804 года: «Мы спустились

в Топхану, около плавильни я вышел, собираясь поселиться у нашего консула, г-на Фродинга, который был отцом трех самых хорошеньких девушек, которых только возможно встретить».[773] Правда, *Иван Карлович Фродинг* был статским советником, но о наличии у него сыновей я ничего не знаю, Бенкендорф говорит о дочерях. А присутствие И.К. Фродинга в Одессе ранее 1825-го фиксируется записками П.П. Свиньина: «У северных дверей (одесского Преображенского собора. – **О. Г.**) замечателен образ Божией Матери, высокой итальянской кисти, он пожертвован покойным И.К. Фродингом. На бронзовой доске описана история сего отличного произведения Palmo vecchio, а в недавние времена одна незнакомка, пришедшая под вуалем, принесла на образ сей и серебряную ризу».[774] Это вовсе не означает, будто Фродинг во время пребывания Свиньина уже ушел из жизни: автор путевых заметок редактировал текст до его публикации, о чем неоднократно сообщает сам.

Важный момент. Из архивного документа от 27 ноября 1824-го следует, что после отказа города от аренды биржевой залы «*право на публичные представления исключительно предоставлено содержателю театра*, по заключенному с ним самим Комитетом контракту».[775] Речь идет о правах Цезаря Негри, начиная со Светлого Праздника 1824-го.

Вернемся к И.С. Ризничу. 22 декабря 1824-го в Комитете рассматривалось его прошение: «Имея надобность поехать в Италию по фамильным делам его, просит дать ему на три месяца увольнение от должности члена Комитета и театрального директора, и вместе снабдить его нужным для пути пашпортом». Насчет увольнения от членства Комитета препятствий нет, а вот должность театрального директора надобно сдать по назначению его сиятельства, как и кассу, книги и другие документы, после чего он получит паспорт.[776] 30 декабря по представлению Воронцова на время отсутствия Ризнича директором назначался «титулярный советник Левенди», который должен был принять дела и суммы в соответствии с контрактом Негри.[777] В метрических книгах греческой Троицкой церкви есть записи о рождении и крещении сына титулярного советника *Георгия Левенти* и его супруги Александры от 2-го и 8-го января 1826 года.[778] Наконец,

31 декабря Комитет фиксирует просьбу Ризнича выдать Негри 9.500 рублей, причитающиеся тому за последнюю четверть 1824-го, каковая просьба закреплена позитивной резолюцией Воронцова.[779]

Запечатлев все эти театральные пертурбации, обратимся вновь к персоналиям итальянской оперной труппы и репертуару. Когда-то собрал об этом довольно много информации,[780] которую теперь необходимо уточнить и дополнить. Именной указатель облегчит поиск и сопоставление упоминавшихся фигурантов. Ниже – пространная цитата из текста *Александра Юльевича Розенбойма* (1939-2015), моего любимого друга, коллеги, как принято говорить в Одессе, приличного человека «из раньшего времени». Работая в ретроспективном «паспортном столе» Облгосархива и зная мои интересы, Саша легко делился информацией.

«Двадцатидвухлетняя (в 1821-м. – **О. Г.**) Марианна Арриги, дочь импресарио Джокондо Арриги из Флоренции, которая, как уверяли современники, «была хороша собой и строгой добродетели», в 1820 году пела в Одессе, потом уехала в Италию и вернулась с Бонаволио. В июле 1823 года туда же уехали Анчела и Луиджи Риккарди, но через некоторое время вновь оказались в Одессе (…) Появившиеся в России еще в феврале 1820 года неаполитанские подданные Аделина Каталани, в честь которой профессор итальянского языка в Ришельевском лицее Антон Андре Пиллер сочинил и напечатал отдельным листком «Оду на похвалу певице А. Каталани», и ее муж Джульемо, чьи приметы за отсутствием тогда еще фотографии приведены в одном из документов: «Лет 31, росту среднего, волосы и брови черные, глаза серые, нос и рот умеренные, бороду бреет, лицо чистое» – не больно подробно, но, напрягши воображение, кое-как можно себе представить. Двадцатилетний певец из Милана Джованни Висконти, который стал в Одессе хорош с просвещенным негоциантом Иваном Ризничем, мужем пушкинской пассии Амалии. Уроженка Милана, жительница Венеции Каролина Шарлота Ро. Выступавший до этого в Москве неаполитанский подданный Иосиф Ленцо, о коем записано было, что он «лет 26, рост малый, волосы, брови черные, подбородок круглый, лицо кругловатое» (…)

В феврале (1824-го. – **О. Г.**) уехал в Италию Джованни Висконти, вслед за ним «для отыскания службы» отправились в Полтаву

Каторина и Луиджи Риески – «лет 24, рост 2 аршина 6 вершков (1,69 м. – **Р. А.**), волосы и брови черные, глаза карие, нос продолговатый, борода брита, лицо чистое. В марте с таким же намерением подались в Москву Аделина и Джульемо Каталани, а сухопутным путем через Радзивиллов в Италию отбыли Иосиф Ленцо, Анчело Квадри, Каролина Шарлота Ро и «первый театральный тенор» Франческо Монари, который в следующем году объявился в Москве. В мае отправился в Австрию Андреа Бартолуччи, в следующем месяце укатила за границу Клементина Лонари (так правильно пишется ее фамилия).

Все это осталось в документах тех давних лет, которые, как оно нередко случается, могут поведать куда больше, чем в них написано. Если *Джованни Висконти, Каторина и Луиджи Риески, Аделина и Джульемо Каталани, Иосиф Ленцо, Анчело Квадри, Каролина Шарлота Ро, Франческо Монари, Андреа Бартолуччи и Клементина Лонари* (выделено мною. – **О. Г.**) уехали из Одессы в феврале-июне 1824 года, значит, ранее того их, в числе других актеров, слушал завсегдатай Городского театра Александр Сергеевич Пушкин».[781] Я когда-то отыскал газетные объявления: о запросе супругами паспортов для поездки в Москву,[782] о поиске солистом Бартолуччи попутчиков для вояжа в Италию через Вену.[783]

К этому реестру, по крайней мере, следует прибавить *Ариги, Рикарди, Гуельмини, Фиорини, Гвиди*, которых мы с вами наблюдали в синхронных архивных документах, плюс *Шикитанса* и *Моранди*, с коими познакомимся ниже. Становится понятна причина отъезда четы Рикарди в Италию летом 1823-го: они готовились к рождению ребенка. Так или иначе, общий упадок труппы Буонаволио очевиден и, в частности, иллюстрируется отъездами солистов в самое выгодное для наполнения театра публикой время. Ситуация стала налаживаться лишь летом 1824-го, после заключения контракта с Цезарем Негри.

Очевидно, Пушкин не только слушал большинство перечисленных исполнителей, но с некоторыми был знаком лично. Об этом свидетельствует, например, намерение Поэта включить в «театральный фрагмент» в качестве персонажа ведущего тенора *Франческо Монари*. В черновиках «Путешествия Онегина» его

имя – Monari – вписано на полях напротив стиха о внемлющей каватине и мольбам молодой негоциантке.[784]

О репертуаре театра тоже немало говорилось. Самое важное заключается в том, что ограниченный состав труппы, отсутствие равноценных дублеров, дефицит декораций и проч. априори суживали реестр. Поэтому представляли в основном оперы-буфф, а выбор опер-сериа и семисериа ориентировался на относительную малолюдность вокалистов. Здесь уместно повторить сообщение в «Вестнике Европы» за март 1824-го, № 6, на которое ссылался в давней публикации: «В Одессе (пишут в одном немецком журнале) существует несколько уже лет итальянский театр, имеющий таких актеров, которые могут смело явиться на всяком театре Европы. Директор тамошней труппы есть г. Бонаволио, сочинитель текста оперы «Агнесса». Репертуар состоит из множества пьес разнообразных, и Россини в Одессе, как и везде, есть любимец публики. Его «Севильский цирюльник», «Сорока-воровка», «Ченерентола» и многие другие обыкновенно наполняют театр любителями музыки. Впрочем, «Клотильда», «Тайный брак», «Гризельда», «Агнесса» также привлекают немало посетителей…».[785] То есть помимо Россини шли оперы Ф. Паэра, К. Коччия, Д. Чимарозы. Мемуаристы упоминают «Счастливый обман», «Итальянку в Алжире». Буквально накануне отъезда в Михайловское Пушкин слушал оперу «Турок в Италии», о чем есть его собственноручная пометка.

А.А. Скальковский цитирует одну из заметок, помещенную в журнале «Одесский трубадур», который недолго издавался в 1822-м; ни один экземпляр до нас не дошел. В этом журнале, в частности, публиковались аранжировки арий из «Пробного камня» Россини для фортепьяно и арфы. Известно, что подобные публикации появлялись после постановки соответствующих опер. В «Биографическом очерке одесского театра» (1858) Скальковский называет еще оперы «Танкред», «Теобальд и Изолинда». Л. Гроссман прибавляет к этому списку «Матильду ди Шабран» Россини, «Элизу и Клаудио» Меркаданте. Сохранившаяся театральная афиша 1822 года позволяет включить в репертуар пушкинских времен «Аделязию и «Алерамо» Майра.[786] К слову, из этой афиши выясняется любопытная деталь: «По приказанию начальства

никто не имеет права из не принадлежащих театру ходить за кулисы или к репетициям, исключая господ абонентов, которые могут находиться на главных репетициях». Из дневников Н.М. Лонгинова, на которые уже ссылался, мы узнаем, что «нарочито для приезда графа (Воронцова. – **О. Г.**)» «афишкою итальянского театра возвещена была «Ченерентола» («Золушка». – **О. Г.**)».

В брульонах «Путешествия Онегина» Пушкин мягко иронизирует насчет чередования на одесской сцене одних и тех же россиниевских опер-буфф:

La gazza ladra, il barbiere
La gazza ladra, Figaro
И все то благо, то добро.[787]

Появился даже некоторый спрос на переложение партитур популярных опер для фортепьяно. Так, маэстро Буонавольо поместил в местной газете объявление о реализации элегантно переплетенных партитур опер «Отелло», «Сорока-Воровка», «Аделязия и Алерамо», «Медея в Коринфе» и других.[788] 2 июля 1824-го в камере присяжного аукциониста Симона Стифеля (Stiffel) наряду с партией соломенных и прочих шляп в публичную продажу выставили партитуры опер Россини, Пачини, Меркаданте, в том числе «Матильдя ди Шабран» и «Элиза и Клаудио».[789] К слову, А.Н. Вульф упоминает о соломенной шляпе, привезенной Пушкиным в Михайловское из Одессы: не с этой ли распродажи?

Особый интерес представляет ерническая зарисовка из несохранившейся одесской частной газеты «Messager de la Russie Méridionale» от 18 января 1822 года, в свое время воспроизведенная Скальковским. Речь идет о постановке оперы «Гризельда» Паэра (об авторе стоит поразмышлять, поскольку имеются некоторые указывающие на авторство обстоятельства): «Вы справедливо заметили, что нельзя ни в чем упрекать нового декоратора, пока мы видим декорации только старые. Что касается портного (театрального), то я согласен с вами, что старые занавеси, из которых сделаны кафтаны для рыцарей, не произвели того оптического эффекта, на который было рассчитано; я беседовал об этом с портным, одним из моих приятелей, но он защищает

свое платье и готов драться на ножницах со всеми, кто осмелится высказаться против громадных красных цветов, нашитых им по зеленому фону на груди и спине его героев. Этот милый человек сведущ в истории и утверждает, что таков именно был костюм итальянцев эпохи, в которую происходило действие пьесы. «Нет ничего прекраснее действительного, и только действительное мило», – сказал он мне. «Ну, нет, милостивый государь, я не могу с вами согласиться: для примера я вам приведу хотя бы костюм шотландцев, который произвел бы на сцене эффект совсем необыкновенный, в особенности в балете». 1 января давали «Севильского цирюльника»; его исполняли так, как будто мы уже достигли разгара масленой. Некоторые актеры вложили в исполнение своих ролей много веселости, даже слишком много веселости: в ней можно было заподозрить присутствие летучего духа некоего шипучего шампанского вина, английской фабрикации… Я далек от желанья воспретить шампанское вино, я сам его очень люблю, но разве нельзя было посоветовать тем, кто должен был появиться на сцене вечером или садиться в кресла, приберечь его на ужин в день спектакля…».[790]

Еще один пространный, но очень полезный текст, в котором сравниваются его хронологически разобщенные одесские театральные впечатления о временном стационарном театрах. Скальковский пишет, что эта дистанция составляет 16 лет. Меж тем заметку 1822 года он снабжает следующим примечанием: «В первое мое пребывание в Одессе, в 1816 году, проездом на должность в Константинополь, из всех тогдашних зданий юного города украшением был театр, вид коего с моря резко отличался классическою своею архитектурою от других мелких строений, около него рассеянных, и напоминал зрителю с моря древний греческий храм на возвышении берегов Архипелага. Я тогда пробыл только два или три дня в Одессе, но был в театре и наслаждался представлением старинной оперы Аблесимова «Мельник», очень хорошо сыгранной русскими заезжими актерами».[791] Если же отталкиваться от 1806-го, то в ту пору стационарный театр еще не был достроен, и спектакли шли во временном. Кроме того, автор заметки заявляет о себе как о старейшем жителе города. Стало быть, примечание никак не может к нему относиться: это

Вид на театр с ул. Ланжероновской

просто сопутствующая газетная информация, «театральный калейдоскоп».

Теперь – собственно основная часть иронической газетной статьи от 13 июля 1822 года: «Позвольте старейшему и старинейшему жителю Одессы порадоваться тому, что этот город быстро идет к совершенствованию (…) В самом деле, наш нынешний театр так плох! У нас, правда, три отличных примадонны, но только три; это очень мало; две на вторые партии очень хорошие, две на третьи с претензиею на это. Мы имеем четырех буфов, из которых двое первоклассные, двух хороших теноров, нам знакомых, одного неизвестного, и протея (здесь – универсала. – **О. Г.**) Шикитанса. Наш оркестр состоит из 24 музыкантов, хорошего капельмейстера и отличного скрипача-концертмейстера. И, наконец, наш антрепренер, хотя и сердится на меня подчас из-за нашего общего друга портного, заслуживает, тем не менее, благодарности публики за выказываемое им усердие, за делаемые им расходы для украшения и обогащения сцены и за его заботы

об обстановке пьес и разнообразии представлений. Но что все это доказывает? И можно ли разумно сравнивать наш нынешний театр с тем, который мы имели во время оно? Счастливы молодые люди, которым не о чем сожалеть и которые могут наслаждаться тем, что имеют; я же слишком стар, чтобы пользоваться плодами опыта. Увы, шестнадцать лет тому назад, во времена наших предков, у нас тоже был театр в Одессе! Да еще какой театр! Я вспоминаю и теперь о нем с восторгом и волненьем. Зала была великолепная; ее устроили в старой казарме; слегка была, впрочем, недоделана крыша, и в дни ненастья зрители должны были приносить с собою зонтики, но в большие жары это освежало; балок двенадцать различной величины, артистически расположенных на четырех громадных бочках, составляли пол сцены; эти бочки, заимствованные у городского откупщика, возбуждали своими душистыми выдыханьями сладкие воспоминания у зрителей (еще одно прямое указание на местоположение временного театра – казармой автор именует магазин прежнего питейного откупщика Дофине. – **О. Г.**). Побеседуем-ка о наших тогдашних декорациях; они были восхитительны: фон зала составляла, правда, стена прежних казарменных кухонь (тут снова метафора, ибо казармы «военного городка» в 1806-м интенсивно использовались, поскольку Одесса в ту пору была прифронтовым городом. – **О. Г.**), но вследствие натуральной сырости зданья эта стена так покрыта была цвелью, что вечером это походило на прелестный сад. Четыре старые лестницы заменяли собою кулисы; они были покрыты чудными полосами из бумаги, выкрашенными с одной стороны в светло-синий цвет (это было небо) и с другой – в темно-зеленый (это был лес). Для изображения гостиной на этих же полосах добавлялись двери и окна, начерченные углем. Это производило удивительный эффект. Зала была блестяще иллюминована четырьмя прекрасными свечами (семериковыми); но я должен сознаться, что семьдесят ламп г. Буонаволье дают больше свету, это результат прогресса просвещения. Оркестр был немногочисленный: он состоял всего из двух любителей, флейтиста греческого батальона и барабанщика городской полиции; но зато какие это были артисты! Какие гармонические звуки они умели извлекать из своих инструментов! С какой точностью они

могли бы аккомпанировать и даже подражать руладам примадонны! Наши актеры превосходны в трагедии, изображая в натуре Эсфирь и Аталию; они все были сыны Израиля и сохранили еврейский акцент, отлично звучавший в ансамблях и финалах трагедий. Наш jeune premier отличался большой опытностью. На это указывали его седые волосы; но чтоб играть любовника, он заимствовал парик у директора, остававшегося в таких случаях в своей ложе с нитяным колпаком на голове. Злодеев изображал белокурый восемнадцатилетний юноша, ростом в 4 фута, голос которого, напоминавший флейту, заставлял трепетать в моментах бури. Первая актриса была в длину как раз вдвое злодея и когда она носила на голове ток с перьями (головной убор без полей. – **О. Г.**), то достигала неба; у нее был гортанный басовый голос, чудно звучавший в любовных объяснениях. На нашем театре игралось все: драма, мелодрама, фарсы, комедии, трагедии, балеты. Это было изумительное разнообразие: я не пропускал ни одного спектакля, и всегда находил чему посмеяться… Не угодно ли, например, г. Буонаволио, со всеми его труппами, умудриться представить нам столь забавный фарс, как тот, свидетелем которого я был в 1806 г. Играли «Малабарскую вдову» (очевидно, трагедия Антуана Марена Лемьера. – **О. Г.**); я упущу превосходное исполнение первых 4-х действий и перейду к развязке: был сооружен великолепный костер наполовину из бурьяна и наполовину из кизяка. Вдова, рисуясь, взбирается на этот костер при помощи единственного соломенного стула, бывшего в городском комитете и на этот случай принесенного в театр. Но главный машинист, из старых полицейских инвалидов, вместо того, чтобы подложить огонь к костру, поджог юбки примадонны. Она спасается бегством, испуская ужасные крики, сначала в зрительный зал, а оттуда на улицу. Хвост ее платья мог бы, наподобие лисиц Самсона, зажечь все дома, если бы в те времена были в городе дома. Великий жрец побежал за вдовою; французский генерал побежал за великим жрецом, директор театра за генералом, полицмейстер за директором театра, и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы судно, стоявшее на рейде и заметившее пожар, не направило свои помпы на воспламененную актрису и не спасло остатки ее одежды. Ах, дорогие сограждане, отчего вы не ро-

дились раньше, чтобы иметь такое же верное представление, как я, о совершенстве, до которого может быть доведен театр. Как вы несчастны, что должны довольствоваться каким-нибудь Каталани, Арриги, Риккорди и пр. и господами Бартолучи, Риккорди, Монари, Квадри, Моранди и пр.!! Попробуйте, однако, утешиться, отнеситесь терпеливо к нашему несчастью, и довольствуйтесь тем малым, что у вас есть…».[792]

Понятно, что текст насквозь пропитан иронией, ретроспективные неудобства, несуразности, происшествия гиперболизированы. Разумеется, временный театр больше походил на шапито, однако тщательно подобранная архивная информация, довольно обширная и внятная, свидетельствует о том, что он неплохо исполнял свои локальные функции, хотя, конечно, не обходилось без мелких неприятностей и курьезов. В предшествующих публикациях подробно сообщал о довольно серьезных затратах на устройство временного театра, в том числе – на живописные работы, на закупки холста, дорогого сукна для обивки лож и т. д. и прочее плюс отпуск дефицитных казенных материалов.

Гораздо больше меня занимает личность автора цитированных заметок. Перебирая возможные кандидатуры, останавливаюсь на фон Томе. Готов привести множество аргументов, но не стану этого делать. Хотите – доверьтесь моей интуиции, хотите – нет.

Пора перейти к балету. Привожу фрагмент заметок Гавриила Геракова от 3 октября 1820-го: «Был в театре в ложе военного генерал-губернатора: играли «Урок мужьям» и «Слуга двух господ», не хуже с.-петербургских лицедеев. О балете нечего и говорить; довольно дурно, и почти все танцорки собою дурненьки, с претолстыми ногами, что можно было удобно заметить, ибо женщины заступали места мужчин, а сих последних вовсе не было; по расспросам моим узнал, что все танцорки из полячек. Театр хорош, но дурно освещен; оркестр несравненно хуже саратовского. В театре видел много знакомых, приветствиями коих весьма доволен. Посидел в ложе у прекрасной и занимательной гр. Ольги Станиславовны Потоцкой, которая просила посетить ее».[793]

Комментируя Геракова, остается сказать, что танцорки были по преимуществу из полячек с самого начала театральных представлений и в продолжение многих лет, реже – русскими

«крепостными актрисами». Это видно хотя бы из перечня фамилий балетной труппы 1810 года: Жидранская, Залеская, Козлова, Концесилева, Красовская, Ламанская, Соколова, Шпилевская.[794]

Лично у меня нет ни малейших сомнений в том, что при Буонаволио качество балетных представлений поднялось на значительно более высокий уровень. Призываю в свидетели Александра Сергеевича:

А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?

Впрочем, все это лирика. Мне были необходимы убедительные свидетельства. В свое время я их разыскал в Российской государственной библиотеке, в ту пору Государственной библиотеке имени В.И. Ленина в Москве. Что искал в тамошнем газетном фонде? Считалось, что «Journal d'Odessa» стали издавать с 1824 года, а я нашел номера за ноябрь-декабрь 1823-го. Собственно говоря, история закрытия «Messager de la Russie Méridionale» и замена его «Journal d'Odessa» – отдельный, подробно описанный мною сюжет.[795] А здесь важно как раз обнаружение интересующей нас информации о синхронном балете (перевод Н.Т. Щербаня): «Театр Одессы. 1 декабря в театре дают комедийное представление «Синьор ди Чалюмо в Риме», комедия в трех актах с несколькими музыкальными номерами. Мадемуазель *Мэсс Сэн Ромэн* танцует во втором акте соло на тему «Ди танти палпити», музыка Россини. В финале – вновь сольный номер. Эта молодая артистка со дня своего приезда в город сделала прелестными наши вечера и вполне заслуженно вознаграждена всеобщим восторгом и похвалами публики благодаря своему изяществу, артистичности и блестящим исполнением своих па, которые по сложности превышают возможности ее возраста. Мсье Буш, балетмейстер в этом городе, стремясь воспользоваться пребыванием мадемуазель Мэсс, чтобы тем самым вновь продемонстрировать свое желание вернуть благосклонность публики, в настоящее время

ставит балет, который под его руководством будет повторяться на сцене без конца. Тем самым он оправдает хорошее мнение, которое имеется у публики относительно его блестящих способностей. Завтра – второе представление «Л'ингано феличе», двухактной оперы на музыку Россини».[796]

Иван (Жан) Буш был штатным балетмейстером Городского театра, параллельно давал частные уроки танцев. Он прожил в Одессе много десятилетий, где и умер в возрасте более 90 лет. Вот кто мог бы порассказать о занимающих нас деталях и в целом истории театра, о персоналиях, быте, однако не слыхал, чтоб кто-нибудь из видных бытописателей его расспрашивал.

Любители оперы, конечно, понимают, что такое «Ди танти палпити» – «Di tanti palpiti». Дословно – учащенное сердцебиение, тахикардия, в речевом бытовании – «Трепет такой». Это знаменитая «рисовая ария» Танкреда из одноименной оперы Россини. Композитор написал ее за 15 минут, в течение которых для него готовили блюдо из риса. Слова этой арии хорошо известны в переводе С.Ю. Левика: «После тревожных дней, полных страданий, жду я свиданья с милой моей…». Ее еще называют «За все тревоги».

Стало быть, комедийное представление «Синьор ди Чалюмо в Риме» было составлено из разных популярных музыкальных номеров, наподобие дивертисмента. Рискну сравнить его с телевизионными новогодними «Огоньками», в которых отдельные, преимущественно музыкальные номера соединялись парой ведущих эстрадных комиков. Что до «Л'ингано феличе» – это, понятно, «Счастливый обман», опера, в свое время принесшая Россини первый большой успех.

Едва ли Пушкин мог пропустить этот значимый театральный вечер. В это время он был в Одессе, жил у самого театра, согласно «Летописи» Цявловских, 1 декабря 1823-го написал два-три письма, да и только, ничего не препятствовало, плюс настроение, в общем-то, ничем еще особо не омрачалось.

Целую серию мягких иронических замечаний о театре можно почерпнуть в переписке конфидентки Поэта княгини В.Ф. Вяземской. Так, 16 июня 1824-го Вера Федоровна пишет супругу о том, что спектакли плоховаты, да и устройство сцены оставляет желать лучшего. 11 июля говорит, что если муж переберется

в Одессу, то в числе прочих развлечений получит плохие итальянские спектакли трижды в неделю, позднее уточняет, что он получит доступ за кулисы и даже в гримуборные. Параллельно княгиня усердно помогает «трудоустройству» актрисы Данжевиль, всячески лоббируя ее продвижение имеющимися связями, многажды о ней сообщает. 25 июля и ранее Вяземская пишет о регулярных посещениях итальянских спектаклей, которые начинаются в 20:00-20:30. В театре она чаще бывает в обществе сердечно расположенной к ней графини Е.П. Гурьевой. То есть Вера Федоровна пользовалась ложей градоначальника.[797]

Примечания

[702] Олег Губарь. Пушкин. Театр. Одесса. – Одесса: ВТПО Киноцентр, 1993. – 96 с., 32 с. илл.

[703] Олег Губарь. Начало одесского театра. – В сб.: Дерибасовская – Ришельевская. Кн. 34. – Одесса: Печатный дом, 2008, с. 11-19.

[704] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 31.

[705] Там же, д. 259, л. 64, 121, 238, 302, 392; Там же, д. 262, л. 181, 262, 320; Там же, д. 264, л. 126.

[706] Там же, д. 262, л. 362, 363.

[707] Там же, д. 265, л. 376; Там же, д. 266, л. 134.

[708] Там же, д. 267, л. 44.

[709] Там же, д. 265, л. 84 об.

[710] Там же, л. 115.

[711] Там же, л. 200 об.

[712] Там же, д. 267, л. 344 об.

[713] Там же, д. 262, л. 32 об. – 33; Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 318-319.

[714] ГАОО, д. 264, л. 252 об.

[715] И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – М., 1870, с. 153.

[716] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 33, 33 об., 49 об., 52, 74 об., 75, 77.

[717] Там же, д. 267, л. 277-278.

[718] Там же, л. 311, 336 об., 426.

[719] Там же, д. 269, л. 21 об.

[720] Пушкин. Статьи и материалы. Вып. III. – Одесса, 1926, с. 58-60.

[721] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 273, л. 79-80 об.

[722] Там же, л. 124.

[723] Там же, л. 153.

[724] Там же, л. 229 об. – 230 об.

[725] Там же, л. 231.

[726] Там же, л. 306 об. – 307.

[727] Там же, д. 274, л. 69 об.

[728] Там же, л. 96-97.

[729] Там же, л. 250.

[730] Там же, л. 315

[731] Исторический вестник. – 1892, № 5.

[732] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 274, л. 521.

[733] Там же, д. 275, л. 217 об. – 218.

[734] Там же, д. 274, л. 245.

[735] Там же, д. 275, л. 557-558.

[736] Русский архив. – 1867, кн. 5, с. 1520.

[737] ГАОО, ф. 2, оп, д. 274, л. 526.

[738] Там же, л. 142.

[739] Там же, д. 275, л. 228-229.

[740] Там же, л. 385.

[741] Там же, ф. 59, оп. 3, д. 52. – 2 л. Дело не сохранилось, однако это очевидно из самого названия.

[742] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 278, л. 29 об.

[743] Там же, л. 474.

[744] Ростислав Александров. Профессор с Дерибасовской. – Одесса: Optimum, 2011, с. 34-36.

[745] Там же, с. 37-39.

[746] Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 65-66.

[747] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 279, л. 427 об. – 428.

[748] Там же, д. 282, л. 246.

[749] Гавриил Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. – СПб., 1830.

[750] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 281, л. 92.

[751] Там же, л. 61-62.

[752] Там же, л. 97-98.

[753] Там же, л. 117.

[754] Там же, д. 282, л. 234.

[755] Там же, л. 421-422.

[756] Там же, д. 283, л. 41.

[757] Там же, д. 282, л. 371 об.; Там же, д. 286, л. 528.

[758] Там же, д. 283, л. 366-367.

[759] Там же, л. 436 об. – 437.

[760] Там же, л. 503.

[761] Там же, л. 537 об. – 538 об.

[762] Там же, л. 606 об. – 607 об.

[763] Там же, л. 623 об. – 625 об.

[764] Там же, д. 284, л. 419-431.

[765] Там же, л. 237 об. – 238 об.

[766] Там же, л. 288 об. – 289 об.

[767] Путевые письма Н.М. Лонгинова. Июнь-сентябрь 1823. – Русский архив, 1905, № 12, с. 568.

[768] Одесса глазами британцев. – Одесса: Optimum, 2012, с. 159.

[769] Записки графа М.Д. Бутурлина, 1824-1827. – Русский архив, 1897, № 5, с. 14.

[770] Там же, с. 31.

[771] В.И. Туманский. Стихотворения и письма. – СПб., 1912, с. 269.

[772] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 106.

[773] Александр Христофорович Бенкендорф. Воспоминания: 1802-1837. – М.: Российский фонд культуры, 2012, с. 84.

[774] Отечественные записки. – 1830, январь, № 117, с. 26-27; Картины России и быт разноплеменных народов из путешествий П.П. Свиньина. Ч. I. – СПб., 1839, с. 224.

[775] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 399-400.

[776] Там же, л. 682 об. – 683.

[777] Там же, л. 795-796.

[778] Труды Государственного архива Одесской области. Т. XXXVIII. – Одесса, 2014, с. 272-273.

[779] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, л. 802-803.

[780] Олег Губарь. Пушкин. Театр. Одесса. – Одесса: ВТПО Киноцентр, 1993. – 96 с., 32 с. илл.

[781] Ростислав Александров. Профессор с Дерибасовской. – Одесса: Optimum, 2011, с. 37-39.

[782] Journal d'Odessa. – 1824, 13 fevrier, № 17. – Публикации по повелению начальства.

[783] Там же, 14 mai, № 39.

[784] А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 16 тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. VI. Сноски к с. 472.

[785] Олег Губарь. Пушкин, театр, Одесса. – Одесса: ВТПО Киноцентр, 1993, с. 17.

[786] Там же, с. 18.

[787] А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. В 16 тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. VI, с. 470.

[788] Journal d'Odessa. – 1824, 6 septembre, № 72.

[789] Там же, 28 juin, № 52.

[790] Из прошлого Одессы. – Одесса, 1894, с. 196, 395-396.

[791] Там же, с. 202.

[792] Там же, с. 202-205, 396-399.

[793] Гавриил Гераков. Продолжение путевых записок по многим российским губерниям 1820-го и начала 1821-го. – СПб., 1830.

[794] ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 307.

[795] Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 83-109.

[796] Journal d'Odessa. – 1823, 1 décembre, № 5. По общей нумерации подшивки – с. 22.

[797] Остафьевский архив князей Вяземских. Т. V. Вып. 2. – Письма В.Ф. Вяземской П.А. Вяземскому за 1824 г.

Андрей Добролюбский

Имя дрока

Моей маленькой Лорке

«...Не приставали ли тут какие-то
странствующие каталаны?»
Профессор Ф.К. Брун

Интуиция профессора Бруна

В самом конце XVIII столетия граф Ян Потоцкий, автор знаменитой «Рукописи, найденной в Сарагосе», обнаружил на самых ранних картах-портоланах необычные названия средневековых якорных стоянок на нынешних одесских берегах – Джинестра (Ginestra, или Zinestra) и Флорделис (Flor de lisso). Впрочем, истолкование значений этих имен казалось, на первый взгляд, не слишком затейливым – первое из них переводится с итальянского как «дрок», или «метелка», а второе с испанского – как «лилия». Поэтому столетием позднее профессор Ф.К. Брун предположил, что итальянские моряки, «как должно думать, различные пункты однообразного берега нашего обозначали по предметам, которые на каждом из них в особенности бросались им в глаза».* Иными словами, дрок и лилии должны были здесь служить навигационными ориентирами для средиземноморских мореплавателей.

* Брун Ф.К. Берег Черного моря между Днепром и Днестром по морским картам XIV-го и XV-го столетий // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. – Одесса: Печатная типография Г. Ульриха, 1880, с. 72-97.

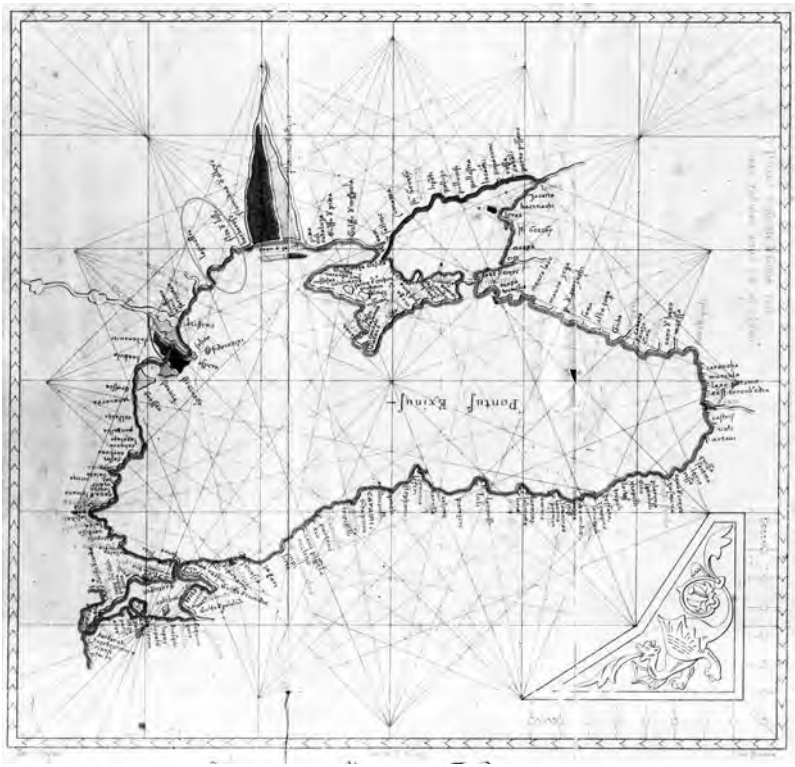
Но если сегодня попытаться забраться в «заросли Джинестры», или в кустарники дрока, на одесском побережье, то это будет не так легко. Потому как дрок здесь произрастает не более часто и густо, нежели в каких-либо других местах черноморского берега, и вряд ли в прошлом это было иначе. Равным образом кажется не слишком понятным, почему именно здешние заросли дрока могли показаться итальянским колонистам особо привлекательными для изготовления джинестр-метелок.

То же можно сказать и об устьях Большого Аджалыкского лимана, или Тилигула, – естественные заросли «флор-де-лис», или желтых ирисов, в них встречаются, по всей видимости, ничуть не чаще, чем в других местах. И трудно думать, что раньше было иначе.

Это значит, что для выяснения значения и смысла этих имен нужно искать другие пути. На возможности такого поиска указывает сделанная вскользь реплика того же Ф.К. Бруна о том, что Джинестра могла «быть прозвищем английских королей из дома Анжуйского», а «флор-де-лис» «напоминает нам старинный французский герб».

В самом деле, вовсе не секрет, что ветка дрока, именем которого обозначена Джинестра, – это геральдический цветок Анжуйской династии, а затем и Плантагенетов. Принято считать, что нормандский граф Жоффруа Красивый, он же граф Анжу, Мэна и Тура, во время одного из сражений водрузил на свой шлем цветущую ветку дрока, чтобы его соратники могли отличить его в гуще битвы. После победы дрок стал его личной эмблемой. Затем Жоффруа женился на Матильде, дочери короля Англии Генриха I, и тем самым получил права на английский престол. Их старший сын Генрих II был коронован в 1154 г. и стал основателем новой династии Плантагенетов (лат. *Planta Genísta – ветка дрока*). Он был одним из самых могущественных монархов XII в., владения которого простирались от Пиренеев до Шотландии.

А происхождение золотой лилии на синем фоне традиционно связывается с королем франков Хлодвигом I, который во время битвы с алеманами при Толбиаке (496 г.) получил этот цветок от ангела в знак победы. И это решило исход сражения в пользу франков. И «цветок лилии», или «флёр-де-лис», со времен короля



Морская карта Пьетро Весконте. 1318 год

Хлодвига известен во всех гербах Капетингов и Валуа. Эти династии сосуществовали в XII-XV вв. с Плантагенетами в ближайшем историко-культурном соседстве. В подобном же топонимическом соседстве оказались якорные стоянки с именами дрока и лилии на черноморском побережье в XIII-XIV вв.

Такая геральдическая и в нашем случае картографическая близость имен дрока и лилии визуально воспринимается едва ли не как «интимная» – на десяти картах XIV-XV вв. топоним «ginestra» (или «zinestra») перепутан местами с топонимом «flor de lisso». Вряд ли это случайно. Значит, здесь может таиться некий исто-

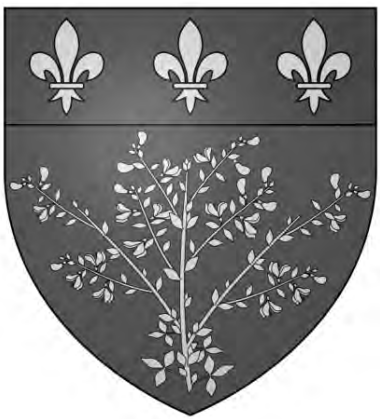
рико-культурный смысл. Узнав его, мы сможем выяснить, кому, зачем и когда понадобилось называть стоянки именами дрока и лилий на нынешнем одесском берегу.

В самом деле, недоумевает Ф.К. Брун, «почему… слова, означающие этот герб, отмечены… по-испански… не приставали ли тут какие-то странствующие каталаны? Каталаны (то есть каталонцы, катал.: *catalans*, *catalanes*. – **А. Д.**) еще в 1290 году получили от императора Андронника право участвовать в черноморской торговле, которым, впрочем, едва ли могли пользоваться по причине ревнивости венецианцев и генуэзцев. Но так как вскоре спустя Роккафорте, один из начальников «Великой компании», готов был сочетаться браком с сестрою болгарского царя Святослава, вдовою Чакаса, сына Ногая, то барцелонские моряки легко могли приставать к берегу Добруджи, тогда именно недоступному для генуэзцев, поссорившихся с царем Fedixclavbs'ом (болгарским царем Федором-Святославом. – **А. Д.**)... …Каталаны, напротив того, были бы там приняты радушно, так как ими около сего времени разрушен был принадлежавший врагам царя (византийцам) военный порт Stagnera близ нынешней деревни Инада, на западном берегу Черного моря».*

И действительно, при самом поверхностном поиске ветки дрока – Planta Genísta – обнаруживаются в качестве основной эмблемы на гербах именно Каталонии – это ныне существующие муниципалитеты Жинестар и Аржелагер. Впрочем, такие же ветки украшают гербы коммуны Майерскаппель (Люцерн, Швейцария) и муниципалитета Манза (Овернь, Франция). Полностью же условиям нашего поиска отвечают гербы с веткой дрока и лилиями, пребывающими в ближайшем соседстве, – это гербы муниципалитета Жинеста (Лангедок – Руссильон, Франция) и коммуны Жентин (Овернь, Франция). Причем в обоих последних случаях гербы одинаковы – золотые лилии размещены вверху на синем фоне, а дрок – внизу на красном. Созвучие названий Жинестара и Жинесты с одесской Джинестрой позволяет думать вслед за Ф.К. Бруном, что ее имя (как и «flor-de-lis»), написанное

* Брун Ф.К. Судьбы местности, занимаемой Одессой. // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии южной России. – Одесса: Печатная типография Г. Ульриха, 1880, с. 160-188.

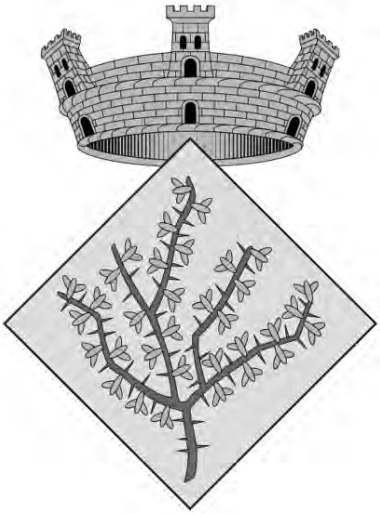
Герб коммуны Майерскаппель



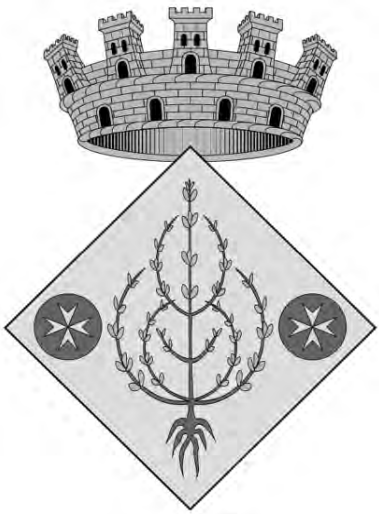
Герб коммун Жинеста и Жентин

по-испански (или на средне-французском) могло быть принесено на наши берега из Каталонии или соседнего Русильона во времена «Каталонской кампании» (1303-1311 гг.). Именно тогда, в начале XIV в., эти названия впервые появляются в анонимном морском атласе «Тамар Луксоро», а затем на Морской карте (1311 г.) и в морском атласе Пьетро Весконте (1318 г.). И если наши стоянки так поименовал каталонец, «один из начальников «Великой Кампании» Бернар де Рокафорт, то почему он им дал именно такие причудливые «цветочные» имена?

Для выяснения этих обстоятельств уместен, видимо, более глубинный поиск, который требует как бы погружения в социокультурные, социально-психологические и иные контексты эпохи, дабы вчувствоваться в ее особый духовный настрой и идеологические ориентации. Иными словами, ощутить дух времени, и в нашем случае, поскольку речь идет о цветах, его запах. Следует выяснить историко-культурный смысл имен «Ginestra» и «Flor-de-lis» в их взаимной «конвертируемой» (*близость* – лат.: *conversatio*) близости и попытаться проникнуться этим интимным образом.



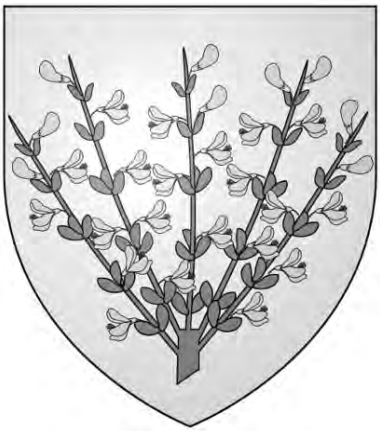
Герб коммуны Аржелагер, Каталония



Герб коммуны Жинестар

Наука такого вчувствования была придумана еще в IV-V вв. знаменитым Аврелием Августином (Блаженным) и названа герменевтикой (др.-греч. *ἑρμηνευτική – искусство толкования*). Поклонником этой науки стал со временем не менее знаменитый Вильгельм Дильтей, родоначальник «философии жизни» (наряду с Фридрихом Ницше). Дильтей был убежден, что исторические события и явления следует понимать и воссоздавать путем погружения в конкретную эпоху, их личностного сопереживания, вживания в них как во фрагмент духовного целого. Ведь истину невозможно познать – истину можно только пережить. Такой прием позволяет эмпатически (*эмпатия,* греч. *ἐν – в +* греч. *πάθος – страсть, страдание, чувство*) войти в положение любого исторического персонажа и поставить себя на его место. Иными словами, это – «искусство постижения чужой индивидуальности».*

* Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М., 2004.



Герб коммуны Манза

Конечно же, для этого «…необходимо просвещенное и контролируемое воображение», – пишет выдающийся французский историк Жак Ле Гофф, – поскольку «…одна из величайших прелестей и одна из величайших опасностей исторической биографии – это связь, возникающая и развивающаяся между историком и его персонажем».*

Напомню, что основные методические средства герменевтики достаточно просты – это поиски сходств, подобий и аналогий. Это значит, что стоит попытаться отыскать в историко-культурном контексте эпохи XIII-XIV вв. некий знаковый образец, или эталон, сочетающий в себе дрок и лилии в самом близком, интимном соседстве (как и наши якорные стоянки) в виде основных символов. Эти цветы были едва ли не самыми знаменитыми королевскими эмблемами в Европе. Поэтому такие поиски приходится вести на необозримых пространствах геральдической символики. Коль скоро стоянки Джинестра (дрок) и Флор-де-Лис (лилия) на одесском побережье являются ближайшими соседями, то и в геральдике их следует искать в одной связке.

После нескольких импульсивных погружений в туманные области средневековой эмблематики выяснилось, что самой подходящей кандидатурой оказывается рыцарский орден Дрока (L'ordre de la Cosse de genêts), основанный французским королем Людовиком IX Святым (1226-1270 гг.). Цепь этого ордена состоит из стручков дрока, которые чередуются с цветами лилий. Это – прекрасная улика, она наилучшим образом отвечает условиям

* Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. – М.: Ладомир, 2001, с. 668-669. Автор, по его словам, вживался в образ своего героя 15 лет, и не скрывает, что влюблен в него.

нашего поиска. Ничто не мешает предполагать, что кто-то из кавалеров этого ордена пометил своими знаками наши берега в начале XIV в. Остается лишь выяснить, мог ли таковым быть упомянутый Бернар де Рокафорт. И как ему удалось такой орден заполучить?

«Рыцари короны»

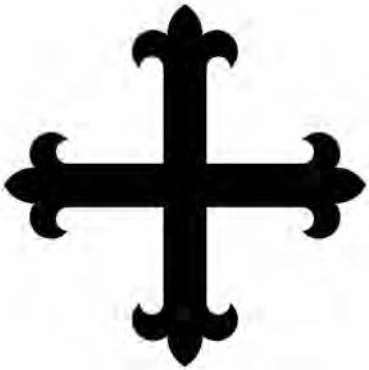
Орден Стручков дрока (L'ordre de la Cosse de genêts) нынче не слишком известен, разве что знатокам. Да и то редкостным. Существует легенда, согласно которой этот орден учредил Святой Людовик в 1234 г. по случаю его брака с Маргаритой Прованской и ее коронации. Церемония происходила в Сансе и сопровождалась большим пиром, во время которого Людовик IX основал новый рыцарский орден Coste de Geneste и посвящал в рыцари молодых аристократов. Это празднование обошлось королевской казне в 2526 ливров.**

Доступные сведения об этом ордене имеются, пожалуй, лишь в соответствующей статье – «Cosse de Geneste» – всемирно известной «Энциклопедии…» Дени Дидро и Жана Лерона Д'Аламбера, а также в нескольких раритетных каталогах и статьях XIX в.*** Приведем его более детальное описание. На золотой нашейной цепи «ветви или плоды дрока, раскрашенные эмалью согласно натуральному цвету, переплетенные с золотыми цветами лилии, которые были заключены в ромб так, что рисунок был ажурным, окрашенные белой эмалью и связанные вместе,

** Там же, с. 102-110.

*** L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers est une encyclopédie française, éditée de 1751 à 1772 sous la direction de Diderot et D'Alembert. См. также: Gustav Adolph Ackermann. Ordensbuch, Sämtlicher in Europa blühender und erloschener Orden und Ehrenzeichen. Annaberg, 1855, p. 209 n°85 «Orden von der Gensterblume» – Google Book (Former orders of France : p. 205-214); Nichols JG. (1842). «III. Observations on the Heraldic Devices discovered on the Effigies of Richard the Second and his Queen in Westminster Abbey, and upon the Mode in which those Ornaments Were Executed; Including some Remarks on the Surname Plantagenet, and on the Ostrich Feathers of the Prince of Wales». In Society of Antiquaries of London. Archaeologia: or, Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity. XXIX. J. B. Nichols and Son, London. p. 45.

откуда вниз свисал цветочный крест». На этом кресте, «Cross Flory», был по-латински начертан девиз ордена «Exaltat humilis» («Ты возносишь смиренных»). Сам крест и стал бэджем, или значком ордена. Увы, наглядных изображений не сохранилось. Здесь мы приводим лишь контурный рисунок, сделанный по этому описанию.



Геральдический цветочный крест («Cross Flory»)

Орден Стручка дрока

«В честь посвящения в рыцари юношей королевской династии, – рассказывает Жак Ле Гофф, – Людовик Святой устраивал особо торжественные празднества. В XIII веке юный аристократ превращался в мужчину, только когда становился рыцарем. В королевской семье, где король, его братья и сыновья должны быть рыцарями, чтобы соответствовать своему статусу и принять на себя свои функции, посвящение молодых людей в рыцари приобретает особое значение. Поэтому Людовик Святой как король-рыцарь рыцарственной династии на протяжении всего своего правления периодически облагодетельствует посвящением в рыцари своего ордена членов королевской семьи, а также иных особо приближенных к нему особ. И это естественно – орден был семейным, монархическим. А потому не имел

иного устава, кроме воли короля. Это же создавало ордену Дрока исключительную престижность».

Имеются сведения и о членах этого ордена. Так, «седьмого июня 1237 года, в день Пятидесятницы, церковного праздника, который сочетали с большими аристократическими празднествами, включенными в календарь традиционных праздников, состоялось посвящение в рыцари его младшего брата Роберта I Артуа. Тогда же, во время торжественной церемонии во дворце Компьеня, Людовик IX в присутствии многочисленных знатных особ посвятил в рыцари и других благородных юношей. Двадцать четвертого июня 1241 года, в Иванов день, языческий праздник, возобновленный христианской знатью, в Сомюре состоялось не менее торжественное посвящение в рыцари второго брата, Альфонса де Пуатье. В 1246 году, снова в день Пятидесятницы, но уже в Мелене, был посвящен в рыцари третий, самый младший, брат Карл Анжуйский. Братья стали рыцарями по достижении совершеннолетия, в 20 лет, и тогда же король предоставил им во владение апанаж (фр. *apanage, удел,* от позднелат. *appano, снабжаю хлебом*), завещанный их отцом Людовиком VIII, а они принесли оммаж (фр. *hommage – вассальная присяга*) своему венценосному брату и стали его ленниками».

Самым великолепным было посвящение в рыцари «курносого сына» короля (эпитет Данте Алигьери) Филиппа, ставшего наследником престола, будущего Филиппа III. Оно произошло 5 июня 1267 года, в Троицын день, который феодальный христианский мир превратил в великий праздник монархии и аристократии, объединив с традиционным праздником весны, и состоялось в саду парижского дворца в присутствии многочисленных вельмож, при огромном стечении народа; тогда же были посвящены в рыцари и многие молодые аристократы. Впечатление усиливалось еще и тем, что Людовик IX только что вновь стал крестоносцем, и многие предрекали, что, будучи слабого здоровья, он едва ли вернется живым. Филипп становился не только наследником престола, но и в недалеком будущем – королем. А стало быть, и главой ордена Дрока.

Вчувствуемся в мотивацию Людовика Святого: учреждая «братский», «интимный» орден Дрока, он создавал из королевской

семьи единый и могущественный клан, объединенный основными геральдическими символами династий Капетингов и Плантагенетов – лилий и дрока. Этот клан прочно цементировался системой апанажа – политикой, при которой часть наследственных земельных владений или денежное содержание передавались некоронованным членам королевской семьи. Апанаж назначался каждому принцу как недвижимое имущество, переходящее в случае его смерти опять к государству. В этом был его смысл. Впрочем, он мог переходить по смерти получившего к его наследникам, разделяться между ними, и возвращался государству, только когда его линия угаснет.

«Политика апанажей, оформившаяся в систему при Людовике Святом, – отмечает Ле Гофф, – стала прекрасным средством от распрей между братьями или между отцами и детьми… Она была выражением вечно живой традиции, согласно которой королевский домен считался землей королевской семьи, и каждый сын после смерти отца наследовал свою долю. Но трезвая практика ограничений, должно быть, препятствовала раздроблению королевства и сохраняла права и власть короля».* Апанажи служили материально-психологической основой согласия между Людовиком Святым и его братьями. Братья, по мысли Людовика, являли собою единое целое.

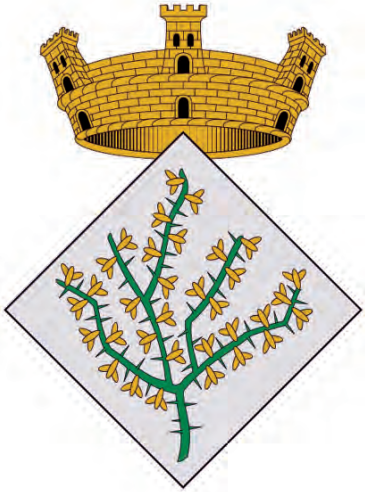
«Апанажи предстают не королевским, а семейным институтом… Но при этом глава семьи не забывает, что он – король». Людовик очень строго соблюдает условия владения апанажем, который подлежит возврату в королевский домен в случае смерти владельца апанажа, не оставившего прямого наследника, или же *в случае его измены сюзерену* (выделено мною. – **А. Д.**). Это условие окажется значимым для нашего повествования.

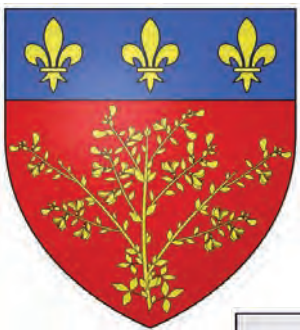
Можно видеть, что Людовик Святой тем самым формализовал децентрализацию власти с помощью политики раздачи апанажей, над которыми он сохранял власть, финансируя их благодаря введению долговременных налогов. Эти новые доходы позволили ему также создать во Франции такую армию, которая вместе с войсками его братьев обеспечивала ему ведущую роль в крестовых походах.

* Ле Гофф Ж. Там же, с. 427-428, 492, 543.

Андрей Добролюбский

Имя ДРОКА





Ведь «братская» идея была, в сущности, разновидностью непотизма, который тогда достиг невиданных размеров в католической церкви – римские папы ради укрепления своей власти раздавали доходные должности, высшие церковные звания, а также земли родственникам. Так и орден Дрока стал типичной непотической организацией, или, попросту говоря, семейным кланом. А сама система (инструмент) апанажа вместе с переплетающимися цветками и ветками дрока и лилий оказались в руках Людовика действенными механизмами концентрации власти.

Настолько действенными, что их пытались использовать его коронованные потомки. Так столетие спустя Карл V Мудрый (1364-1380 гг.), который испытывал к своему предку особое почтение, в молитвах просил у Людовика Святого просветить его относительно управления своим народом. В одном из ордонансов он объявляет: «Рассматривая – что серьезно и неизгладимо в нашем сердце, – что наш святой предок и предшественник, наш патрон, защитник и сеньор Людовик Святой, цвет, честь, свет и зерцало не только королевского рода, но всех французов, память о котором остается благословенной и не исчезнет во тьме веков, и о котором говорят, что милостью божьей он совершенно избежал заразы смертного греха и так хорошо управлял королевством и общим делом, что его славная жизнь, предмет всеобщего восхищения, доколе солнце будет ходить по небу, призывает нас и наших наследников последовать его примеру, так, чтобы его жизнь служила нам образцом».** И в самом деле, люди начали сравнивать правление Карла V с благословенными временами Людовика Святого, который традиционно считался хорошим королем (фр.*: bon roi*).

Это восхищение разделял и его сын, Карл VI Возлюбленный (или Безумный) (1380-1422 гг.), который, кстати, первым в истории получил при рождении титул «дофин» и провинцию Дофине в качестве апанажа. Он решил возродить орден Дрока и, «чтобы придать ему больше блеска, возводит его создание к Людовику Святому, «великому человеку» (и святому) династии».*** И совершил это в 1396 году в честь свадьбы своей дочери Изабеллы

** Гарро А. Людовик Святой и его королевство. – СПб.: Евразия, 2002, гл. 8.
*** Ле Гофф Ж. Указ. соч., с. 108.

с королем Англии Ричардом II Бордоским (1367-1399) – последним королем династии Плантагенетов. И посвятил его в кавалеры своего ордена. Ричард изображен с этой орденской цепью на шее, коленопреклоненным, на створке Уилтонского диптиха. Ангелы на соседней створке носят на шее похожие цепи. Орденская цепь выглядит иначе, чем при Людовике. На надгробии же самого Ричарда в Вестминстерском аббатстве его скульптура украшена изображением ветвей дрока с раскрытыми пустыми стручками.

О «возрожденном» Карлом VI ордене Стручков дрока сохранилось куда больше сведений, чем при его предке-учредителе. А коль скоро Людовик Святой был кумиром Карла, то он, надо думать, и полностью воспроизвел его обустройство. И мы благодаря этому можем судить, каким был этот орден при Людовике.

«Карл VI посвящал своих рыцарей в кавалеры ордена Дрока лишь в знак наивысшего благоволения и с сопроводительной монаршей грамотой, – пишет историк Джонатан Д'Арси. – Они становились, таким образом, единой «Compagnie du Roy» («компанией короля»), или же «рыцарями короны», и должны были носить специальные ливрейные одежды – белоснежные мантии с фиолетовыми капюшонами, которые украшались вышитой ветвью цветущего дрока на правом рукаве (серебряной или золотой, в зависимости от ранга). На другом рукаве – тот же девиз «Exaltat humilis».

Все кавалеры ордена – от короля и принцев крови до самых худородных служителей-министериалов – были обязаны постоянно носить орденскую одежду и орденские регалии – как знаки особой избранности. Иными словами, все они были свитой короля. Униформа создавала некую видимость равенства, братства всех ее членов. Такая идея создания монархического ордена была заимствована Людовиком IX, а затем и Карлом VI, по всей вероятности, у короля Артура и его рыцарей Круглого стола. Она основывалась на чувстве преданности братству и королю, а не на обычном статусе рыцаря. Одним из ее преимуществ было то, что она не ограничивала членства исключительно статусом рыцаря, и даже принадлежностью к мужскому полу. Идея братства «рыцарей короны» обеспечивала альтернативную систему единения между сеньором и вассалом. Ее символами были, разу-

меется, униформы и «бэджи» – значки с изображением «цветочного креста» и начертанного на нем девиза «Exaltat humilis».

Такие значки были своеобразным «членским билетом» и имелись у каждого рыцаря. Они означали особое высочайшее покровительство, близость и причастность их владельца к королевской символике* и обладали, таким образом, исключительной престижностью, созданной непревзойденным сакральным авторитетом Людовика Святого. Он создал типичный монархический клиентский орден, не имевший ни устава, ни ограниченного членства. Его верхушка – ближайшие родственники короля, которые образовывали свои свиты из вассалов-министериалов. Получалось, что вассалы братьев короля и вассалы их вассалов становились как бы братьями самого короля.

Сама символика ордена недвусмысленно обозначала братское единение Капетингов с Плантагенетами, которое могло обеспечить успех крестового похода во главе с Людовиком. Главное – не допускать никаких распрей. Так, в свое время Филипп-Август отнял у англичан области по реке Гаронне. В 1242 г. английский король Генрих III Плантагенет попытался вернуть эти владения своих предков, но потерпел поражение от французов в битве при Тальебуре. Однако Людовик не воспользовался победой и вопреки мнению своих советников, «руководствуясь началами справедливости», уступил Генриху часть этих земель.

Снова проникнемся его соображениями – это было красиво, выгодно и удобно. Потому что Генрих III был с 1236 г. женат на Элеоноре Прованской, родной сестре жены Людовика Маргариты. Тем самым английский король являлся членом французской королевской семьи. И вполне мог быть членом ордена Дрока. И земли были ему переданы на правах апанажа. Это же обеспечивало полную лояльность Плантагенетов. Так, известно, что в декабре 1254 года Генрих III принес оммаж Людовику IX, после чего оба короля встретили Рождество в Париже в семейном кругу.

Другая сестра Маргариты, Санча Прованская, в 1243 г. вышла замуж за младшего брата Генриха III Ричарда Корнуэльского, ставшего в будущем королем Германии (в 1257-1272 гг.). Этот

* D'Arcy Jonathan Dacre Boulton. The Knights of the Crown: The Monarchical Orders of Knighthood in Later Medieval Europe, 1325-1520. – Boydell Press, 2000.

Ричард (он же граф де Пуатье (1225-1243 гг.)) тоже стал членом семьи Людовика Святого на правах апанажа. А такие отношения, несомненно, способствовали участию Ричарда в крестовом походе в 1240 г.

В члены ордена Дрока был в 1267 г. вместе с наследником Филиппом посвящен и старший сын и наследник Генриха III Эдуард I Длинноногий. Его женой была Элеонора Кастильская, она же королева Наварры. Эдуард был верным Людовику «рыцарем короны» и в 1268 г. дал обет отправиться в крестовый поход, но нехватка денег задержала его до августа 1270, и когда он отплыл в Тунис, Людовик IX уже умер.

В тот же Троицин день 1267 г. наряду с Филиппом Смелым и Эдуардом Длинноногим в «рыцари короны» были посвящены и сыновья арагонского короля Хайме I Завоевателя Педро, впоследствии знаменитый («дебелый» – выражение Данте) Педро III Великий (1239-1285 гг.), король Арагона и Валенсии и граф Барселоны, а также Хайме Мальоркский (1243-1311 гг.), который после смерти отца получил во владение вассальное королевство Мальорка. Кроме Балеарских островов в него входили каталонские графства Руссильон и Сердань, а также сеньория Монпелье, виконтство Карла в Оверни и баронство Омела около Монпелье. Эти территории, таким образом, тоже оказались под эгидой Дрока и Лилий. На них сейчас расположены упомянутые муниципалитеты Жинестар, Аржелагер и Жинеста с эмблемами дрока и лилий на гербах. Это немаловажно для нашего сюжета – известно, что «наш» Бернар де Рокафор был родом из Валенсии или Каталонии. Здесь же уместно заметить, что наследник Людовика Филипп III Смелый был женат с 1262 г. на дочери того же Хайме I Завоевателя Изабелле. В 1270 г. она сопровождала супруга в Восьмом крестовом походе в Тунис, где Людовик и скончался. Изабелла была матерью его внуков Филиппа IV Красивого (1268-1314 гг.) и Карла Валуа (1270-1325 гг.). Все они, как и их свиты, могли быть кавалерами ордена Дрока.

Продолжение следует

Сергей Котелко

История здания на Княжеской улице, 1*

1889. Первоначальный проект здания

В целом было ясно, что ни один из представленных проектов до конца не удовлетворял нуждам одесского отделения, а позднее стало очевидно, что и первоначальные требования были не совсем верными – недостаточными.

– Январь 1889. В деле ГАОО 333-1-145 «Смета на постройку здания отделения…», по-видимому, отсутствуют некоторые листы, но из листа 5 следует, что в итоге своей работы комиссия ООИРТО «решилась остановиться на эскизе г-на Толвинского, прося автора применить к своему проекту абсиду в узком конце зала из другого эскиза (по-видимому, из другого отобранного проекта – Бернардацци); по возможности увеличить читальню, признаваемую недостаточною, и проектировать не гладкий, а расчлененный потолок зала». Затем была избрана субкомиссия из гг. Сарнецкого, Тодорова и Толвинского для составления подробной сметы и эскиза последнего. Представлена смета победившего проекта.

Смета, как водится, подросла – по ней получалось, что постройка здания обойдется в 18948 рублей, а с прибавлением непредвиденных расходов на администрацию и гонорар архитектора – 21782 рубля. Поскольку комиссии стала понятна недостаточность проектируемого здания, она представила необходимые, на ее взгляд, прибавления к проекту, которые также были рассмотрены субкомиссией архитекторов, и по ним составлена следующая смета:

* Окончание. Начало в кн. 73.

1) на устройство центрального отопления – 1000 рублей;

2) на единовременное возведение двух павильонов будущего музея, с целью расширения читальни (далее неразборчиво: … противопожарного отделения – совета…) – 1700;

3) на возведение (последующее) угловой части музея – 2400;

4) на оконч. постройки двух крыльев музея – 5000;

5) на устройство лоджии над вестибюлем – 1500.

Всего – 33382 рубля.

Оказывается, закон ремонта и строительства «посчитай все по максимуму и потом умножь на два» действовал и в XIX веке.

Из перечисленных предложенных дополнений комиссия сочла обязательным добавить центральное отопление и «лицевую лоджию, от рельефа которой будет зависеть все впечатление главного фасада», а также расширение внутренней вместимости (весьма нужной для выставочных предметов и архива или библиотечных складов), всего 4200 рублей. Пункты 3 и 4 отнесены к будущему. Комиссия отметила, что «окончательное выяснение цифр последует по разработке полного проекта, к которому будет преступлено по рассмотрению советом всех выработанных комиссией данных и окончательного разрешения дела».

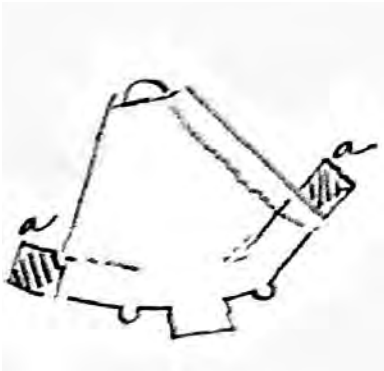
Под выводами комиссии различимы подписи: председателя комиссии Бернардацци и ее членов – Люикса, Тодорова, Толвинского, М. Лишина и Сарнецкого.

Лоджию, скажете вы? Но позвольте, где же на хорошо знакомом нам здании Русского технического общества лоджия? Правильно, ее там нет. Ибо речь здесь идет о так и не осуществленном проекте, совершенно отличавшемся от того, что был позднее воплощен на этом месте. Отличался он и по плану, и по размеру, и, конечно же, по оформлению фасадов. Как выглядело это здание, сочетавшее в себе талант двух архитекторов – Толвинского и Бернардацци? К сожалению, его эскизы утрачены, вероятно, навсегда.

На полях представленной в январе 1889* сметы есть карандашный набросок, представляющий собой, по-видимому, план предполагавшегося к постройке здания. Этот рисунок, возможно, сделанный рукой Толвинского, автора проекта и члена комиссии, – вероятно, единственное сохранившееся представление

* ГАОО 333-1-145, «Смета на постройку здания для отделения…», лист 12.

о том, как могло выглядеть это здание, будь оно построено по этому проекту. Зато в документах одесского отделения сохранился ряд документов и описаний: основываясь на них и этом рисунке, можно достаточно хорошо представить, как могло бы выглядеть это здание, причем как снаружи, так и внутри. Итак, скорее всего, здание было выполнено в русском стиле, о чем говорят частые упоминания о кокошниках в украшении оного. Кроме того, этот стиль был очень моден в ту пору. Помимо кокошника упоминаются аркатуры и тафли. По форме здание было клинообразным, близко к двум соединенным трапециям – одна вытянутая, с дном в виде более покатой трапеции. В этой части находился главный фасад с крыльцом главного входа, причем в смете упоминается «бетонное крыльцо». Над подъездом – «сводик», опиравшийся на две колоны. Крыльцо-подъезд было обрамлено, по-видимому, двумя колоннами либо полуколоннами. Над главным входом предполагалось устроить ту самую лоджию. Здание имело, скорее всего, три этажа, считая подвальный, первый этаж имел цоколь. Крышу должен был украшать цинковый гребень, четыре цинковые башенки (над углами главного зала). Упоминается также «черный цинковый орел для кокошника» и четыре тафли на стенах фасада. Фундамент – из ракушняка (дикаря), а вот для кладки стен упомянуты кирпич и цемент. Балки между этажами предполагались железные, так же, как и связи между стенами. По краям «крыльев» трапеции предполагалось пристроить два павильона (на рисунке они обозначены буквами «а»).



Эскиз на полях сметы проекта

Парадный вход был украшен дубовой двойной дверью, открывавшей доступ в красиво оформленный вестибюль площадью в 15 кв. саженей. В вестибюле пол должен был быть либо мраморный, либо из плитки. Вестибюль украшали две ниши с полукуполами

кирпичной кладки, в нишах были окна, широкие, арочные. Здесь же было еще два окна, тоже арочных, но другой формы – узкие, высокие. Стены окрашены масляной краской. О главном зале можно сказать следующее: он предполагался площадью в 52 кв. сажени, очевидно, был высотою в два этажа, так как имел выступающие хоры, Фасад хор был украшен аркатурой с четырьмя окнами и кокошниками. В зале была абсида, добавленная из проекта Бернардацци, с полукуполом и арочным окном. Потолок должны были украшать два «лепных бутона». На потолке также был верхний свет, покоящийся на четырех аркатурах по пять окон в каждой. Пол – паркетный, с дубовыми плинтусами. По периметру зала шел карниз. Все стены и потолки с падугами и в зале, и во всем здании предполагались гладкими, оштукатуренными. Из других помещений упоминаются читальня, зал для конференций («конференции»), два ватерклозета, чайная, подвальные помещения и еще залы поменьше. В читальне, «конференции» и чайной комнате стены должны были быть оклеены обоями.

Центрального отопления изначально не предполагалось, по первоначальному проекту предусматривалось печное отопление – 8 кафельных печей, две оштукатуренных, одна печь в вестибюле. Как мы помним, в выводах комиссии по рассмотрению представленных проектов обязательной доработкой признано предусмотреть возможность центрального отопления – новомодной тогда опции. После доработки проекта упоминаются камины в читальне и в конференц-зале («конференции»).

– 16 января. Архитектор Толвинский, победитель конкурса проектов постройки здания, сообщил, что он уехал из города, присутствовать на следующем заседании комиссии не будет, и считает себя обязанным воздержаться от подписи на докладе комиссии.

– После 16-го января состоялось второе заседание комиссии по рассмотрению проектов. На ней ее председатель Починский представил совершенно новый проект, основанный на идее постоянной выставки. Проект был, как бы сейчас сказали, инновационный. По его плану, который он иллюстрировал чертежами, первоначально предполагалось построить только главный зал, так сказать, сердце здания, используемое для проведения общих

собраний, докладов и слушаний, а все остальное должны были достраивать желающие в виде показа своих возможностей – что служило бы им рекламой – строительные материалы, технологии, отделочные материалы и т. д. Интересно, что проектом предусматривался ресторан. Члены комиссии сочли идею очень интересной, но слишком смелой, к тому же, у комиссии не было полномочий рассматривать новые идеи, а только выбрать окончательный вариант из двух отобранных ранее и доработать его до окончательного варианта.

Исходя из приведенного выше плана с отведенным одесскому отделению участком, можно предположить, что здание располагалось совсем по-другому, нежели сейчас, – видимо, главный фасад был ориентирован в сторону оживленной Херсонской улицы и смотрел на полицейский участок. Вот что есть об этом в документах отделения:

«…Затем комиссия рассмотрела два новых эскиза, представленных со сметами членами комиссии Бернардацци и Толвинским. Оба эскиза были в общих чертах одобрены гг. членами комиссии. Но по всестороннем обсуждении выяснилось, что клинообразная форма здания (общая обоим проектам) вполне оправдывается поворотом его в проекте г-на Толвинского по линиям улиц (Княжеской и Ямской). Насколько своеобразна форма эта, сразу становится понятно для глаза, усматривающего в ней вынужденную, но искусную и складную приложку (так) к данному месту, что, несомненно, составляет весьма ценное технико-эстетическое достоинство, особенно в таком здании, как дом Технического общества». Приписка внизу: «В проекте Бернардацци подъезд также от стороны Херсонской улицы, но здание повернуто широкою частью к Княжеской улице, и не представляет собою продолжения сей последней. По смете исчислено 22877 рублей».

Однако этому зданию так и не суждено было появиться на свет. Причин несколько, но главная – отсутствие у отделения необходимых средств на постройку. Как мы помним, по окончании 1888 года удалось собрать «более десяти тысяч рублей», но уже через год сумма сократилась вдвое: «…на 1.1.1890 строительный капитал общества составлял 5980 рублей и 14 копеек».*

* ГАОО 333-1-115. Отчет о деятельности отделения за 1889 год, лист 95.

Дар Маразли

Одесское отделение тогда продолжало ютиться в здании Новороссийского университета и, видимо, не знало, как действовать далее и откуда брать недостающие средства. Помощь пришла неожиданно во всех смыслах:

«В течение последних лет главную заботу отделения составляло приобретение собственного помещения… (упоминается, что сейчас отделение приютил Новороссийский университет). …К сожалению, недостаточность строительного капитала не позволила до сего времени осуществить заветную мысль членов отделения, и, вероятно, пришлось бы ждать еще много лет ее исполнения, если бы на помощь отделению не пришел наш почетный член Григорий Григорьевич Маразли, всегда так чутко, так сердечно относившийся к нуждам учреждений города вообще и нашего общества в частности. Жертвуя городу свой дом по Софиевской улице для устройства в нем Художественного музея, Григорий Григорьевич поставил условием предоставление нашему обществу помещения в своем доме на все время существования общества. Этим щедрым актом отделению оказана не только материальная, но и возможная нравственная помощь, т. к. нет сомнения, что с переходом в свое собственное помещение деятельность отделения расширится и станет более производительной. Посему, высказав еще раз нашу глубокую признательность нашему глубокоуважаемому почетному члену Григорию Григорьевичу Маразли, нельзя не остановиться с особым удовлетворением на мысли, что благодаря его сочувствию мы в будущем годичном собрании соберемся уже в своем доме».*

В ответ на это и «ввиду всегдашнего сочувствия Григория Григорьевича Маразли к нуждам нашего общества, а равно ввиду его 12-летней деятельности, выразившейся рядом мер, способствующих развитию техники в Одессе», Григорий Григорьевич Маразли был избран единогласно в почетные члены общества, к нему была послана специальная депутация из членов совета Одесского отделения для выражения благодарности.**

* Там же, лист 98.
** ГАОО 333-1-116. Отчет о деятельности отделения за 1889 год, лист 13.

Вход в читальню, устроенную в здании Художественного музея. Предположительно именно эту часть здания Маразли предполагал передать для нужд ООИРТО

Газета «Школьное обозрение» от 1 ноября писала: «Нов. тел.» слышал, что городской голова Г.Г. Маразли выходит на днях с официальным предложением о приносимом им в дар городу дома на Софиевской улице, предназначенного для Художественного музея и Технического общества, для какой цели Григорий Григорьевич отдает дом из 40 комнат с местом на Софиевской улице. Прилегающую к дому небольшую постройку с правой стороны (смежно со стеною архиерейского дома), где теперь манеж, г. Маразли оставляет за собою, а небольшой домик со двором с левой стороны (смежно с домом Дитерихса), назначает для устройства в нем народного училища и аудитории для народных чтений».*** Приговорами от 6 ноября 1889 г. за № 130 и 132 Одесская городская дума в составе пятидесяти одного гласного, выслушав постановление городской управы от 3-го сего ноября по вопросу о принесении городу в дар Г.Г. Маразли места с постройками на Софиевской улице, «приговорила»: «…принять в собственность

*** Школьное обозрение. 1889, 1 ноября, № 10, с. 3.

Печать Одесского отделения Императорского Русского технического общества

города Одессы принесенное в дар тайным советником Григорием Григорьевичем Маразли принадлежащее ему место на Софиевской улице с находящимися на нем строениями для устройства народного училища и помещения для народных чтений, а другой участок – для учреждения на нем музея изящных искусств, с условием, чтобы, кроме того, в доме, находящемуся на этом участке, были отведены помещения: а) для одесского отделения Императорского Русского технического общества – две комнаты; б) для музея прикладных знаний; в) для музея Императорского Одесского общества истории и древностей…».

Но и этого не случилось, и тут понятно почему: две комнаты, пусть и подаренные, не могли разрешить ситуацию с помещением общества – этого было явно недостаточно.

Забегая немного вперед, приведу цитату из официального печатного органа городской управы, «Ведомостей Одесского городского общественного управления» за 10 февраля 1894 г.: «Постановление гор. управы об ассигновании суммы на ремонт дома на Софиевской ул., предназначенного для музея изящных искусств. … Что касается, затем, вопроса о приспособлении здания, то по этому поводу бывшая комиссия пригласили для разработки проекта г. архитектора Н.К. Толвинского и по первоначально составленному им проекту стоимость приспособления здания определена была в 57.000 рублей. Но затем проект этот был видоизменен, так как, во 1-х, Императорское Одесское общество истории и древностей отказалось от помещения в этом здании, и во 2-х, одесское отделение Императорского Русского технического общества построило собственное здание, вследствие чего не представлялось более необходимости приспособлять

для него помещение, которое, в видах обеспечения музея в пожарном отношении по первоначальному проекту предполагалось устроить так, чтобы оно было совершенно обособлено от помещений музея.*

С 1891 года в наемном помещении Одесским отделением ИРТО была открыта Школа десятников строительного дела, готовившая так необходимых в бурно растущем городе прорабов. Естественно, школу тоже нужно было перевести в предполагавшееся к постройке здание общества. Старым проектом школа не предусматривалась вовсе. Поэтому был объявлен новый конкурс.

1892. Проект и постройка здания на Княжеской, 1

– 7 марта в кабинете товарища городского головы состоялось заседание совета ООИРТО, на котором постановили устроить конкурс на составление проекта, выработав программу конкурса и определив сроки подачи проекта в набросках карандашом – до 24 марта.

Программа, утвержденная в этот день, гласила следующее: «На постройку помещения для ООИРТО и школы десятников при нем требуется составить эскиз проекта для следующих помещений:

1) Зала для собраний (не менее 45 кв. саж)

2) Вестибюль (не менее 10 кв. саж)

3) Комната для заседаний совета (не менее 6 кв. саж)

4) Библиотека (не менее 12 кв. саж)

5) Помещение для сторожа (4 кв. саж)

6) Ватерклозет с писсуаром (2 кв. саж)

7) Две запасные комнаты по 6 кв. саж каждая (для лабораторий)

8) Буфетная комната (2 кв. саж.).

В этом же здании нужно было разместить школу десятников строительного дела. По плану она должна была состоять из:

9) Двух классов не менее 10 кв. саженей каждая

* ГАОО, ф. 35, оп. 1, ч. 1, д. 5169, лл. 3-5 об. «О даре тайным совет. Григорием Маразли городу Одессе двора в Одессе, 3 части, в сумме 100.000 руб.»

10) Одной мастерской – не менее 12 кв. саж.

11) Одной учительской комнаты – не менее 5 кв. саж.

12) Одной раздевальной – не менее 4 кв. саж.

13) 3-х комнат с кухней и кладовой для квартиры учителя (17 кв. саж.)

14) Одной комнаты для сторожа

15) Ватерклозета для школы и помещения для топлива.

В примечании было сказано, что в помещении № 1 желательно предусмотреть в будущем возможность перейти к центральному отоплению, а помещения от № 7 по 15 включительно могут быть помещены в подвальный этаж, при условии, чтобы таковой был достаточно светел, сух и высок. Стоимость всей постройки не должна превышать 30 тыс. руб.

Эскизы (в карандаше) желающих принять участие должны были быть представлены никак не позже 12 часов дня 24 марта 1892 года в университет на имя председателя отделения В.Н. Лигина. Предварительная смета должна быть рассчитана по кубическому содержанию, считая по 60 рублей за куб, причем исчисление объема производится от низшего пола до карниза здания.

– 9 марта. Утвержденная 7 марта программа по постройке здания была отпечатана типографским способом и разослана.

– 16 марта. В соединенном заседании архитектурного и строительного отделов избраны члены жюри по оценке проектов постройки здания ООИРТО – от архитектурного отдела членами жюри предложено стать Лонскому и Скведеру, от строительного – Шельтингу и Швенднеру.

– 18 марта. Избранным от архитектурного и строительного отделов членам жюри разосланы приглашения быть на первом собрании оценочной комиссии 24 марта, с тем что окончательное заключение комиссии должно быть вынесено не позднее 28 марта, а совет отделения мог совместно с членами жюри 30 марта рассмотреть и утвердить протокол комиссии. К перечисленным выше членам жюри добавлен Э.Б. Вей.

– В период между 16 и 27 марта всем членам жюри по оценке проектов здания ООИРТО были представлены критерии, которыми они должны были руководствоваться, рассматривая поступившие проекты.

– 19 марта. В здании Городской думы состоялось заседание совета ООИРТО, посвященное вопросам строительства собственного здания.

– 20 марта. За подписью В.Н. Лигина от имени ООИРТО напечатано воззвание к членам общества, в котором объясняется насущная необходимость постройки собственного здания, а также то, что ввиду открытия Школы десятников здание должно быть построено с учетом размещения ее в нем. Письмом просят всех, кто не принимал участия в подписке по сбору средств на строительство здания, проведенной в 1888 году, принять посильное участие в новой подписке, объявляемой данным письмом.

– 24 марта до 12 часов пополудни на имя председателя ООИРТО В.Н. Лигина было доставлено восемь анонимных проектов здания общества. Позднее состоялось первое заседание жюри по оценке конкурсных проектов. Поступившие, как и в прошлый раз, анонимно, проекты были обозначены следующими девизами: «По программе», «Проба», «Бандура», «Товарищам» (в трех вариантах), «В добрый час», «И по средствам, и по месту», «IX» и «С. Ю.» После рассмотрения их жюри были вскрыты конверты с именами авторов проектов. Вот имена авторов представленных проектов:

– «По программе» – Аркадий Дмитриевич Тодоров;

– «Проба» – И.Г. Маль (?);

– «Бандура» – Александр Осипович Бернардацци;

– «Товарищам» – Николай Константинович Толвинский;

– «В добрый час» – инженер А.С. Лясковский;

– «И по средствам, и по месту» – Аркадий Дмитриевич Тодоров;

– «IX» – Эдуард Яковлевич Меснер;

– «С. Ю.» – нет информации.

Как видим, Тодоров выдал аж два проекта. В период между 24 и 30 марта комиссия из четырех членов общества составила большую сводную таблицу со сравнительной оценкой всех представленных проектов.

– 26 марта городская управа препровождает одесскому нотариусу Вейнбергу все необходимые бумаги для рассмотрения

Автограф Эдуарда Меснера. 1900-й год

с целью совершения крепостного акта по выделенному участку земли).*

– 30 марта в здании Городской думы состоялось заседание совета ООИРТО, на котором рассматривался вопрос постройки здания общества, и именно в этот день, согласно плану, жюри выбрало победителем проект под девизом «IX» Эдуарда Яковлевича Меснера. Здесь уже речь идет о том самом доме, который еще не так давно украшал наш город.

– В период между 30 марта и 14 апреля в выбранный проект Меснера было предложено внести некоторые доработки, что и было сделано.

– 20 апреля в здании Городской думы состоялось заседание совета ООИРТО, на котором была выбрана строительная комиссия для постройки здания.

– 22 апреля в квартире обладателя самой большой промышленной мельницы в Одессе Вайнштейна, на Надеждинской, 11, состоялось первое заседание строительной комиссии. В нее входили: сам Вайнштейн, Шельтинг, Швенднер, Дитерихс, Рейнгерц, Льюикс, Ландесман.**

– 7 мая. В период с 1 по 7 мая состоялась торжественная закладка здания ООИРТО. Об этом свидетельствуют несколько ответных телеграмм от бывших членов ООИРТО, которых ООИРТО извещало об этом событии. Все телеграммы датированы 7 мая 1892 года.***

– 4 июня. Министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново на докладе императору Александру III рассказал о передаче Городской думою участка земли для нужд ООИРТО. Император повелел утвердить сей план.

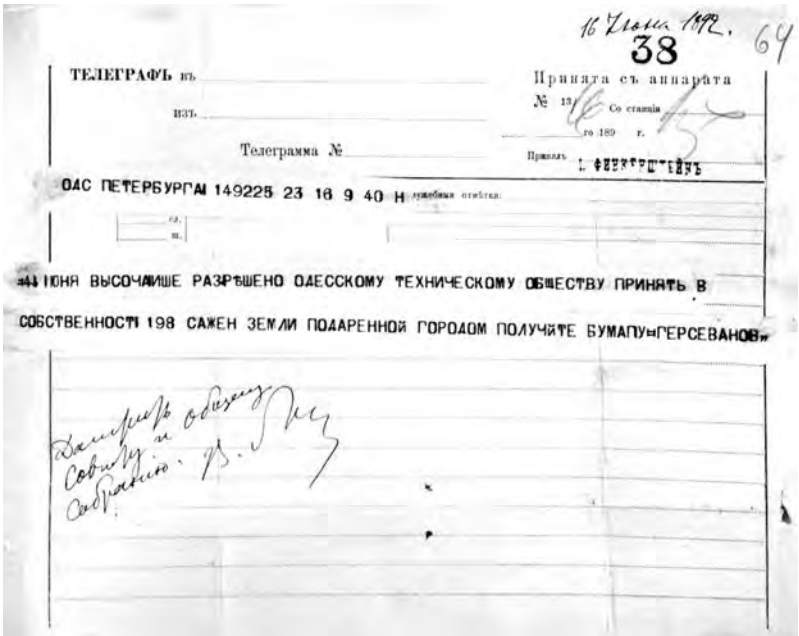
– 12 июня министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново сообщил о таковом решении императора в ИРТО в Петербурге.

---

* ГАОО 16-62-320, лист 45.

** ГАОО 333-1-215, лист 55.

*** Там же, листы 56-58.



16 Июня 1892. 64

38

ТЕЛЕГРАФЪ въ

изъ

Телеграмма №

Принята съ аппарата

№ 13 Со станціи

го 189 г.

Принялъ

ОДС ПЕТЕРБУРГА 149225 23 16 9 40 Н

ЮНЯ ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕНО ОДЕССКОМУ ТЕХНИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ ПРИНЯТЬ В СОБСТВЕННОСТЬ 198 САЖЕН ЗЕМЛИ ПОДАРЕННОЙ ГОРОДОМ ПОЛУЧИТЕ БУМАГУ ГЕРСЕВАНОВ

– 15 июня совет ИРТО в Петербурге сообщил о решении императора в ООИРТО официальной бумагой за № 1518.

– 16 июня получена телеграмма их Петербурга о высочайшем дозволении принять в собственность подаренный участок земли.****

– 24 июня хозяйственный отдел городской управы письмом просит городского нотариуса Вейнберга «совершить крепостным порядком на имя ООИРТО акт на право владения указанным участком…». Указана стоимость данного участка, которая определена в 7920 рублей.*****

– 24 июня – хозяйственный отдел городской управы письмом сообщает ООИРТО и городскому нотариусу Вейнбергу о совершении крепостного акта на участок земли, отведенный ООИРТО.

**** Там же, лист 64.

***** ГАОО 16-62-320, лист 47.

Таким образом, закрепление – крепостной акт – документально оформленная передача участка земли состоялась уже после того, как сам дом был торжественно на нем заложен. Так же, как и пришедшее высочайшее одобрение.

– 27 июня. Городская управа имеет честь уведомить ООИРТО, что одновременно с этим сообщено одесскому нотариусу г. Вейнбергу о совершении на имя отделения общества крепостного акта на право владения участком земли, отведенным бесплатно, согласно приговору Думы от 8 февраля 1888 г. № 21, на условиях, изложенных в этом приговоре.

– 28 июня министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново пишет письмо председателю ИРТО Петру Аркадьевичу Кочубею, в котором говорит о том, что, не возражая против безвозмездного отвода городской земли в Одессе для нужд ООИРТО, он считал бы целесообразным, чтобы такое приобретение было обусловлено возвращением означенного участка городу в том случае, если бы надобность в оном миновала для ООИРТО. Также он говорит в письме о том, что нужно было бы дополнить устав названного общества дозволением ему приобретать недвижимую собственность установленным законами способом. На письме стоит резолюция (видимо, Кочубея): «Не нужно».

– До 3 июля председатель правления ООИРТО Лигин обратился к председателю управления Юго-Западных железных дорог Александру Парфеньевичу Бородину (в Киеве) с просьбой разрешить бесплатную доставку необходимого количества извести, нужной для постройки здания ООИРТО, со станции Кодыма до станции Одесса. Позднее Лигин также обратился с просьбой об отпуске лесоматериалов для строительства со складов управления Ю-З ЖД в Одессе.

– 3 июля председатель управления Юго-Западных железных дорог Александр Парфеньевич Бородин сообщил Лигину, что направил вопрос о предоставлении льготного тарифа на перевозку семи вагонов (610 пудов) извести со станции Кодыма до станции Одесса в департамент ж/д дел, относительно же отпуска лесного материала со складов Ю-З ЖД в Одессе управление готово отпустить их по номенклатурной стоимости. Об этом свидетельствуют

два письма. Итогом переписки явился льготный тариф в $^{1}/_{100}$ копейки с пуда за версту. Для осуществления всех необходимых сношений ООИРТО выдало доверенность Б. Когану.

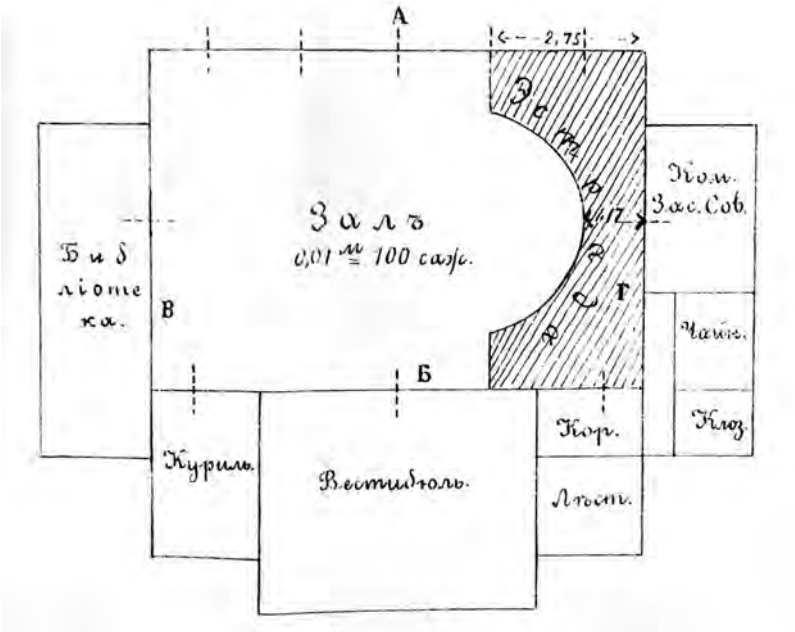
– 30 сентября: «Ввиду наступления времени перехода отделения в собственное здание своевременным является вопрос как о приобретении необходимой для заседаний совета и общих собраний мебели, так отыскания способов временного освещения означенных помещений, впредь до разъяснения возможностей введения электрического освещения. Совет отделения при обсуждении означенных вопросов признал необходимым для этой цели избрать комиссию под председательством А.И. Бернардацци с просьбой представить свое по означенному вопросу заключение (сообщить о нем) не позже 10 октября».

Параллельно возникают новые, надо сказать, симпатичные идеи:

– 10 (20?) октября. Член городской управы В.Ф. Докс выступает с докладом о просьбе ООИРТО об отдаче внаем местности с трех сторон построенного здания ООИРТО для устройства сквера, который «послужит к украшению этой *пустынной местности* и вместе с тем сделает менее заметным косое относительно улицы положение дома Т. О.». Сквер предполагалось окружить «легкою оградою». Пространство должно было оставаться в собственности города. Сквер должен быть устроен на средства общества. Земля (площадью в 221 кв. саж.) должна быть возвращена городу, если она ему понадобится, по первому требованию. Докс просит отвести обществу эту землю сроком на 12 лет по цене в 10 рублей в год.*

Одновременно со всем этим активно шло строительство здания, и тут, как всегда, выяснилось, что денег мало. Поэтому в этот же день, 10 октября, председатель отделения В.Н. Лигин просит членов совета подписать два необходимых документа в Общество взаимного кредита для получения ссуды в 10000 рублей для завершения строительства и в срок до 2 ноября 1892 года явиться всех в контору нотариуса Вейнберга, что находилась на углу Еврейской и Ришельевской, чтобы расписаться в необходимых документах, уполномочивающих В.Н. Лигина

* ГАОО 16-62-320, лист 56 – 56 оборот.



Планировка помещений первого этажа (ГАОО 333-1-208, лист 31)

для получения залогового свидетельства.* Но и сами члены общества, и сочувствующие помогали строительству кто чем мог – перечислю некоторых из наиболее известных лиц и предприятий, сделавших пожертвования материалами для строительства: Бонифаци, Водопроводное общество, князь Гагарин, Газовый завод, Георги, Днепровский завод, Енни, Ландесман, Моргулис, Натали, Одесское товарищество красок и лаков, Перелишин, Рафалович, Робина, Тодоров, общество «Труд», Циммерман, Яловиков, Шполянский. Владимир Николаевич Курбановский пожертвовал для здания лестницу. Всего упомянуты 64 частных лица и организации. Кроме этого, был еще большой список лиц, пожертвовавших денежные средства. Этот процесс продолжался и после окончания строительства – например, в ноябре 1895

* ГАОО 333-1-215 листы 68 и 69.

было сообщено на собрании членов отделения, что Иосиф Андреевич Тимченко пожертвовал и установил в здании отделения ряд электрических звонков.

– 15 октября – доверенность на хадатайствование у старшего нотариуса Одесского окружного суда о получении залогового свидетельства на заседании совета выдается председателю ООИРТО В.Н. Лигину.

– 30 октября. Доклад В.Ф. Докса утвержден. Городская управа согласилось отдать внаем участок вокруг строящегося здания ООИРТО для устройства там сквера на оговоренных ранее условиях. Об этом решении управа уведомила ООИРТО 3 ноября 1892 года.**

– 3 ноября. Городская управа вышла с отношением к ООИРТО, где говорится о согласии передать ООИРТО участок под сквер на оговоренных условиях.

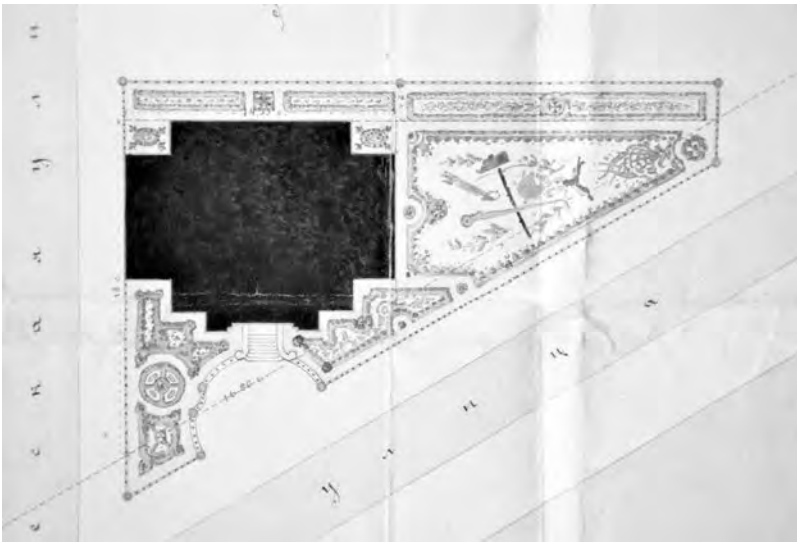
– 7 ноября состоялось заседание совета ООИРТО, где было выражено согласие принять решение городской управы о выделении участка с трех сторон здания ООИРТО для устройства сквера на оговоренных условиях, о чем городской управе было сообщено письмом от 9 ноября.

Строительство, меж тем, скрепленное поступившим финансированием, близилось к концу, появилась дата открытия – 29 ноября, и пора было подумать о торжественной части. Поэтому на том же заседании совета 7 ноября были избраны распорядители по приему гостей на торжественное открытие здания и комиссия по декорированию здания.***

– 14 ноября. Хозяйственный отдел городской управы передает в ООИРТО план участка земли, переданного управой в аренду ООИРТО, и просит ООИРТО внести в кассу управы 10 рублей оплаты за аренду за первый год.

И вот наконец 29 ноября 1892 года многолетняя история закончилась – в торжественной обстановке в присутствии многочисленной публики состоялось открытие построенного здания ООИРТО. Конечно, это было событие в городской жизни, к нему тщательно готовились. Предварительно были разосланы телеграммы и письма следующим лицам (сохранившиеся в деле ГАОО

** ГАОО 333-1-211, лист 2.
*** ГАОО 333-1-208, лист 102.



План участка под сквер и здания Одесского отделения ИРТО

33-1-208 «Переписка о праздновании открытия нового здания отделения…»):

1) министру финансов Сергею Юльевичу Витте;
2) Александру Николаевичу Новосельскому;
3) Христофору Христофоровичу Роопу;
4) графу Николаю Яковлевичу Ростовцеву;
5) Александру Парфеньевичу Бородину (Ю-З ЖД);
6) Ивану Ираклиевичу Курису
7) Артуру Рудольфовичу Абрагамсону (Киевское отделение ИРТО);
8) Витольду Аполлинариевичу Крассовскому (б. председатель ООИРТО);
9) Рекало;
10) Гаррису;
11) великому князю Александру Михайловичу;
12) Михаилу Николаевичу Герсеванову (вице-председателю ИРТО);

13) Михаилу Павловичу Озмидову («Новороссийский телеграф»);

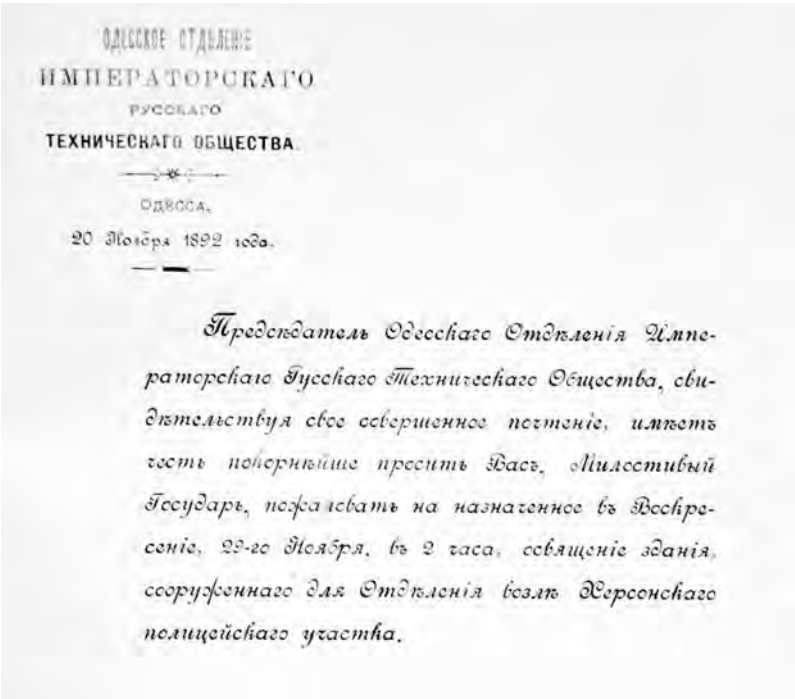
14) Владимиру Васильевичу Якунину (городская управа);

15) Николаю Христиановичу Бунге (Киевское отделение ИРТО);

16) Николаю Платоновичу Никитину (председателю Херсонской земской управы);

17) Петру Федоровичу Рербергу (командиру 8-го армейского корпуса).

Помимо телеграмм были приготовлены приглашения и программа празднования, которые публикую ниже.



ОДЕССКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО
ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ОДЕССА,
20 Ноября 1892 года.

Предсѣдатель Одесскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, свидѣтельствуя свое совершенное почтеніе, имѣетъ честь покорнѣйше просить Васъ, Милостивый Государь, пожаловать на назначенное въ Воскресеніе, 22-го Ноября, въ 2 часа, освященіе зданія, сооруженнаго для Отдѣленія возлѣ Херсонскаго полицейскаго участка.

Пригласительный билет на торжественное открытие здания Одесского отделения ИРТО

ПРОГРАММА ПРАЗДНЕСТВА

29-го Ноября.

1) Богослуженіе (2 часа пополудни).
2) Освященіе и осмотръ зданія.
3) Рѣчь Секретаря Отдѣленія о значеніи празднуемаго дня.
4) Рѣчь Предсѣдателя съ выраженіемъ благодарности учрежденіямъ и лицамъ, способствовавшимъ постройкѣ.

Тосты:

5) *гр. Мусинъ-Пушкинъ* — за Государя Императора.
6) *Г. Градоначальникъ* — за Государыню Императрицу.
7) *Предсѣдатель* — за Августѣйшаго Предсѣдателя Технич. Общ. Великаго Князя Александра Михайловича
8) *В. Н. Лигинъ* — за представит. высшей администраціи гор. Одессы.
9) *ген. Янубовичъ* — за представит. высшаго духовенства.
10) *С. Ѳ. Стемпковскій* — за Город. Голову.
11) *г. Градоначальникъ* — за В. Н. Лигина.
12) *г. Стемпковскій* — проситъ гостей присутствовать при домашнемъ торжествѣ чествованія г. Предсѣд. и выслушать адресъ.
13) *г. Бернардацци* — читаетъ адресъ, который держатъ гг. Починскій и Овенъ.
14) Въ извѣстномъ мѣстѣ адреса открывается портретъ В. Н. Лигина, находящійся до того на столѣ Строит. Коммисіи.
15) Отвѣтная рѣчь г. Предсѣдателя.
16) *г. Починскій* — за г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа и г. Ректора Университета.
17) *г. Овенъ* — за и. д. Предсѣдателя И. Р. Т. Об.
18) *г. Бернардацци* — за Управленіе Юго-Западныхъ Ж. Д.
19) Благодарственное привѣтствіе депутаціи десятниковъ по адрессу Общества.
20) Рѣчь Миллера } если время позволитъ.
21) Рѣчь Натали }
22) Тостъ г. Градонач. за Государя Императора.
23) Разъѣздъ.

24) Обѣдъ въ 6 час. веч. въ рест. Сѣверной Гостинницы.
25) Въ 12 час. ночи пуншъ и жженка президентская.

Типографія «Одесскихъ новостей»

Пунш и «жженка президентская», да в 12 часов ночи! Точно не масоны

Здание Одесского отделения ИРТО вскоре после возведения. Перед зданием еще видны стройматериалы. Фотография предоставлена Евгением Сокольским

1895 (7)

– 23 ноября. На общем собрании выслушан протокол ревизионной комиссии о постройке здания ООИРТО, причем найдено, что все расходы в размере 45740 руб. 24 коп. произведены чрезвычайно целесообразно и со строгим соблюдением интересов общества.

Описание здания в период между 1893 (с момента окончания отделки внутренних помещений) по 1897 год:

«Здание состоит из трех этажей и занимает площадь около 100 кв. саж. Нижний (подвальный) этаж предназначен для школы десятников и учебных мастерских; в первом этаже помещается зал общих собраний, читальная, комната для заседаний совета, приемная, вестибюль и др.; в верхнем же этаже распределены: фотографический павильон, библиотека, квартира инспектора школы или заведующего зданием и проч.»

Деятельность общества становилась все более многообразной, интересной и востребованной. Появилась возможность дальнейшего расширения, и на рубеже веков школа десятников переедет в собственное здание, выстроенное в близком стиле совсем рядом. Это дало возможность расширить сферы деятельности одесского отделения, добавить новые отделы, которые охватывали новые области науки и техники – например авиацию и автомобили. Это замечательное здание видело в своих стенах наиболее выдающихся и интересных жителей Одессы и ее гостей, его след в истории города очень весом.

К сожалению, мы не смогли это наследие сберечь.

Игуменья Серафима: «Любовью все преодолеем»

Настоятельница Свято-Архангело-Михайловского монастыря – одна из самых уважаемых личностей нашего города, и не только среди верующих. Она многое делает, для того чтобы в стране, в Одессе воцарились мир и спокойствие, наступило торжество закона и разума.

Публикуем интервью, которое взял у нее редактор альманаха Феликс Кохрихт.

Феликс Кохрихт: – Уважаемая матушка Серафима! Мы познакомились с вами в середине 90-х годов прошлого века в бытность вашу послушницей Надеждой. Вам предстояло совершить важный шаг: принять постриг и с новым именем – сестры Серафимы – начать новую жизнь.

В те годы только-только начинали возрождаться религиозные центры. Государство возвращало верующим – православным, католикам, протестантам, иудеям – культовые здания и сооружения. Они были в разном состоянии. Что касается обители, в которой мы ведем разговор, то она, по сути, и не существовала. Вот здесь и началось ваше служение, которое продолжается и сегодня.

Готовы ли вы были к этому, такой ли вам представлялась жизнь, которую вы начинали в те дни?

Игуменья Серафима: – Одессу я любила еще до того, как с ней встретилась. Она представлялась прекрасной, как некие волшебные города у Александра Грина, где всё удивительным образом гармонично сочетается, где люди все счастливы, улыбчивы, где все процветает. Может быть, этот миф жил еще со школы? Мы все с вами выросли на Багрицком, Катаеве, Бабеле, других классиках Одессы. Я даже не могу сказать, откуда во мне зажглась эта любовь.

Ф. К.: – Вы ведь не одесситка?

И. С.: – Тогда я была еще не одесситка. Первый раз побывала здесь в 9 классе. Мы приехали летом на Хаджибей, и что удивительно, состоялась некая сакральная встреча – как раз с религиозной Одессой.

Ф. К.: – Откуда вы приехали?

И. С.: – Из Умани. Это родина моей мамы. Я уже тогда ощутила многогранность этого города. Советская Одесса сочетала в себе несопоставимое: она пестрила коммунистической символикой, сверкала обилием контрабандных импортных вещей и в то же время лучилась куполами церквей. В Ильинском храме на Пушкинской улице находилась старообрядческая молельня. Мы совершенно случайно туда зашли. Спустились вниз. Увидели иконы, древних старичков, молившихся за богослужением. И через несколько лет, когда я уже навсегда приехала в этот город, снова встретилась со святынями этой молельни. Когда умер последний прихожанин, иконы передали властям, а те, в свою очередь, подарили их в наш музей «Христианская Одесса».

Уже тогда, в юношестве, я поняла, что Одесса сочетает в себе несочетаемое, новое и старое, ветхое и обновляющееся. Это город, где мудрость и духовность соседствуют с бесшабашностью, предприимчивостью, распущенностью. Это город контрастов.

Вы помните те времена, когда на Дерибасовской стояли огромные очереди за молоком?

Ф. К.: – Конечно!

И. С.: – В бутылках стеклянных, с толстым горлышком…

Ф. К.: – Я стоял в этих очередях.

И. С.: – Вспоминаю Одессу 1990-х годов – эти очереди на некогда блистательной Дерибасовской и это молоко, которое лужами разливалось по грязной улице. Какие-то магазины непонятные, в которых непонятно что продавалось.

Вспоминаю и «Золотой ключик»! Тогда меня удивило, что посредине витрины возлежал…

Ф. К.: – Кот.

И. С.: – Шикарнейший, красивейший кот. Он заслонял всю витрину, и никто даже не думал его прогонять. Он был хозяин. И продавщицы к нему относилась куда более уважительно, чем к покупателям.

Ф. К.: – Какой перед вами предстала обитель, ставшая родным домом, который предстояло возродить вашим сестрам – совершить это, по сути, чудо? Что чувствуете сегодня вы, игуменья, продолжающая строить и расширять обитель?

И. С.: – Когда я приехала в обитель, то снова увидела блеск и нищету этого поразительного и удивительного города, потому что в самом центре его, рядом с парком Шевченко, зоной отдыха, находилась туберкулезная больница для заключенных, наркоманов и алкоголиков. Полуразрушенные здания, полная антисанитария. И тут же, рядом, детишки гуляют в парке, где барражируют люди, которые несут страшную инфекцию. Это – наш монастырь, закрытый советскими властями и превращенный в спецтюрьму для больных.

Однако в этом городе контрастов, тем не менее, было нечто особое, которое влекло неудержимо. Я влюбилась в него – сначала в миф, а потом и в реальность, сразу же и бесповоротно, навсегда. Поэтому на первый вопрос отвечаю так: я в Одессу влюбилась, в такую, какой она есть. В город старого и нового, бездуховности и духовности, греха и святости.

Ф. К.: – Ваш монастырь – неотъемлемая составляющая Одессы, но история его настолько драматична, что многие наши читатели ничего о ней не знают.

И. С.: – На том месте, где мы сейчас беседуем, с 1844 года находился монастырь, возникший на месте храма Архангела Михаила, Строили Архангело-Михайловскую церковь самые выдающиеся люди Одессы, в том числе Михаил Семенович Воронцов. Князь

носил имя Архангела Михаила, и поэтому в честь своего небесного покровителя и созидал ее. Его можно назвать ктитором святыя обители сея.

Среди жертвователей, тех, кто строил храм и обитель, – элита Одессы. Елена Демидова-Сан-Донато, Александр Стурдза, Роксандра Эдлинг – много, очень много выдающихся людей. Причем среди устроителей были и православные, и католики, и лютеране, и иудеи… Греки, французы, поляки и другие этносы, населявшие город. То храм был особый. Он созидался из кирпичиков, заложенных людьми разных вер, разных национальностей. Такое бывает, наверное, только в Одессе.

Заложен он был в 1828 году, а в 1841 году при нем начали строить обитель. Первые здания освятили в 1844 г. Этот монастырь был училищный, то есть при нем сразу был заложен приют с училищем для девиц духовного звания. Монахини преподавали Закон Божий и другие предметы.

Ф. К.: – Когда же монастырь был закрыт? Это ведь случалось не раз?

И. С.: – Впервые он был закрыт большевиками в 1920-е годы. Тогда же из монастыря изгнали насельниц. Здесь была школа имени Кагановича, другие учреждения.

Когда в Одессу в 1941 году пришли румыны, храмы и воскресные школы были вновь открыты. Вспоминаю Александра Довженко, в дневнике которого есть и такая запись… Учитель, коммунист, который раньше преподавал историю партии, на первом уроке говорит, уже при новых хозяевах, так сказать, властителях: «Дети, я вам раньше говорил, что Бога нет, так теперь знайте, Он есть». И заплакал, бедный, потому что через силу говорил.

Уже после войны, в 1961 году, при Хрущеве монастырь вновь закрыли. Почему? Потому что коммунизм на горизонте маячил.

Ф. К.: – Это была настоящая трагедия для изгнанных. Я помню этих женщин – в основном старых, пожилых. Многие наши знакомые и родичи их приютили… Когда же сестры вернулись домой, в монастырь?

И. С.: – Они вернулись через 30 лет. И причем из разных городов. Они вернулись – почти все, кто дожил.

Ф. К.: – С чего начиналось возрождение обители? Как удалось за короткое время возродить церковь, жилые помещения, вернуть старых насельниц, переживших изгнание? Кто, помог вам и вашим сестрам совершить это, по сути, чудо?

И. С.: – Помог Небесный покровитель Архистратиг Михаил. Вся Одесса помогла. Буквально по копейке, по кирпичику. Низкий поклон всем, кто участвовал в этом святом деле!

Большую помощь в те годы нам оказывали мэр города Эдуард Иосифович Гурвиц, его заместитель Михаил Ильич Кучук. Именно к нему я пошла в один из тяжелейших периодов нашей жизни, когда на нашу территорию начал претендовать один из самых состоятельных бизнесменов города. Однажды он приехал на «мерседесе» и прямо заявил: «Это – моя земля!». Когда я пришла в горисполком, то увидела в приемной Кучука этого самого олигарха и подумала, что он, разумеется, добьется своего…

Но все вышло иначе!

Михаил Ильич решил дело в нашу пользу. Монастырю вернули землю в полном объеме. Сколько буду жить., буду всегда о здравии поминать раба божьего Михаила и его маму – нашу прихожанку.

Ф. К.: – Что чувствуете сегодня вы, продолжающая строить и расширять обитель? Кто помогает вам? Я имею в виду просвещенных меценатов, которыми с давних лет славится Одесса.

И. С.: – Олег Исаакович Платонов. Он действительно человек, которого можно назвать лицом Одессы. Красивым, умным, просвещенным, одухотворенным. К сожалению, таких очень мало.

Ф. К.: – Я знаю, что о вашей обители, о ее возрождении написаны книги, сняты фильмы. Но читатели нашего альманаха – люди светские, да и разных конфессий. Такова наша Одесса.

Должен вам сказать, что наши земляки больше знают мужской монастырь на Большом Фонтане, тот, что был сооружен над морем, вдали от шума городского. Он изображен на старых фотографиях и открытках, на картинах Кириака Костанди. Многие из нас в детстве купались на берегу, примыкающему к обители. А вот женский монастырь находится в центре города, на шумной улице, да еще недавно прибавились по соседству в парке аттракционы и колесо обозрения… Не мешает ли все это монастырскому укладу? Редкий случай, когда монастырь находится в самом центре города.

И. С.: – Раньше это место было окраиной города. Теперь же он оказался практически в центре Одессы, практически в шумном парке.

Когда мы сюда пришли, а это был самый конец 1991 г., то начали с молебна. Это был День Архангела Михаила, 21 ноября. Мы пригласили священника и прямо перед стенами храма, который тогда являлся больничным помещением, помолились Архистратигу Михаилу, чтобы он помог нам возродить эту святыню. Но окончательно больница выехала отсюда в 1997 г. Хотя с 1992 года мы уже фактически здесь проживали. В заброшенном здании, рядом с моргом через стенку. Тем не менее мы все пережили, через все ужасы прошли. Часть корпусов была занята сестрами, остальные принадлежали больнице. Мы вместе ходили по одной территории, посещали палаты, не боясь заразиться. Я помню этих несчастных больных. У нас с ними сразу установились дружеские отношения, и мы помогали им, чем могли. Я одному даже свой крестильный крестик отдала, умирающему.

Спасибо одесситам, они не оставили нас в беде. Весь город была с нами: люди самые простые, не богатые и, в первую очередь, интеллигенция. Мы начали сотрудничать с журналистами, я приходила в редакции одесских газет, в том числе в «Слово», где редактором был Леонид Капелюшный, и вы работали.

Хочу вспомнить тех, кто тогда работал в газетах и не только, и с кем мы тогда подружились: Валерий Барановский, Евгений Голубовский, Борис Херсонский, Леонид Брук.

И не только с журналистами. Уже нет с нами Евгения Оленина, Евгения Калищука, Валерия Мазурина…

Ф. К.: – На протяжении веков монастыри были, если выразиться в современной стилистике, центрами издательской деятельности. И таковыми остаются. Один из них нынче – ваша обитель. Расскажите, пожалуйста, об этом.

И. С.: – Наш монастырь проводит работу по изучению истории края, истории христианства, издает книги. Мы построили трехэтажное здание музея «Христианская Одесса», собрали уникальные экспонаты, старые книги, иконы, утварь, открытки, документы, фотографии и т. д. И все это благодаря нашей интеллигенции, простым людям, которые вносили какую-то лепту, буквально небольшие очень деньги. А ведь тогда были труднейшие девяностые годы… Особо ценную поддержку мы получили и получаем сейчас от Анатолия Александровича Дроздовского – исследователя истории Одессы, коллекционера и мецената. Благодаря энтузиазму одесситов, причем живущих не только в Украине, но и в других странах, все это и было создано…

Ф. К.: – Изначально монастыри предназначались не только для молитвы и аскезы, но и для того, чтобы насельницы ежедневным трудом снабжали себя всем необходимым, оказывали помощь неимущим, гонимым и больным. То, что вы подарили свой крестильный крестик умирающему больному, – это символический шаг, который, конечно, сыграл в его судьбе большую роль. Как и чем монастырь сейчас помогает больным людям, попавшим в беду?

И. С.: – Наш Дом милосердия рассчитан на 150 человек. Он переполнен и зимой, и летом, особенно зимой. Поступают люди разных возрастов, верующие и неверующие – их привозят с улиц, из подъездов, из парков, с вокзалов, с Привоза. Подбирают просто и привозят, звонят – просят приютить.

Ф. К.: – Женщин?

И. С.: – И мужчин, и женщин. Единственное, мы не берем детей, не имеем права. Закон не разрешает. Поэтому помогаем больше старикам.

Ф. К.: – Как долго они у вас могут находиться?

И. С.: – Кто как может. Бывает, такой человек побудет…

Ф. К.: – Придет в себя…

И. С.: – Оздоровится, мы его почистим, помоем – и как только солнышко, весна, он выползает опять просить милостыню на Привоз, в парки, на пляжи, где больше дают. Наступают холода, зима – снова к нам.

Ф. К.: – А бывает, какие-нибудь судьбы устраиваются?

И. С.: – Бывает. Недавно двое обитателей нашего Дома милосердия создали семью.

Ф. К.: – А есть женщины, которые приняли постриг после этого, которые убедились, что в обители лучше, чем в миру?

И. С.: – Крайне мало, потому что в Дом милосердия поступают люди как раз даже не очень верующие. Мы берем всех. Пытаемся создать для них достойные условия – в меру сил и средств, конечно.

Ф. К.: – Создать и содержать Дом милосердия – затратное во всех смыслах и моготрудное дело…

И. С.: – Дом милосердия – продолжение чуда. Мы его заложили в 1995 году, а через четыре года он уже был открыт. Здание в четыре этажа площадью в 2500 квадратных метров. Стройматериалы нам выделяли Одесский порт, который тогда возглавлял Николай Пантелеймонович Павлюк, порт Южный во главе с Владимиром Григорьевичем Ивановым, фирма «ПЛАСКЕ» – Олег Исаакович Платонов. Низкий всем поклон!

Ф. К.: – Продолжим разговор о предназначениях, которыми опекаются и мужские, и женские монастыри. С незапамятных времен именно монастыри были центрами просвещения – и религиозного, и светского, центрами науки и культуры, хранилищами и священных, и научных книг. Я знаю, что у вас богатейшая библиотека, реставрируются старинные книги и иконы. Расскажите об этом.

И. С.: – Это сфера деятельности монахини Таисии, в миру Эсфири Серпионовой. Она – художник, иконописец, организатор иконописной, реставрационной, переплетной мастерских в монастыре. Пришла в монастырь в середине 90-х годов. Это человек-оркестр, если можно так ее назвать: режет по дереву, занимается ткачеством, пишет стихи, издает учебники, будучи кандидатом наук, известным теоретиком и практиком современной иконо-

писи. Все в ней гармонично сочетается и дает невероятные плоды.

Матушка Таисия создала при монастыре иконописное училище на базе Одесской духовной семинарии. У нас есть и факультет мозаики – единственный среди церковных учреждений Украины.

Ф. К.: – Незадолго до нашей беседы во Всемирном клубе одесситов с успехом прошла очередная выставка работ Эсфири – матушки Таисии. На сей раз она показала свои гобелены, сотканные, образно говоря, из света и цвета. В ее судьбе сочетаются служения и искусству, и вере.

И. С.: – И Всемирный клуб одесситов, и наш монастырь, и другие сообщества несут одинаковую миссию – добра и любви. Я с глубоким уважением отношусь к тем, кто служит Одессе: к Михаилу Жванецкому, Елене Павловой, Евгению Голубовскому, Олегу Губарю, к вам.

Ф. К.: – И еще об одном важном деле, которым занимаются в монастыре, – о наконец-то налаженной в Одессе реставрации старинных книг. Собственно говоря, в обозримом периоде у нас не было таких специалистов и мастерских.

И. С.: – Наша мастерская действительно уникальна. Мы приобрели оборудование для реставрации старинных книг, связались с Московским музеем имени Андрея Рублева, с высокопрофессиональными специалистами, которые приезжали в Одессу. Сегодня мы профессионально реставрируем древние книги. Слава Богу!

Ф. К.: – На территории обители функционирует музей «Христианская Одесса», в котором, свидетельствую, много уникальных

экспонатов – причем, что меня удивило, относящихся не только к православной религии.

И. С.: – Одесса была не только православной – здесь и католики, и протестанты, и лютеране, и другие христианские конфессии уживались, сосуществовали и развивались. У нас хранится очень ценный экспонат – Пятикнижие Моисея, или Тора. Эта книга была подарена иудейским обществом Одессы архиепископу Димитрию Муретову в 1873 году в знак благодарности за то, что он остановил жуткий, отвратительный еврейский погром, который тогда, к сожалению, имел место. И благодаря его энергии, его воззваниям, его очень решительным мерам этот погром был локализован.

Ф. К.: – Известно, что когда умер князь Михаил Воронцов, среди скорбящих было много иудеев. Ни в одном городе Российской империи не было такого человеческого и отношения к евреям, как в Одессе в эпоху правления здесь Михаила Воронцова.

Вот мне сейчас и подумалось, что одесские еврейские общины, да и деловые люди, и интеллигенция могли бы собрать средства на факсимильное переиздание этого раритета и дополнить его текстом Торы в переводе на русский язык. Можно было бы снабдить издание рассказом о благородной деятельности Михаила Воронцова в нашем крае.

И. С.: – И православные могли бы участвовать в этом проекте во славу многонациональной и толерантной Одессы. И еще о нашем музее. Он постоянно пополняется. Не могу не упомянуть с благодарностью и вашу супругу Татьяну Диомидовну Вербицкую. Она передала нам на хранение материалы о житие своего предка боярина Завалишина, причисленного на Псковщине к лику местных святых. Когда Иван Грозный шел разорять Новгород и Псков, боярин пытался его остановить и тут же был растерзан опричниками, буквально в клочья… Крестьяне собрали и захоронили останки, и спустя время на его могиле стали твориться чудеса исцеления…

Ф. К.: – Интересна и драматична судьба потомков боярина. Один из них, лейтенант флота Дмитрий Завалишин, участвовал в морской экспедиции в Антарктиду. В 1825 году был арестован как декабрист и получил вечную сибирскую каторгу, из которой вышел глубоким стариком, не сломленным, автором нескольких книг о том, как обустроить там сельское хозяйство.

Его потомок, ротмистр Сергей Владимирович Завалишин, дед Татьяны, в начале XX века служил начальником пограничной стражи на Дунае. Был, как говорится, отцом солдатам, и они потомка декабриста не дали большевикам в обиду. Но в1937 его уже стариком сослали в Соловки, где его до самой смерти опекали монахи. Они и сообщили о его судьбе семье, проживавшей в Одессе…

И. С.: – История этой семьи – история страны.

Ф. К.: – Ваша просветительская деятельность, матушка Серафима, не ограничивается родной обителью и Одесской епархией. Вы заведуете историко-краеведческим музеем Киевской епархии «Православная Украина», являетесь председателем Синодального отдела УПЦ «Церковь и культура».

И. С.: – По благословению Блаженнейшего Митрополита Киевского и всея Украины Владимира я действительно возглавляю музей «Православная Украина». Собрано очень много ценнейших экспонатов. Это книги, иконы, документы, фотографии, утварь и другие раритеты. Один из них – эскиз одесского художника Михаила Божия к знаменитой картине «Думы мои, думы», которая

находится в Национальном художественной музее. Это портрет Т.Г. Шевченко. Эскиз принадлежал Блаженнейшему Митрополиту Киевскому и всея Украины Владимиру. Он его подарил нашему музею.

Есть прижизненный «Кобзарь», который тоже был в коллекции Блаженнейшего Митрополита Владимира. Есть интересные одесские издания. Оказывается, Блаженнейший Владимир очень любил Одессу. Он здесь четыре года учился в семинарии, был ее ректором. И когда спустя годы к нему в Киев приезжали священники или прихожане из нашего города, он всегда спрашивал: «А где бычки?». И хотя трудно было бычки довезти в багажнике из Одессы в столицу, но ради того, чтобы его порадовать, одесситы шли на всё.

Ф. К.: – Я был знаком с одним из ректоров семинарии отцом Александром Кравченко, который пользовался глубоким уважением у одесситов разных конфессий. Его дочь Нина Александровна и Татьяна – коллеги по университету имени Мечникова.

И. С.: – Это был удивительный человек.

Ф. К.: – Матушка Серафима! Сегодня вы активно, интересно, взволнованно и убедительно отстаиваете в своих книгах и публикациях в прессе извечные идеи гуманизма. В последнее время участились вызовы, которые определенные круги бросают и миру, и человечеству, и церкви.

На Ближнем Востоке фанатики уничтожают древнейшие сирийские монастыри, в которых хранятся священные книги, убивают иноков, говорящих и пишущих на языке Библии – на арамейском…

Определенные силы сеют недоверие, а то и вражду не только между представителями разных этносов и конфессий, но и между единоверцами.

Недавно я узнал, что в нашей стране возникла абсурдная и губительная идея перехода с кириллицы на латиницу…

И. С.: – У нас сейчас появляется много различных идей… Однако молодое вино нужно вливать в новые мехи. Самое страшное, если мы не сможем предложить нашей молодежи свои идеи и сделать их удобопонятными, если мы оторвемся от нее. Если будем хранить свои святыни в музеях, каких-то закрытых сокровищни-

цах, но они останутся чем-то ветхим для тех, кто сейчас растет на наших глазах, затевает разрушительные споры.. Это люди новой реальности, люди Интернета, которые создали свой виртуальный мир, причудливо переплетающийся с реальным. В нем они живут, и им там комфортно. А мы со своими идеями, представлениями о жизни – уже архаика для них. Вот что опасно! Поэтому я считаю, что нужно спокойно, совершенно спокойно относиться к тому, что вырастает на наших глазах. Пусть эти всходы коренятся на губительных гнилых водах, на плохой почве – мы не имеем права их отторгнуть. Сорняки и тепличные растения, все, что вперемешку переплелось на этой почве, мы не имеем права отталкивать от себя. Наоборот, надо принять, полюбить, как ни странно – полюбить это новое племя, «младое, незнакомое». Только тогда мы приобретем их сердца, как говорит Священное Писание.

Ф. К.: – Понять – значит полюбить, или полюбить – значит понять?

И. С.: – Бывает, и не полюбишь, когда поймешь, что там такое. Бывает, такое страшилище вырастет, что полюбить невозможно. Но – «любите врагов ваших»! Это трудный подвиг – полюбить.

Ф. К.: – Не всем это дано.

И. С.: – Сейчас, к сожалению, на наших глазах появляются ядовитые плоды. Все больше представителей нашей молодежи увлечены сомнительными с нравственной точки зрения идеями. Мы должны мудро все это воспринимать. Как вызов, как испытание. И преображать этот мир несовершенный – преображать, а не проклинать. Потому что мы старше, умудреннее, опытнее. На нас возложено это бремя. Но Господь сказал: «Иго Мое благо и бремя Мое легко».

Вот, например, мы, монахи. Заключены в обителях, в этих высоких стенах монастырских. Однако ни за какими крепостными стенами не спрячешься от этого непонятного, грозного и страшного мира. Наоборот, надо бороться за человеческие души. Если мы будем спасать только сами себя, то грош нам цена.

Нужно идти туда, в этот мир, больной, несовершенный, страждущий. Как сказано в притче о святом Николае. Ехала телега, мужик вез там что-то, и попала она в канаву с грязью. Мимо проходил святой Кассиан, к которому мужик обратился с просьбой:

«Помоги вытащить ее». Тот сказал: «У меня блестящие ризы церковные, я не могу запачкаться». И шел святой Николай. Он подоткнул свои ризы, шагнув в грязь по колена, поднапрягся – и эту телегу вытащили. Бог сказал Кассиану: «За то, что ты так поступил, тебе будут праздновать память один раз в четыре года». Догадайтесь, какого числа у него день церковной памяти? 29 февраля!

Ф. К.: – Раз в четыре года.

И. С.: – А память святого Николая отмечается два раза в год – зимой и весной. И еще каждую неделю в четверг совершается богослужение в его честь. Поэтому в грязь, в грязь – вот туда подставлять плечо и вытаскивать, спасать, преображать.

Ф. К.: – Позвольте задать вам вопрос, который, может быть, покажется непростым. Я помню повествования про крестовые походы – христиане шли в Палестину защищать свои святыни. В наше время палестинские боевики чуть не ворвались в Вифлееме в Ясли Христа, но путь им преградили израильские солдаты.

Почему же не объединиться для защиты христианских и иудейских религиозных святынь, памятников всемирной истории в Палестине, Сирии, Ираке представителям разных конфессий, создать надежную стражу?

И. С.: – Я против любых крестовых походов. Дело в том, что когда мы начинаем вторгаться в сферу политики, то мы рискуем там просто с головой утонуть. Это очень сложная тема. Я бы хотела все-таки вернуться к нашим реалиям. Больно, что в Сирии, на Востоке такое творится. Но и у нас, даже в нашей родной Одессе подчас происходят очень некрасивые вещи.

А касательно христолюбивого воинства – это каждый из нас. Мы, каждый, – воин на своем участке. Поэтому мы должны, еще раз повторю, не бояться борьбы за свои идеалы, не бояться грязной работы, не бояться труда, учиться отстаивать свои святыни, но самое главное все-таки – любить этот мир. Любить друзей, любить врагов. И только так мы этот мир сможем преобразить.

Потому что если мы будем его бояться и ненавидеть – мы в конечном итоге увидим падение нашего мира. И падение это, как говорится в Евангелии, будет великое. Если тема любви станет глобальной, если любовь победит, тогда наконец мы построим Эдем на земле.

Например, Украина – это мать для каждого, кто является ее гражданином. Эту землю, Богом данную, мы получили без единой капли крови. Мы получили ее в тех границах, в которых нам дал ее Господь. Большую страну. Разную совершенно. Что мы сделали с ней за двадцать пять лет? Стыдно сказать. И горько. И мы должны каяться в этом. Тогда победим. Мы Христовы воины, но наше оружие – это любовь. Любовью все преодолеем. Если в Украине победит любовь – в нее все вернутся, все обнимутся. «Обнімітеся, брати мої, молю вас, благаю», – говорил Тарас Шевченко.

Богородица покровительствует Украине.

Мне бы хотелось, чтобы Одесса стала для всей нашей страны примером такой любви. А наш монастырь, наши храмы должны все делать для этого. Что и происходит с Божьей помощью.

Галина Педаховская

На берегу прошлого*

Нина, что нечасто с ней случалось, малодушно, как она считала, надеялась, чтобы он, если уж ему это суждено, умер в ее отсутствие. Но все произошло иначе: когда разорвалась его вконец истончившаяся аорта, она была в соседней комнате. Вбежав в палату, Нина увидела, как в такт ударам еще бившегося сердца из его рта выхлестывает кровь. Сестры ненужно суетились с полотенцами. Он был еще в сознании, его взгляд сосредоточился на ней. Она взяла его за руку и, глядя в глаза, сказала:

– Все будет хорошо, кровотечение сейчас прекратится, и вам сразу станет легче, – и тут его жизнь оборвалась.

И сейчас, медленно возвращаясь домой, она мучилась мыслью, успел ли он осознать всю двусмысленность ее лживо-утешительных слов.

Дверь ей открыла Домна Ульяновна:

– Что это вы припозднились, Нина Александровна, и усталая с виду?

– Ничего, работы сегодня много было. Андрюша еще не пришел? Как там Игореша? – и присела на диван – усталость навалилась мгновенно и сокрушительно.

Но Игорь уже прибежал из своей комнаты и показывал ей части полочки, которую он выпиливал лобзиком для своих школьных мелочей, рассказывал, как он провел день в пионерском форпосте, что был в их же доме на первом этаже. А она уже уплывала в сон, в бессознание, не в силах справиться

* Окончание. Начало в кн. 73.

с мыслью о том, что и с ее сыном, таким нежным, белокурым, с огромными голубыми глазами, может случиться что-то страшное, непоправимое.

Домна подошла с пледом:

– Ложитесь, Нина Александровна, что-то вы сегодня совсем плохая. Отдохните. Игоря я накормлю ужином и спать уложу. Отдыхайте…

– Разбудите меня, Домна Ульяновна, когда Андрюша придет.

Нина прикрыла глаза, только и успев подумать: «Что бы я без Домны делала?». Она появилась в их доме около двух лет тому назад. Однажды утром, только Нина пришла в отделение, ее вызвал Александр Дмитриевич. Он был слегка смущен и явно не знал, как начать разговор.

– Нина Александровна, голубушка, только что позвонили из облздравотдела и просили помочь. В Николаевке, помню, вы туда как-то ездили на консультацию, врач заболел, а он там в одном лице – и бог, и царь. Все больные на руках фельдшерицы остались. Я знаю, что кроме работы у вас семья, но…

Понимая, что ехать придется, Нина все же спросила:

– А почему наша больница?

– У нас полный комплект врачей, все-таки мы – ведомственная. А у других далеко не так благополучно. А вы там уже бывали, не могу же я послать кого-то неопытного, – даже рассердился он. – Уходите, уходите сразу же домой, соберитесь, завтра утром за вами заедет машина.

Нина забежала к Аннетте, своей троюродной сестре, а может, и не сестре, но за давностью отношений принято было считать ее родственницей, и попросила присмотреть за Игорем. Аннетта слегка взбила кудряшки, скосила глаза на свое изображение в зеркале и расправила рюш на блузке. Нине, как всегда, когда она общалась с Аннеттой, показалось, что в комнате есть еще кто-то третий, для которого и разыгрывается этот спектакль. Наконец Аннетта робко спросила:

– А я с ним справлюсь, если он будет шалить?

– Справишься, справишься, дорогая, он не опасен, – уже с порога, смеясь, сказала Нина. – Спасибо, Аннетта, ты – моя палочка-выручалочка.

* * *

Больница в Николаевке была основана еще до революции земством, и почти с тех же времен работала в ней старшей фельдшерицей Мария Гавриловна, фактически управляла ею, и справлялась с этой работой неплохо. К счастью, как увидела Нина, тяжелых больных в больнице не было – ушибы, переломы, нарывы. Как показывала врачебная практика, в период уборки урожая болезни от народа на время отступают. Единственным тяжелым был врач, который в разгар лета умудрился подхватить воспаление легких. Боясь осложнений, Нина отправила его в областную больницу, и для них с Марией Гавриловной наступили тихие дни. Каждый вечер Нина звонила домой – узнавала, все ли в порядке. Еще один день прошел спокойно.

Однажды вечером, когда они с Марией Гавриловной сидели на лавочке во дворе, та спросила Нину:

– Что это вы каждый день звоните? Мужа проверяете?

– Что вы, об этом и речи нет. Сыну всего-то восемь лет, вот забота.

– А с кем он, когда отец на работе? С бабушкой?

– Нет, бабушек на хозяйстве не имеем. Дальняя моя родственница присматривает. Но она, понимаете ли, старая дева и боится мальчишек, ей кажется, что способны они только на всякие пакости.

– А что ваш способен?

– Нет, он вполне вразумительный и умеет себя занять.

Мария Гавриловна помолчала, а потом удивила Нину признанием:

– А знаете ли, я – тоже старая дева, но как-то давно уже об этом и позабыла.

Нина глянула на Марию Гавриловну – еще не старую женщину, слегка за сорок, и почувствовала себя неловко:

– Простите мою бестактность. Моя родственница так удивительно не приспособлена к жизни, чего вовсе не скажешь о вас.

– Да бросьте, работа приучила. Тоже была трепетным созданием, готовым отдать все силы людям. Чернышевского и Герцена в гимназии читала, обретала идеалы. И, конечно, приехав сюда, сразу же влюбилась во врача здешнего. Благо хороший человек был, и не женат, и добр, и красив, или сегодня мне кажется, что красив.

Так мы вместе с ним и работали, книги читали – и медицинские, и классику – все совершенствовались. Самая большая интимность, до которой дошли, – совместные чаепития и прогулки по полям, когда было на кого на часок-другой больницу оставить. Мечтали: кончится война, поженимся и всю жизнь проведем в Николаевке, где каждого знаем, да и к нам относились как к родным.

Мария Гавриловна снова помолчала.

– А потом началось: революция, гражданская, народ одичал… Да что я вам рассказываю – сами знаете. Каждый день удивлялись, что его прожили. Увели его с собой деникинцы, какой-то их отряд здесь квартировал, врача у них не было. А мне везут и везут раненых – белых, красных и других, всех цветов тогдашней радуги. Я объясняю, что одна, врача нет, оперировать не могу. А мне кричат: «Бери, у нас все одно помрут». Но и у меня много умерло. А Анатолий мой тоже где-то погиб, не знаю даже, где. Его товарищ письмо мне прислал, долго шло, месяца три. Так и осталась я здесь идеалы наши беречь. Какой уже год и живу тут, при больнице, да и нет у меня нигде никого. Да вы же сами знаете, – и она указала на маленький домик в углу больничного двора в тени двух вишневых деревьев, кусты мальв и левкои ограждали малюсенький палисадник величиной в две простыни.

Через несколько дней Мария Гавриловна пришла в кабинет к Нине.

– Я тут подумала… Тяжело вам справляться с работой. А я вижу, вы из тех, что в больнице пропадают. И ребенок, и хозяйство у вас. Вам помощница нужна. Хочу вам предложить. Да вы ее видели не раз, каждый день проходит мимо, высокая, худая, в белой косынке. Это она на кладбище ходит. Муж у нее пропал давно, в году двадцать первом – двадцать втором. Двоих детей, девочку и мальчика, одна растила. Как говорили в старину, в любви и строгости, и дети хорошие были, учились, ей помогали. В голод в тридцать первом совсем слабые стали, а тут и скарлатина подоспела, умерли оба. Я с ней поговорю. Если согласится, возьмите ее к себе, человек она честный и преданный, а без семьи она, чувствую, пропадет.

Домна пришла на следующий день. Была она прямая и, как говорят на Украине о таких худых, сухоребра. Она внимательно

посмотрела на Нину светло-серыми выплаканными глазами, оценивая ее какими-то своими мерками, и неожиданно тихим шелестящим голосом сказала:

– Я пойду к вам работать, только отпускайте меня каждый год проведать могилки детей.

И такая глубокая печаль прозвучала в этой просьбе, что у Нины перехватило дыхание, и она только и могла сказать:

– Конечно, конечно, всегда, когда вы захотите…

Так Домна оказалась у них в доме, и Нина смогла перевести дыхание. Оказалось, что работала Домна еще до революции у состоятельных людей, была хорошо воспитана, хозяйство вести умела, чудесно накрывала праздничный стол. А главное, Домна полюбила их, слегка безалаберных, всегда спешащих, занятых работой. Нина с благодарностью вспоминала Марию Гавриловну, так удачно решившую многие проблемы их семьи, и всегда слала ей поздравительные письма на Рождество и Пасху.

* * *

Нина проснулась внезапно, будто ее позвали, с гнетущим ощущением несчастья.

– Который уже час? – спросила у Домны, которая шила у настольной лампы.

– Скоро одиннадцать. Игорь давно спит.

– Андрей еще не вернулся?

– Нет. Поглядите на улицу, что творится.

Нина вышла на балкон. Ветер гнул деревья, не давая им выпрямиться. Воздух обрел плотность, и его тяжело было вдохнуть. Из кинотеатра, что наискосок от их дома, вышли с последнего сеанса люди, доносились веселые и испуганные крики. В такую ночь Андрей, начальник производства на судостроительном заводе, домой не вернется, так уж бывало, это нормально.

Андрей же, получив от портовой службы слежения за погодой штормовое предупреждение, прежде всего объявил по селекторной связи, что вторая смена остается на заводе на ночь, и вызвал к себе инженеров и техников. Дав указание остановить все работающие снаружи механизмы и обесточить их, особенно проверить тормозные колодки у кранов, а людей занять работой

в цехах, чтобы не ходили по открытому пространству, во избежание несчастных случаев, он отчасти успокоился: кажется, все предусмотрел – теперь нужно только пережить эту ночь. А сам, надев прорезиненный плащ с капюшоном, вышел на заводской двор. В воздухе носились клубы соленой водяной пыли, в мгновенье лицо стало мокрым, хотя дождя еще не было. Чудовищной высоты волны перехлестывали через брейкватер, вся бухта кипела. На внешний мол Андрей идти не решился – ветер мог снести в воду, а волны слева – северный ветер, самый сильный и опасный, машинально отметил Андрей, – ударяли ритмично и гулко в мол, обдавая его пенистыми каскадами.

Андрей знал на заводе каждый цех, отдел, закоулок. Двадцать лет тому назад пришел он, студент Киевского политехнического института, сюда. Он не подлежал мобилизации в армию как единственный сын престарелых родителей, но обязан был работать на военном предприятии. Из Киева он вернулся в Одессу и на этом заводе три года простоял у токарного станка, вытачивая корпуса снарядов.

Мастер-наставник Иван Степанович Шмыгора, который и сейчас работал здесь в том же качестве, с некоторой долей издевки произнес, глядя на его ухоженные руки:

– Господину студенту, наверное, надо объяснить от самых азов, как подходить к станку, чтобы не покалечиться.

Андрей разозлился: он уже не раз сталкивался в рабочей среде с этаким пренебрежительным отношением к интеллигентным людям или к тем, которых рабочие относили к таковым, – снобизмом наоборот.

– Во-первых, зовите меня Андреем, во-вторых, у меня за плечами ремесленное училище, и я знаю, как выглядит станок, а в-третьих, у меня отец – маляр. Надеюсь, я успокоил вашу пролетарскую совесть?

Тут Андрей слегка лукавил: его отец Петр Лукич в самом деле был маляром, но не без способностей и с умелыми руками. За участие в реставрации Спасо-Преображенского собора он был удостоен звания лично-почетного гражданина, что передавалось его потомкам и приравнивалось к дворянскому. Скудного положения семьи звание не изменило, но оно-то и дало возможность Андрею

поступить и в коммерческое училище, а потом и в Киевский политехнический институт, легко преодолевая сословные барьеры, а учиться он умел: высший балл – иного он не получал.

– Прости, сынок, дурацкое недоверие к людям, опыт битого-перебитого и не раз обманутого, – сказал Шмыгора и подергал себя за длинные казацкие усы, которые, дополняя его фамилию, должны были указывать на его старинное украинское происхождение..

Работа вошла в свою колею. А жизнь все более и более выходила за привычные рамки. Раненые, искалеченные стекались в Одессу, их привозили санитарные поезда. Больницы были переполнены, монастыри переобрудованы под госпитали, гимназистки, курсистки и женщины, как принято говорить, из общества ухаживали за ранеными. Пропал без вести на фронте брат Нины – подруги, нет, любимой девушки Андрея. Впрочем, о том, что она любима, Нина и не знала – время было не подходящим для объяснений.

Бездетный Иван Степанович привязался к Андрею. Жил он со своей уютной Натальей Еремеевной в том же рабочем районе – Молдаванке, что и Андрей, но на улице Внешней – первой от центральной части города. Андрей же жил внизу Молдаванки, на Раскидайловской, что круто спускалась к улице Балковской, которая, собственно, была границей города – за ней уже простирались Слободка и Мельницы. По ней проходила открытая сточная канава, уходящая к полям орошения, где она и терялась в лиманах.

Андрей с удивлением узнал, что Иван Степанович – старый член РСДРП. Правда, его собственная программа существенно отличалась от задач партии, которые провозглашались на заводских сходках, в листовках, что доводилось иногда Андрею читать.

– Равенство для всех, – торжественно басил он, – без бедных, без богатых… Справедливость, милосердие… Но с тем, что войну надо прекратить и пойти на мир с немцами, я не согласен…

– Молчи уж, вояка, – приговаривала Наталья Еремеевна. – Вы, Андрюшенька, ешьте пирожки и не слушайте его: никогда не было и не будет в мире, чтобы все равные были.

Андрей про себя окрестил Ивана Степановича патриархальным большевиком из разряда честных идеалистов. «Если бы все были такими», – сокрушался Андрей, вспоминания теракты, бомбистов и экспроприаторов.

Андрей был честолюбив, знал за собой это, но не считал грехом: ему не нравилась предопределенность жизни: сын кучера рожден быть кучером, а он, сын маляра, не хотел быть маляром. Помогая отцу ремонтировать квартиры состоятельных людей, он еще подростком увидел, что часть людей, пусть малая часть, живет совсем иначе – книги, картины, фортепиано в просторных комнатах. Но главное – их речь была другой, вежливой, тихой и правильной, так разительно отличающейся от смешанного крикливого говора молдаванских дворов. «Что отличает этих людей от тех, среди которых он жил?» – спросил себя Андрей. И ответил: знание и воспитание. Так он открыл для себя путь изменить свою жизнь Это знание и внешность он приобретал долгие годы. Учась в коммерческом училище, он понял, что сын богатых родителей может быть расхлябанным и даже неопрятным. Он же носил форменный сюртук из дорогого английского сукна, стригся у хорошего парикмахера, а как зарабатывал деньги для этого – иная уже история: после уроков работал рассыльным, курьером, помощником приказчика в обувном магазине. Андрей, как говорят англичане, делал себя: занимался спортом – футболом и плаванием, обрел спортивный облик А потом знания и внешность уже работали на него – появилось репетиторство.

Андрей шел против ветра, наклонив голову, в сторону дока. И сразу понял, что просто переждать штормовую ночь им не придется. Танкер «Красный коммунар» стоял в сухом доке. Основные ремонтные работы уже были окончены, оставалась доделка всяких мелочей. Гигантские волны раскачивали огромную конструкцию дока и танкера, которые двигались вразнобой, танкер бился об стенки дока, круша уже кое-где переходные мостки и трапы, а вместе они ударялись о пирс. Андрей с ужасом понял, что участь их решена – утонут оба и разрушат пирс. Это была самая трагическая ситуация, которая могла возникнуть, и она возникла. Можно ли еще что-нибудь сделать? «Думай, думай», – приказал он себе и побежал в сторону здания управления.

– Всем инженерам и мастерам, не теряя ни минуты, быть у дока, – объявил он по радиосвязи. – Немедленно, – добавил еще раз.

Позвонил по телефону директору завода, но трубку никто не поднял. «Мог бы и сам догадаться, где ему нужно быть в такую ночь, – зло подумал Андрей. – Да черт с ним, сам разберусь».

Все собрались у дока, и всем было ясно, что катастрофа неминуема, если что-нибудь немедленно не предпринять.

– Это катастрофа, – сказал кто-то.

И Андрей понял: надо преодолеть панику перед принятием радикального решения, страх перед ответственностью, которую берет на себя, перед всеми возможными последствиями для него самого. Но об этом потом… Преодолевая грохот волн и вой ветра, он прокричал, подавляя последний приступ страха:

– По моему мнению, у нас единственный выход – затопить док… Есть другие соображения? – все потрясенно молчали. – Нет? Значит, так: авральную судовую команду на танкер, рабочих в док, вызвать буксиры…

После этого времени на сомнения не осталось. Команда поднялась на судно, рабочие дока были готовы в последний момент снять все крепления, два буксира закрепили свои тросы на танкере. Андрей еще раз заставил себя думать только о деле, о том, что его решение было единственно правильным с инженерной точки зрения.

– Открыть кингстоны! – крикнул он в мегафон.

Через несколько минут рабочие быстро стали снимать последние крепления и выбираться по лестницам наверх, буксиры натянули тросы. Док тонул. Под танкером появился тонкий слой воды, он быстро уплотнялся, и танкер скользнул в воду гавани. Буксиры потащили его в дальний угол бухты, с подветренной стороны, где практически никакой шторм не мог вызвать большого волнения.

– Слава богу! – сказал стоящий рядом старый коммунист Иван Степанович. – Все живы, а сколько раз сердце останавливалось – могло ребят затереть между бортами. До конца дней мучиться бы виною…

– Да, все обошлось, – сказал Андрей. – Да и ночь уже прошла, – и он посмотрел в кипящую круговерть воды, где полчаса тому назад стоял еще док, посмотрел, как в свежую разверстую могилу, и пошел к себе в кабинет – ждать гостей.

Они и явились около семи часов. Дверь отлетела к стене, будто ее толкнули ногой. «Так и должно быть», – успел подумать Андрей, когда трое энкавэдистов вошли в комнату.

– Встать! – заорал, как видно, старший.

У Андрея в запасе был час до их прихода, и он попытался выработать линию поведения, не отдать им инициативу в руки. Продолжая сидеть за письменным столом, он тихо сказал:

– Присаживайтесь, пожалуйста…

– Издеваешься, вредитель, саботажник. А ну-ка, расскажи: по чьему приказу док затопил?

– По соображениям технической целесообразности, спасая государственное имущество. Если вы перестанете кричать, то я попытаюсь объяснить вам ситуацию.

Главный сел в кресло у письменного стола, а два его помощника расположились на диване. Полные нескрываемой ненависти глаза уставились на Андрея.

«А процессы над специалистами, как их называли в газетах, уже прошли, навык гады уже обрели, – подумал Андрей. – С каким бы удовольствием он пристрелил меня на месте... И за что он ненавидит меня с такой остервенелостью? За знания, которых у него нет, за то, что я занимаюсь делом, а он умеет только убивать?»

– Рассказывайте, – неожиданно перешел на «вы» главный, – кто возглавляет банду вредителей на заводе – вы или кто другой, может, директор?

– Никакой банды, – устало начал Андрей. – Был сильный шторм, очень сильный, да сами видите – он и сейчас еще не утих, а верфь у нас и вся рабочая площадка расположены не совсем правильно по отношению к господствующим ветрам, постройка старая, еще дореволюционная, все хлопочем о модернизации, а шторм не ждал, выхода другого и не было.

– А кто отдал приказ?

– Я, единолично, – по слогам произнес Андрей и глубоко вздохнул, как в последний раз.

Энкавэдист помолчал, сделал знак своим помощникам выйти и, глядя в глаза Андрею, с нажимом спросил:

– Личное оружие имеется?

– Револьвер, вот, – и Андрей выдвинул ящик стола, подумав, что тот хочет отобрать его.

– Я сейчас уйду, а вам я советую, настойчиво советую, достать револьвер и использовать его по назначению.

Ситуация предельно прояснилась: полномочия энкавэдиста были ограничены, а ему очень хотелось открыть заговор и тут же таким простым способом закрыть его.

– Я не доставлю вам удовольствия и не застрелюсь, а буду завтра поднимать док, у меня есть, – делая ударение на последнем слове, – настоящая работа, в отличие от вас, – не удержался Андрей.

– Подумайте еще раз, все равно ничего другого вас не ждет – так зачем тянуть? – и ушел.

Ключ щелкнул в двери, и Андрей понял, что заперт в своем кабинете, и что ему удалось перетерпеть свой страх – усталость не оставляла места эмоциональным всплескам. Он задремал или просто выпал из реальности.

Очнулся от голосов за дверью:

– Что вы себя позволяете? – кричал Петр Николаенвич, директор завода. – Я что, по-вашему, не могу зайти к своему инженеру и задать те вопросы, которые считаю нужными?

Ключ снова повернулся, и разгоряченный до предела Петр вскочил в кабинет:

– Ты что себе позволил? – вскипел он. – Тьфу, что это я говорю, прости меня, Андрюша. Другого выхода не было? А что теперь делать?

– По протоколу: звони в наркомат и собери экспертную комиссию. Да, пригласи, пожалуйста, профессора Лаптева.

– Он твой личный знакомый, – снова завелся Петр, – ты надеешься, что…

– Да очнись и прекрати. Я слушал его лекции – вот и все знакомство. Он – один из лучших, а может быть, и лучший специалист по судоремонту. Любой его вывод будет верным. Если он скажет, что был другой выход из положения, я пойму, что любое наказание для меня будет справедливым.

* * *

Утром, как всегда, Нина уехала в больницу. Ясно, что Андрей остался на заводе до вечера. Когда же вечером она поднималась по лестнице, то увидела в открытых дверях Домну – значит, она с балкона высматривала ее. Сердце заколотилось, и она бегом поднялась наверх.

В гостиной сидела Наталья Еремеевна, и Нина, обмирая, опустилась на стул:

– Андрюша… Что с ним ? Он… жив?

– Бог с вами, – перекрестила ее Наталья. – Только на заводе, – она замялась, – авария. Ну и разбираются, что произошло. Он под стражей у себя в кабинете. Но не волнуйтесь: Иван Степанович говорит, что правильно он все делал, и рабочие за него… С ним все в порядке, наша Нюрка, племянница, что буфетчицей на заводе, три раза в день ему еду носит…

– Три раза – это хорошо, – пробормотала Нина, явно не соображая, о чем говорит. – Наталья Еремеевна, вы меня не обманываете? Он правда на заводе, в НКВД его не забрали?

– Правда, правда, очнитесь, Ниночка, – запричитала та, а Домна уже насильно втиснула ей в руку рюмку с валерианкой. – Ждите, Ниночка, все образуется…

– Надеюсь, – Нина обрела внезапно ясность ума, – не так, как для тысяч, с которыми уже разобрались…

* * *

Все дальнейшее как-то шло мимо Андрея. На другой же день на заводе уже работала комиссия, как нашептала Нюрка, которая принесла ему обед, расспрашивали инженеров и рабочих о событиях той ночи. Приходили и к нему за объяснениями. Он изложил свою версию, ход своих размышлений, обосновал действия с теоретической и практической сторон и снова остался один.

На четвертый день двери распахнулись ,и очередной энкавэдист приказал ему выходить. «Неужели в тюрьму?» – с тоской подумал Андрей. Но тот провел его в зал заседаний, где были директор, все его заместители, члены комиссии и еще множество людей, которых он не знал, – наверное, из Наркомата морского флота и городских партийных структур. Он чувствовал, что его рассматривают по-разному – с удивлением, любопытством, недоумением и, как ему показалось, некоторые даже с долей восхищения.

Профессор Лаптев взял в руки папку и стал зачитывать решение комиссии. Сначала описывалась возникшая ситуация, отвергался ряд вариантов выхода из нее из-за невозможности осуществления по объективным причинам, подсчитывался

возможный материальный урон и фактический и многое, многое другое… И, наконец, вывод, ошеломивший Андрея, и, как видно, не его одного: «Признать действия Андрея Петровича Кирьянова правильными в сложившейся ситуации и выразить благодарность за проявленную инициативу», – и еще что-то, чего Андрей уже не слушал. Его поздравляли, пожимали руку, спрашивали, когда он начнет работы по подъему дока. А он нашел в себе силы только подойти и поблагодарить профессора Лаптева за столь благоприятный отзыв о его работе, а потом шепнуть директору:

– Петя, машину дай, устал я, домой хочу…

Нина бросилась ему на шею:

– Потом, ничего не рассказывай, все потом… Ты дома, ты с нами, и это главное…

Неулыбчивая Домна тихо подошла, погладила по плечу, прошелестела:

– Добро пожаловать домой, Андрей Петрович.

Он успел поцеловать Игоря и потерял сознание. Нина и Домна перенесли его в постель, температура была выше тридцати девяти. Александр Дмитриевич осмотрел его, прослушал легкие, посидел, разглядывая Андрея, как редкий экземпляр. А потом с усмешкой сказал:

– Эк, Нина Александровна, проняла его советская власть. Небось в романах и учебниках читали о нервной горячке. Вот перед вами пример – впечатлительный, как институтка в пору неудачного романа.

– Александр Дмитриевич, так не бывает, – пролепетала Нина, – должна быть объективная причина для такого состояния.

– А то, что с ним сделали, по-вашему, не причина?.. А вы, как все врачи, беспомощны, когда заболевают родные. Принимайтесь за дело: покой, обильное питье с лимоном, аспирин, сейчас холодный компресс на голову. Очнется, мужик здоровый. Завтра зайду… Гляньте в зеркало, приведите себя в порядок – будьте красивой, когда он придет в себя, натерпелся же…

Через четыре дня Андрей, слабый, как весенняя муха, встал на ноги. Позвонил на завод, там уже без него приступили к подъему дока. И это подкосило его тоже: где-то в нем гнездилась мысль,

что он должен был сам завершить это дело, а оказалось, что и без него справились. Мавр сделал свое дело…

Звонок в дверь прервал его самокопания, и в гостиную вошел Владимир Владимирович, легендарный профессор Лаптев, автор учебника, по которому учились все судостроители страны, – результат его наблюдений за работой самых известных в мире верфей и собственных оригинальных расчетов. Сбросив привычным движением, не оглядываясь, на руки Домне макинтош, он присел на стул, блестя выбритой головой, и сказал, не теряя времени:

– Я пришел, Андрей Петрович, предложить вам должность доцента на моей кафедре.

Андрей был ошарашен:

– Но у меня нет ученой степени…

– Не проблема. С вашим опытом вы в два счета напишете диссертацию. Не раздумывайте: на заводе найдется, при всем хорошем отношении к вам, в чем я убедился, достаточно недоброжелателей, которые не простят вам, что вы вышли сухим из воды, простите за каламбур дурного тона. Вы знаете, отчего вас не пристрелили?

– Конечно, номенклатура…

– Вот-вот, кухаркины дети у власти берегут нас от самоуправства местных дуболомов. А то дай им волю – и управлять производством, и учить молодых будет некому. Когда еще вырастят своих, если вырастят, а сейчас пользуются, как они там говорят, отрыжкой прошлого.

И вдруг к Андрею пришла легкость решения. Какой-то долгий этап его жизни закончился, надо идти дальше, как там – отряхнув если не прах с ног, то груз лет: сорок четыре – еще не старость.

А через два года диссертация была готова, и… родилась Натка.

* * *

Еще слегка позванивали стекла в рамах, поскрипывали половицы, а дом изредка вздыхал, как усталый воин, выстоявший в упорной битве, но ураган к рассвету, растеряв свои свои силы, стих. Нина чувствовала, как постепенно исчезает напор напряжения снаружи, и тает тугой узел тревоги у нее внутри. Она успела подумать, здесь ли окончились эти конвульсии природы, или

буря переместилась, нет, переместилась – не то слово, улетела, умчалась дальше, и с той же неистовой силой крушит все вокруг, и провалилась в сон.

Утро было безветренным. Блики солнца скользили по лужам, преломлялись в каплях дождя на еще не высохшей листве. Лишь лежащие на земле и полуобломанные, свисающие с деревьев ветки, да мерный гул волн, доносившийся снизу, напоминали об этой ураганной фантастической ночи, когда в душе смешивались страх и ликование, ощущение возможности выйти за рамки привычного бытия.

– А работы, работы-то сколько сегодня! – сказал Андрей, с веранды оглядывая полуопустошенный сад. – Игорь, неси стремянку, прежде всего, посмотрим, что там с крышей… Остальное подождет.

– Андрюша, а я поеду в город, посмотрю, что с нашей квартирой, целы ли стекла, ну, в общем... Все ли в порядке.

– Да ты просто хочешь убежать от работы. Смотри, сколько ее здесь… Езжай, езжай, это я так, для острастки, – махнул рукой Андрей, – без тебя справимся.

Нина быстро собралась, переодела Натку и уже шла к калитке, когда за ней с криком побежала Таня:

– Нина Александровна! Что делать? Смотрите – все с деревьев посбивало.

И вправду: земля в саду была усеяна всем, что в нем росло.

– Вари компот! – смеясь, крикнула в ответ Нина.

– Да здесь так много!..

– Вари – ведро!

– Ой, слишком много!

– Вари два ведра!.. Отдай соседям, – и Нина, махнув рукой, вышла за калитку. «Эх, была бы с нами Домна… При ней все домашние проблемы как-то растворялись сами собой», – подумала Нина.

* * *

Однажды утром прошлой весной, когда Игорь уже убежал в школу, а Нина, поцеловав Андрея, закрыла за ним дверь и поспешно, как и всегда, собиралась на работу, раздался звонок. В дверях стоял милиционер. Нина узнала его сразу: это был

постовой, что стоял в стеклянном «стакане» на углу улиц Красной Армии и Чичерина, или, как по старинке называла их Нина, на углу Преображенской и Успенской.

– Там, на улице, ваша бабушка упала… – сказал милиционер.

– У нас нет бабушки, – удивилась Нина.

Милиционер посуровел:

– Это квартира первая? Вы Кирилловы?

– Стойте… – «Это он о Домне», – пронеслось в голове. – Я вас поняла… Подождите минуту, я сейчас…

Она позвонила подруге-соседке Беляне:

– Спускайся, побудь с Наткой. В халате? Спускайся в халате…

Через минуту Нина с милиционером бежали к Преображенской, где еще издали она увидела толпу и вплотную к толпе стоящий трамвай. Нина, упрашивая, а иногда и отталкивая людей, пробралась к Домне. Та лежала поперек трамвайных рельсов, едва заметная улыбка промелькнула на ее лице, когда она увидела Нину.

– Домна Ульяновна, вы ушиблись? Что вы чувствуете? Где болит? Подняться сможете?

– Ничего не болит… Я не могу пошевелиться, ног как нет… – прошептала Домна.

Нина с ужасом поняла, что у Домны, как видно, поврежден позвоночник. А вокруг раздавались крики:

– Давайте отнесем ее на тротуар! Трамвай из-за нее стоит, на работу опаздываем!

– Ее нельзя трогать! Это опасно! Я врач… Кто-нибудь вызвал «скорую помощь»? – закричала Нина.

Оказалось, что «скорую помощь» уже вызвали, минут через десять она приехала. Врач бегло осмотрел Домну и провернулся к Нине, которая держала ее за руку:

– Вы родственница?

– Да, – без колебаний ответила Нина. – Говорите, как есть… Я врач.

– Коллега, здесь, без сомнения, травма позвоночника, и, как видно, тяжелая. Осторожно! – крикнул он фельдшеру и санитару. – Кладите на носилки как можно осторожнее…

– Куда повезете? – спросила Нина.

– На Слободку, в травматологию…

Нина снова взяла Домну за руку:

– Домна Ульяновна, я скоро приеду в больницу – только найду с кем Натку оставить…

– Да не волнуйтесь, Нина Александровна, обо мне позаботятся, – прошептала Домна, устало прикрывая глаза, и Нина поняла, что ее силы совсем на исходе.

Услышав рассказ Нины, Беляна ужаснулась, всплеснула руками и тут же забрала Натку к себе, а Нина поехала в больницу.

Положение Домны было тяжелым. На следующий день ей сделали операцию и надели гипсовый корсет, уложив в кровать, неподвижную, беспомощную, на неопределенное время. Нина понимала: не исключено, что Домна никогда не сможет встать на ноги. Нина часто приезхжала к Домне, неизменно поражаясь ее долготерпению: она никогда не жаловалась, безропотно сносила свое состояние. Через месяца три появилась призрачная надежда: Домна стала ощущать боль – возвращалась чувствительность. Через шесть месяцев она уже встала с постели и сделала первые мелкие семенящие шаги на негнущихся ногах. Врачи считали необыкновенным своим успехом и большой удачей для Домны то, что она смогла самостоятельно передвигаться. Скованность движений, невозможность согнуть спину, наклоняться превратили ее в глубокого инвалида, но она все же была спасена от вечной неподвижности.

Нина несколько заговаривала с Домной о возвращении домой. Но Домна каждый раз уходила от ответа, удивляя Нину, только в глазах у нее сквозили безнадежность и печаль. Однажды, когда Нина в очередной раз завела разговор о выписке, Домна с несвойственной ей решительностью произнесла:

– Нина Александровна! Я вас всех люблю, как родных. Но я к вам не вернусь. У вас семья, двое детей, работа… Я теперь не помощница, а обуза, большая обуза, за мной нужен уход… А вам хватит забот и без меня…

– Что вы говорите, Домна Ульяновна? Мы с Андреем не представляем жизни без вас… Вы для нас – родной человек.

Домна помолчала и сказала голосом, в котором слышались слезы:

– Спасибо, Нина Александровна, спасибо на добром слове. Это самые дорогие слова, что я слышала в жизни. Но я уже решила и через больницу договорилась: прямо отсюда уеду в инвалидный дом, что в деревне Барабой.

Нинины уговоры не подействолвали: Домна осталась непреклонной в своем решении. Нина раз в месяц ездила к ней в Дом инвалидов. Домна семенила мелкими шажками по коридорам, ее фигура с неестественно прямой спиной мелькала на аллейках сада.

Домна радостно встречала Нину, расспрашивала обо всех, хотя и сетовала, что Нина тратит на нее время, которое могла бы отдать семье. Нина, в свою очередь, отметила, что Домна хорошо ладит с персоналом и другими обитателями дома, и была до некоторой степени за нее спокойна.

Нина неизменно спрашивала, что ей принести в следующий раз, но Домна ни о чем не просила, но однажды Нина услышала удивившую ее просьбу:

– Книгу сказок, большую…

Вспоминая годы, когда Домна жила с ними, Нина понимала, что это было, несмотря на все тяготы и заботы, самое беззаботное время в ее жизни. Кем была эта тихая незаметная терпеливая женщина? Как говорили в старину: добрый гений домашнего очага.

* * *

Нина с Наткой шли по узенькой улочке дачного поселка к трамвайной остановке. Залитая утренним солнцем, она сегодня была совсем иная, незнакомая: поломанные ветки, сдвинутые потоками воды с привычных мест камни, промытые дождем новые ложбинки. Там, где поперек тропинки лежали особенно большие ветки, Нина подхватывала Натку подмышки и переставляла ее на другую сторону преграды.

Трамвай в направлении города был полупустым – кто едет в город в воскресенье? Разговор был общий, все обменивались впечатлениями прошлой ночи, охотно делились пережитыми страхами, у каждого была история своего чудесного спасения. Трамвая шел медленно, часто останавливался перед группами людей, которые убирали с рельсов обломки ветвей, а местами

даже распиливали вырванные с корнем деревья. Удивительно, но никто никуда не спешил, не выражал недовольства – на этот раз поездка в трамвае воспринималась как приключение, и после ураганной ночи все было новым и прекрасным.

Когда Нина подошла к своему кварталу, она вскрикнула и побежала с Наткой изо всех сил к дому. Он, их дом, стоял на углу двух улиц и был несколько сдвинут вглубь квартала, и напоминал своей формой утюг; перед ним как бы образовалась небольшая площадь, с внешней стороны окаймленная акациями. Самая старая, сломанная ураганом, лежала поперек угловой площадки, и ее ветки целиком укрывали балкон второго этажа, их балкон, и доходили до третьего.

Нина остановилась и присмотрелась: стекла в балконной двери и в окнах были целыми. Она сразу же успокоилась: ничего не нужно было немедленно предпринимать. Теперь можно было пожалеть и старую акацию, так щедро каждый май обсыпанную белыми гроздьями. Их медвяный томительный аромат проникал в комнаты, заставляя вечером выходить на балкон и подолгу оставаться в бездействии, наслаждаясь этим весенним чудом. Сейчас без старой раскидистой акации их угол оголялся – она создавала уютную обособленность от улицы.

– Ее можно починить? – спросила Натка.

– Акацию? Нет, нельзя, – Нина вздохнула: – Посадят новую, только она вырастет не скоро, такой большой она станет через много лет, акации растут медленно.

– Через сколько лет? – Натка хотела знать точно, ей нужен был знакомый устойчивый мир вокруг.

Нина еще раз вздохнула и посмотрела на Натку:

– Ты уже будешь совсем большая… Нет, уже взрослой… Может быть, к тому времени у тебя будет уже своя девочка, которая станет задавать тебе вопросы…

Нина еще раз оглядела дом, в котором жила около двадцати лет, и он уже в который раз удивил ее. Он был причудлив и монументален. Оба входа в него были украшены кариатидами. Они же, кариатиды, стояли и на балконах, поддерживая своими согбенными плечами балконы следующего этажа. Угловой балкон второго этажа парил на спине дракона, чьи крылья как бы

охватывали его со всех сторон. Огромные окна всех четырех этажей украшали лепные гирлянды цветов, фруктов и еще каких-то орнаментальных завитушек, причем на каждом этаже был свой рисунок. Особенно изукрашена была угловая часть фасада. Ее венчали две четырехгранные башенки, между которыми располагалась окружность, в которой, в свою очередь, размещался орел – его распахнутые крылья опирались на эту окружность. Все было пышным и претенциозным.

Но это был ее дом… Здесь они с Андреем были счастливы, строили, как могли, свою жизнь, быт, здесь родились их дети, здесь, в квартире, а не в родильном доме. Нина с тоской вспоминала тесные темные квартирки, в которых ютились ее родители с детьми, надеясь, что со временем им повезет, и все переменится. Только привязанность друг к другу, терпение и надежда… неизбывная надежда помогали избегать ссор и чувства ущербности. Нине в этих квартирах всегда не хватало солнца, света. Вот тогда, наверное, у нее и появилось отвращение ко всяким шторам и гардинам, заслонявшим солнце. Когда она попадала в комнату с занавешенными окнами, у нее портилось настроение, и появлялось чувство удушья, нехватки воздуха.

Здесь же, в этом доме, жила ее самая близкая и любимая подруга Беляна. У Нины не было сестер; при всей душевной близости с братьями она не всем могла поделиться с ними. Нужна была родная женская душа. Матери и тети Стеши уже давно не было в живых. «Ушли в лучший мир?» – задалась вопросом Нина. Банальная фраза не несла утешения. Они обе были в душе, в сердце. Нина часто мысленно разговаривала с ними, как бы соразмеряя свои поступки с их мнением. Но Беляна была той отдушиной, где Нина всегда могла найти понимание, отклик и помощь. Хотя сегодня они обе в помощи не нуждались – были любимы мужьями, мамы здоровых детей. Чего еще желать? Спокойствия, уверенности? Об этом мечтали буквально все, но от них, рядовых людей, все это вовсе не зависело – песчинки в вихре бытия, и подчас жестокого бытия.

В квартире делать было нечего. Еще раз убедившись, что все в полном порядке, Нина собралась было уже обратно на дачу. Но тут раздался звонок, и в квартиру вбежал их управдом и сразу же затарахтел:

– Нина Александровна, как хорошо, что вы приехали. Снизу мы дерево никак не можем стащить, оно намертво зацепилось… Разрешите – рабочие поднимутся к вам и мигом распилят.

Пока двое рабочих с пилами орудовали на балконе, а рядом суетился управдом, правда, подавая время от времени дельные советы, а Натка возилась в своем углу с игрушками, которые были позабыты в городской квартире, и которым Натка как раз рассказывала, как хорошо на даче, Нина лениво размышляла. У управдома была странная фамилия – Кульгавик. У Нины эта удивительная фамилия вызывала какие-то ассоциации, связанные с хромотой. Но самым курьезным было то, что Кульгавик и был хромым – одна нога у него была заметно короче другой, и он передвигался, припадая на правую ногу, раскачиваясь из стороны в сторону, хотя временами, когда это было необходимо, достаточно быстро. Наметанным глазом врача окинув взглядом его фигуру, Нина решила, что это не увечье, а врожденный недостаток. «Так, может, у них в роду он не первый, а хромота наследственная, отсюда и фамилия? О чем это я думаю… Какие ненужные мысли лезут в голову», – и она вдруг, неожиданно для самой себя затосковала, захотелось немедленно, сюю минуту увидеть Андрея и Игорешку.

* * *

Беляна пекла торт. Торт был бело-розовый, пышный, многослойный, он был роскошный. Беляна была тоже белой, розовой, пышной, она была в полном смысле роскошной женщиной. Ее обожал муж Матюша, не сводивший с нее влюбленных глаз. Он любовался каждым ее движением – легким, широким, стремительным, но не резким, а удивительно пластичным. Любила ее и дочка Лида, для которой Беляна была и мамой, и подругой. Нина тоже любила ее – свою лучшую и единственную подругу, и искренне считала, что не любить Беляну невозможно. Даже маленькая Натка смотрела на нее с восторгом и удивлением, хотя и видела ее почти каждый день.

Семья Каротиных жила над ними, на третьем этаже, в такой же квартире, только жили в ней четыре семьи, а не две, как у них. Если имя человека, как пишут в каких-то эзотерических книгах,

которые Нина не читала, и даже избегала брать в руки, что имя человека напрямую связано с его судьбой, и даже временами определяет ее, то Изабелла – Белла – Беляна было наполнено полнозвучием стремительно бегущего ручья, легкими порывами ветра, шелестом виноградного листа. Беляна была солнечным человеком, добрым, отзывчивым, веселым и непосредственным, и Нине казалось, что иначе и нельзя называть ее.

А сейчас Беляна пекла торт на школьный вечер – Игорь вчера окончил восьмой класс, и без умолку болтала:

– Нина, слушай, Игорешка восьмой класс окончил, моя Лидка аттестат зрелости через неделю получит. А мы с тобой стареем, что ли?

И хотя об этом уже десятки раз было говорено, Нина спросила:

– Лида определилась окончательно?

– Да, в иняз, только уперлась – на немецкое отделение не пойду, только на английское. А на немецком-то как хорошо было бы – с дедом и бабой практиковалась бы, они оба немецкую школу окончили, там у себя в Галиции, в Черновицах.

И тут же переключилась на Натку:

– А у тебя тоже сегодня праздник – четыре с половиной, уже не маленькая. Давай и для тебя сделаем торт, а ну-ка помогай!

И Натка тут же с готовностью радостно ратопырила и так уже испачканные мукой пальцы.

«Черт! Что это со мной? – мысленно вздрогнула Нина, глядя на свою темноволосую кудрявую дочку, такую хорошенькую, непоседливую в своем еще по-детски неосознанном жадном стремлении узнать мир. – Полгода – это такой большой срок в ее маленькой жизни, каждые полгода она становится другой, – и, казнясь: – Господи, должна была бы помнить, а вспомнила Беляна». Превозмогая воскресную расслабленность, Нина сделала вид, что готова помогать. Но Беляна лишь рассмеялась:

– Сиди, лентяйка. К этому делу ты не приспособлена, подпирай медицину, – и с утрированным вздохом: – Это я – кура доместика…

– Ты хорошая, красивая кура, – сказала Нина и снова залюбовалась Беляной.

– А помнишь, когда мы въехали в этот дом, и тридцати нам не было. И мы с тобой в контрасте выигрывали, – вспоминала

Белла, оглядывая тоненькую воздушную фигурку Нины. – Я что – я просто красавица, а ты – экзотический цветок. Я взываю к грешной плоти, а ты будишь воображение.

– Что это мы с тобой собрались сегодня друг другу комплименты расточать? – начала было Нина, и тут в дверь постучали, и в комнату заглянула соседка Беляны Клара Ароновна:

– Девочки, бросьте все, бегите ко мне – какое-то важное сообщение по радио…

В комнате у Клары собрались все обитатели квартиры: Кларина дочь с мужем, сын с женой, молодая пара – Гриша и Бетя Гуральники. Все сгрудились вокруг большого детекторного приемника, что стоял на тумбочке в углу, прикрытый вязаной салфеткой. Его передняя стенка была затянута бежевым шелком. Нина почему-то пристально рассматривала приемник, отметив, что часть шелковой шторки, прикрывающая динамик, была светлее. Она успела подумать, что звуковые колебания выбивают пыль. И тут прозвучали первые слова Молотова. Нина прижала к себе притихшую Натку и беззвучно, одними губами прошептала:

– Война… Сколько же лет нам выпало передышки – двадцать? Это если забыть финскую.

Слово уже было сказано, прозвучало, вошло в душу, и там что-то обрушилось. Беляна взяла Нину за руку, так они и простояли до конца передачи, что разом отрубила их предшествующую жизнь с ее страхами и радостью свершений – «Маршем энтузиастов» и Соловками, Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой, Беломорканалом и покорением Северного полюса, тридцать седьмым годом и самым красивым в мире метрополитеном.

Клара Ароновна смотрела на сына Давида и молча плакала. Бетя крепко обняла Гришу, как будто могла удержать его рядом. Нина и Белла выскользнули в коридор и тоже заплакали.

– Ты видела? – шептала Белла. – Они уже прощаются со своими. Они уже отдали их войне. А нас что ждет?

Нина поцеловала Беляну, подхватила на руки Натку и побежала, всхлипывая, по лестнице. В гостиной стояли Андрей и Игорь. Нина обхватила их обоих руками, прижала к себе и отчаянно зарыдала, как рыдали в эту минуту десятки тысяч женщин, чья жизнь распадалась, ускользала, и никогда она уже

не будет прежней, которая была счастьем, если даже они этого и не знали. Натка молча протиснулась между ними и подняла вверх испуганную мордашку, готовая заплакать. Игорь осторожно взял ее на руки:

– Пойдем – сказки почитаем.

Слово «сказки» успокаивало в этом вдруг ставшем неспокойным и непонятным мире.

Нина долго плакала, прижавшись к Андрею, он шептал бессмысленные слова утешения, тихо баюкая ее, как обиженного ребенка.

– Прости, – сказала Нина, – прости, что так раскисла, больше не буду. Никогда не буду, – уже со злостью добавила она.

В шесть часов вечера раздался звонок, и вошли Беляна с Матюшей. В руках у Беляны был торт. Она передала его Игорю и присела на диван рядом с лежащей Ниной.

– Вставай, – сказала она, – накрой стол, выпьем чаю, это последний вечер, когда мы все вместе, который еще хотя бы чуть-чуть принадлежит нам. Завтра начинается другая жизнь…

– Она уже началась. Где-то там, на границе, уже гибнут. Мой племянник Боря, Сонин сын, служит под Минском….

Вместе накрыли стол. Приготовили чай. И тут пришли старшие братья Нины – Александр и Илья. Молча присели к стулу, слова были не нужны. Нина разлила чай. Илья выглядел отрешенным, он как будто был уже не с ними. И тут Александр очнулся:

– По какому поводу торт?

– По поводу не состоявшегося у Игорешки школьного вечера.

Все медлили, боясь начать разговор, ради которого и собрались, продлевая последнюю минуту тишины.

– Ладно! О чем молчим? – начал самый экспансивный из всех, Александр. – Ясно же, что долго война не продлится. Еще один очередной приграничный конфликт – вспомните Монголию.

– Нет, сейчас все совсем иначе, – неторопливо начал Матюша. – Гитлер завоевал всю Европу, мы же знали, знали, – хлопнул он ладонью по столу, – что дойдет и до нас, и бодро себя обманывали, – он резко встал со стула. – А преследование евреев в Европе?.. Это не укладывается в голове, это невозможно, – уже с отчаянием говорил Матюша.

– Может, это преувеличение, слухи, контрагитация, – начал было Андрей.

– Нет, – Матюша горько усмехнулся, – вы далеки, это, к счастью, не касается вас. А мы, евреи, пытаемся отслеживать ситуацию, собираем слухи, да, Андрей, слухи, письма оттуда, анализируем. Илья, ты что молчишь? Ты единственный среди нас, кто воевал…

– Потому и молчу, – махнул рукой Илья. – Мне достаточно тех четырех лет, что я просидел в окопах мировой, думал, что на всю жизнь, а оказалось, еще до конца не добрал. Вы не видели или почти не видели – это счастье. Все разговоры о том, как должно быть, – пустое, там в грязи и крови остается человек один, и смерть всегда рядом.

А в уме пронеслось: «Кровь и страх, кровь и грязь. Бессмыслица планов и приказов. Утром оставляли хутор, за который вчера уложили сотню жизней». И, не отдавая отчета, что говорит вслух, произнес:

– Тогда было – за царя и Отечество, а сейчас – за Родину и за кого там еще?

– Тише, что говоришь? – Андрей вскочил.

Беляна закричала и тут же перешла на шепот:

– Андрюша, ты что, кому-то из нас не веришь? Ведь ближе у нас у всех никого нет! И сколько лет...

– Простите, все простите меня, страх еще с тех пор, когда мы по полночи стояли в темноте за занавесками и смотрели, к какому дому подъезжает воронок… А сколько, по-вашему, эта война может длиться? Месяц, два?

Нина, до сих пор молчавшая, с отчаянно-издевательской ноткой в голосе в разбивочку произнесла:

– Как там? «Малой кровью – единым ударом»… Перестаньте наивничать и закрывать глаза, вспомните историю: поляки под Костромой, шведы под Полтавой, Наполеон в Москве… Чудес не бывает, история повторяется – победим когда-нибудь, большой кровью… – и устало прикрыла глаза. – Не дай Бог, и на тебя, Игорек, хватит!

Александр и Илья вышли на балкон и закурили, Игорь вышел следом. Илья протянул ему, как взрослому, портсигар и сказал:

– Начинай, учись, небось в окопе пригодится.

Дюссельдорф

Вадим Ярмолинец

Любовный круг Александра Федорова

О том, что у писателя Александра Митрофановича Федорова была в жизни не одна любовь, говорили многие. Вера Николаевна Муромцева-Бунина в «Жизни Бунина» пишет, что друг ее мужа «жить не мог без романов». Одесский краевед С.З. Лущик – один из исследователей семейной истории известного в начале XX века писателя – подтверждает это со ссылкой на большефонтанских соседей Федоровых. Из того же источника следует, что жена писателя Лидия Карловна относилась к этому спокойно, считая, что поэту без увлечений нельзя.

Вера Николаевна познакомилась с Федоровыми, впервые приехав в Одессу в 1907 году. Ей самой было тогда 26 лет. Федоровы к этому времени были женаты 19 лет. Внимательное чтение любовной лирики А.М. Федорова позволяет взглянуть на его истинные отношения с супругой не глазами молодой гостьи или соседей, но самих Федоровых. Впечатление такое, что к готовности закрыть глаза на похождения мужа Лидия Карловна пришла через тяжелое потрясение. Судя по всему, до полного разрыва не дошло лишь потому, что ни родителей, к которым она могла бы вернуться, ни средств, на которые она могла бы существовать самостоятельно, у нее не было. Мы имеем дело с типовым набором проблем замужней женщины XIX века, благодаря которым мировая литература получила «Анну Каренину».

Для Лидии Карловны измена мужа была особенно тяжела еще и потому, что ее любовь к нему была и жертвенной, и совершенно безоглядной. Она вышла замуж не просто за нищего сироту, она поверила его обещанию стать знаменитым поэтом. И это при ее часто упоминавшемся друзьями прагматизме!

О первой поре любви Федорова к жене можно судить по посвященному ей стихотворению из первого поэтического сборника 1894 года:

Спи, моя милая! Сон твой мечтательный
Я не нарушу ни песнею нежною,
Ни поцелуем любви обаятельной,
Ни самовластною лаской мятежною.

Здесь, пред мерцающей бледной лампадою,
Перед Владычицей Девой Пречистою,
С кроткою нежностью, с тихой отрадою,
Стану молиться я с верою чистою.

Стану молиться, чтоб жизнь многотрудную
Шла ты, полна, как теперь, обаяния,
Чтобы тебя, мою милую, чудную,
Бог сохранил от тревог и страдания!..[1]

Александр и Лидия заключили брак в 1888 году. Мы узнаем об этом из очерка «Аполлон Майков», в котором Федоров рассказал о своем визите к живому классику в свой первый приезд в Санкт-Петербург. На вопрос Майкова, женат ли он, Александр отвечает: «Только женился».

Женился он на актрисе, которая была старше его года на два-три. Познакомились они в театре. Из автобиографического очерка в сборнике «Первые литературные шаги», изданном в 1911 году историком литературы Ф.Ф. Фидлером, мы узнаем, что стихи Саша Федоров начал писать еще в родном Саратове лет пятнадцати. Увлечение дало двоякий результат: его напечатали в газете «Саратовский листок» и выгнали из реального училища. В поисках дополнительных заработков начинающий поэт стал писать куплеты на злободневные темы для артистов местного театра. Это открыло ему дверь на сцену. Пиком его театральной карьеры, которая длилась два года, стало исполнение роли Дона Карлоса. Вступив в брак, молодожены покинули театр.

Невестка Александра Митрофановича Надежда Ковалевская вспоминала, что свекровь была из немцев. Судя по месту ее встре-

чи с мужем, из немцев Поволжья. Отчество также указывает на немецкие корни. В базе данных одесского отделения общества «Мемориал» есть информация, что Лидия Карловна Федорова родилась в городе Павлограде в Болгарии и по происхождению русская. Ее девичья фамилия неизвестна, никаких упоминаний о ее родителях нет.

О том, насколько сильным было чувство Лидии к избраннику, можно судить по решению оставить театр и отправиться с ним в добровольную ссылку, где тот мог бы целиком отдаться литературе.

Молодые поселились в башкирской деревушке Курменкей в восьмидесяти верстах от Уфы и провели там два года. Одиссея двух скрывшихся от мира влюбленных напоминает другую – доктора Юрия Живаго и Лары.

Талант, трудолюбие и целеустремленность Федорова дали плоды. В 1894 году в Москве вышел в свет полуторастастраничный том «Стихотворения А.М. Федорова», а санкт-петербургский журнал «Труд» опубликовал его первую повесть – «Весною». Помимо этого, в Башкирии Федоров начал работу над своим первым романом – «Степь сказалась». Его премьера состоялась в 1897 году на страницах санкт-петербургского еженедельника «Живописное обозрение». К этому времени Федоровы прочно связали свою жизнь с Одессой.

За образами супругов Андрея и Варвары Бессоновых из «Степи» угадываются сами Федоровы. Молодой чиновник пишет роман, а его супруга, оставившая театр актриса, занимается подсобным хозяйством. В этом романе автор впервые касается темы, которая становится в его творчестве основополагающей, – роковой связи человека со своей исконной, богоданной средой: этносом, сословием, классом, занятием. Главный герой романа – башкир Араслан Арасланов, получивший блестящее столичное образование, приезжает в Башкирию, чтобы защитить свой народ от земельных спекулянтов. Но после пережитого любовного потрясения он возвращается в родную степь, надевает традиционный башкирский халат и демонстрирует сознание малого ребенка. А Варвара Бессонова, оставив мужа, возвращается… в театр.

Творчество Федорова – автобиографично, и это позволяет предположить, что, живя в башкирской глуши, Лидия Карловна не раз вспомнила о сцене, что и нашло свое отражение в романе.

Но в жизни победила любовь. Лидия осталась с Александром, начавшим медленное продвижение к славе. Движение вверх по лестнице признания сопровождалось движением супругов в юго-западном направлении.

Из собрания стихов, увидевших свет в 1894 году, следует, что к этому времени Федоров побывал в Крыму, который ошеломил его роскошью южной природы. Но при выборе нового места жительства ориентироваться нужно было не только на приморские красоты, но и на возможность заработков. В его случае – в периодических изданиях.

В автобиографии Федоров пишет, что поселился в Одессе с супругой в 1895-1896 году. Двойная дата позволяет предположить, что приезд 1895 года был временным – на лето. Супруги тогда снимали дачу в Люстдорфе. Сомнения относительно выбора постоянного места жительства не были разрешены, по меньшей мере, до марта 1897 года, когда Бунин писал своему другу: «Сразу сейчас не соображу, где удобнее Вам устроиться на лето. Жить, конечно, в той же Полтаве можно очень недорого; но Вы ведь ничего определенного не пишете, о Полтаве ли Вы говорите, или о других каких местах. Кроме того – ведь Вам нужней города с газетой. Если так – похлопочите насчет Киева. Клянусь Вам, нет лучше города на земле! Люди, кажется, дрянь, но сам город, – нечто упоительно милое и изящное».[2]

Окончательно семью связало с Одессой рождение сына Виктора – в сентябре 1897 года. Александр Митрофанович не чаял души в своем первенце. В это время в его прозу и поэзию прочно входит новый образ – «моего мальчика». Этого мальчика так много, что над литератором посмеиваются и в его ближайшем окружении, и гости, в числе которых Чехов. «Мой мальчик» оказывается даже в повести Катаева «Уже написан Вертер», прототипом главного героя которой он служит.

Первые годы в Одессе, кажется, можно назвать годами абсолютного семейного счастья Федоровых. Успех следует за успехом. Александр Митрофанович – популярный газетчик, его стихи, проза и пьесы постоянно печатаются в толстых столичных журналах: «Вестнике Европы», «Мире Божием», «Русском богатстве», других. Он – активный участник артистически-художествен-

ной жизни города. Помимо материального благополучия успех привносит в его жизнь нечто новое – его теперь любят и ценят не только дома. Восторженное внимание, особенно внимание юных дев, влечет тем больше, чем больше усталость от безостановочной газетной и литературной работы, от обязательств бытового характера перед семьей. Первым о срыве, возможно, первом срыве, сообщает мельком в письме брату Бунин: «Федоров ни х<…> не делает, пьет, б<…> и т. д.».[3]

Письмо датировано 1 марта 1899 года. Бунин не совсем прав, говоря, что-де его приятель в то время совсем ничего не делал. Речь скорее о перерыве в очень напряженной работе. Просто плоды работы Федорова стали видны не сразу – это были новые журнальные публикации, книги и театральные постановки. К этому добавим, что в том же 1899-м году Федоров провел несколько месяцев на Волге в качестве корреспондента «Одесских новостей», описывая ужасающую ситуацию в пострадавших от голода деревнях. Поток статей для «Одесских новостей» стал заготовкой для романа «Земля» – равного по социальной значимости и художественной ценности его первому.

1899 год был насыщен работой, но что-то значительное явно происходило и в личной жизни. Летом супругов ждал удар. Федоров пишет Бунину: «Лидия Карловна около месяца тому назад родила, и ребеночек умер. Это на меня подействовало так нехорошо, что я заболел нервным расстройством».[4]

Бунин отвечает: «Очень жалко тебя, милый Митрофаныч, хотя надеюсь, что ты уже поправился. И отчего это вышло? Или это роковой 7-ой месяц виноват? Желаю Л<идии> К<арловне> здоровья, а тебе – поскорей забыть об этом».[5]

Легко советовать! Александр Митрофанович болезненно переживает не только смерть ребенка, но и отчужденность жены, собственную вину перед ней. Этому посвящено одно из самых трогательных и изящных лирических стихотворений «Ранняя осень».

В аллеях отцветающего парка
Я видел осень утром золотым,
Когда листва на солнце рдеет ярко,
И синий пар, как панихидный дым,

Между ветвями влажными таится,
А сердце хочет плакать и молиться.

Печальная, беззвучно шла она
По желтым листьям, падавшим, как слезы,
В тенях волос сквозила седина –
Глухой зимы знакомые угрозы,
И холодел румянец смуглых щек,
И взгляд ее был вдумчив и глубок.

И грусть такая чувствовалась в нем,
Что от лучей божественного взгляда
Моя душа ответным огоньком
Затеплилась, как вечная лампада.
Я не видал прекраснее очей,
Задумчивее, глубже и грустней.

Дыханьем умирающей травы,
Сырой землей, корою и грибами,
И ароматом тлеющей листвы
Был полон воздух. Тонкими перстами
Она ветвей касалась, и листки
Летели с них, кружась, как мотыльки.

А где деревьев бледные уста
Касались, – зелень вспыхивала нежно
И, радостным румянцем залита,
Вся замирала в грезах безмятежно.
Смерть поцелуй ее дарил, иль сон, –
Он был блаженством счастья озарен.

Я ждал ее. С безмолвною мольбою
Я на нее глядел издалека.
О, как я был истерзан весь борьбою!
Как я устал! Прекрасная рука,
Коснись меня! К устам прильни устами, –
И я замру с улыбкой и мечтами.[6]

За отчуждением следует кризис. Судя по стихотворению «Уходи!», семейное счастье на волоске.

За окнами виден из тьмы огонек,
Когда-то и я обогреться там мог…
То было давно и не будет во век.
Впереди, позади
Слышу шепот глухой:
«Уходи, уходи,
Ты чужой нам, чужой!»[7]

О семейном разладе – еще одно стихотворение того же периода. Его лирическая героиня – мать его ребенка:

Месяц поникший глядит мне в окно,
Спи, мальчик мой, усни.
Свеча догорает. Как жутко… темно…
Господь тебя храни.
Из рук выпадает невольно игла.
О, Боже, подкрепи!
Слезами я каждый стежок облила.
Спи, мой сыночек, спи.
От горя ль, от холода ль, бьет меня дрожь.
На свете мы одни.
Отец твой… как вырастешь, все ты поймешь.
Спи, мальчик мой, усни.
И если ты встретишь его на пути,
В толпе, в глухой степи, –
За все – за себя, за позор мой… прости.
Спи, мой сыночек, спи.[8]

Александр Митрофанович хорошо прочувствовал тяжесть удара, нанесенного собственной жене. Ему было отчаянно жалко ее, он чувствовал себя бесконечно виноватым, и он снова хотел ее доверия и любви. О примирении говорит история, точнее – деталь истории, связанной с приездом в Одессу в феврале 1900 года Чехова. Антон Павлович возвращался из поездки по Италии

и Франции и задержался в Одессе на несколько дней в ожидании парохода на Ялту.

В 1936 году литературовед А. Раскин обратился к Лидии Карловне с просьбой написать воспоминания о встречах с Чеховым, и она это поручение выполнила. За основу она взяла очерк мужа о его дружбе с классиком – многое в двух текстах совпадает в мельчайших деталях.

Лидия Карловна рассказывает, как Чехов, встретившись с Федоровым, узнает, что в Одессе находится Куприн. Он просит их познакомить. Федоров бросается домой и встречает… Куприна, пьющего чай с его супругой. Федоров передает ему пожелание Чехова, но тот отвечает решительным отказом. «Во-первых, – объясняет Куприн, – только что вышла моя книга, и Чехов уже мог ее прочесть». Этот довод супруги встречают взрывом хохота. Не является ли смех, за которым стоит очевидное единомыслие в понимании его причины, показателем вернувшейся близости?

К этому следует добавить, что возрожденные чувства не мог не укрепить первый большой гонорар за поставленную в санкт-петербургском Александринском театре пьесу Федорова «Бурелом». Пьеса о дебюте провинциального автора в редакции столичной газеты была во многом биографична, автор знал материал блестяще, отсюда успех. Критики, как им и полагается, во мнениях о пьесе разошлись, но публика была в восторге. «Биржевые ведомости» сообщили, что на премьере автора начали вызывать на сцену после второго акта. Бунин поздравлял друга Митрофаныча с удачей, Чехов ободрял и всячески поддерживал, сам же Федоров, располагая изданным томом, в который вошли четыре его пьесы, мечтал о новых победах. Как скоро выяснилось, напрасно, но летом и осенью 1900-го он был, что называется, на гребне успеха и надежд на еще больший успех.

В 1902 году семья в полном составе отправилась на два месяца в Италию. В Риме их экскурсоводом стал одесский журналист Владимир Жаботинский – протеже Федорова.

С появлением денег у Александра Митрофановича появляется новое хобби – он становится профессиональным путешественником. Продолжительная серия публикаций в «Одесских новостях» за 1902-й год позволяет проследить маршрут его новой поездки:

Турция, Греция, Египет, Индия, Китай, Япония. Он возвращается домой на поезде из Владивостока, по дороге работая над серией очерков и сонетов (!) о своем турне. Книга очерков «На восток» выходит в 1904, книга «Сонеты» в 1911.

Но по возвращении домой в лирике Федорова все настойчивее начинает звучать тема семейной несвободы:

В глухую ночь тропой знакомой
Сошел я на берег морской.
Меня давили стены дома
И их удушливый покой;

И на челнок, вчера прибитый
К земле стихиею шальной,
Я сел, как он, полуразбитый,
Как он, обманутый волной.

Здесь ночь была еще печальней,
Еще тоскливей тишина.
Тень заколоченной купальни
Качала мертвенно волна,

И черной траурной каймою
Песка касалася, шурша…
Я зарыдал, объятый тьмою,
И в мире ни одна душа
Меня не слышала.[9]

Картина побережья со спускающейся к каменистому пляжу тропой, купальня, лодки, море – не фантазия поэта, это фотографически точное описание местности в районе его дачи, столь же знаковой для старой Одессы, как Потемкинская лестница или оперный.

Современники оставили нам воспоминания о двух пассиях Александра Митрофановича этого времени.

В дневнике за 1903 года Бунин делает очень лаконичную запись: «1 янв., Чехов: «Бунин и Найденов в Одессе. Их там на руках носят». Мы с Н. жили в «Крымск. гост.» – Федоров и Лиза Дитерихс».

Тире между названием гостиницы и именами Федорова и его спутницы производит тот же эффект, что и отсутствие запятой в знаменитой фразе «казнить нельзя помиловать». Действительно ли Бунин видел Федорова с дамой в гостинице «Крымская», где он поселился со знаменитым автором «Детей Ванюшина»?

Вера Муромцева-Бунина в «Жизни Бунина» дает частичное разъяснение дневниковой записи мужа: «У Федорова в это время был роман с очень молоденькой Лизой Д. (…) Лиза была худенькой нервной барышней, без памяти влюбившейся в писателя. Ничего серьезного между ними не было, но в юности все кажется серьезным, драматичным. И она, приревновав его, решила покончить с собой; бросилась с моста, но, к счастью, зацепилась за что-то юбкой и была спасена. Все знавшие ее взволновались: дело сумели замять, и огласки оно не получило».[10]

Теперь, надеюсь, понятен вопрос о тире. Если встреча произошла в гостинице, то, наверное, заявление о том, что «ничего серьезного между ними не было», можно поставить под сомнение. Да, но кто она – эта худенькая и нервная барышня?

Елизавета Дитерихс – дочь гласного городской думы и мирового судьи Александра Михайловича Дитерихса, правнучка сподвижника Ришелье, военного инженера Карла Дитерихса. Дитерихсы принадлежали к городской знати, то есть их знали все. Поэтому несложно представить, сколько усилий следовало приложить, чтобы замять историю с попыткой самоубийства именитой девицы. Именитой она была и еще по одной причине. Елизавета Дитерихс – автор слов популярного по сей день романса:

Снился мне сад в подвенечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоем.
Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем.

Листьев ли шепот, иль ветра порывы
Чуткой душою я жадно ловлю.
Взоры глубоки, уста молчаливы:
Милый, о милый, люблю.

Тени ночные плывут на просторе,
Счастье и радость разлиты кругом.
Звезды на небе, звезды на море,
Звезды и в сердце моем.

Звезды, море, сады – все это в таком обилии присутствует в поэзии самого Федорова, что неудивительно обнаружить их отражение в стихах влюбленной в него юной поэтессы. И кто еще, если не юные поэтессы, должны были первыми попадать в сети тридцатипятилетнего красавца-поэта, чьи стихи печатались в самых авторитетных журналах России? История с Лизой Д. имела место в 1903 году. В 1904 году в те же сети попала другая начинающая поэтесса – пятнадцатилетняя Анна Горенко.

Она посвящает Федорову, по крайней мере, три стихотворения. Вот первое из них:

Над черною бездной с тобою я шла,
Мерцая, зарницы сверкали.
В тот вечер я клад неоценный нашла
В загадочно-трепетной дали.
И песня любви нашей чистой была,
Прозрачнее лунного света,
А черная бездна, проснувшись, ждала
В молчании страсти обета.
Ты нежно-тревожно меня целовал,
Сверкающей грезою полный,
Над бездною ветер, шумя, завывал…
И крест над могилой забытой стоял,
Белея, как призрак безмолвный.[11]

Стихотворение датировано 22 июня 1904 года. Летом того же года Александр Митрофанович пишет о своем новом увлечении. Правда, кому адресовано его произведение, мы не знаем. Ане? Или это еще воспоминание о Лизе?

Мы были на прибрежье возле скал.
Нас обвевал веселый ветер южный.

Под шорох волн, таинственный и дружный,
Всю жизнь мою тебе я рассказал.

У волн в песке гурьбой развились дети,
Звенели крики, смех и голоса,
И ясно улыбались небеса
На этот шум, счастливейший на свете.

Ты ласково спокойных умных глаз
От моего лица не отводила,
И руку ты в моей руке забыла,
И слушала безмолвно мой рассказ.

Все, что тогда в твоем я встретил взоре,
Мне не забыть… и первый день весны,
И шум детей, и пение волны,
И счастие, открытое, как море.[12]

Не менее года носила Анна любовь к одесскому ловеласу в своем сердце, и в 1905-м завершила еще одно посвященное ему стихотворение:

О, молчи! от волнующих страстных речей
Я в огне и дрожу,
И испуганно нежных очей
Я с тебя не свожу.

О, молчи! в сердце юном моем
Пробудил что-то странное ты.
Жизнь мне кажется дивным загадочным сном,
Где лобзанья-цветы.

Отчего ты так нагнулся ко мне,
Что во взоре моем ты прочел,
Отчего я дрожу? Отчего я в огне?
Уходи! О, зачем ты пришел.

1904-1905[13]

Эти романы уже не вызвали в доме Федоровых того кризиса, который потряс его менее пяти лет назад. Может быть, к этому времени Лидия Карловна действительно выработала или начала вырабатывать способность смотреть на увлечения мужа как на неизбежность. Что до Анны, то и она успокоилась, поделившись с царскосельским другом Сергеем Штейном впечатлением, которое исправно цитируется при всяком воспоминании о ее одесском кавалере: «Летом Федоров опять целовал меня, клялся, что любит, и от него опять пахло обедом».[14]

Что тут сказать? Федоров, конечно, не был бесплотным ангелом. Ничто человеческое ему не было чуждо. Включая запахи застолий, которыми славился его дом.

Мы не знаем, был ли этот роман последним, но знаем, что Александр Митрофанович, как всегда, много работает. Лидия Карловна помогает ему. Он надиктовывает, она печатает на машинке. Помимо этого, она пишет сама. Из переписки с Буниным мы узнаем, что супруги пытаются опубликовать ее пьесу «Усадьба Хризанфовых». Безуспешно.

Это предприятие дает еще один повод для догадок. Бывшая театральная актриса решает вернуться к любимому делу в качестве драматурга – через 14 лет после ухода из театра? Или же Лидия Карловна ищет – на всякий случай – источник собственного дохода?

Что до ее супруга, то у того один за другим выходят новые романы, переиздаются ранние, беспрерывным потоком идут рассказы, такой же обильный поток составляют путевые заметки. В 1906 году на борту парохода «Григорий Мерк» Федоров совершает поездку с 800 семьями еврейских эмигрантов в Нью-Йорк. Итог – книга «За океан». Бунин, ожидая появления приятеля в Египте, иронически замечает, что сейчас приедет Митрофаныч и напишет еще одну книгу. И тот пишет – «Солнце жизни» – настоящий путеводитель по святым местам. Перед тем как выйти книгой, главы из нее печатаются в иллюстрированной «Ниве». Осенью 1914-го Федоров отправляется в Варшаву и оттуда с группой журналистов из США, Англии, Франции и Японии едет по прифронтовой зоне на роскошном автомобиле марки «Бенц». Поток корреспонденций для «Киевского мира» и «Одесского листка» превращается в еще один 430-страничный том «С войны».

В то время как войне не видно конца, у Федоровых появляется новая забота – подросшего Витю пора определять в высшее учебное заведение. Судя по любви их мальчика к рисованию – в художественное. Папа выбирает Санкт-Петербургскую Императорскую Академию художеств, которую окончили или посещали многие его одесские друзья-художники: Кириак Костанди, Петр Нилус, Евгений Буковецкий, Тит Дворников. Другой выбор мог бы показаться странным. Амур временно отдыхает.

В 1917 году мир Федорова рухнул, хотя он продолжал активно писать, издавать книги и выступать в прессе вплоть до отъезда из Одессы в декабре 1919 года. В повести «Уже написан Вертер» Катаев отправил в дорогу литературного двойника Федорова с красоткой из «Альказара». Так назывался ресторан на ул. Садовой рядом с литературно-артистическим клубом, где часто бывал Александр Митрофанович. Но из Одессы Федоров уехал не с любовницей, а с другом – Петром Нилусом. Вместе они жили первое время в узком, как стол, номере варненской гостиницы, а затем в софийском «Континентале». Но действительно – почему Александр Митрофанович уехал в эмиграцию один, оставив жену, сына и двух внуков? Известна версия, согласно которой, его жизнь – деникинского пропагандиста-агитатора – была в опасности. Но ряд деталей в семейной истории Федоровых позволяет предположить, что отъезду действительно мог предшествовать разрыв с Лидией Карловной.

Судите сами.

Федоров уехал из Одессы в последних числах декабря 1919 года на болгарском пароходе «Витязь». Вера Муромцева-Бунина перечисляет уезжающих, но не упоминает среди провожающих Лидию Карловну, которую прекрасно знает и с которой многократно виделась в ее доме. Прибыв в Болгарию, Нилус и Федоров пускаются во все тяжкие – пьют и гуляют беспробудно, о чем Нилус подробнейшим образом сообщает в письмах Бунину, уже добравшемуся до Парижа:

«Поведение и мое, и Федорова улучшилось, меньше пьем, но одно время у него нога распухла и посинела как х_й и проступили на щеках кровавые печоночные прожилки. (Он тоже собирается в Прагу ехать. На каникулы.) Хотя Федоров, впрочем, как

ты говоришь, «подосрался», изменил Знойке, дефлорирует двух курсисток, препоганых».[15]

Знойка?! Нилус сообщает Бунину о ее связи с Федоровым так, словно Иван Алексеевич может ее знать – по имени и без дополнительных объяснений.

Он действительно может ее знать, если речь идет о Лидии Знойко – молодой писательнице, которая появилась в Одессе в 1918 году с волной беженцев из советской России.

Известно о ней совсем немного. Первая найденная мной ее публикация – рассказ «В подворье» в журнале «Нива» за 1917 год, еще два рассказа в первом номере того же издания за 1918 год. Затем поток публикаций в одесской периодике – пять в журнале «Жизнь» за 1918 год и одна 1919 года в журнале «Огоньки». Последний даже размещает ее фото – темноволосая большеглазая узколицая женщина с полными губами сидит за дачным столом у самовара. Редакция сообщает, что «молодая, начинающая писательница Л. Знойко» поселилась вместе с другими писателями, в числе которых Бунин и Федоров, на Большом Фонтане.

Судя по тому, что «измена» произошла в Болгарии, ее несло на Запад тем же потоком, который нес Федорова. Но двигались ли они в этом потоке вместе? И не она ли тогда та самая красотка из «Альказара», разрушившая семейную жизнь Федоровых? У нас нет ответа на этот вопрос.

Из Болгарии Нилус пишет в Одессу и своему другу художнику Евгению Буковецкому, подробно докладывая о ситуации на арт-рынке, чтобы тот мог сориентироваться и понять, на что он сам может рассчитывать в эмиграции. Хотя Нилус выражал надежду на скорую встречу, домосед Буковецкий эмигрировать так и не решился. Но тут важно вот что – существование почтовой связи с Одессой. Почту доставляли частным образом на пароходах, которые перевозили из Варны в Одессу русских военнопленных времен первой мировой, собранных в болгарском порту для отправки на родину. Но Федоров, уехавший в декабре 1919 года, устанавливает переписку с домом лишь в августе 1920, то есть через семь-восемь месяцев после отъезда! В это время Нилус сообщает в Париж Бунину: «Получил письмо от Митрофаныча. Оказывается, Витя сидит в тюрьме в качестве заложника…».[16]

Не является ли это «оказывается» подтверждением того, что до августа 1920 года Федоров домой не писал и писем из дому не получал? Чем же мог быть вызван такой продолжительный перерыв в связи, если не разрывом? А если так, то кто восстановил связь? Вполне возможно, что Лидия Карловна, когда сын попал в беду. Первый раз Виктор был арестован после ухода из Одессы со своей военной частью в январе-феврале 1919 года. Во время отступления его отряд был захвачен красными, разоружен и отправлен поездом в Одессу. Как следует из рассказа его первой жены Нади Ковалевской, Виктор бежал из вагона на станции, занятой частями Котовского, и обратился к нему за помощью. Будучи старым знакомым его отца, Котовский помог Виктору вернуться в Одессу и устроиться на прежнее место службы – в команду Большефонтанского маяка. Но в июле 1920 года всю обслугу маяка, в том числе и Виктора, арестовали по подозрению в контрреволюционном заговоре.

Вполне возможно, что Лидия Карловна разыскала мужа в надежде на оставшиеся у того в Одессе связи, а также в надежде на финансовую помощь, поскольку в этой совершенно трагической ситуации осталась без средств к существованию, и больше ей обращаться было не к кому.

С новой властью в Одессу пришли голод и тиф. Письма жены приводят Федорова в ужас. Голод, трупы на улицах, тиф. В конечном итоге Витю снова отпускают, как объясняет Федоров в письме Бунину – после коллективного письма, которое направляют в ЧК студенты и профессора одесского художественного училища, где он занимался. За него заступаются как за выдающегося художника. Мы знаем, как ЧК относилась к выдающимся представителям любых профессий, поэтому ясно, что талант тут ни при чем.

С.З. Лущик высказал в «Реальном комментарии к повести В. Катаева «Уже написан Вертер» версию, по которой Виктора освободили по ходатайству молодого писателя Андрея Соболя, знавшего еще по царской каторге замначальника одесской ЧК Макса Дейча. До этого Соболь спас от расстрела соученика Виктора по одесскому художественному училищу Николая Данилова. Лидия Карловна могла узнать об этом и броситься к Соболю, который, к тому же, был знаком с ее мужем. Это, наверное, и объяс-

няет слова Федорова-старшего об участии в деле освобождения Виктора студентов училища, его соучеников.

Кто бы ни уберег Виктора от расстрельного гаража, до конца дней он считал, что это исключительная заслуга его матери. Незадолго до смерти в советском концлагере Виктор, все чаще обращающийся к Богу, написал жене: «…мне кажется, что это мать моя у Его престола молит о моем спасении, и спасет, как и в далекой моей юности».[17]

Но вернемся в 1920-й год. Письма из Одессы словно отрезвляют Александра Митрофановича. Этому помогает и устройство на преподавательскую работу в софийскую гимназию. Очень скромного жалованья хватает лишь на оплату жилья, средства на вино и девушек исчезают вместе с уехавшим из Софии Нилусом.

Нилус иронически отозвался о творчестве Федорова того времени как о безостановочном плаче «по покинутому дворцу» и «гениальному сыну». Этот плач мы беспрерывно слышим в письмах Федорова в Париж: безденежье, ненавистная педагогическая работа, отказы издателей платить гонорары, отчаянное положение оставшейся в Одессе Лидии Карловны.

Конечно, на вопрос, как же он мог бросить жену, своего мальчика и двух внуков, может быть больше одного ответа. Одно из объяснений мы находим в его письмах: Лидия Карловна осталась присматривать за домом, в который семья должна была вернуться после обрушившейся на страну смуты. Власть большевиков многими тогда воспринималась как временная. Есть еще одно соображение: в 1920-м Лидии Карловне было 55, и, не отличаясь крепким здоровьем, она просто не решилась на побег. Помочь ей в этом планировали бежавшие из Одессы друзья Федоровых – литераторы Недзельские. Успешно перебравшись через Днестр, они поселились в Кишиневе, вскоре приняв бежавшего из Одессы Виктора. Не став дожидаться третьего ареста, тот переправился в Румынию хорошо проторенной дорогой – через днестровские плавни. В биографии он даже назвал место переправы – Бендеры. Его жена Надя Ковалевская вскоре последовала с детьми за ним, а Лидия Карловна осталась в Одессе.

Александр Митрофанович не переставал жаловаться на невозможность помочь ей, но, надо сказать, что после введения нэпа жизнь ее наладилась. Как сообщает С.З. Лущик, практичная

Лидия Карловна превратила свой дом в пансион для творческих работников. Он привлекал многих столичных деятелей новой советской культуры по старой памяти как «дача Федорова», где они бывали в лучшие времена. Среди них был Мейерхольд, Багрицкий, Нарбут, Олеша, другие.

Тем не менее Александр Митрофанович был склонен видеть жизнь Лидии Карловны в самых мрачных тонах. Он не мог не чувствовать собственной ответственности за ее положение, но в стихах пытался прикрыть вину как бы искренним удивлением несправедливостью жизни.

Нет, никогда я не пойму,
Хотя бы мозг сгорел, страдая,
За что, зачем и почему
Одна в покинутом дому –
Вся в черном женщина седая.
Не спит все ночи напролет.
Как скорбен лик ее бескровный.
И ходит-ходит взад-вперед –
Вдруг остановится, замрет
И все петлистый шаг неровный.
О скалы бьет морской прибой.
Седая женщина все ходит
И говорит сама с собой,
И взор, сгорающий мольбой,
С икон к портретам переводит.
Подходит молча к одному,
К другому – и потом, рыдая,
Глядит в окно сквозь дождь и тьму.
Одна, в покинутом дому.
Вся в черном женщина седая.[18]

В 1937 году дирекция Одесского дома творчества решила прибрать дачу Федорова к своим рукам. Сделано это было самым простым и эффективным по тем временам способом: с помощью доноса. Лидию Карловну арестовали 14 октября 1937 года. Она была признана виновной в связях с белой эмиграцией и контрреволю-

ционной деятельности. Ее приговорили к высшей мере наказания и привели приговор в исполнение 29 октября того же года.

Герой последнего романа Федорова «Плеяды», писатель-эмигрант Александр Виссонов рассказывает, что 14 ноября 1937 года его посетило страшное видение. На ночной улице Софии он слышит пронзающий сердце крик пролетевшей над ним тени. Вернувшись домой, он пишет сонет, своей жутковатой образностью напоминающий стихи Эдгара По.

Глубокой осенью, в час полночи железной,
Когда сквозистый мрак бездушен и студен,
И весь как бы пронзен алмазной нитью звездной,
Я мимо башни шел, тоскою изможден.
Внезапный плач иль стон, томящий и бесслезный,
Остановил меня. И к месту пригвожден,
Я, как слепец, себя почуявший над бездной,
Весь замер. Надо мной, виденье или сон,
Бесшумно промелькнул какой-то призрак странный
И поднял волосы движеньем крыл едва.
Дух ночи? Нет, всего сова, сова, сова.
Но сердце мне пронзил вещатель окаянный.
Я понял, что она, далекая, мертва,
И с ней все умерло. Одна лишь скорбь жива.[19]

Начав наводить справки, Виссонов выяснил через парижского друга, что его жена арестована. В жизни информация из Одессы была, скорее всего, передана Евгением Буковецким в Париж, где жила его дочь Ирина. Через нее она попала к Нилусу или Бунину, а от них – в Софию.

Потеряв преподавательскую работу в середине 30-х, Федоров не оказался на улице. Иногда ему помогал деньгами живший в Бухаресте сын. Эта помощь вряд ли была регулярной, поскольку новая подруга его жизни (отношения с первой женой Н. Ковалевской прервались) контролировала каждую принесенную в дом копейку. Точнее – лею. Александру Митрофановичу помогал финансово его близкий друг – директор Национальной библиотеки Болгарии Стилиян Чилингиров. Но главное – его взяли на свое

полное попечение хозяева дома, где он жил уже много лет, – овдовевшая Невена Желязова и ее дочь Лиляна.

«…мой друг в своем маленьком домике устроил мне на чердаке маленькое, но чудесное жилье. Правда, потолок в моей комнате я достаю моей головою, но зато большое окно мое выходит на Витошу, вид чудесный, и в комнате поставлена кафельная, а не масляная печь. (…) Если бы не этот ангел-хранитель мой со своей очаровательной дочерью, я бы удавился от тоски и муки».[20]

Когда хозяйка овдовела, он сошелся с ней, что следует из воспоминаний ее дочери, последнего романа Федорова «Плеяды» и его писем Бунину. В официальный брак Невена с Александром Митрофановичем не вступала. Если смотреть на героя «Плеяд» Александра Виссонова как на альтер эго Федорова, то становится понятным, почему. Невена: «…из непонятного страха, оправдываемого отчасти лишь тем, что, выходя замуж, она теряет пенсию, получаемую после мужа, а материальные обстоятельства их ухудшались день ото дня…» – отказалась обвенчаться с ним.[21] К этому следует добавить, что венчаться при живой жене Федоров тоже не мог.

Что до страха Невены, то он был совершенно понятен – пенсия покойного мужа была единственным источником дохода в доме.

Последний роман касается еще одной важной темы в жизни Виссонова-Федорова – возвращения на родину. Поводом для мыслей об этом стала репатриация в 1937 году А.Н. Куприна. Жена Виссонова Лидия Сергеевна пишет ему из Одессы, что-де пора признать свою ошибку, понять необходимость очистительной жертвы революции и вернуться, но муж ставит – не совсем понятно, кому именно, – совершенно немыслимое условие: если *все* вернутся, то и он вернется.

В ноябре 1946 года Александр Митрофанович сообщил в письме своей новой невестке Елене Дину-Федоровой в Бухарест: «У меня уже советский паспорт». Но он никогда им не воспользовался.

Почему?

В 1945 году он познакомился с несколькими советскими писателями, оказавшимися в Болгарии в составе оккупационных войск. В их числе называют украинского поэта Павла Тычину и известного литературоведа, специалиста по Лермонтову Исая Заславского. Последний, наговорив Федорову кучу комплимен-

тов, пообещал передать его рукописи в московские издательства. С ними он улетел в Москву. Публикация всего, что было написано за два десятка лет в эмиграции, обещала Федорову и возвращение в родную литературу, и гонорары, с помощью которых он мог бы расплатиться со своими благодетельницами. Казалось, удача, которой он ждал всю свою эмигрантскую жизнь, наконец-то пришла к нему. Его ждало горькое разочарование – рукописи, равно как и увезший их Заславский, исчезли.

Федоров теперь чувствовал себя не просто забытым родной литературой, он был отвергнут ей. Он был нищ, он был стар, ему больше нечего было ждать, никто не ждал его. У него не осталось ничего, кроме воспоминаний о детстве на Волге и о безвозвратно потерянной жене, которую он любил, которую предавал и все равно любил.

Уж ты давно в земле истлела,
И вдруг твой образ, как цветок,
Расцвел и душу мне, и тело
Воспоминанием зажег.

То, что Ты взял от нас, о, Боже,
Что уж испеплилось в золе,
Душе становится дороже
Всего живого на земле.

Так от звезды давно погасшей
Лишь через много, много лет
Доходит в ночи жизни нашей
Благословляющий привет.[22]

Примечания

[1] «Стихотворения А.М. Федорова». Изд. И.Г. Советова. М., 1894, с. 71.

[2] «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». М. ИМЛИ РАН, 2003 г. Далее: «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». Письмо № 339 А.М. Федорову. Цитируется по электронной версии в Библиотеке Мошкова.

[3] «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». Цитируется по электронной версии в Библиотеке Мошкова. Письмо № 339.

[4] Письмо А.М. Федорова И.А. Бунину. Отрывок. ОГЛМТ, ф. 14, № 3177/15 оф.

[5] «Письма И.А. Бунина 1895-1904 гг.». Письмо № 425 от 1 авг. 1899 г.

[6] А.М. Федоров. «Мой путь». Изд. Н.Н. Клочкова. – М,. 1910, с. 50. Далее: «Мой путь».

[7] «Мой путь», с. 60.

[8] «Мой путь», с. 64.

[9] «Мой путь», с. 83.

[10] «Вера Муромцева-Бунина. «Жизнь Бунина». – М.: Вагриус, 2007, с. 219.

[11] А. Ахматова. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Эллис Лак, 1998. Т 1, с. 6.

[12] «Мой путь», с. 109.

[13] А. Ахматова. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Эллис Лак, 1998. Т 1, с. 7.

[14] А. Ахматова, письмо Сергею Штейну. Цитируется по: «И снова об Анне Ахматовой». Анна Божко. «Вечерняя Одесса», № 90, 23 июня 2009 г.

[15] Письмо П.А. Нилуса И.А.Бунину. Осень 1920 г. – Архив И.А. Бунина. Университет г. Лидса, Великобритания. Далее: Лидский архив.

[16] Письмо П.А. Нилуса И.А. Бунину. Без даты. Отправлено из Вены, возм., осенью 1920 г. Лидский архив.

[17] Письмо Виктора Федорова жене Елене Дину в Бухарест. 14 марта 1946 года. Семейный архив Федоровых.

[18] Архив А.М. Федорова в Библиотеке редких рукописей Байнеке в Йельском университете. Хартфорд, Коннетикут. США. Далее: Йельский архив.

[19] Федоров А.М. «Плеяды». Роман. – «Новый журнал». 2011, № 265, с. 131.

[20] Письмо А.Ф. Федорова И.А. Бунину. Отправлено между июнем и сентябрем 1931 г. Лидский архив.

[21] А.М. Федоров. «Плеяды». – «Новый журнал», Нью-Йорк, № 265, 2011, с. 138.

[22] Йельский архив. Дата написания: 25.VII.43. Стихотворение могло быть реакцией А. Ф. на сообщение сына Виктора из Одессы о гибели матери. В годы войны дирекция Бухарестской оперы, где он работал художником-декоратором, направила его в командировку в Одессу, что позволило ему узнать о судьбе матери.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Проза

154 **Елена Тищенко**
Собака, кот и ворона

162 **Виктория Коритнянская**
Аз есмь

168 **Ирина Озерная**
Держи осколок

183 **Александр Хинт**
Линия 28

189 **Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук**
Отмычка Соломона

Елена Тищенко

Собака, кот и ворона

Майя

Каждое утро ко мне приходит Майя. Не иллюзия, а вполне реальная и не очень чистокровная соседская хаски. Собака с виду благополучная и упитанная. Но голос предков, тех, что попроще, постоянно ей твердит, что от жизни нужно брать больше, чем дают на завтрак и на ужин.

Следуя этому зову, она обходит все открытые домики и переворачивает мусорные ведра. Ее даже поругать нельзя. Белые глаза говорят тебе, что именно твой мусор помог ей выжить сегодня.

Иногда ее клинит. Как-то я несла подарок соседскому псу маленькую косточку с кусочком мяса. Откуда взялась эта Майя? Стеклянный взгляд «вижу цель – не вижу препятствий» повел ее за добычей по моим босым ногам. Поцарапала меня и забрала косточку из рук. Я не рискнула вступать с ней в полемику, и пес остался ни с чем.

Позже оказалось, что от Майи есть заклинание. Когда в очередной раз она пришла переворачивать мое ведро, и я закричала: «Майя, иди домой!» – собака вдруг развернулась и ушла.

Во всем остальном она была идеальной. Дети с нетерпением ждали вечера, когда Майю выпустят гулять. Они обычно донимали Ларису просьбами выпустить Майю пораньше. Вместе с собакой они рыли огромную яму в песке и сидели в ней. Купались, гоняли по берегу и ездили верхом. Майя катала всех. Возила бы и взрослых, если бы им такое пришло в голову.

Но иногда в этой добрейшей души собаке просыпались другие ее предки. Это случалось, когда она видела котов. В один прыжок она оказывалась рядом и перекусывала им хребет. Может, поэтому в округе так мало котов? Хозяйские коты сидели по домам, а бродячие знали и сторонились.

Майя забеременела неизвестно от кого. Может, от черного лохматого пса? А может, от рыжего, тот помоложе. Беременность протекала нормально. Майя округлилась, даже похорошела. Вальяжно прогуливалась по берегу, с детьми не играла – берегла своих первенцев. А когда родила, щенков пришлось утопить. Содержать дорого и продать невозможно – ни один не был похож на хаски. Щенята получились черные, рыжие, пятнистые. Какие угодно, только не породистые. Лариса позвала соседку, отдала ей слепых щенков, и больше их никто не видел. После тяжелых родов Майя оказалась слишком слаба, чтобы бороться за своих детей. Она не смогла подняться и только проводила их взглядом, полным отчаяния.

Майя поправилась, но у нее началась депрессия. Ее хозяйка уже жалела, что не оставила хотя бы одного. Две недели днем Майя их искала по дому, а по ночам тихо выла. Не ела. Только пила иногда и смотрела в пустоту. Ни дети, ни прогулки не могли вывести ее из этого состояния. Лариса плакала. Так продолжалось еще недели две. Майю даже возили на капельницы с глюкозой, чтобы она не сдохла. Но время лечит, и постепенно Майя стала выходить из дому. Когда я увидела ее у своего мусорного ведра, даже обрадовалась – кризис миновал.

Однажды вечером мы стояли с Ларисой у домика и болтали. Из-за угла показалась Майя с рыжей шкуркой в зубах.

– Майя, иди домой!

– Майя, фу!

Майя остановилась, расставила ноги, бережно положила шкурку на землю, глянула на нас в упор и оскалила зубы. Перед нами стояла уже не Майя, а какой-то Белый Клык. Убедившись, что ее правильно поняли, Майя так же бережно подняла шкурку с земли и пошла к себе во двор. Лариса побежала за ней.

Через пару часов она пришла с двумя бутылками пива:

– Давай выпьем, а то я не усну! Представляешь, бегу я за ней и не хочу знать, что увижу. Мясо, косточки и клочки рыжей шерсти? Прибегаю во двор, гляжу, лежит этот кошонок распластанный, но живой, а моя Майя толкает к нему ему свою миску с молоком. Зубами сняла со штатива… Представляешь?

– Круто! Не съела, что ли?

– В том-то и дело, что нет! Я стою, смотрю, что будет дальше. Внутри уже попустило. И тут она поднимает на меня свои белые глаза и просит: «Сделай что-нибудь!». Ну, я побежала, взяла пипетку, набрала туда молока и давай этого малого поить. Он оклемался, попил. Спят теперь в обнимку! Дурдом какой-то! Я чуть с ума не сошла.

– Так ты теперь стала бабушкой?

– Ой, не издевайся… Давай, допиваем, и я пошла домой, а то сердце не на месте.

Сутки Майи не было видно. Ларисы тоже. Я подумала, что если бы случилось что-то плохое, Лариса бы уже была здесь с пивом, и мы вместе бы оплакивали очередную жертву. Даже дети не смогли выманить Майю тем вечером, никакие косточки не помогли.

Через день мы увидели гордую Майю. Рядом с ней шатался рыжий котенок. Шатался в прямом смысле слова – огромный живот мешал ему ходить. Майя не отпускала его от себя. Когда она торопилась по делам, то брала его в зубы, бежала, потом бережно опускала на землю.

– Интересно, я смогу прокормить двух обжор? – спрашивала себя Лариса, глядя на нового члена семьи. – Она его по себе выбирала?

– На Колобка похож. Интересно, что он ей спел, когда она сказала: «Колобок-колобок, я тебя съем»?

– Что-то убедительное, видимо. Точно Колобок. Так и назовем! Майя и Колобок! Хотелось бы что-то аристократическое, но Майя тоже не голубых кровей.

Материнство пошло Майе на пользу. Истребление котов и набеги на мусорные ведра прекратились.

Сладкая парочка

Во дворе живет кот, который любит ходить по веткам. На дереве он не спит, но много времени проводит там в размышлениях. Сегодня опять бродил, думал о высоком…

Еще во дворе живут вороны, которые воруют у котов еду. А ведут себя, как будто это коты их объедают. Одна, то есть один, довыпендривался, и его съели.

И вот стоит этот кот с растерянным выражением лица, на него по ветке надвигается ворона и орет:

– Ты шо, котяра позорный, возомнил о себе? Ты шо, думаешь, шо ты птица, блин! Вали отсюда! Рожденный ползать летать не может!

– Да я не летать, я так… мне тут просто хорошо, я не имел это в виду…

Согнала-таки его с дерева. Но он вернется, как только улетит эта дура.

Деревом ворона почти не пользовалась. На ветку она садилась, когда нужно было высмотреть кусок повкуснее, да кота погонять. Кота она доставала из гнусности или еще из каких-то внутренних побуждений.

Дня два его не было видно. Вороны тоже улетели по своим делам. Прилетали только на обед, который кошачья мама, баба Люба, теперь готовила для двух компаний: котов и ворон.

Но на третий день стоило коту расположиться на дереве и начать мечтать, эта скандалистка оказалась тут как тут и давай его задирать:

– Ты опять сюда приперся? А ну, давай, проваливай! Котам место в подвалах и на мусорниках. На деревьях живем мы – гордые птицы!

– Вы тоже живете на мусорниках. И я никуда отсюда не уйду.

У вороны от возмущения перехватило дух. Она взлетела и клюнула его в лоб. Не больно, но обидно. Кот насупился, но остался на месте. При второй попытке отвесил ей такую оплеуху, что ворона чуть с курса не сбилась.

Озадаченная, она уселась рядом с ним и спросила:

– Тебя как зовут?

– Не знаю, не помню уже. По-разному каждый раз звали.

– Ладно, будешь просто Котом. А меня – Кара! Я сама себя назвала. Я – птица самодостаточная.

– Если ты такая самодостаточная, почему другим жить мешаешь?

– Я не мешаю. Просто во всем должен быть порядок. Птицы живут на деревьях, коты живут в подвалах.

– Коты живут и на чердаках, и вообще, живут, где тепло. На дерево они приходят гулять, и я не заметил тут твоего гнезда.

– Моего гнезда тут нет. У меня вообще гнезда нет. А могло бы быть, если бы этот серый убивец не загрыз моего Карлушу. Мы как раз собирались вить гнездо и рожать детей.

– Мне очень жаль, что так получилось.

Кот внимательно посмотрел на нее. Это она от неустроенности, наверное, такая противная. Ворона поняла, что сболтнула лишнего, и принялась каркать на тему, как должны вести себя нормальные коты:

– Ты какой-то недокот! Ты хоть раз на кошку взбирался? Так, чтобы результат был?

Она попала в больное место. Кошек во дворе было не так много, и весной к ним стояла очередь. Драться и вести себя грубо с дамами он не мог, поэтому всегда проигрывал. Один раз к ним зашла такая приятная домашняя кошечка. Она даже строила ему глазки. Но пока он решился с ней заговорить, прибежал «убивец Карлуши» и отогнал его. Вот он и перестал пытаться. Когда становилось совсем невмоготу, орал у себя на ветке. Когда отпускало, опять сидел и мечтал. Да, наверное, ворона права, он недокот. Должен был родиться кем-то другим.

Он слышал, что коты живут девять жизней, но в этом теле и с таким характером все девять жить не хотелось.

Ворона сделала вид, что потеряла к нему интерес, и улетела. Точнее, не улетела, а перебралась на пару веток выше и наблюдала за ним. Кот чувствовал ее взгляд, но головы не повернул: «Дался я ей! – думал он. – Ходил себе, никого не трогал, а теперь – прощай, покой. У этой своей личной жизни нет, так она и цепляется ко всем, поучает. Хоть бы уже своих учила… Тоже недоворона какая-то».

Теперь кот гулял по веткам, когда хотел. Он чувствовал, что отвоевал это право, и гордился собой. Не каждый из его компании рисковал связываться с воронами. Даже Серый, тот самый «убивец Карлуши», не часто гонял этих шумных птиц. А Карлушу загрыз, потому что тот совсем обнаглел и украл Серого еду. Съел в назидание другим, так сказать.

– Эй, ты, Недокот, хочешь, покажу что-то?

Эта ворона точно не даст ему жизни. Выдержки у нее хватило ровно на два дня.

– Что ты можешь мне показать?

– Пошли на крышу, увидишь! Или третья ветка от земли – твой предел?

Она знала, что это не так. По ночам кот любил сидеть на крыше и смотреть на звезды, но шанса поиздеваться она не могла упустить.

– Давай, я полетела, а ты уже смотри, как доковыляешь.

Пока она могла его видеть, кот медленно нехотя спускался с дерева и так же неспешно шел к подъезду. Внутри помчался наверх изо всех сил и через две минуты был на крыше.

Ворона, конечно, сидела там и делала вид, что уже успела состариться:

– Ну? Что там у нас? Одышечка, крепатурка, тахикардийка?

– Я сейчас уйду.

– Ну, ладно-ладно… Ты так умеешь?

Она пошла по верхним ребрам шифера, широко расставляя ноги.

– Ворона, ты дура. Птицы, вообще-то, прыгают, а не маршируют так.

– Во-первых, я Кара. Во-вторых, много ты понимаешь! Когда я так хожу, я лучше думаю.

– И о чем же ты думаешь?

– О бренности бытия, например.

– Лучше бы думала, как тебе найти себе парня, а не о бренности или о том, как должны себя вести коты.

– Такого, как Карлуша, я себе уже не найду, а все остальные – придурки. Не такие, как вы, коты, но все равно. У них только одно на уме! А мне поговорить интересно.

Она продолжала маршировать туда-сюда, и у кота зарябило в глазах:

– Ты можешь сесть? У меня от тебя голова кружится.

Ворона пришагала к нему, скосила голову, что-то хотела сказать, но решила промолчать и села.

– Чего это коты придурки?

– Чего?! Вы вообще разленились до такой степени, что ничего уже не можете! Коты – хищники! Вы должны ловить мышей и крыс! А вы? Лежите целый день и ждете, пока бедная баба Люба вам принесет первое, второе и десерт в разных кастрюльках! Все, на что вы способны, – это орать по ночам и будить всех!

От возмущения она то и дело взлетала, потом садилась, потом шагала, но недалеко. Возразить коту было нечего – ворона, в общем, не ошиблась.

Они стали чаще гулять. Недокот и недоворона. Сначала над ними смеялись. И коты, и вороны. Называли «сладкой парочкой». Потом привыкли и перестали обращать внимание. Коту даже казалось, что кошки начали посматривать на него с интересом, а коты не гоняли Кару.

То они вместе сидели на дереве, то на крыше. Ворона больше любила на крыше, потому что там она могла вышагивать, заложив крылья за спину, и учить кота жить. Иногда он ее не слушал, а иногда понимал, что она права. Вот только бы вместо советов залезла бы к нему внутрь и показала, как надо.

В тот день они сидели на дереве. Внизу мальчишки строили что-то из камней. На ветке шагать было некуда, поэтому ворона сидела рядом и слушала кота. Впервые она молчала больше пяти минут. Он рассказывал ей, как ему хорошо жилось в детстве. Совсем маленьким его взяла к себе старушка. Старушка была одинокой и любила его, как ребенка. Потом старушка умерла, и его выбросили на улицу. Там его избили, и он думал, что умрет. Потом старый кот показал ему двор, где баба Люба всех кормит. Вот, наверное, поэтому он не такой, как все коты.

– Что же ты мне сразу не сказал? – подпрыгнула Кара. – Ты бы у меня уже тут главнее Серого был, если бы я раньше узнала! Значит, слушай, я хороший психолог. Все твои проблемы от условных

рефлексов. Они приобретенные и не навсегда. Рефлексы хищника – безусловные, они у тебя в крови. Осталось только изменить твои условные рефлексы и…

Краем глаза он увидел, как в ворону летит камень, и прыгнул. Свет разбился на тысячу осколков, и наступила ночь.

Кот проснулся и открыл глаза. Один открылся полностью, другой наполовину. Голова болела так, как тогда, в детстве, когда его побили. «Значит, живой, – подумал он. – Интересно, это уже другая жизнь или все та же?»

Он лежал, укрытый листьями и ветками. Под носом вкусно пахла рыбешка. Принюхался, даже попробовал есть.

– Наконец-то, лежебока! Развалился тут, разлегся! Конечно… На всем готовом… Почему бы и не поваляться?

Странно, но он рад был слышать ее карканье. Может, потому что жив…

– Это ты, что ли, меня накрыла?

Ворона быстро засобиралась и куда-то улетела, а проходившая мимо кошка сказала:

– Твоя сладкая парочка три дня от тебя не отходила, гоняла всех.

Виктория Коритнянская

Аз есмь

Хорошо думается в дороге. В автобусе, поезде – неважно. За окном мелькают дома, поля, люди, ты несешься вперед, а в голове неспешно тянутся, переплетаются мысли.

И вот однажды… В кружевной канве своих мыслей я увидела людей. Много людей. Моих бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, всех тех, благодаря которым «аз есмь» на этом свете. Но были еще и другие. Совершенно чужие, посторонние люди. Многие мелькнули в жизни моих предков, произнеся всего несколько слов, бросив взгляд или сделав движение. Но какую колоссальную роль сыграли они в истории моего рода! В моей истории!

…Это случилось в 1950-е. Тяжелое, страшное время. Моим бабушкам уже хорошо за тридцать, они давно замужем, и у каждой по двое детей. И так случилось, что здоровье их, подорванное голодным детством и войной, дало сбой почти одновременно. У одной миома, а у другой – что-то со щитовидкой, обе они ходят по докторам, прилежно сдают анализы, принимают таблетки и даже лежат в больницах, но – все безуспешно. И тогда бабушка Наташа едет в Киев, в какой-то институт, и там по совершенно бешеному блату, простояв в длинной очереди весь день, попадает, наконец, к старому профессору. И тот, улыбаясь в пышные усы, говорит бабушке одноединственное слово: «Рожать». Это сказанное и, наверное, тут же забытое им «рожать» оказалось для меня судьбоносным. Бабушка родила мою маму, а та, в восьмидесятом, родила меня.

С другой моей бабушкой, Марфой, произошло почти то же. С тем лишь отличием, что совет «рожать» дала ей женщина – врач-эндокринолог. Сказанные ею слова воплотились суровой

зимой пятьдесят четвертого в крепкого смуглого мальчишку – моего папу. Потом сестра мамы устроила встречу моих будущих родителей, они поженились, родили меня и брата. Так ветвь нашего рода, могущая не быть вовсе, продолжает жить во времени, в нас и в наших сыновьях… И страшно подумать, что ни моих родителей, ни меня, ни брата, ни наших детей могло бы не быть, попадись бабушкам другие врачи. Или… Да сотни причин могли помешать, воспрепятствовать, не позволить. А мы есть. Есть благодаря чьим-то вовремя сказанным словам, совершенным поступкам, а иногда – даже взгляду и жесту…

Мой трижды прадед Василий по твердому убеждению всей родни обладал сверхъестественным даром. Он легко предугадывал будущее и взглядом своим усмирял разъяренных животных. Об этих его способностях сохранилось несколько преданий, но, пожалуй, в самом ярком из них – история рождения моего прапрадеда.

Время стерло подробности, знаю только, что случилось это на охоте. На поляне вдалеке от места облавы отдыхали жены охотников, и почему-то немного поодаль – Василий со своей женой Инной. Вокруг громко поют птицы, мирно беседуют и смеются женщины. И вдруг… На поляну вышел огромный вепрь. Он уставился свирепыми глазками на застывших женщин, и те закричали. Зверь, свернув, пошел на Василия. В руках у того ружье, и Инна кричит ему: «Стреляй!». Но дед неподвижен. Не спуская с вепря горящего взгляда, он подпустил его к себе на пару шагов, затем – стремительный взмах руки в воздухе. Как будто толкнул. Не касаясь… Зверь рухнул к ногам супруги. Его закололи подбежавшие охотники, и Василий, победно улыбаясь, бросил на землю так и не пригодившееся ружье…

Инна долго не могла простить мужу пережитого потрясения. Она даже ушла от него, что по тем временам было неслыханно. Однако позже вернулась. Возвращение ее ознаменовалось рождением их последнего, очень позднего ребенка – моего прапрадеда Михаила. Удивительно, не так ли? Ребенок, рожденный благодаря взгляду?! Нет. Рожденный благодаря уверенности в собственных силах и, безусловно, любви.

…Теперь я понимаю, что знаю до обидного мало. А тогда? Я записывала воспоминания своих бабушек и дедушек, и все в них

казалось мне ясным. Спустя почти двадцать лет я вижу, как много пропусков в их рассказах, и как темны и непонятны иные события их жизни. Так хочется снова спросить, уточнить, убедиться… Увы, не успела… Да и сами они говорили о прошлом неохотно. Уверена – не потому, что не помнили. Просто не могли, не хотели вспоминать то страшное, что было. А еще – боялись. Боялись, как огня, своего прошлого, потому что почти все они были из «неблагонадежных» семей врагов народа и раскулаченных. Казалось, обречены, но все же сумели… Сумели вовремя уехать, выйти замуж и сменить фамилию. Сумели выжить.

И как тут не вспомнить раскулаченного прадеда Данила, который, оставшись без жены и имущества, сумел вывезти с Украины в Россию всех дочерей накануне страшного голода в тридцать третьем. И все остались живы.

Их было пятеро: Анна, Келя, Ульяна, Марфа и Дуня. Самой старшей – семнадцать, самой младшей – три. Поначалу было тяжело. Спали покатом на полу, укрывались соломой, работали в шахте наравне со взрослыми. Со временем обжились, купили домишко, девочки пошли в школу. А в сороковом – упорные слухи о надвигающейся войне.

«Родился в Украине, в Украине и умру», – решил прадед, бросил работу и, распродав нажитое, вернулся. И снова – без дома, работы и денег. Долго скитались по съемным углам, потом как-то устроились. Данила выдал замуж всех дочерей, женился сам, пережил войну и умер в конце пятидесятых, как и хотел, в Украине. Пару лет назад я ездила в его родное село и нашла там могилу прадеда. Огромный куст сирени, перекосившийся крест и фото. На нем я узнала папин прищур глаз, плавный овал лица и крупный, с горбинкой, нос…

Только сейчас я понимаю, какой черствой и не чуткой была я в своем желании, когда, несмотря ни на что, упрямо просила, требовала: «Скажи!».

Мой дед Иван прошел всю войну, дошел до Берлина и вернулся домой к жене и дочке только в сорок седьмом, больной и измученный. Грудь его в День Победы сверкала от орденов и медалей, но он отчего-то никогда не рассказывал нам, внукам, своих историй. И вот однажды после обеда я пристала к нему с расспросами. Дед

долго молчал, но я не сдавалась – просила и ныла, пока он, разозлившись, не ушел. Тогда я обиделась, и баба Марфа, стараясь утешить, поделилась со мной крошечным кусочком его воспоминаний…

Это было под Переяславом-Хмельницким. Наши войска, отступая, попали в котел. Дед сумел вырваться, пробрался в село и сменил одежду. Пристроившись к обозу, он шел по пыльной дороге домой. И вот вдалеке засинел Днепр. У въезда на мост – немцы. Они злы, что-то кричат и сдергивают, сбивают с молодых мужчин шапки. Зачем? Когда понял, бежать было поздно. Белая кожа на бритой голове выдала в нем солдата. Деда арестовали. Отвезли в какое-то село, где на окраине леса в приспособленной под лагерь конюшне он вместе с другими солдатами просидел несколько дней. Потом, сделав подкоп, выбрали день для побега.

Воскресенье. Вечер. Сладкая истома жаркого дня неподвижно висит в воздухе. За стеной бой. «Та-та-та», – бьют из автоматов сотни кузнечиков. «Го-го-го», – заглушают их взрывы немецкого хохота. В конюшне смрад, духота, темнота. В глазах мелькают черные точки, кружатся головы, и стучит в висках. А там, на свободе, молодое задорное «го-го-го!» – все чаще и чаще. Потом заиграл патефон. И гром шепота: «Первый, пошел!» – разрезал время на до и после.

Бойцы медленно, по одному, протискивались в черную дыру. Дед был почти последним, но вдруг чья-то сильная рука, смешав очередь, толкнула его вперед. За стеной, почти рядом, спасительный лес. Солдаты ползут друг за дружкой. Еще немного… И все бы получилось, но… Их выдала собака. Своя, чужая – неизвестно. Она залаяла, и немцы открыли огонь. Обезумевшие от злобы пули вонзались в живые спины, и замыкающие цепочку стали спасительным щитом для впереди бежавших. И тем, первым, удалось спастись, они успели нырнуть во тьму леса.

Среди успевших был и мой дед. После войны он дал жизнь еще двум сыновьям – дяде Толе и моему отцу. И кто знает, родились бы они, если бы тогда, в тот страшный вечер побега, чья-то сильная рука не подтолкнула деда к выходу? Кто он, тот человек? И почему вдруг решил он так поступить и выбрал именно его – моего деда? Что стало с ним? Увы, никогда не узнаем…

Бабушки охотнее делились своими воспоминаниями. Пора их юности выпала на страшные военные годы. Но и тогда, несмотря

на весь ужас происходящего, молодость брала свое, они хотели быть красивыми, хотели нравиться и влюбляться.

Я помню, с каким волнением рассказывала мне бабушка Наташа, как однажды она попала в облаву. Немцы схватили ее вместе с другими женщинами и закрыли в каком-то сарае. И женщины постарше, не теряя времени, принялись тут же пачкать грязью и навозом лица и волосы молодых. А еще они низко вязали девушкам платки. Вязали так, чтобы спрятать молодые девичьи глаза.

– Ты не представляешь! – восклицала бабушка, шумно вздыхая. – Все внутри меня было против, все взбунтовалось! Но я понимала – так нужно, и покорилась.

Через время их выпустили. Немцы брезгливо морщились и смеялись… Но цель была достигнута, никого из девушек не тронули.

Вспоминая молодость, бабушка часто показывала мне одно фото. Это была единственная фотография ее юности, сделанная уже при немцах и подаренная на память жениху Володе.

– Давай посмотрим карточку, – предлагала она, улыбаясь, и было видно, как нравится ей здесь свое изображение.

На карточке бабушке семнадцать, она красива, карие глаза ее горят, и губы тронуты помадой. Внизу стоит дата: 20 октября 1941 года. На обороте старательно выведенная надпись: «Володя! Не вспоминай, когда смотришь, а смотри, когда вспомнишь!».

Володя – это мой дед. Они поженились в сорок втором, а спустя два года чудом остались живы. Я слышала эту историю от бабушки лишь однажды – слишком страшным для нее, наверное, было это воспоминание, несмотря на прошедшие годы.

Январь сорок четвертого. Советские войска стремительно наступают, и через город бегут немцы. Они проносятся на машинах и мотоциклах, спасаются верхом на лошадях и просто идут. Черным бесконечным потоком по белоснежным дорогам, тропинкам и даже покрытой льдом реке…

В маленьком домике из двух комнат – семь человек. Бабушка Наташа и дед Володя. Его родители. Бабушкина мама Надя (моя прабабушка) и сестра с годовалой дочуркой. Надвигается ночь.

– Последняя ночь, – в возбуждении шепчет прабабушка, – и их не будет!

Но вдруг грохот мотоциклов разорвал тишину заснеженной улочки. Как ворвались немцы в дом, никто не помнил. Они согнали всех в спальню прабабушки. В комнатке – небольшая кровать под стенкой, рядом – маленький стульчик. Тьма, и яркая полоса желтого света из-под двери безжалостно бьет по глазам. Длинный вечер и ночь – ожидание. Страшное, жуткое… А за стеной – стук подков на сапогах, звон посуды, крики и смех. Они боялись даже заплакать…

Утром часа в четыре – шум, беготня, суматоха. И в реве моторов неслышно открылась дверь. На пороге стоял немец. Он обвел всех пустым взглядом, и автомат в его руках, как будто на привязи, полз и замирал вместе с глазами. Бабушка, дедушка, чуть дольше – сестра с маленькой Валей, затем – прабабушка, отец и мать деда… Прошли секунды, но казалось – целая вечность. Потом немец замер. Застыл на пороге, как будто дремал. И вышел.

И в комнате смогли, наконец, заплакать…

А если бы выстрелил? Секунда – и все. Не встретилась бы тогда моя бабушка со старым профессором, не родилась бы моя мама, и не было бы ни меня, ни брата, ни сына моего Андрея. Так значит?.. Ужасная мысль! Так значит, и ему, этому немцу, обязана я своим рождением?! Что удержало его тогда, в сорок четвертом? Какой порыв души? Милосердие? Жалость? А может, понимание всей бесполезности еще нескольких убийств? Или пресыщенность кровью? Нечеловеческая усталость? Что? И помнил ли он потом тот домик над речкой и ту комнатку, где под дулом его автомата стояли, застыв, семь человек?

Как много вопросов и мало ответов… Как удивительна и непредсказуема бывает жизнь… И сколько горя и бед пережили они – все те, благодаря которым «аз есмь» на этом свете…

Ирина Озёрная

Держи осколок

Памяти Владимира Ланцберга

А задумывались ли вы когда-нибудь над жизнью окна? Обычного окна, глядящего, например, на улицу из кухни небольшой однокомнатной квартиры в кирпичной пятиэтажке. Окно находилось на таком низком первом этаже дома, что можно было при желании и отсутствии занавесок, стоя на тротуаре, просто заглядывать в него, как в телевизор, и, словно интересным сериалом, наслаждаться жизнью обитателей той квартиры. Забавно, что этаж с окном были низкими, а улица называлась Высокой, видимо, для смеховой компенсации неудобств униженного существования жильцов. Но в той униженности имелись, безусловно, и свои плюсы. Например, легко было, оказавшись вдруг без ключей, попасть домой через окно, надорвав чуть-чуть сетку на форточке и просунув в образовавшуюся дырку руку, повернуть шпингалет, таинственно озираясь по сторонам, чтоб никто не увидел, как это делается. Через окно было удобно вручать хозяйке квартиры цветы влюбленному в нее соседу. Окно обеспечивало и другие сюрпризы.

События этой почти что притчи происходили в конце семидесятых годов двадцатого века в губернском городе С., который, кстати, не был в те советские времена – уже и еще – губернским, а просто – большим областным центром на Волге. Хозяйка квартиры, назовем ее Z, оканчивала филфак университета, не придавая этому особого значения, так как главным ее занятием и страстью тех времен была гитара и песни, песни… Ими, если прислушаться, звучало наше окно денно и нощно то в хозяйкином, то в авторском – магнитофонном – исполнении. Песни Окуд-

жавы, Кима, Никитина, Новеллы и Веры Матвеевых, Луферова, Мирзаяна, Берга… Последний, правда, украшал, бывало, звучание низкорослого окна не только посредством магнитофона, но и живым своим голосом, нанося время от времени натуральные визиты хозяйке квартиры. Она, не зная до знакомства с ним ни о каком мощном в те времена клубном движении авторской песни, называемой тогда самодеятельной, услышав у кого-то записи Берга, полюбила его навсегда. Не как мужчину, а песни и стихи его полюбила. С изумлением обнаружив, что он тоже проживает в провинциальном городе С., хотя все известные барды, как казалось, находились в столице, она неукоснительно решила познакомиться с ним. Не как с мужчиной, даже несмотря на то, что всего несколько месяцев назад развелась с мужем, благодаря чему оказалась счастливой обладательницей кучи свободного времени для выстраивания своей новой жизни во всех направлениях. Но Берга она воспринимала тогда исключительно небожителем. Легко найдя его телефон, она, удобно устроившись в любимом кресле у кухонного окна, набрала номер. Ей ответил знакомый по магнитофонным записям мягкий с картавиной голос.

– Здравствуйте, Владимир Исаакович! – взволнованно заговорила хозяйка квартиры. – Меня зовут Z, и я вас люблю! То есть не вас, конечно, а песни ваши люблю. Хочу их послушать побольше и сделать о вас передачу на радио, где я, будучи студенткой филфака, подрабатываю.

Берг к идее передачи отнесся скептически, сказал, что хоть он пока еще и не враг народа, но давно уже полулегал, а потому Z никто не позволит выносить его имя в эфир. А вот по поводу песен, которых ей хотелось послушать побольше, оказался благосклонен и пригласил в гости.

Она очень волновалась, собираясь на это свидание. Одолжила у соседки темно-синее с рукавом «фонарик», выгодно подчеркивающее стройность платье, эффектно накрасилась и вытряхнула на себя из флакона остатки чего-то очень французского, сбереженного на особый случай.

Ехать пришлось перекладными за тридевять земель, но она летела туда, будто на премьеру любимого театра, в ожидании нового жизненного поворота. И он не заставил себя ждать.

Берг пел ей одной как минимум часа четыре, перемежая песни рассказами о бардовском движении КСП, о братской связанности всех клубов авторской песни страны, о созданном им в их родном С. клубе «Дорога», куда, конечно же, предложил ей вступить. Рассказывал о Грушинском фестивале под Куйбышевым (тогда так временно называлась Самара), где трое суток денно и нощно на плоту в виде гитары и у бесконечных костров кого только не услышишь. Там тебе и Юлий Ким, и Визбор, и семейный дуэт Никитиных… Он называл тогда еще множество известных имен, но Z их слышала впервые, потому сногсшибательного эффекта на нее они не произвели. Берг оказался идеологом, популяризатором общего дела и творчества особо любимых им авторов. Он говорил ей о трагической судьбе совсем молодой еще Веры Матвеевой, знавшей о приближающейся смерти, но мужественно оставшейся безоблачной в своих ясноглазых песнях, об Арике Круппе, погибшем в горах, о Галиче, сопровождая свои новеллы их песнями и стихами. После второго часа этого головокружительного концерта Z впала в состояние эмоционального шока и перестала воспринимать услышанное. Она сидела с умным и внимательным выражением на лице, интуитивно кивая, скорбя или улыбаясь в нужных местах. Но увлекшийся Берг ничего этого не замечал. Выпавшая на какое-то время из контекста его речи Z, очнувшись, увидела в руках Берга рисунок тушью, снятый им со стены. На рисунке был изображен очень худой, явно больной мужчина, лежащий на кровати посреди пустой комнаты с черно-белым кафельным полом. И по атмосфере, и по расстановке фигур на этом шахматном полу было ясно, что игра с жизнью этого человека подходит к концу, и партия его проиграна. Голая лампочка на потолке и открытая настежь дверь говорили о бесприютности и страшном одиночестве умирающего. Человек умирал в надежде, что хоть кто-то заглянет в его распахнутую напоследок дверь. Картинка эта оказалась иллюстрацией к рассказу Олеши «Лиомпа», нарисованной художницей из Загорска (тогда так временно назывался Сергиев Посад) Людмилой Горожаниной, еще одной берговской легендой. «Представляешь, – говорил он Z, – Милка подарила мне этот рисунок, от которого я обалдел, и, глядя на него, не прочитав тогда еще «Лиомпу», написал песню

«В один прекрасный день» и посвятил ее Горожаниной. А когда наконец прочел рассказ, то изумился тому, что моя песня, написанная по Милкиной картинке, тоже оказалась иллюстрацией к «Лиомпе». Один в один». И он спел ей:

И будет снег лететь в окно,
Кровать и стулья осыпая,
И тишина придет такая,
Что слово выдохнуть грешно,
И лишь глядеть, глаза закрыв,
Как снег ложится и не тает,
Следы спокойно заметает
Того, кто выпал из игры…

Z вернулась домой ошарашенная. В голове, скученно толкаясь и наступая друг другу на пятки, крутились берговские истории, строчки из его песен и стихов. За окном догорал август, переваливший за половину, и Z, загибая пальцы, посчитала дни до конца каникул. Конечно, начинать учиться было неохота, но ведь в начале сентября откроет сезон и клуб «Дорога». Вихри проносящихся мыслей и историй вскружили голову Z, ее штормило от предвкушения новой жизни, сплошь состоящей из интересных знакомств, бесконечных песен, стихов, фестивалей, слетов, учебы игры на гитаре… И, кто знает, кто знает, что еще день грядущий ей готовит… И, может, тогда наконец-то «уйдут, отмаясь в стороне, осиротевшие печали», подумалось ей вдруг строчкой из «иллюстрации» Берга к рассказу Олеши, намертво уже впаянной в ее голову. А печали эти все еще не оставляли ее после недавнего развода. И, коротая август, не догадывающаяся о следующем – и каком! – повороте своей судьбы, Z спокойно достала с полки томик Олеши, удобно устроилась в любимом кресле у кухонного окна и стала читать «Лиомпу», до которой, как и у Берга, руки раньше почему-то не доходили. «Сумерки были прекрасны… раздавалось пение, комнатный желтый свет падал на тротуар…» Она на минуту оторвалась от чтения и увидела за окном именно эту волшебную картину, описанную Олешей. Правда, пение раздавалось исключительно в ее голове, начиная с сегодняшнего полдня,

оно просто не смолкало в ней. «Погаснет мир скупых чудес, / Рукой неверной нарисован, / И сразу станет невесомым / Все, что пока имеет вес», – пел внутри нее голос Берга. Оторвавшись от заоконных сумерек, Z вернулась к чтению: «В комнате по соседству с кухней лежал тяжело больной Пономарев…». Z вздрогнула, но ей не надо было уже вставать с кресла и заглядывать в комнату, она теперь тоже могла «глядеть, глаза закрыв», и точно знала, что там сейчас происходит: «Он лежал в комнате один… флакон с лекарством стоял над головой, от флакона тянулся рецепт… как шлейф. Флакон был бракосочетающейся герцогиней. Флакон назывался «тезоименитство». Больной бредил. Он хотел писать трактат. Он разговаривал с одеялом… Одеяло сидело рядом, ложилось рядом, уходило, сообщало новости… Остальные вещи ушли… Он знал: смерть по дороге к нему уничтожает вещи». Что-то невероятное вдруг произошло с ее зрением – она видела все, что читала, каждую деталь, описанную Олешей, причем не как в кино, а рядом, вживую, все это дышало, двигалось, его можно было потрогать. Мало того, звучали диалоги, она различала голоса по тембрам, она остро чувствовала запахи, доносящиеся из книги. От вкусного запаха жареной мелко нарезанной картошки, перемешанного с керосиновым, примусным, атмосферным, неотъемлемым от коммуналок начала прошлого века, резко захотелось есть. Но мысли о еде тут же улетучились: она уже сочувствовала обреченным быть заживо сваренными ракам «зеленоватого, водопроводного цвета» и слушала, как «кран тихо сморкался»… Вот она, колдовская сила Олеши! Она вспомнила, что современники называли его королем метафор. Задумавшись, Z перевела взгляд на силуэт ставшего уже совсем черным с золотыми вкрапинами огоньков окна и увидела, что оно подмигивает ей форточкой. Она вздрогнула от неожиданности и поняла вдруг, что научилась видеть главное: не вещи, а суть вещей, открывающуюся только художникам. И научил ее этому волшебник Олеша. «Ну что ж, пора в недальний путь – / Подняться, лесенку приставить… / Нет, не смогу себе представить, / Чтоб здесь я жил когда-нибудь», – продолжало звучать в голове голосом Берга. И она увидела, как под этот реквием «шел по кухне, согнувшись в животе и вытянув руки с повиснувшими кистями», умирающий Пономарев. «Он шел заби-

рать вещи», которые его создатель Юрий Олеша умел видеть и называть по-своему, переименовывая мир исполинской силой своих метафор. Пономарев ничего не забрал с собой, придумав напоследок новое имя смерти-крысе – Лиомпа! «Но вот ведь дело – снег в окно, / Весь снег небесный – только в это! / В других же окнах будет лето / – На свете так заведено», – созвучно вписывались в точку рассказа строки Берга. И Z, с трудом оторвав от книжки свой новый, усовершенствованный за время чтения взгляд, не увидела снега в кухонном окне. За ним продолжал праздновать свое велико-летие животворящий августовский вечер.

А дальше у обладательницы нового взгляда Z действительно начались грандиозные перемены. Перечитав вслед за «Лиомпой» всего Олешу, она резко поменяла эпоху и героя своей дипломной работы: надоевшего ей порядком Достоевского – на Олешу. Для этого потребовалось сменить кафедру и дипломного руководителя. В университете были потрясены ее поступком: защита – уже в конце этого учебного года!.. Но Z обожала преодолевать трудности. Она умела заниматься только тем, что любила.

В начале сентября Берг пригласил ее на первый после каникул общий сбор клуба. А до этого приехал в гости. Позвонил сам и предложил попеть еще, после чего первый этаж Z мгновенно дорос до седьмого неба. Счастье переполняло, необходимо было с кем-то им поделиться, и Z, перепрыгивая ступеньки, взлетела на второй этаж к той самой соседке, одолжившей ей платье на первую встречу с Бергом. Соседка давно уже пребывала в курсе событий и тоже мечтала послушать Берга. Но Z было неловко приглашать кого-то на предназначенный ей одной домашний концерт, вдруг Берг подумает, что она похваляется знакомством с ним. «Ну, тогда давай я у тебя хоть в шкафу посижу, там все слышно будет», – отчаявшись, попросила соседка, но Z была неумолима.

Берг приехал с гитарой в назначенное время, и открытое кухонное окно звучало его песнями несколько часов подряд. Потом возле него они пили чай и разговаривали. Z решилась наконец показать Бергу свои стихи. Она писала их с детства, не постоянно, а так, всполохами. Ей самой они нравились, но другими всерьез

не воспринимались. Друзья после прочтения их вежливо говорили что-то типа: да, здорово, молодец. Потому публиковать их она и не собиралась, будучи уверенной, что, кроме нее, они никому не нужны. Но не писать не могла. Они появлялись сами, возникали вдруг в голове целыми строфами, и надо было только, не упустив их, перенести на бумагу. Где-то за год до описываемых событий Z нечаянно влюбилась, и скучная налаженность ее семейной жизни стремительно понеслась под откос. Любовь, казалось, была взаимной, но Z никак не могла сделать выбор и принять нужное решение. Было трудно, даже несмотря на то, что ее возлюбленный уверял, что станет гораздо лучшим отцом для ее пятилетней дочери, чем настоящий папа. Тот позволял себе покрикивать на девочку, а порой даже шлепать, обрекая тем самым себя на камнепад соответствующих слов и выражений, извергаемых Z. И низкое окно оглашало ими Высокую улицу. Юношеская влюбленность, толкнувшая Z на брак, давно улетучилась, и общие интересы с мужем разбежались в разные стороны. Связывали ее с ним только дочка, да это кухонное окно, около которого они вместе курили, завтракали, обедали, ужинали, принимали друзей, читали. Окно, казалось, символизировало брак и традиции этого однокомнатного быта, но на самом деле было просто привычным фоном. А с привычками, как известно, расставаться труднее всего.

Видимо, Z колебалась слишком долго, а избранник оказался слабаком, потому что, когда наконец она решилась рассказать все мужу, буквально обезумевшему после этого и сотворившему ряд ну никак не ожидаемых от него поступков, избранник спасовал. Муж не рискнул набить ему морду, будучи физически заметно слабее, а начал бегать жаловаться на него по инстанциям: на работу, в институт, к родителям. Избранник тут же испарился, муж был отправлен назад к маме, а Z с дочкой остались в однокомнатной квартире одни. Но во всей той печальной истории был один колоссальный плюс – Z просто зафонтанировала стихами. Все они были о несчастной любви и обращены к лирическому герою, так жестоко разочаровавшему ее (сюжет разрыва с мужем там даже не прослеживался). Кресло у окна превратилось в космодром, снабженный магическими антеннами для принятия диктантов, как Z называла поэтические строки, возникавшие откуда

ни возьмись в ее голове. Каждое новое стихотворение, прочитанное несколько раз вслух, улетало в форточку птицей, бабочкой или майским жуком, в зависимости от содержания и времени года. Но чаще всего оно летело стрелой с острым и отравленным горечью ее строк наконечником, чтобы пронзить обидчика, предъявив ему ее боль и слезы. Потом возникала острая потребность в слушателе, и Z, независимо от времени суток, неслась на второй этаж к соседке и читала ей новый опус. Соседка громко и искренно ахала, восхищалась, вселяя в Z уверенность и подтверждая появившееся наконец-то у нее чувство собственной неповторимости. Мама Z, обрадованная таким творческим подъемом дочери, решила показать ее стихи самому именитому поэту города С., местному классику. Он был другом давно умершего отца Z, тоже известного в городе поэта. Мама договорилась с классиком, что Z покажет ему стихи, от которых поэт пришел в не меньший восторг, чем соседка со второго этажа. По его плану, Z надлежало написать парочку ура-патриотических стихотворений для предъявления своей гражданской позиции и разбавления любовной темы. Затем классик опубликует подборку ее стихов в региональном литературном журнале со своей преамбулой, а потом напечатает ее сборник. Окрыленная Z принеслась домой, забралась с ногами на свой космодром у кухонного окна и навострила локаторы на поиск патриотических строк. Но Космос отчаянно молчал и в тот день, и на следующий, и через неделю. Тогда она, наплевав на вдохновение, просто сграфоманила опусы, обещанные классику. Чисто технически это было сделать нетрудно – благодаря уйме написанного за последнее время она пребывала в хорошей рабочей форме. Одно стихотворение воспевало великую Волгу, второе тоже что-то воспевало. Они ей не нравились, и она решила повременить нести их поэту, и попробовать написать что-нибудь другое патриотическое, получше. Все это произошло незадолго до встречи с Бергом, которому она, сидя у кухонного окна, прочла не эти, а лучшие свои, как ей казалось, стихи.

Берг равнодушно выслушал их и дал ей несколько очень полезных советов из собственной практики, сообщив, к примеру, что когда он пишет о любви, то всегда старается заменить это слово метафорой, ну и тому подобное. Охолонул он ее мгновенно.

Разнежившись на облаках, она вновь угодила в суровую земную реальность неприятия ее творчества. Но Берг был авторитетом, и она, очухавшись от стресса и потирая ушибленные места, решила отказаться от благ, предложенных ей местным классиком. Поглядев берговскими глазами на свои стихи, она увидела их несовершенство и поняла, что печататься рано. Надо продолжать учиться писать, работать, двигаться дальше. К тому же, ей было бы сильно неловко перед Бергом публиковать свои не очень-то умелые еще стихи, когда поэта такого уровня, как он, не печатают. Классик и мама были изумлены и раздосадованы этим решением, да и большинство друзей не одобрили ее очередной, как они посчитали, выходки. Ведь опубликовать стихи без чьего-то серьезного покровительства было практически невозможно, поэтому отказ от невиданной удачи буквально прущей ей в руки, выглядел эксцентрическим идиотизмом. Потом она всю жизнь будет благодарна Бергу за этот урок, ибо ни одно из тех стихотворений, которые предлагал опубликовать с помпой классик, не выдержало испытания временем. Все до одного оказались в корзине, а она стала писать по-другому, так что позора благодаря Бергу удалось избежать.

И вот случилось – в назначенный день и час Z вошла наконец в клуб «Дорога». Берг предъявил ее соратникам. Десятки талантливых лиц обратили на нее взгляды, приветливо улыбнулись и занялись своими делами. То есть сплошняком пошли стихи и песни, песни… Z слушала завороженно. Из всей стаи этих певчих людей ее взгляд безошибочно выбрал друга, как потом выяснилось, на всю жизнь. Берг рассказывал Z о Наташе при первой их встрече, она входила в число героинь его легенд. «Наташка, – говорил Берг, – обалденная исполнительница, лауреат Грушинского, Веру Матвееву поет лучше всех. И меня лучше всех поет. И вообще, она – лучшая».

Выяснилось, что им по пути, и они отправились домой вместе. Наташа рассказала, что приехала в С. учиться из другого волжского города, поменьше, недавно окончила музыковедческий факультет консерватории и работает лектором в филармонии. Живет в убогой развалюшке без удобств, но денег на съем нормального жилья

у нее пока нет. Z иногда чувствовала себя одиноко в пустой квартире – дочка пошла учиться в музыкальную школу неподалеку от дома бабушки, потому наполовину жила у нее. И Z предложила Наташе переселиться к себе. Подруга прожила у нее год, в течение которого звучание кухонного окна сильно разнообразилось и оживилось, так как певчие гости в квартире не переводились. Наташа научила Z играть на гитаре, и они пели вдвоем, не умолкая. Часто окно звучало и тоненьким нежным голоском маленькой дочки Z. У девочки был идеальный слух, очень выразительные, ясные и трогательные интонации. Она сама выбирала, что ей петь из репертуара Z и Наташи. Решив, например, что песня Виктора Луферова «Разговор с мамой», начинающаяся словами: «Красный, синий, голубой, выбирай себе любой», – детская, выучила ее и, легко справившись со сложной гармонией, выводила тоненько и артистично под общий восторг, точно попадая в каждую ноту: «В путь нас скоро пригласят / Вдоль по улице безлюдной. / Все поймем про Рай и Ад / Жизнь была чудно́й и чу́дной…». Она стала дивом клуба «Дорога», сюрпризом для гостей и заезжих музыкантов, так как Z с Наташей частенько брали ее с собой на домашние концерты и сборы клуба. В роли аккомпаниатора девочки выступал, как правило, сам Берг, и успех был всегда оглушительным. Однажды оказался в городе С. известный бард Владимир Бережной. После его домашнего концерта, на посиделках, Берг продемонстрировал обалденного, как он говорил, ребенка. Бережной был по-настоящему потрясен, и когда через некоторое время Z приехала в Москву, он, знакомя ее со своими друзьями, приговаривал: «Это – мама той самой девочки, о которой я вам рассказывал».

Нет, нет, мы не отошли далеко от окна, потому что любые интересные события, происходившие за пределами квартиры Z, потом так подробно обсуждались подругами за кухонным столом, что отражались в оконном стекле, как в зеркале.

Итак, началась кипучая жизнь, переполненная новоявленными событиями и друзьями, целиком захватившая Z. Уже в ноябре она попала на первый свой слет бардовской песни. Он проводился в лесу под Москвой, куда приехавшую из города С. компанию

во главе с Бергом сопровождал от вокзала высокий красавец Мишка. С ним, известным исполнителем из группы песенных пересмешников «Подкидыши», все, кроме Z, были давно знакомы. Путь оказался неблизким: на метро, потом на электричке часа полтора, а дальше долго пешком по холоднющему ноябрьскому лесу. Замерзли, притомились, но тут выскочил неожиданно из-за деревьев долгожданный концертно-палаточный зал – поляна со сколоченной наспех бревенчатой сценой. Исполнителей и публики из разных городов прибыло немерено, все знали друг друга, здоровались, обнимались. Посреди поляны стоял забавный парень в черной фуражке с глянцевым козырьком, смешно приветствовавший их в мегафон. Наташа весело кинулась к нему, и они обнялись как близкие, давно не видевшиеся друзья. Бесконечно остроумный и обаятельный Серега учился в Гнесинке на артиста-кукольника, играл почти на всех инструментах, великолепно пел, импровизируя на ходу. Группа «Подкидыши», организовавшая этот слет, была его детищем. Вечером, освещаемый сказочными софитами звезд и костров, начался концерт. Z услышала множество новых песен, познакомилась с их авторами, исполнителями и была очарована происходящим.

Z сходу подружилась с «Подкидышами», особенно с кукольником Серегой, красавцем Мишкой и его женой – великорослой певуньей Миркой. Они стали часто приезжать к ним с Наташей, худо-бедно размещались в крошечном, но уютном и гостеприимном пространстве квартиры Z, выступали с концертами в городе С. Серегу обычно укладывали спать у окна в раздвижном кресле-космодроме Z. И окно по ночам подсматривало Серегины сны.

Приезжал он в город С., чтобы попеть с Наташей. Они были просто созданы для дуэта, и если бы не жили в разных городах, то вполне могли бы стать конкурентами самих Никитиных.

Одну из череды экспрессивных историй зимы того насыщенного событиями года окно отразило с особым ликованием. «Подкидыши» к этому времени перестали существовать как ансамбль, разошлись на манер «Битлз» и занялись каждый своим. Мишка с Миркой запели дуэтом, много гастролировали и в один прекрасный морозный день летели с концертом из Москвы в С.

Z с Наташей радостно ждали их, приготовили обед, испекли торт, купили вина. До прибытия самолета оставался час. Аэропорт, расположенный в черте города, был в двадцати минутах ходьбы от дома Z, так что у подруг еще оставалось время, чтоб выпить кофе и выкурить по сигарете. Беспокойство вызывал только нескончаемый снегопад за окном, пуржистый труженик, завалившийокругу. Допивая кофе, девушки тревожно вглядывались в него, ища просвета. И тут позвонил по межгороду Мишка, сообщив, что самолет их из-за метели в городе С. перекинули по пути на запасной аэродром в Пензу, где они благополучно пребывают, ожидая погоды. Но надежды мало, аэровокзал забит людьми, торчащими здесь уже несколько дней, потому имеет смысл подождать еще пару часов и вернуться в Москву. Огорченью подруг не было границ, а уж когда Мишка, не надеясь на встречу, рассекретил сюрприз – летевшего с ними Серегу, – Z с Наташей непреклонно решили действовать. Авантюрный план принадлежал Z.

Сначала они быстро обзвонили всех клубодорожников, убедив их скинуться гастролерам на такси из Пензы. Сумма была огромной, но в складчину – вовсе не страшной. Заручившись согласием клуба и опасаясь, что их бесценная компания умотает назад в Москву, подруги бурно засоображали, как сообщить друзьям про такси (мобильников в те времена не было еще и в помине). Тут чертовски пригодился Z родительский урок, усвоенный с детства. Ее мама была из когорты журналистов, умевших открывать, казалось бы, наглухо запертые двери с изящной уверенностью профессионала. Позвонив по ту сторону этих дверей, она хорошо поставленным голосом радиоведущего произносила свою фирменную магическую фразу, действовавшую безотказно. «Здравствуйте, – величаво говорила она, – вас беспокоит редактор Комитета по радиовещанию и телевидению такая-то». И все. Двери радостно распахивались ей навстречу. Фамилия у Z была та же, актерских способностей – хоть отбавляй, и телефонный спектакль начался. Мама предпочитала действовать исключительно через высокое начальство, потому Z, устроившись поудобней у окна на своем кухонном космодроме, прямиком позвонила директору аэропорта города С. «Здравствуйте, – сказала она авторитетно вальяжным контральто богемной журналистки, – вас беспокоит редактор Комитета

по радиовещанию и телевидению такая-то. Просим вас о содействии. Летящие к нам на передачу московские артисты из-за непогоды застряли в Пензе, и нам срочно нужно с ними связаться. Дайте мне, пожалуйста, телефон директора пензенского аэропорта». Мизансцена удалась, и под бурные аплодисменты Наташи Z уже через пару минут набирала Пензу. Тамошнее аэроначальство, выслушав проверенную мантру мамы Z, тоже оказалось очень любезным. Оно принялось тут же содействовать, и певчая троица, пристроившаяся на дубленках, брошенных в угол переполненного зала ожидания, неожиданно услышала по трансляции требовательное объявление: «Артисты из Москвы такие-то, срочно позвоните в город С.!». И вскоре Z уже разговаривала с изумленным Мишкой, а часа через четыре подруги услышали долгожданный стук. Счастливый Серега, подсвечивающий набежавшие сумерки своей фирменной лукавой улыбкой, навсегда запечатлелся в оконном стекле.

Время, слаженное из чудес по обе стороны окна, летело стремительно, и приближалась неминуемая расплата за беспечность и бесконечные удовольствия. До защиты диплома оставались считанные месяцы, а Z к нему даже не приступала. Разозлившийся на нее дипломный руководитель пригрозил госэкзаменами вместо дипломного сочинения об Олеше. Она не сделала ни одного доклада, не собрала материал, потому тратить время на такую студентку – не имело смысла. За четыре месяца невозможно с нуля написать работу о таком сложном и почти не разведанном авторе. Ситуация приобретала угрожающий оборот, но Z каким-то образом удалось уговорить преподавателя не отправлять ее на госы, поклявшись, что напишет работу без его участия. И написала, отложив гитару и закусив удила. Олеша явно помогал ей – подсовывал необходимые книги в библиотеке, распахивал их на нужных страницах и, казалось, сам рассказывал о себе, наталкивая на факты биографии, вкладывая в ее голову интересные мысли и необычные образы. Она настолько погрузилась в его жизнь и творчество, что неизменно чувствовала присутствие писателя рядом, за кухонным столиком у окна, где творился диплом. Работа подходила к концу, до защиты оставалась неделя, и Z собиралась идти к машинистке с громадой черновиков,

судорожно дописывая последнюю главу. Все было рассчитано по минутам, и, несясь по своему чумовому плану, Z, казалось, уже втискивала победу в нереально сжатые рекордные сроки. Но вдруг обнаружилось, что рекорд повис на волоске, так как сроки скукожились почти до точки плачевного завершения авантюры. Телефон вздрогнул, резкий звонок пророчил недоброе. Оппонент Z сообщал, что расписание изменилось, и защита ее диплома состоится не через неделю, а через три дня. В том случае, конечно, если текст сочинения окажется завтра утром у него на столе для рецензирования. «Спасибо, что предупредили, – с трудом выговаривая слова, произнесла Z каменеющими губами, – мой руководитель забыл это сделать. Утром работа будет у вас». Она положила трубку и благим матом, выплескивая чудовищное напряжение последних месяцев, низко озвучила Высокую улицу. Из комнаты прибежала перепуганная Наташа, а вслед за ней – скатившаяся по лестнице соседка со второго этажа. «Не реви! – приказали они, узнав, в чем дело. – Не успеваешь перепечатать, ну и ладно! Нет такого закона, чтоб обязательно машинописной работа была. Откуда у бедного студента деньги? Спокойно доделывай, а мы перепишем в четыре руки. Почерки у нас разборчивые, ночи хватит». И три девицы под окном трудились до утра. На Z, как нарочно, накатило вдохновение, и она никак не могла затормозить в конце, но точку поставить все же пришлось. Временную точку, потому что затем всю жизнь Z будет продолжать этот свой первый опус об Олеше, пестрящий тремя разнокалиберными почерками и получивший отличную оценку на защите.

И Олеша продолжал творить для Z чудеса. Стало казаться, что он сам по неведомым причинам выбрал ее в разведчики своего пути, с легкостью избавив от тяжести Достоевского. А Берга взял в сообщники. Подтверждал ее догадки тот факт, что когда после защиты диплома Z собралась переехать в Москву, чтобы работать в литературном архиве, хранящем наследие Олеши, он помог ей совершить и этот переход.

Ее были готовы принять на службу, но для этого требовалась московская или подмосковная прописка. Квартирный обмен на столицу отпадал: отсутствовало основание типа брака с москвичом,

которого в тот момент под рукой не оказалось. А вот на Подмосковье – меняйся не хочу, только сыщи поначалу в нем нового хозяина для своего низкорослого окна-провинциала. И вот когда последние надежды Z уже догорали в пожаре тщетных поисков вариантов обмена, в городе С. неожиданно появилась художница Людмила Горожанина, автор той самой иллюстрации к «Лиомпе», вдохновившей сначала Берга на песню, а затем Z на соединение с Олешей. Милка жила в Загорске, и ей вдруг срочно понадобилось переехать в город С. «Слушай, давай меняться», – предложила она Z, обалдело вытаращившейся на нее из кухонного окна. Казалось, что Милка внезапно надумала постучаться в него, проходя мимо.

Таким образом состоялся один из главных жизненных поворотов Z. Она довольно быстро перебралась из Загорска в Москву и, трудясь в архиве, печатала свои работы об Олеше в престижных изданиях, а ее дипломный руководитель с гордостью рассказывал о ней студентам. Дочка Z стала художницей, книжным графиком, и на обложке первого сборника маминых стихов изобразила гитару одной из самых необходимых деталей жизни. Новые стихи Z были совсем не похожи на те, юношеские, лихо забытые ею благодаря Бергу. Его она включила в число главных своих учителей, которыми считала Олешу, обэриутов, Хлебникова и других больших поэтов. Кстати, критикуя ее юношеские опусы, Берг вполне лояльно отнесся к стихотворению, тоже потом отправленному Z в корзину. Но из него она запомнила несколько строк. «Тебе – кусочек моего окна, я разобью его – держи осколок», – начиналось стихотворение. А заканчивалось так: «И ломит тело от засилья прозы – толпа глядит в разбитое окно».

Иерусалим

Александр Хинт

Линия 28

Трамваи уже не те, скажут некоторые. И некоторые будут правы, что за трамваи теперь? Внутри табло, они то работают, то нет, а никто на них и не смотрит, что там полезного кроме неправильной температуры? Где бодрящий фантазию ящик с песком, где бессмертные надписи «Выдернуть шнур. Разбить стекло» или «Первые 5 мест для инвалидов и пассажиров с детьми»? Дети выросли – и сами пассажиры с детьми, а то и внуками. Или инвалиды, не дай бог, конечно. А еще они сделали высокие площадки в вагонах, спереди и сзади. «Вы видели эти новые ступеньки в тра*н*вае?» «Она говорит, я видела ступеньки… Та я на них чуть не поубивалась!» Компостеров нет давно, а как это было славно, засунуть глянцевый листок, щелкнуть и некоторое время разглядывать дырчатую геометрию узора. Кондуктора нет сравнительно недавно.

Когда кондуктор еще был, считалось хорошим тоном оплатить и в ответ на протянутый билет сказать «не надо». Тем самым оставляя решение за ним, положить деньги в карман или отдать в кассу. Особенно подобный жест практиковали женщины старой школы и при этом косо поглядывали на тех, кто билет все-таки брал. «Какая у них зарплата, господи? Копейки же получают». И глупо считать, что плата за проезд это и есть, с одной стороны, их зарплата, а с другой – средства на развитие городского транспорта. Потому что развивать городской транспорт – слишком абстрактное занятие для порядочного человека, а подкормить малоимущего кондуктора – в самый раз.

Позже, когда кондуктора упразднили – потому что достаточно подкормили, – его дело перешло к водителю. «Через переднюю дверь, я сказал!» И сейчас это уже не правило хорошего тона,

не взять билет, а право и обязанность честного пассажира, и нарушитель такой нормы смотрится в общем потоке глуповато. «Копейки получают… Вам что, жалко?» Нет вроде. В смысле, чего нас жалеть, если нам себя не жалко? А теперь, вы слышали, они собираются ввести в приличном городе – приличном, с хорошими традициями – электронный проездной. Электронный! То есть без участия человека, а все межтрамвайные отношения доверить бездушной и абсолютно лишенной понимания железяке. Вам что, жалко?

Многие вопросы не имеют ответа в контексте настоящего времени. Не в смысле «где делись после ремонта улицы итальянские булыжники XIX-го века?». Тут как раз понятно, они делись где надо. А вот, к примеру, кто смотрится лучше, люди в трамвае или люди в салоне «Жигулей», если смотреть на них из трамвая? Это вопрос. Потому что с годами граждане испытывают к владельцам «Жигулей» растущее уважение, и это можно понять. Ты на «Жигулях»? Молодец. Заходи, посидим выпьем, туда-сюда.

Вопросы, однако, бывают непредсказуемые, чтоб не сказать, очень. Например, в замечательной и всеми любимой миниатюре легендарного сатирика воспевается утро на даче, там герой занимается милыми кулинарными подробностями. Автор потрясающе описывает приготовление салата «помидоры резал частей на шесть» – и тут же, прямо в воздухе, загорается, нет, не вопрос, а вопросище: неужели он никогда не делал салат? Из полевых черноморских помидоров, каждый размером с теннисный мяч. Где для такого хлебосольного дизайна найти человеческий рот? Бывает, конечно, мелкая продолговатая «сливка», ее можно и на шесть частей, но разве твердая и не очень сочная «сливка» нормальный помидор для летнего салата? Забавное предположение.

И вот, размышляя подобным образом, любой в состоянии обнаружить, что правда жизни и правда литературы вполне суверенны. То есть они еще перезваниваются и даже ходят друг к другу в гости, но чисто по-приятельски, не напрягаясь. Почему? Потому что салат он, без сомнения, делал, и не хуже нашего, но сказать «резал частей на четырнадцать» еще невероятней, чем резать правду «частей на двадцать три». Но это смешно, на двадцать три. Но звучит глупо. Но чистая правда! Кого волнует, глупо и все. Поэтому автор не выдумывает про четырнадцать и сразу

говорит «на шесть», чтобы люди понимали: врет! Но врет красиво, поэтому – правда. Поэтому правда на бумаге это не та правда, которая в ЖЭКе, или как их там теперь: в настоящем ЖЭКе, а равно в настоящем трамвае бывает такая правда, которая фантастичней любого бухгалтерского отчета.

…Поэтому всякий, кто хоть раз томился на остановке общественного транспорта, знает толк в народных приметах. Непонятно? Очень просто: давно не было трамвая, видимо, скоро он будет. Типичное заблуждение! Потому что «давно» это минут пятнадцать, а не сорок пять. Или вот, чем больше людей на остановке, тем скорее он придет. Как говорят в таких случаях у Квентина Тарантино: ahh, really? А если вы все же продолжаете настаивать, посмотрите на красивый вагон с надписью «Аварийный», это уже второй. Что вы сказали? Сволочи, согласен.

Рано или поздно, но желанный 28-й на остановку приходит – и все, кто мариновался на конечной, вошли, а те, кому надо, уже сели. А способные видеть будущее заняли стоячие места: смысл сидеть, если все равно уступать беременной девушке? Или небеременному мужчине, но с сезонными обострениями. Ну что, поехали? Отнюдь. Или, как любил упрекнуть собеседника отечественный классик, «отнюдь нет», трамвайные двери не закрываются – взамен открывается кабина водителя, и оттуда появляется она, приземистая, или, говоря проще, коренастая. Будь она мужик, самым уместным было бы определение «кряжистый». Похоже, в детстве она проглотила паука, но унаследовала от него не восемь ног, а только две, зато самые крепкие. Седоватые волосы ее местами имеют оттенок толерантности, но это опасная иллюзия.

– Так. Давай, заплатил за проезд. Оплачиваем быстро.

Вагоновожатая нависла над импозантным парнем. Закинув ногу на ногу, парень продолжает вальяжно говорить по телефону, но косится в ее сторону уже довольно опасливо. Женщина сделала акцентированный жест в районе уха, мол, «закругляйся нахрен с этими делами, не задерживай». Импозантный проблеял «мася, я перезвоню» и уставился на нее.

– В чем дело?

– Проезд оплачиваем, я сказала.

– Я на выходе заплачу.

– Ничего не на выходе! Счас плати.

Парень замешкался, в облике его сквозила готовность сопротивляться. Трамвай заинтересовался такой шикарной беседой, люди с удовольствием следили за мизансценой, и лишь сидящий у окна мальчик продолжал дуть на разноцветную крутилку, от чего та вертелась и потрескивала. Прямо перед ним восседала дама, фиолетовые волосы ее бодро развевались от выдуваний, обнажая пролысины, на лице гражданки наметилось очевидное удовольствие. Водитель сделала движение рукой – стоящие уплотнились и мгновенно оформили правильный полукруг.

– Я непонятное шо то говорю? Или у тебя столбняк?

– Все на выходе платят.

– Задерживаем вагон. Не хочешь платить, давай встал и вышел отсюдова.

– На каком основании? Покажите правило.

– Я счас на лбу тебе напишу правило, вот этим пальцем.

Сцена действовала завораживающе, как удав на активиста «Гринпис», но электорат оценил саспенс по достоинству. Всюду наблюдались признаки людского неравнодушия: слева прыснули, сзади сказали «пипец, командир сегодня строгая». Над головами появился смартфон, чтобы сохранить столь прекрасный контент для вечности. Вожатая зыркнула, пресекая вольницу, и вернулась к телу жертвы, как старая опытная львица.

– Шо мне, станцевать еще, шоб ты понял?

– Я ничего не нарушаю, какие проблемы?

– Проблемы такие, шо ты или заплатил, или встал и вышел, я сказала.

– Не собираюсь. Я такой же пассажир, разницы никакой.

Напряжение нарастало, как нарастает предчувствие больших перемен, когда вы – вдрызг, а навстречу по ночной пустынной улице плывут три ласковых милиционера. Или трое полицейских, какая разница?

– Я скажу тебе, какая разница…

«Одна как поролон, другая сетка-рабица», – отреагировали из зала. Публика уже находилась в приятном гальваническом растворе и допускала смелые трактовки коллизий.

– Разница такая, шо у них есть деньги на проезд, а у тебя нету. Или шо ты мне скажешь? Покажи деньги.

На языке бокса это было равносильно хорошему удару по печени. Или как минимум апперкоту. Потерпевший поморщился, его ответ смотрелся вяло, неубедительно.

– Я же сказал, заплачу. На выходе.

– Он сказал… Чем ты заплатишь, чем? На гармошке людям споешь? Здесь бомжевать нельзя. А то я счас, кажется, ментов вызову.

Повисла неприятная теснота, в салоне переваривали услышанное. Росла и ширилась театральная пауза, и только Мельпомена в тишине еще делала выбор, на какую сцену ей сворачивать, комедийную, трагическую или мелодраматическую. Рядом кашлянули, кто-то решил помочь: «Шо за беда, вот, держите три гривни – и поехали». И решил напрасно, как это часто бывает.

– Деньги заберите свои, он выйдет, я сказала. Шо ты не понял походу? Счас походу поймешь. Повыращивали уродов на свою голову…

Слово «урод» она произносила, как и положено в данной местности, с ударением на первый слог. Давая тем самым понять, что речь идет не об уродцах, растимых в научной колбе с научной целью, а о существах родных и ментально близких.

– Шо там лярва твоя, кормит еще тебя? Еще терпит? Я ее, суку, на порог не пущу. Тварь такая… На хер она меня посылает.

– Ты ей кастрюлю на ноги вывернула.

– Жаль, не на голову… А этот стоял и ржал, как маму в родном доме посылают. Пошел сам пешком до Пастера ходить, понял? К лярве своей.

– Ладно, тогда меня Таня в кабину возьмет.

– Таня не самоубийца, я всех предупредила. Так что давай, пешком по родному городу, если мозгов нет. И, кстати, замки на дверях уже поменяные, так что милости просим.

– Там мои вещи…

С улицы еще подходили, но уже висли на входе, не всем удавалось просочиться внутрь. А внутри у нее будто сработала автоматическая передача, непрерывно нагнетая и без того нормальную подачу горючего.

– Тварь такая… Ночей не спала из-за твари такой, Ромчик больной, Ромчику лекарства надо, мандаринка, Ромчику репетитор надо… Из военкомата забирать надо, в долги влазила. Тварь такая… Иди к лярве своей, давай, встал и пошел. Послала она меня… Когда я сдохну, попрошу тетю Люсю, шоб они не говорили тебе, где я лежу. Шоб ноги твоей не видела около своей могилы, понял? Тварь такая…

Он выходил медленно и стоял у вагона, глядя чуть в сторону. Достал телефон, подержал и вернул его в карман, неспешно закурил. А она возвращалась на рабочее место, неуклонно раздвигая тугое пространство жизни. Хлопнули двери кабины… В ту же секунду мальчик прекратил дуть, крутилка замерла – и сразу будто пружина развернула фиолетовую голову, предъявляя миру лукавую двусмысленную улыбку, что-то вроде «12 вещей, о которых вы мечтали спросить, но не узнаете. Разве что очень попросите… А вы ведь попросите, правда?».

Осторожно, двери закрываются. Трамвай начинает движение, успевая качнуться на рельсах и сообщить не добежавшему метров тридцать пешеходу, что жизнь невыразимо хороша.

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук

Отмычка Соломона*

Петя и Соломон

По морю легкий ветерок гнал небольшие волны.

– Приплыли, – сказал Петя, – лови лодку.

Но ловить лодку особенно не пришлось. Небольшие волны медленно подгоняли ее к берегу.

– Я думал, вся провоняет рыбой, а так вроде чистая, – сделал заключение Соломон, осмотрев и даже понюхав лодку. – Залезли и поплыли, а то еще какие-нибудь не усвоившие учение Спасителя появятся.

Путешественники забрались в лодку и стали отгребать от берега.

– Ты все-таки далеко от берега не отплывай, – с подозрением всматриваясь в воду, посоветовал Соломон. – На берегу вроде никого нет, а из моря может появиться черт знает кто. Ангел предупреждал.

Так плыли они довольно долго. Может, часа два, а может, все четыре. Солнце стояло на одном месте и показывать время суток категорически отказывалось.

– Или время стоит, или это не солнце, – сделал вывод Соломон.

– Да, – согласился Петя, – на севере тоже солнце не заходит, но там оно по кругу кружится. Сам видел, когда в стройотряд ездил.

– Светит – и слава Богу! – подытожил Соломон. – Давай свиней искать.

– Кстати, вот и они! – отозвался Петя и показал рукой на плоский склон, где на траве паслись десятка полтора пятнистых свиней. – Но, по-моему, они никуда не плывут и не собираются.

---

* Продолжение. Начало в кн. 64-73.

– Всему свое время. Евангелие читать надо. Сидим и ждем! Если это те свиньи, то поплывут, – с уверенностью сказал Соломон.

Свиньи мирно паслись, маленькие волны нехотя лизали гальку берега, все из того же места на небе светило солнце.

И вдруг грохнуло. Грохнул не гром небесный, а где-то за горизонтом огромная масса чего-то металлического врезалась в гору металла.

Обе горы завибрировали. Звук все рос и повышался. На воде возникли маленькие стоячие волны, как в тазике с водой, если ударить по нему палкой. Петя и Соломон закрыли уши руками. И вдруг звук на самой высокой ноте оборвался.

– Ничего себе обеденный гонг, – только и сказал Петя.

Свиньи на лугу оживились, повернулись пятачками к морю и взяли разгон. Они бежали все быстрее и быстрей, и, пробежав по пологой скалке, выступающей из берега в море, стали одна за другой прыгать в воду.

– И бросилось стадо с крутизны в озеро, и потонуло, – процитировал Соломон.

– Крутизна так себе, и тонуть они явно не собираются, – Петя указал рукой на свиное стадо, которое построилось клином и, рассекая пятаками волны, деловито плыло от берега.

– Петя, быстро плывем за ними, они же как глиссер, они же уплывут, – забеспокоился Соломон.

Свиньи плыли быстро – видимо, сказывалась многолетняя тренировка. Соломон начал нервничать. Он сидел на корме и наблюдал удаляющуюся свиную эскадру, а Петя греб.

– Ну что ты дергаешься, – успокоил его Петя, – направление нам известно. Солнце стоит, как нарисованное, а может, и впрямь нарисованное. Если свиньи плывут на тот берег, то и мы доплывем.

– Ты представляешь, что такое «тот берег»? Это же Турция! Тут по прямой триста километров.

– Не верится мне что-то, что свиньи в Турцию плывут. Не любят их там.

– А у нас их, следовательно, любят. От такой любви можно и больше переплыть.

Вот так, мило беседуя, мореплаватели вдруг заметили, что за одним горизонтом пропал берег, а за другим флотилия свиней.

– Главное – плыть, куда плыли, – решил Петя, осматриваясь, – к вечеру доплывем.

– Мне твои дурацкие шутки вот где, – с истерикой в голосе стал возмущаться Соломон. – Этот день никогда не кончится, и мы никуда не приплывем. Ни еды, ни воды.

– Слушай, Соломон, как ты думаешь, почему ангелы в разных шляпах были? – вдруг спросил Петя. – Меня этот вопрос все время интересовал, а я так и не спросил.

– И не спросишь, если обратно не повернем, – возразил Соломон.

– Знаешь, давай еще немножко вперед проплывем. Во-первых, ангелы говорили про «ту» сторону, во-вторых, свиньи триста километров не поплывут, я так думаю.

Петя опять взялся за весла и какое-то время греб молча.

– И потом, почему мы уверены, что плывем в Черном море? То может быть какой-нибудь лиман или вообще черт знает что.

– И мы плывем вдоль него, а не поперек, а чертей я бы вообще не поминал, вполне могут здесь водиться.

– Не водимся, а живем мы здесь, – послышался чей-то назидательный голос, как из моря. Рядом с лодкой в воде возник большой прямоугольный проем, огороженный мраморным парапетом. Воды в нем не было, а стенки отделаны желтоватым мрамором, и вниз вели мраморные ступени. Из проема лился теплый желтый свет и доносилась приятная музыка.

– Валим отсюда, и быстрей, – сказал Петя и налег на весла, быстро отгребая от парапета.

Не успела лодка отплыть и двадцать метров, как проем исчез, и музыка стихла.

– Теперь я точно знаю, что берег недалеко, – сделал вывод Соломон. – Раз нас пытаются сбить с пути истинного, значит, этот путь не так уже и ошибочен.

– Я надеюсь, что ты прав, – согласился Петя.

Не прошло и получаса, как на горизонте показалась земля, и скоро можно было рассмотреть рыжие отвесные обрывы и осыпи ракушечного камня, подмытого морем.

– Ты знаешь, Соломон, я вдруг вспомнил одну картину, которую продавал какой-то самодеятельный художник в горсаду. На ней был пляж Ланжерон. Чтобы зрители не ошиблись –

с двумя шарами на входе. Море, а на горизонте виднеются небоскребы Манхэттена. Вот и у нас что-то похожее.

Ракушечные скалы, разрушаемые морем, образовали бухточки и заливчики.

– А знаешь, еще в шестидесятые годы все пляжи Одессы выглядели так, – сказал Соломон, всматриваясь в прибрежные скалы.

– Знаю, в кино видел. Пляжей не было, а были деревянные купальни.

– И бычков была уйма. Не то что теперь, – мечтательно произнес Соломон.

– Погоди, – прервал его Петя, – если это не твое детство, то это не Одесса.

– Конечно, из Одессы мы вышли, что-то переплыли… и вот мы здесь.

– Мы в Одессе вошли, – поправил его Петя, – а где вышли – только Аллах знает, а что переплыли – и подавно. Поэтому давай попробуем высадиться и осмотреться.

– Мы могли бы вон там вылезть на эту глыбу, перетащить лодку, а потом как-то вскарабкаться по обрыву. Вон видишь – трещина, – стал показывать пальцем Петя.

– И именно этим путем, подавая друг другу копытца, залазили на этот обрыв свиньи уже две тысячи лет, – возразил Соломон. – Надо искать место высадки свиней.

Поплыли вдоль берега. Отвесные, рассыпающиеся у воды на отдельные глыбы ракушечные обрывы постепенно становились ниже. Между ними и морем появилась широкая песчаная коса, а за косой блестела лента совершенно спокойной воды.

Осмотревшись, путешественники заметили метрах в пятистах проток, перерезающий косу.

– Заплывем внутрь, – предложил Соломон. – Это мелкий лиманчик, такой когда-то был в Лузановке. Там воды по колено. Вот видишь камыш под склоном? Наверно, пресный источник. Там лодку спрячем, залезем на гору и осмотримся.

Проток был мелкий, как и лиманчик за ним. Вода в лиманчике теплая и прозрачная. На дне по желтому песку бегали крабики и носились стайки мальков.

Возле камней вытащили лодку на берег, затащили ее в камыши и закидали сверху сломанными стеблями. Цепляясь за кусты, вы-

лезли на гору. Соломон, не привычный ходить босиком, попробовал было надеть кроссовки, но скоро натер мокрой обувью ногу. Горестно вздыхая, кроссовки снял и, связав шнурками, повесил на плечо.

На ровном плато горы колыхался ковыль, и так пахло разнотравьем, что хотелось лечь в эту первозданную траву и лежать, глядя в небо. Метрах в пятистах от них возле трех огромных дубов паслось стадо свиней.

– Все-таки мы их вычислили, – с удовольствием отметил Соломон.

– А как ты думаешь, их есть можно? – рассматривая хрюшек под дубами, задумчиво произнес Петя.

– Нельзя их есть! – возразил Соломон. – Каждая свинья по самый пятачок бесами набита. Как ее убьешь – так все они освободятся. И как ты думаешь, куда они вселятся?

– Тут ты, кажется, прав. Еще несколько дней назад, если б ты мне рассказывал про бесов в свиньях, я бы сказал, что ты спятил окончательно. Но после того что я беседовал с джиннами и два раза по воде ходил…

Галина

Галина ехала в автобусе и сильно нервничала. Чем больше она думала о Пете, его работе, грачах и деньгах, тем больше ей все это не нравилось. Подозрительно было все! И огромные деньги за пустяковую работу, и ночное время. И малопонятная мистика с грачами. Нет, это все пора было прекращать. И вообще! В конце концов, можно было бы и не ездить в свадебное путешествие в Париж.

Собственно, на этом пункте и держалась Петина работа. Галина уже давно бы стала на дыбы, но Петя сказал, что проработает там еще три месяца, и они поедут в свадебное путешествие в Париж. А как поется в песне: «Нужны Парижу деньги, черт возьми!». Конечно, нужны! Один билет в Лувр стоит девять с половиной евро. Она узнавала. И в конце концов, не так уж много денег им нужно. Ведь не в отель едут – к подруге Оле. И тогда она увидит Нотр-Дам, и дивный витражный свет Сен-Шапель, и музей Орсэй, и музей Клюни с его гобеленами «Дамы с единорогами».

Но грачи! И Крестовоздвиженский с его подозрительно гениальными копиями Дега и Ван Гога категорически рекомендовал уносить ноги. Но при этом не делать резких движений! Интересно, как можно уйти с работы плавно? Нет, хватит! Конечно, Париж – это Париж, но жизнь дороже. Этак можно и не увидеть Париж, и умереть.

Нагревшись за полтора часа езды в автобусе до паники и категорически отказавшись от любых свадебных путешествий вообще и в Париж в частности, Галина, не заезжая домой, поехала прямо к Пете.

Лифт не работал. Проклиная тяжеленную сумку с едой, Галина кое-как добралась до шестого этажа и остановилась на Петиной площадке. Дверь в его квартиру была приоткрыта! Галина замерла в нерешительности. Множество детективных фильмов с непременным трупом в прихожей толклись в ее памяти. Галина тихо позвала: «Петя! Петя!». Никто не отозвался. Она достала носовой платок и, обернув ручку, открыла дверь.

В прихожей горел свет. На полу валялся ее плащ и батон-багет. У стены среди разбросанных тапочек стояла старинная чугунная мясорубка. Девушка оставила сумку на площадке и, обмирая от страха, стараясь ничего не сдвинуть, прошла в квартиру.

На всех окнах чернели кресты. Повсюду валялись косточки от маслин. У кресла стояла на две трети пустая бутылка коньяка. Трупа нигде не было, даже в кладовке и стенном шкафу, которые бедная Галина открывала в полуобморочном состоянии.

Похитили! Связали и вынесли! Нет, пожалуй, увели под пистолетом – кто ж его потащит, восемьдесят килограмм? Сам ушел.

Все так же осторожно Галина вышла на площадку и, бросившись бежать, опрокинула сумку. Чертыхнувшись, занесла сумку в квартиру и, не распаковывая, засунула в пустой Петин холодильник. Успокоившись этой хозяйственной деятельностью, закрыла дверь своим ключом и пошла вниз по лестнице.

Во дворе на лавочке сидел сосед Жора. Обычно безмятежное лицо его сейчас выражало некоторое раздумье и даже озабоченность.

– Ты Петю не видел? – спросила Галина.

– Видел. Нельзя такого пьющего парня так надолго оставлять. Белочка у него.

– Ты это чего? С чего вдруг ты это взял?

– Заходил он ко мне. Позвонить. Через балкон хотел вылезть. Я его тормознул. Он куда-то убежал.

– Один?

– Один!

– А ты чего?

– А мне живот скрутило.

– Эх, ты! Ну ничего, спасибо, что тормознул. А куда побежал?

– Мне откуда знать? Вниз по лестнице.

Слегка успокоенная тем, что Петя передвигался без посторонних, хотя и не в себе, Галина задумалась: что делать дальше?

В милицию идти было бессмысленно. Петя исчез менее суток назад и, похоже, добровольно. Потратив полчаса на звонки по мобиле, Галина выяснила, что ни у кого из друзей Петя сегодня не появлялся.

И тут позвонил Петя. Увидев его номер, Галина нажала на кнопку.

– Привет, Петя! – сказала она.

– Откуда ты знаешь, что это я? – удивился Петя.

– Вот чудо, а голос чей? И номер. Только ты и знал, когда я утром приеду.

– Да, конечно, – согласился он. – А как ты там? Жива, здорова, ничего у тебя не болит, голова, например?

– Петя, ты какой-то сегодня странный. Уж не загулял ли в мое отсутствие, что с утра о головной боли спрашиваешь? Ты где сейчас?

– Недалеко в городе. Я скоро приеду, поговорим. Целую.

Петя выключил мобилку. Послушав пару секунд гудки, ошарашенная Галина пошла назад, в Петину квартиру. Звонок ничего не прояснил. Через пятнадцать минут приведения квартиры в порядок Галина поняла, что звонок взвинтил ее еще больше, чем если бы его вообще не было. И странная обстановка в квартире, и Петины расспросы о головной боли выглядели крайне подозрительно. И заставляли думать: а не повредился ли он сам в уме? Но здравомыслие и хорошее психическое здоровье как раз и были его главным преимуществом. С чего бы вдруг он начал чудить?

Прождав Петю полтора часа и не получив от него ответа на шесть звонков, девушка впала чуть ли не в панику. В белую горячку она не верила. В любовниц тоже. Все опять упиралось в проклятую работу. Поколебавшись немного, решила: пусть

у Пети даже будут неприятности на работе, которую все равно бросать, но сходить с ума от страха больше невозможно. Галина взяла такси и помчалась в офис.

Петя и Соломон

Они стояли на обрывистом берегу залива. Прямо перед ними до самого горизонта искрилось на солнце море, переливаясь всеми оттенками голубого и синего. Высокие берега, прерываемые оврагами, простирались к далекому мысу справа. А влево уходили песчаные косы и болотистые лиманы, а дальше к горизонту опять поднимались высокие берега с поросшими кустами овражками.

– Красота, – только и сказал Соломон. – Если бы я не знал, что мы черт знает где, я бы сказал, что это Одесский залив. И стоим мы на Живаховой горе.

– Да, действительно красиво, – согласился Петя. – А вон там справа виднелся бы порт и одесский пляж. А вон кого-то, кажется, уже несет неведомая сила.

– Где, где?

– А вон из-за мыса показался.

Через полчаса стало очевидно, что в бухту вошел небольшой корабль с двумя мачтами. Хорошо были видны черные борта и один косой парус на передней мачте.

– И что это может быть за корабль? – задумчиво спросил Соломон.

– Не знаю, похоже на египетскую фелюгу. Я их в Египте видел, но там оба паруса косые, а у этого второй, кажется, прямой.

– А вот это как раз и неважно. Сколько бы у него парусов ни было, если он сюда приплыл, то, возможно, к кому-то. Значит, кто-то тут все-таки живет.

– А может, он просто вдоль берега шастает? – предположил Петя.

Парусник обогнул мыс и пошел вдоль берега. Около часа он шел вдоль обрывов.

Петя и Соломон сидели на травке и наблюдали за медленным движением косого паруса. И вдруг парус остановился. От него отвалилась маленькая лодочка и поплыла к берегу.

– Во, видишь, там балочка. А раз балочка, значит, там ручеек, возле пресной воды люди живут. Значит, и нам туда, – показывая рукой на берег, делал выводы Петя.

– А там какие-нибудь голодные нас на обед ждут в качестве блюда, – с сомнением заметил Соломон.

Лодка вернулась к судну, постояла – в нее что-то грузили, и опять пошла к берегу.

– Что-то перевозят. Значит, груза много. В общем, там кто-то живет. Надо пойти и посмотреть.

– Может, на лодке поплывем? – предложил Соломон, которому не нравилась идея топать босиком по колючкам.

– Как только мы в море выйдем, так они нашу оранжевую лодку и засекут. У них, наверное, и подзорная труба есть. И если это таки да Одесский залив, а на то очень похоже, то выгребать нам против течения. А я уже, честно говоря, замахался. Бог знает кто они такие. Чем позже они нас заметят – тем лучше.

Петя прошелся по крутому краю горы и скоро нашел довольно пологую протоптанную раздвоенными копытцами тропу.

– А вот и дорога, по которой хрюшки взбираются наверх. Я так и думал. Раз свиньи не летают, значит, должна быть тропа. Пошли, Соломон, – сказал Петя и стал спускаться на песчаную косу.

Они шли по мелкому теплому лиманчику по колени в воде, задрав рубашки выше пояса. Креветки-бокоплавы щекотали ноги, пытаясь познакомиться поближе. Стайки мальков бросались врассыпную. Иногда мелькала серебром чешуи рыбка покрупнее.

– Я все же надеюсь, что мы на Черном море, – сказал Петя, рассматривая дно перед собой. – И мы не наступим на какую-нибудь сволочь с ядовитыми шипами, которая нас ждет две тысячи лет, как у них тут принято.

Благополучно перейдя лиманы, вышли на косу и пошли вдоль моря, оставляя на мокром песке следы босых ног. Впереди стая огромных серых чаек что-то оживленно делила. На песке лежала туша здоровенной белуги. Туша была несвежая и сильно расклеванная чайками. Путники прибавили шаг, чтобы поскорее избавиться от ее запаха.

– А чайкам нравится, – заметил Соломон.

– Неделю не пожрем – и нам понравится, – буркнул Петя, у которого в животе начало что-то урчать.

Приходилось обходить кучи раковин мидий, выброшенных прибоем, чтобы не поранить ноги. А по бордовым водорослям идти было мягко и приятно. Валики этих водорослей тянулись на сотни метров вдоль берега. Они пахли йодом и сладковатым запахом разложения. По ним у воды бегали маленькие коричневые крабики.

Часа через два ходу берег начал подниматься. Пологий склон, из которого тек ручеек, зарос камышом и боярышником. Прежде чем соединиться с морем, ручеек образовывал маленький прудик с пресной водой. Путешественники напились и стали искать удобный подъем на склон, заросший боярышником. В одном месте склон был более пологим, и явно просматривался просвет между кустами.

– Петя, смотри, похоже, что тут дорожка. Возможно, тут водятся крупные животные, и протоптали тропу.

– Водятся, – согласился Петя, – и кусты топорами рубят, – добавил он, показывая на пеньки кустов, срубленных чем-то острым.

– А у нас никакого оружия нет, – посетовал Соломон.

– И что бы ты с ним делал? – поинтересовался Петя.

– Да, действительно, – согласился Соломон.

Вылезли наверх, огляделись. Черный корабль стоял в километрах трех от берега. Паруса были спущены, на палубе никого.

– Давай подойдем, посмотрим, куда они все подевались. Раз эти гады нас сюда отправили, значит, кого-нибудь мы должны здесь найти.

– Идем, – согласился Петя, – только давай отойдем от берега, а то они нас с этой фелюги заметят раньше, чем мы их.

Солнце стало припекать. Жаворонки пели прямо над головой. Не пуганые здоровенные сурки сидели на курганах и таращили глаза.

– А вот и мясо, – Петя показал пальцем на сурка. – Вполне кошерный, особенно когда есть нечего.

– Сурки – естественный резервуар чумы в природе. И вообще, у меня такое впечатление, что мы где-то в заповеднике. Вот видишь, головы из ковыля торчат – это дрофы, кстати, тоже вкусные, а вон вообще сайгаки бегут. Все это в натуре только в Аскании-Нова сохранилось.

Так, мило беседуя на кулинарные темы, путники дошли до заросшей балочки, за которой, возможно, находилось то место, куда лодка что-то перевозила.

По дну балки текла небольшая речечка, заросшая камышами, и по склонам отлично себя чувствовал все тот же боярышник. Петя и Соломон пошли вдоль балки, удаляясь от моря. Балка становилась все мельче, и через час ходьбы путники оказались на другой стороне.

– Вот и посмотрим, есть ли в этой степи жизнь. Только осторожно, не вылазь на видное место, и вообще, лучше пригнись, – инструктировал Петя, идя впереди и пытаясь рассмотреть что-либо на берегу.

– Сам знаю, – огрызнулся Соломон, пытаясь не очень выходить из боярышникового подлеска и при этом не оставить на колючках всю одежду.

– Вон они! – прошептал Петя. – Вон три головы видны. Ложись, поползем дальше.

Ползти в длинных рубахах под кустами боярышника было на редкость неудобно, и главное – шумно. Продвинувшись метра на три, «разведчики» с тихими чертыханиями опять встали на ноги. Согнувшись в три погибели, они стали пробираться к берегу. Впереди был небольшой бугорок, а может, старая сурчина, густо заросшая лопухом. С нее открывался хороший обзор берега, обрыва и моря за ним.

То, что увидели путешественники, высунув головы из-под лопухов, их мало сказать – не порадовало.

– Какая уж тут жизнь, тут смертью пахнет, – прошептал Петя.

– Ничего себе – все людям, – подтвердил Соломон.

На берегу работали трое мужчин. Они были очень загорелыми, голыми до пояса, в коротких до колен полотняных штанах. Мужчины копали. Что они копали, стало ясно с первого взгляда. В один ряд вдоль берега были выкопаны девять ям. Предназначение их тоже было понятно. Возле каждой из выкопанных ям лежал парусиновый мешок с характерными очертаниями. Еще над тремя ямами трудился экипаж черного корабля.

Петя и Соломон наблюдали.

– Знаешь, наверное, нам не надо подходить к ним и здороваться, – наконец сказал Соломон. – Может, у них чума?

– Хорошо, что хоть ветер с берега, – заметил Петя.

– Если будем лежать до вечера, ветер переменится, – прошептал Соломон. – Хотя в вечере я как раз сомневаюсь. За все время солнце так и не сдвинулось с места.

Мореплаватели закончили копать последние три ямы. Они стали вокруг большого камня и начали молиться, встав на колени и обратив лицо на восток. На камне лежал какой-то продолговатый нестерпимо сияющий на солнце предмет, но разглядеть его не удавалось. После недолгой молитвы они стали бережно опускать мешки с покойниками на места вечного упокоения. Потом они забросали могилы землей и принялись рубить боярышник.

Через час на берегу в ряд стояли девять могильных холмиков с импровизированными крестами из стволов боярышника. Не дав себе никакой передышки, странные мореплаватели взяли сверкающий предмет, положили его в шкатулку и пошли на юг, в сторону оврага. Вскоре они скрылись из виду.

– Пойдем следом? – спросил Петя.

– Что-то мне не хочется. Чует мое сердце, что они скоро вернутся. Опять же, еще три могилы пустые. Может, теперь сухопутных покойников принесут? Давай подождем. И ноги болят уже.

Они спустились с бугра, заползли под кусты и улеглись в тенечке. Солнце припекало, пахло полынью, в траве жужжали какие-то насекомые. Путников стало клонить ко сну. Вскоре Соломон уснул. Петя какое-то время крепился, время от времени пихая Соломона в бок, когда тот начинал громко храпеть. Но потом заснул и сам.

Проснулись они одновременно, как от толчка. Солнце все так же висело на том же месте, все также гудели какие-то мухи, но путешественники выползли из-под кустов и опять взобрались на бугор.

И вовремя. Из-за кустов появились мореплаватели. Они шли гуськом, не торопясь. Шкатулки с ними не было. Подойдя к пустым могилам, они опять стали молиться.

– Интересно, это они в гостях были или клад зарывали? Я в смысле, они когда-нибудь обедать собираются? А то они какие-то жутко сознательные – только работают и молятся. А поминки? – зашептал Соломон.

– Тише ты! Ветер в их сторону. Им не до еды.

Странные мореходы закончили молитву.

Потом спрыгнули каждый в свою могилу. Петя встал в полный рост и успел увидеть, как желтая глина, что лежала холмами у края могил, потекла в ямы с людьми.

– Вот черт! – сказал Петя. – Живьем в могилу легли, да еще и сами засыпались. Ну и развлекается тут народ, одни других краше.

– А куда это они ходили? И угораздило же нас заснуть! Понятия не имею, сколько мы проспали.

Они еще постояли на бугре, но земля в могилах не шевелилась, и новых мореплавателей с судна тоже не появлялось. Корабль все так же слегка покачивался на волнах, и на палубе все так же не было ни души.

– Если бы на судне кто-то был, они бы отбивали склянки каждый час, а тут тихо, аж в ушах звенит.

– Похоже, что на корабле никого нет, и вид у него какой-то мертвый и старый. Мне даже кажется, что когда мы еще не спали, он как-то поновее был, по крайней мере дыры в парусе я точно не видал, – сказал Соломон.

– Знаешь что, – сказал Петя, – давай спустимся. Близко подходить не будем, вдруг действительно чума, а просто пройдем мимо и поищем, куда они ту шкатулку занесли. Все равно не знаем, что ищем. Вдруг это она?

Путешественники стали спускаться к могилам. Прямо скажем: друг друга обогнать они не пытались. Когда до берега оставалось метров пятнадцать, Соломон схватил Петю за руку.

– Смотри! Этим могилам ужас как много лет.

И в самом деле. Могилы вовсе не были свежими. Холмики почти сровнялись с землей, на них росла трава. Кресты из боярышника покосились, а один пустил корни и зеленел листьями. Даже последние три могилы выглядели, как заросшие полынью ямки.

Петя оглянулся на корабль. Фелюга лежала на боку много ближе к берегу, на мели. В борту у нее зияла дыра, уже обросшая зелеными и красными водорослями. Обрывки паруса ленточками колыхались на слабеньком ветерке.

– Если тут и была чума, то много лет назад, – сказал Петя. Он подобрал с земли ржавый топор со сгнившим топорищем и, взяв его под самый обушок, стал вырубать стволики боярышника. Провозившись довольно долго, он смастерил три сучковатых

креста и воткнул у изголовья последних трех могил. Соломон сидел рядом на кочке и молчал.

Наконец Петя закончил свои труды, положил остаток топора в могилу и сказал:

– Жаль, помянуть нечем, обязательные, похоже, были люди. Да и имен нет. Ну ладно, пошли, а то, того и гляди, стемнеет.

– Ага, стемнеет, держи карман шире. Я все думаю: кто они, и куда ходили? Ведь что-то важное у них было! Ты знаешь, мне показалось, что они уже мертвыми в могилу легли. Давай все-таки пойдем поищем. А то мне кажется, что если мы еще тут постоим, то жутко постареем.

Против ожидания, они нашли тропинку, хотя, по-видимому, ее протоптали звери. Тропинка петляла между боярышниковым подлеском, огибала ракушечные глыбы и очень скоро привела их к обрыву большого оврага. На высоте метров восьми они увидели большую дыру – вход в пещеру.

Продолжение следует

192 слова

204 Длинный список

205 **Вадим Ярмолинец**
Пушкинская улица

206 **Елена Андрейчикова**
Все как у людей

207 **Игорь Паночишен**
О чем думает девушка

208 **Ганна Костенко**
Удвох

209 **Анна Михалевская**
Перепутье

210 **Ольга Яблонская**
Во главе

211 **Виктория Коритнянская**
Трагедия одной бабы

212 **Виталий Стецко**
Другой язык

Длинный список

Пришло время подвести предварительные итоги нашему конкурсу «192 слова». Из пяти стран мира – Украины, России, Германии, Израиля и США – пришли в адрес редакции 72 рассказа. В длинный список участвующих в конкурсе вошли:

Елена Андрейчикова. «Все как у людей»
Эрлен Бейлис. «Кофе с молоком»
Алексей Гладков. «192»
Анатолий Горбатюк. «Вот так встреча»
Жанна Жарова. «Фребеличка»
Янина Желток. «Через щелочку»
Виктория Коритнянская. «Трагедия одной бабы»
Ганна Костенко. «Удвох»
Анна Михалевская. «Обманщик»
Наиль Муратов. «Не убивайте любовь»
Виктор Ополев. «Сообщающиеся сосуды»
Сергей Осташко. «О программе «Время»
Игорь Паночишен. «О чем думает девушка»
Антон Семенюк. «Аппетит»
Виталий Стецко. «Другой язык»
Ирина Фингерова. «Про Анечку»
Олег Фомин. «Седьмое ноября»
Ольга Яблонская. «Во главе»
Вадим Ярмолинец. «Пушкинская улица»

Вадим Ярмолинец

Пушкинская улица

Самая красивая улица в Одессе – Пушкинская. Она начинается на железнодорожном вокзале и идет до Приморского бульвара, где стоит чугунная пушка с французского фрегата «Зайчик». Эта пушка дала имя улице – Пушкинская.

Поэт Александр Сергеевич Пушкин, живший одно время в Одессе, считал, что история с названием улицы – очередной одесский анекдот. Несколько раз он пытался дойти по Пушкинской до бульвара, чтобы убедиться в том, что никакой пушки там нет, но из этой затеи ничего не выходило. Дело в том, что за два квартала до бульвара был ресторан гостиницы «Красная». Там собирались все местные фарцовщики и их девушки. Когда Пушкин проходил мимо, те ему кричали: «Шура, ты не хочешь дернуть с нами по 150?». Он, конечно, шел, они дергали по 150, потом начинались анекдоты, стихи, двусмысленные намеки со стороны девочек, и ему уже было не до пушки.

Когда Александра Сергеевича не стало, одесситы решили увековечить память о своей дружбе с большим поэтом. Помня о его болезненном стремлении увидеть бульвар, они удовлетворили его желание, как говорится, посмертно. Поставили памятник рядом с той самой пушкой. Хотя кое-кто считал, что целесообразней было бы поставить его на вокзале. Чтобы все приезжие могли видеть, в какое культурное место они попали.

Елена Андрейчикова

Все как у людей

– Сергей Петрович, что с енотом делать?

– Смыть в воду!

– Жалко. В Барсе, может, выпустим?

– Блядь, смыть, я сказал!

Капитан был суров. У Васи первый рейс. А тут енот. Полоскун. Пугливый. В его каюте прятался, как из порта вышли.

Как смыть? Живой же. Ладошки мягкие, почти человеческие. Живодер. Хотя в других делах Петровичем восхищался.

Окрестил енота в честь капитана – Сережей. Из первой клетки Сережа сбежал – варили с боцманом на скорую руку. Вторую сварили. Боцман ворчал, но помогал. А вдруг бешенство? Или еще хуже – спишут. А ему нельзя. У него жена дома красивая.

– Парус, порвали парус. Каюсь! Каюсь!

Вася пел по вечерам, а Сережа рядом в клетке попискивал в такт. Приходилось драть глотку, чтобы капитан не услышал.

– Точно смыл? – уточнил пару раз на мостике.

– Смыл.

Так и довез до Барселоны.

Стемнело. Вышли на причал. Вася и боцман, клетка и енот. Неподалеку лесок.

Вася плачет:

– Сережа, миленький, вылазь и беги! Свобода!

Енот лапками держится за клетку.

Боцман курит:

– Не может выбор сделать. Понятное дело. Все как у людей. Там свобода, а тут любовь.

Но все-таки Сережа пискнул, мол, каюсь, и смылся.

Игорь Паночишен

О чем думает девушка

В первый субботний день сентября город тепло заполнило солнце. Утренние улицы еще пустынны. Спешу в национальную библиотеку продолжить интереснейшее исследование. Нашлись новые свидетельства начала XX века о судьбе пропавшей секретной экспедиции. Она, уйдя на поиски золота инков, бесследно исчезла. Кажется, мне удалось приблизиться к разгадке тайны. О, как блажен азарт исканий!

В прохладном библиотечном зале тихо. Симпатичная библиотекарь сидит за компьютером и, выполняя свою работу, томно вздыхает.

На моем столе среди стопок старых газет и журналов лежит столетняя книга. На одной из ее страниц я увидел печать золотисто-красного цвета.

Это неожиданно взволновало и отвлекло. Я на миг задумался и окунулся в воспоминания. Ба! (Это же цвет чернил отличных отметок, что ставила нам первая учительница.)

Алый штамп извещал: «Дублетъ. 1910-й годъ». Не задумываясь над значением слова, я скорее машинально произнес:

– Что такое «Дублетъ»?

Девушка покраснела и поднялась. Она поправила платье, щелкнув резинкой нижнего белья о свое упругое тело, и, не глядя на меня, тихо проговорила:

– «Дуплет»… Это такое кафе здесь недалеко. Там домашняя кухня, музыка, можно уютно посидеть вместе. Я ждала, давно ждала, что вы…

Я улыбнулся. Закрыл старую книгу. Подал девушке руку, и мы пошли пить кофе в это самое кафе неподалеку.

Ганна Костенко

Удвох

Вже тридцять чотири роки він носив у своєму животі власну матір і знав, що вона підглядає за ним одним лише оком крізь маленьке віконце його тернового пупка, тримаючи у зубах червону нитку. Він любив матір, тому й прикривав рукою пупок, аби вона не бачила оголених жінок на пожовтілих простирадлах його особистого життя. Не бачила. Не хвилювалася. Але матір все бачила і хвилювалася. А ще вона не любила, коли її обманювали. В такі хвилини неспокій роздирав на шмаття її хворий шлунок залізними щелепами. І матір щосили смикала червону нитку вже немолодими зубами і заковтувала її у себе, разом із слиною. Син лишався один. Але у безпеці. Ніхто, окрім неї самої, не мав права жити у його череві. Ніхто не вмів смикати червону нитку так, як вона.

«Це не може тривати вічно». Вона передбачала це. І синочок поїхав у пошуках нових ниток, за звичкою прикриваючи свій терновий пупок долонею. Але матір все відчувала й на відстані, так само за звичкою щосили смикала червону нитку, заковтуючи її у хворий шлунок.

Минули довгі роки, і червона нитка мертво повисла з його пупка. Вона померла, перегниваючи у череві власної дитини. Померла, так і не відпустивши червоної нитки.

Анна Михалевская

Перепутье

С обрыва Жеваховой горы Аркадию не разглядеть. Там, под ногами, святилища древних греков и нарочно разбитые амфоры – жертвоприношения Деметре. Впереди – оживленная магистраль и ненарочно разрушенные дома. Мы до сих пор помним, что надо жертвовать, только забыли – кому и зачем.

Когда-то гора выдавалась мысом в море, на ней горел маяк, путеводная точка для эллинских кораблей. Сейчас здесь немудрено заблудиться даже с компасом, отдавшись на милость бродячих псов и цыган. Говорят, именно тут находился вход в Тартар. Я этому охотно верю. Как верю в легендарную Аркадию – рай, в котором мы вырубили все деревья.

Тянется от горы перешеек к городу – отвоеванная у моря продуваемая всеми ветрами Пересыпь. Видно, Харону наскучила лодка, и он стал любителем пеших прогулок.

Когда-то и сейчас. Они и мы. Старое и новое. Все построенное имеет свойство разрушаться. А пыльные дороги остаются навечно. Мой город – это перепутье. Воры и меценаты, биндюжники и аристократы, балаган и театр, роскошь и нищета, Тартар и Аркадия – лицом к лицу, ни сбежать, ни спрятаться.

Тем, кто застрял между адом и раем, мойры придумали особенную судьбу – мы каждый день выбираем дорогу. И, уходя, оставляем груду черепков и редкие саженцы. Но, не оглядываясь, идем вперед, подбирая разбитые амфоры прошлого.

Ольга Яблонская

Во главе

– Не давай рэбьёнок голова, там мозги несвежѐе!

– Обалдел, што ль? Хошь, штоб подавился?!

У бабы Дины и няни Васёны было по-разному неважно с литературным русским, но считали, что деликатесы вроде мозговых косточек или рыбьих голов должны подаваться главному в семье мужчине, сидевшему в торце стола.

Баба Дина купила стол в дореволюционной Одессе подержанным. Дубовый, с наборной столешницей и фигурными массивными ножками в виде львиных лап, почему-то украшенных виноградными гроздьями. В сложенном виде за него усядутся восьмеро, в разложенном – все двадцать.

Брат знал его с младенчества, помнил на почетном месте деда Нахмана.

Мне было девятнадцать, когда в результате сложной и драматической динамики жизни стол достался нам с родителями, и тридцать шесть, когда их не стало.

Брат приходил в гости, ворчал:

– Смертное место. Сперва дед здесь сидел, потом отец, теперь, значит, я…

Улыбалась: любимый, у тебя профессиональная деформация, вы, археологи, слишком много возитесь с погребениями. Хочешь, сама там сяду?

– Сиди, где сидишь, – отвечал брат сварливо, – мое теперь место, пока жив.

– Живи сто лет, – смеялась я, нисколько не думая, как скоро место в торце перестанет быть ритуально значимым. За старшего теперь я. Рыбьи головы и мозговые косточки давно не подают даже патриархам: полуфабрикаты кругом.

Виктория Коритнянская

Трагедия одной бабы

Говорят, если человек долго умирает, значит – грехи не пускают. А я еще думаю – он простить чего-то не может.

Звали ее Марфа. Она была нашей бабушкой, но мы называли ее бабой. Всегда. Сурова, груба, нелюдима…

Из всей семьи только со мной делилась она своим миром, и я знала, как до сих пор страшно и тяжело мучают ее воспоминания.

1925 год. Коллективизация.

– Конфіскація, розстріл… – жарко шепчет с порога кум. – Тікайте!

И они бежали. Босыми ногами по снегу…

До весны прятались у родственников. А в мае с паломниками ушла мать.

Дети долго бежали за ней, хватая за руки. Кричали громко, но громче всех шестилетняя Марфуша:

– Мама! Мама!

– Пробачте, діти! – вырвалась, побежала по пыльной дороге, завернула за лес и исчезла.

Потом был голод. Они выжили. А она? Много позже баба узнала: мать вернулась, долго искала семью, затем умерла. От голода. Под чужим забором.

Однажды незадолго до смерти баба спросила меня:

– От ти скажи… Чи могла б ти пробачить мати? Мати, що кинула п’ять душ дітей заради Бога?!

И столько боли было в ее голосе, что я оторопела.

Умирала она долго, месяца три. Потом все-таки ушла. Наверное, простила…

Виталий Стецко

Другой язык

– Не спорь! Гаванец Майкел – брутальнее!

– Проверяла?

Руслан легко отделался – его просто шлепнули трескучим веером.

Под тугой парусный купол потихоньку стягивались посвященные и сочувствующие. Танцпалуба выброшенного на берег летнего клуба пока пустовала, и можно было с ритуальными приветствиями, поцелуями и объятиями обойти знакомых. За белоснежным изыском лееров и такелажа трепетала графитовая ткань моря с идеально ровной линией отреза, отчерченной синим мелком на горизонте.

Маэстро Алекс вырвался из круга новичков и появился за пультом.

– Ола! Агуа! Па-а-ехали!

На сухие, резкие, как ром, удары клаве отозвались бонги и маракасы, и понеслась первая сальса. Уно, дос, трес. Синко, сейс, сьете. Звенящий ритм горячил кровь и поселял нетерпение в ногах. Две-три руэды – для затравки – утолили начальный голод, и вечеринка покатилась своим чередом.

Руслан вывел на площадку давнюю симпатию и обволок ее облаком бачаты. На очередную тимбу выбрал незнакомую партнершу. Гибкая блондинка двигалась с манерной ленцой, пока не нарвалась на инчуфле с сюрпризом, сменившееся лихой связкой, усвоенной от кубинки Дианы, и прочими затеями. Понимание на кончиках пальцев…

Руслану нравилось удивлять незнакомок. Но куда без веера:

– У меня ностальгия. Городская площадь полна веселыми людьми. Живет в ритме сальсы, и жесты – вернее слов!

– Вот оно! Спонтанное признание филолога.

Поэзия

214 Тая Найденко
Запах чаек и моря крик

221 Поль Гранек
Ироническая поэзия

226 Татьяна Щербина
Одесса

227 Сергей Главацкий
Грамматические последствия

232 Виталия Бабущак
Неразделенное чувство

Тая Найденко

Запах чаек и моря крик

* * *

В голодный год, в тяжелый темный год
Я выдумала это наперед:
Твои глаза, твой запах, голос, руки.
Не то чтобы от злости или скуки,
Но чтобы верить – кто-нибудь придет.
Как люди в маслянистой темноте,
От страха первобытного вспотев,
Выдумывали грешным делом бога,
Так я тебя рисую понемногу,
Таким, чтоб ты одну меня хотел.
Но бог, который выдуман в аду,
Приносит только новую беду.
И ты меня, конечно, искалечишь.
А боль – не повод не идти на встречу.
Я опоздаю. Но приду, приду.

* * *

Голос с небес говорил: «Не ссы!
Прорвешься, ядрена мать!
Вот тебе злые глаза, чтоб псы
Боялись тебя догнать.
Вот тебе средство от глупых змей –
Собственный горький яд.
Вот тебе вера. Ее не смей

Тратить на все подряд.
Вот тебе мама. Она умрет.
Что ты грызешь губу?
Это хороший сюжетный ход –
Лица родных в гробу.
Вот тебе правды пустой сундук –
Вечно его стеречь,
Дети, кастрюли, долги, супруг
И голова до плеч.
Вот тебе серая горсть монет –
Старый Иудин долг.
Вот тебе мысль, что Бога – нет».
И навсегда умолк.

* * *

В этом кошмаре дети играют в прятки.
Школа взлетает на воздух, они – внутри.
Черная женщина шепчет свои загадки,
Белый мужчина стреляет на «раз-два-три».

Пули, они же – дуры, они же – дети,
Плавно уходят в воду, она же – плоть.
Город свивает кольца при лунном свете
И разевает пасть, чтобы нас смолоть.

Все, кто спасать умели, ушли в разведку.
Или пьяны настолько, что им плевать.
В сонные спальни тихо вползают ветки
Линий трамвайных и тихо ползут в кровать.

В этом кошмаре все умирают сразу.
Некому плакать, а значит – и горя нет.
Белый мужчина уйдет, не пальнув ни разу.
Черная женщина даст, наконец, ответ.

* * *

Как моряк, эту пристань опять покидающий, –
Слишком здешний песок горяч, –
Я уже не спрашиваю «куда еще?..».
Я не плачу. И ты – не плачь.

Как отец, что ребенка на фронт отправил, но
Ухватил за одежды край,
Я хотела бы знать, что решила правильно,
Но не знаю. И ты – не знай.

Ветер волосы вьет и гудит встревоженно,
Солнце жалит, как жадный змей.
Разве я не хотела бы счастья? Может быть.
Но не смею. И ты – не смей.

* * *

Мамочка, говорит она, мама. (Я ей не мать.)
Доченька, окликает, дочка! (А я – молчок.)
Дай, говорит, на минутку тебя обнять,
Что же ты, внучка, верткая, как волчок!

Милая, говорит, родимая, ты кровишь!
Дай, говорит, обмою, наложим шов!
Все еще, говорит, наладится, мой малыш!
Глазки закрой – и ладно, и хорошо…

Простыни ее – как у мамы – свежи, чисты.
Ставни закрыты. Вздремнуть – и тоска пройдет.
С праздником, говорит, моя сладкая! Вот цветы.
Влажной землей забивает глаза и рот.

* * *

Давай лепить из тумана нелепицы
Одна безумней другой.

Как будто ты очень хочешь встретиться,
А я к тебе – ни ногой.

И ты крадешься за мной по улицам
В очках и черном плаще,
И так тоскуешь, что небо хмурится,
А то и плачет вообще.

Или – представим – мы на задании,
Где сотни скрытых угроз.
А ты почти теряешь сознание,
Касаясь моих волос.

Десант секретный с подводной лодки мы,
Нас ищут, и враг жесток.
А ты моими оклеил фотками
Все стены и потолок.

А можем строже, а можем проще мы.
Представь немое кино:
Скалистый берег, покрытый рощами,
Вулкан, угасший давно,

И будто мы с тобой – отражения
В одной и той же реке.
И ты во мне лежишь без движения.
И сом скользит вглубоке.

* * *

Был запах моря и крики чаек.
Стал – запах чаек и моря крик.
Какого черта я так скучаю,
И жизнь – как форма – уже впритык?

И жизнь – как ферма: дерьмо и клети.
На верхних чище, внизу – тепло.

И жизнь – как фирма: держи в секрете,
Кто сколько стоит. Терпи, трепло.

И жизнь – как ширма: уже кричащий
Рисунок выцвел, и в щель сквозит.
За ширмой – море. И страшный ящер.
И смерть. И мама. И чудный вид.

* * *

Здесь даже сдохнуть – не значит поставить точку.
Здесь даже смерть не доказывает правоты.
Скачет по кочкам в розовых, мать, чулочках
Царь мой из детства. Успеть бы – до темноты.

Раньше я знала – «все заживет до свадьбы»,
Сказки читала про принцев и королев...
Этот стишок, не состарившись, дописать бы,
Эту весну дотянуть бы, не повзрослев.

Вышла из детской, чтоб добежать до спальни.
Вот обернулась – а хода обратно нет.
Мама, ты слышишь? Повести нет печальней:
Мне уже тридцать лет. Я умру в обед.

Каждый мальчишка – при кошельке и брючках.
Каждой девчонке – мальчик при кошельке.
Мы заигрались, мама, дошли до ручки.
Как бы начать все заново, налегке?

Рвали мы глотки, драли луженые глотки,
Выцедили всю ненависть, до глотка.
Вот бы обратно: «Мама, зашей колготки!
Мама, мне эта курточка велика…»

Чтобы спросонок слышать – звенит посуда,
Завтраком пахнет, блинами, к столу зовут.

«Мама, я этот суп доедать не буду…»
«Мамочка, пять минут!.. Еще пять минут».

Я ведь могу рассказать себе сказку, да толку?
Страшные вести из детства несут гонцы.
В сказочной роще детей доедают волки.
В маминой сумочке кончились леденцы.

* * *

Супермен проживает в Одессе. Вторую осень
Уклоняется он от призыва. Под психа косит.
Бродит тихо по центру, бородой заросший, как леший.
Ляля часто встречает его в переулке Олеши.

Ошалевший и бледный, как будто после наркоза,
Он несет свой нелегкий жизненный груз с Привоза:
Творог, экзистенцию, ужас, свежую рыбу,
Благодарность, что с ним не сделали все, что могли бы.

Рядовой одессит, с обычной пропиской одесской,
Выдает его только плащ с полустертою S-кой.
А еще он, бывает, летает, но это не часто,
Так как после полетов бывает особо несчастным.

Я встречаю его вечерами, бредя с бизнес-центра.
Он негромко всегда окликает, почти без акцента.
Он немного противен, как всякий, кто сломан миром,
Но, как прежде, прекрасен. Был в детстве моим кумиром.

С голубыми глазами, расширенными от дури,
Он рассказывает о друзьях. «Бэтмен вот в Сингапуре…
Человек-паук не звонит… Кэт погибла в мае…
Нам же вас не спасти, понимаешь?..» Я понимаю.

Он распахивает полы крутого плаща
И уносится вверх, сам себе снаряд и праща.

А я пока не могу. И не то чтоб особенный груз.
Город шепчет «Останься…»
И я всегда остаюсь.

* * *

Мертвый поэт, везущий в багажнике собственный труп.
Мимо проносятся трубы, заводы. Пейзаж изгажен.
Спрашивает о чем-то, не размыкая губ,
Не обернувшись даже.

И ты исступленно клянешься жить не по лжи и ловить во ржи,
И что там еще… И пульс заходится в бешеной сальсе.
Но если ты в этом салоне, если ты – его пассажир,
То уже подписался.

Мертвый поэт поправляет мятую шляпу, жмет на газ.
И ты понимаешь: – Да, сука, бойтесь!
Не доверяйте нам, не спускайте глаз,
Потому что мы по-любому сумеем значительно лучше вас.
В том числе и по-скотски.
Это – мой Бродский.

Поль Гранек

Ироническая поэзия

Мастер спорта

Бывает, спросят, почему тебя нет в спортзале
Не бегаешь, не садишься на шпагат
Это неправда. Я тоже качаю
А если конкретно, качаю взгляд

Это техника особой силы и ловкости
Ей занимаешься почти каждый миг
Главное качать глаза таким образом
Чтоб не смотреть на все как старик

Увидел облако, про себя зааплодировал
Увидел бомжа, мысленно причесал
А у стариков заметьте уже застиранные
Будто в расфокусе унылые глаза

Сейчас иду на разряд, главная цель:
Получить мастер спорта по восприятию
Не представляете, сколько раз я хотел
Уже сдаться и бросить свои занятия

6-я конференция

Человек – грязный, а Бог – чистенький
И не любит горящих шин

У них разная психофизика
Один – акула, другой – дельфин.

Что я делаю в этом рассаднике
Радости и волшебства
Навсегда застрял в детском садике
На планете Гаргантюа

Кругом вспышки, полно интересного
Что в городе, что в лесу
И 6-я научно-практическая конференция
По непротивлению злу.

Легенды о вампирах

В легендах о вампирах
Много иносказательного смысла
На самом деле там заложена
История о бытовом алкоголизме

Т. е. днем человек нормально живет
А вечером он уже не совсем тот

Как бы идея трансформации
И это «20 лет пьет из меня кровь»
К ночи человек начинает меняться
Снимает человеческий покров

Думаю пьяные откусывания
Мягких тканей носа и мочек
Распространены и даже очень
Где-то в селах под Черкассами –
Прообраз вампирского присасывания

Пьяные засосы изо всей силы
Объятья и широкие жесты
Тело, вставшее из будничной могилы
Ненадолго, на пару часов воскресло

Тебя не убьет осиновый кол
Ты уже синий, Коль

Ночью шум, лобызание морды
Разгар дьявольских оргий
А с рассветом вновь мертвый
Хоть за веки его дергай.

Грабли, вилы, нож и крест

Грабли, вилы, нож и крест
Облака и здания
Арсенал доступных средств
Самоистязания

Парк, площадка, стадион
Остановка, родина
Ничего из ряда вон
Десять раз все пройдено

Бог, архангел, люцифер
Конвоиры с клетками
Где-то здесь должна быть дверь
В самое запретное

Сквер, ограда и кусты
Львы, осколки туловищ
Это счастье. Ну а ты
Слишком много думаешь.

Анонс

Мероприятие продлится 7 дней
По сведениям организаторов
Пройдет заговаривание камней
Купание в дымящихся кратерах

Расщепление силового поля
Презентация ряда сборников
Лекция ребенка-зомби из Анголы
На тему: «Психология утопленников»

Механический гусь-патриарх
Сыграет роль Кровавого Деверя
Приглашаем всех в Чкаловский парк
Начало в 5 у Священного Дерева.

850 видов

В этих лесах произрастает 850 видов эндемиков
Таких ценных, что для них даже нету ценников
Цветочки похожие – но не те
Таких больше нет нигде

Вот я и думаю, что человек это тоже своего рода эндемик
Независимо от ума или денег
Даже тот, зарываемый в деревянном футляре
Существовал в одном экземпляре

Как эндемик, но обитающий
Не в пространстве, а во времени
Вместе с 266 видами внутренних демонов.

Помнишь, Алоха?

Помнишь, Алоха, дороги Гавайщины?
Фронтовое старинное танго
Как погружали мы руки уставшие
В холодное спелое манго?

Как выходили счастливыми, мокрыми
Из волны на пылающем Кипре
А после вдвоем с тобой прятались в погребе
От налетов гигантских колибри

Решающая битва

Генерал на самом деле оказался минерал
Завербованный веточкой вербы
Он искрился в потоке ливневом
В решающей битве символов
В бою покемонов со скверной

Пионы оказались замаскированные шпионы
Их версии рухнули после проверки
Красота направляла своих связных
Но потом цветы проросли сквозь них
Как маленькие застывшие фейерверки

Здесь кувалдой куют уют
Близорукость и недальновидность
Здесь трубят каждый столб и куст
Что важнейшим из всех искусств
Для нас все же является фитнес.

Татьяна Щербина

Одесса

Сонет

Одессы улицы старинны,
Барочны, под ампир, в них Рим
Мне чудится или Афины,
У моря продают ice cream.

И лестницы, и спуски длинны,
Названья, как павлиний грим,
Но двери переулков чинны,
А мы над пляжами парим.

Прозванивают день трамваи,
Раскачивают порт суда,
Мы званы невзначай сюда,

Где солнце в море, как слюда,
Блестит, соблазны источая,
И ночь узка оконцем рая.

1979

Сергей Главацкий

Грамматические последствия

* * *

Давай с тобой поедем на косу.
Когда-нибудь. Хоть в прошлом, хоть в былинном.
Не может быть такого в жизни длинной,
Чтоб вечно продолжался Страшный суд,
Чтоб лес был полон стреляных косуль…
Готов молить хоть Господа, хоть джиннов,
До старости ждать времени машину,
Чтоб черную покинуть полосу…

За нею будет кедра хризолит
И хризопраз полыни, прячущей седины,
Там море станет нашим паланкином,
Хранящим сны, которым чужд Эвклид,
Которые еще не расцвели…
Готов извлечь себя из карантина,
Перекроить себя, как бомбы – паладина,
Чтоб видели дельфинов корабли…

Давай с тобой уедем на косу,
Каким бы именем тебя ни звали
И сколько лет тебе в миру бы ни давали,
Давай с тобой окажемся в лесу,
Где аисты давно тебя пасут,
Где зиждется березовая дача,
Перерастая в Сож. Я не могу иначе,
Иначе не могу, не обессудь.

* * *

Земля ежом свернулась,
Озимая планета,
Чудес болото снулых
Растет по экспоненте.
Ежовы рукавицы,
Похожие на склепы,
И все отроковицы
Идут водой сквозь небыль.
Не год прошел – эпоха,
А я остался *прежним* –
От выдоха до вдоха –
Бесснежно-белоснежным.
И родину проведал,
И возмужал, конечно, –
Победа за победой –
А я остался прежним.
И серебрятся пашни,
И колосится вето,
А я, как есть – *вчерашний*,
Как песня *Чокто*, спетый.
А я остался прежним –
Печальным и тернистым,
Бездонным интровертом,
Безбожным альтруистом,
Остался *человеком*…
Я верю – *аз воздели*,
Мой внутренний Лас-Вегас
Заслуженно расстрелян.

Я верю, верю, ибо
Когда б в такой печали
Оставшимся людьми бы
Скопытиться не дали,
Не скурвиться бы людям,
Не захлебнуться б скверной –
Перун, Юпитер, Вишну –

Как альфа и омега –
Пускай всех нас разбудят.

Бог весть, тогда, наверно,
У каждого бы вышло
Остаться человеком.

* * *

1.

Ты знаешь, мир умер. Фантомное счастье –
Как хрономираж, где детей кутерьма.
А здесь – только вакуум, вакуум настежь,
И я в нем – как самая страшная тьма…

Ты даже сейчас – сингулярность, омфал, ось.
Я – только с тобою, я только с Тобой! –
Во мне и себя-то почти не осталось.
Душа разболелась… Фантомная боль…

2.

Ну что ж, все обернулось адом.
И что с того, что каждый миг,
Как вакуум – залетный атом,
Сны ждут твой знак, чтоб стать людьми…

Пускай ты – смысл мирозданья,
Пускай – ядро души само,
Навек навесь на подсознанье
Амбарный проклятый замок!

И мрак напалмами не выжечь,
Не утопить сны в водоем…
Хоть без тебя душе не выжить,
Оставь, я – *прошлое твое*.

Пусть немы без тебя авгуры,
И мир похож на ГМО,
Лишь ярче в камере обскура
На мне предательства клеймо!

Пусть без тебя лишь Здесь я – дома… –
Молчи, скрывайся и таи…
Там – нас счастливые фантомы…
Не плачь. Я – *п-р-о-ш-л-ы-е т-в-о-и*!

И в этой келье ли, каверне,
В одной из тысячи кают –
Лишь тень твоя и здесь, наверно, –
Последний мой, ночной приют.

Печет Сансара караваи –
От боли слепнет окоем,
И пусть я при смерти, взываю –
Молчи. Я – *прошлое*. Твое…

А что люблю тебя без меры,
Как любят дети – первый снег,
Так это лишь… мой Символ Веры…
И будет мне. И будет мне.

3.

Отринувши купол,
в побеге от юбок,
о колокол – зубы,
и копья свои…
Сугубо суккубы
теперь будут любы,
и званны, во и-

-мя снов саблезубых…
по мне, как по трупам,

хромая, в Аид,
к своим душегубам,
шли дуры на убыль,
как мясо, сбоить.

Сугубо суккубы,
сугубо суккубы
отныне теперь.
В аквариум-кубок
разомкнутым кубом
вмурована дверь.

И если дать дуба
не хочешь, бей в бубен,
растерянный зверь, –
ни *браков*, ни *шлюбов*,
сугубо суккубам,
суккубам сугубо
дари свои губы
вовеки теперь…

Виталия Бабущак

Неразделенное чувство

Неразделенное чувство

Дробный дождь мне стучал в окно.
«На минутку впусти меня».
Это вечер был, и кругом темно,
Он стучал мне еще со дня.

Я впустила бы, подала бы чай,
Но ведь дождь мне замочит пол.
И сказала я: «Ты домой шагай,
Там тебя уж заждались», мол.

Растерялся дождь, тяжело дышал.
Уронил обреченно взор.
Я ждала, но он ничего не сказал,
Костыляя, покинул двор.

Стало тихо вмиг, прекратился стук.
Только что-то сломалось в груди.
Нет, не то что бы был мне дождь, как друг,
Стало жаль, что один бродил.

Не люблю зонты, облака и страх,
Но есть вещи похуже их.
Нерешительность, что в твоих глазах,
Недосказанность, что в моих.

Закономерность

Неразделенное чувство,
Словно кофе не допитый, –
Вроде пил, но и не сытый.
Чувство сложное искусство.
Недописанной картине
Не быть центром экспозиций –
Нужно с ней еще возиться,
Чтоб повесить на витрине.
Полюбить еще не все.
Важно, чтоб тебя хотели,
Чтоб ждали и лелеяли,
Чтоб любили в самом деле.

Рыбаки и рыбки

Дерзкий ветер качает лодки,
Бьет волнами и люто воет –
На базаре не будет селедки.
Повезло ей, осталась в море.
Рыбаки соберутся в каюте,
Перекидываясь словцами.
Выпьют водки, немного пошутят –
Над погодой, судьбой и властями.
А затем снова сети в воду –
Чтобы рыбью забрать свободу.
Они долго уже в Черном море
Вкусной рыбе приносят горе.
Прекрати же качать их, ветер.
Загони лучше рыбы в сети.
Тебе просто – ты сам на свете,
А их дома ждут жены и дети.

Монолог дрозофилы

Единый день, одна судьба,
Одна надежда и борьба.
Одна семья, машина, дом.
Один застрявший в горле ком.
Один загул, один запой,
Один прогул, один разбой.
Мечта одна, и друг, и враг,
Возможность сделать первый шаг.
Один букет, один секрет.
Один возлюбленный поэт.
Одна любовь, одна страна.
Жаль, что жизнь у нас одна.

* * *

Какое-то блаженство, едва ли уловимое,
когда туман над морем колышется в волнах,
где томно солнце кинет на брег лучи игривые,
что заливают небо в пастельные тона.

И, просыпаясь, пением птенцы благословляют
начало дня весеннего, родившегося вновь.
Собака лает, радостно приветствует хозяина,
что смотрит в даль туманную, прищуривая бровь.

Какое-то блаженство едва ли объяснимо,
когда уставший ветер не бьет волнами пляж.
Над морем чайки серые кричат, собой гонимые,
раскрашивая крыльями предутренний пейзаж.

Первые шаги

236 **Елизавета Помукчинская, Арина Плотникова**
Молдаванка за партой

Елизавета Помукчинская, Арина Плотникова,
ученицы 5 (9) класса гимназии № 4

Молдаванка за партой

Работа получила I премию на конкурсе школьных краеведческих работ памяти Аркадия Креймера.

К концу XIX века дело народного образования в нашем городе было поставлено так, что Одесса вышла на передовые позиции в империи, расходуя на эти цели десятую часть своего бюджета. В 1901 году на одной только Молдаванке насчитывалось около двух десятков общедоступных народных училищ. Здания многих из них до наших дней используются по прямому назначению.

– **Одесская общеобразовательная школа № 18** I-III ступеней на Прохоровской, 46 и 59. В 1905 г. это было Городское начальное училище № 21. В 20-х годах – семилетняя школа, после войны – 2-я железнодорожная школа, с 1961 года ОЗОШ №18, которая занимает по-прежнему два помещения.

Прохоровская, 46, ОЗОШ 18

– **Вечерняя сменная общеобразовательная школа № 3 II и III ступеней** на Госпитальной (Б. Хмельницкого), 92. О.И. Сухоруков 27.05.1905 подал прошение на постройку двухэтажного флигеля. Проект утвержден 30.05.1905 г. В 1905-1912 годах по данному адресу располагалось городское начальное училище. С 1912 года – женская гимназия. Летом 1919

года в разгар Гражданской войны Молдаванский совет рабочих депутатов открыл здесь вечерние школы для рабочих. 1927 – восьмилетняя школа № 86, 1970 – вечерняя средняя школа № 5, 1972 – вечерняя средняя школа № 3 (смена номера школы). С марта 2002 года после утверждения нового устава школы – вечерняя сменная общеобразовательная школа № 3.

– Одесская специализированная школа № 99 I ступени с углубленным изучением английского языка (бывшее городское училище Эфрусси), Старопортофранковская, 40. Семейство Эфрусси (богатейшие меценаты города) основало в Одессе училище, пожертвовав с 1868 г. более 62 тыс. руб. В 1881 г. император присвоил Одесскому 4-классному городскому училищу наименование «Городское училище Эфрусси». В 1900 году училище Эфрусси было уже 6-классным. В 2-этажном здании было 10 классных комнат, физический кабинет, раздевальная, приемная, учительская и канцелярия, рекреационные залы. Училищу принадлежал участок в 424 кв. саженей, во дворе – спортивные снаряды, двор постепенно обсаживался деревьями. В штате училища состояло 18 преподавателей, обучалось 533 ученика. Многие годы Игнатий Эфрусси, а затем Юлий Леонович Эфрусси избирались почетными смотрителями училища. Плата за учение – 29 рублей в год, за обучение иностранным языкам доплата 5 рублей. В 1900 г. семьей была учреждена стипендия имени Игнатия Ефимовича Эфрусси для четырех беднейших и способнейших учеников без различия вероисповеданий.

Старопортофранковская, 40. Городское училище Эфрусси (фото XIX века)

Одесская специализированная школа № 99 I ступени с углубленным изучением английского языка (современный вид)

Староконный переулок, 9. Одесская специализированная школа № 21 I-III ступеней спортивного направления

– Одесская специализированная школа № 21 I-III ступеней спортивного направления по Староконному переулку, 9. Е.А. Прокудина 02.07.1904 г. подала прошение с проектом на постройку трехэтажного надворного здания под городское училище по Староконному переулку, 9. Проект утвержден в тот же день. В 1920 году по указанному адресу располагалась трудовая школа № 25. С 1922 по 1936 годы в здании располагалась опытная трудовая школа № 10 с украинским языком обучения, носившая имя Ивана Стешенко. После окончания второй мировой войны в здании работала школа-интернат № 91 для глухонемых детей. 1970 – средняя школа № 21. Здание является выявленным памятником истории местного значения (решение Одесского облисполкома № 652 от 25.12.1984 г.).

Систему городских школ на Молдаванке успешно дополняли частные учебные заведения:

Михайловская, 28, – частный пансион для мальчиков господина Петровича (здание не сохранилось).

Прохоровская, 16. Реальное училище Ф.Н. Мякенко

Прохоровская, 16, – реальное училище Ф.Н. Мякенко. В 1913 году по адресу ул. Прохоровская, 16, открылось частное женское училище II разряда с курсом прогимназии, учрежденное Ф.Н. Мякенко, он же начальник училища и преподаватель русского языка. В 1982 располагалась школа рабочей молодежи № 20.

Госпитальная (Б. Хмельницкого), 32
Училище доктора Ландесмана

Степовая, 13. Училище госпожи Волковой

Степовая, 24. Училище госпожи Бардах

Госпитальная (Б. Хмельницкого), 32, – училище доктора Ландесмана.

Степовая, 24, – училище госпожи Бардах.

Степовая, 13, – училище госпожи Волковой.

Госпитальная (Б. Хмельницкого), 65, – женская гимназия Е. Висковатой. В 1982 г. тут находилось профессионально-техническое училище металлистов № 2.

Колонтаевская, 19, – училище доктора Зильберберга.

Болгарская, 87, Алексеевская пл., 5. Женское училище I разряда с курсом гимназии (затем гимназия) М. Ковриги. А.И. Ганзельман 17.03.1910 подал прошение с проектом на постройку двухэтажного фасадного дома по ул. Болгарской угол Алексеевской площади. Проект утвержден 18.03.1910 г. Гимназия М.Л. Ковриги начала работать с 1913 года, в справочнике «Адресно-справочная книга «Торгово-промышленная Одесса» за 1914 год есть реклама этого учебного заведения. Бывшая гимназия Ковриги имеет к истории нашей гимназии непосредственное отношение. В советские времена в здании бывшей гимназии

Алексеевская площадь. Здание бывшей гимназии Ковриги (фото 1996 года, здание снесено в 1998 г.)

Госпитальная, 65..Женская гимназия Е. Висковатой

Алексеевская площадь. Здание, построенное в 2018 году на месте гимназии Ковриги

Мастерские бывшей гимназии Ковриги (современный вид)

Ковриги разместилась 8-летняя школа № 13. В 1977 году было принято решение о ее объединении с нашей гимназией (тогда средней школой № 99), что находилась через дорогу по адресу Болгарская, 88 (тогда ул. С.М. Буденного). Здание бывшей гимназии Ковриги также передали средней школе № 99. В ее стенах обосновалась наша начальная школа. Через несколько лет из-за ветхости здания было принято решение перевести ставшую уже отдельной начальную школу № 99 на Старопортофранковскую (бывшее городское училище Эфрусси), где она находится и сегодня. А наша школа стала Одесской гимназией № 4 II и III ступеней. Вот каким образом сплелись истории гимна-

зии Ковриги и нашей гимназии, построенной позже, в 1936 году. От гимназии Ковриги сегодня остались лишь два небольших здания учебных мастерских.

Что же собой представляли гимназии того времени? С огромным интересом мы познакомились с системой обучения позапрошлого века.

Только во второй половине XIX века проведены три реформы школьного образования: 1858, 1864 и 1871 годов. Женское образование стало доступно после реформы 1858 года.

Открывались женские учебные заведения двух типов: училища II разряда – типа начальной школы, и I разряда – типа неполной гимназии. Именно такой и была гимназия Ковриги. Училища I разряда имели шестилетний курс обучения и изучали такие предметы: Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию,

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Удостоверение об окончании гимназии Ковриги

физику, географию, естественную историю, историю, чистописание, рисование, рукоделие и дополнительно новые языки, танцы, музыку, пение. Женское образование, до тех пор доступное лишь небольшому числу девушек, и притом преимущественно дворянского сословия, делается доступным для большинства, становится всесословным.

Устав 1864 года предусматривал учреждение трех типов гимназий:

– классической – с двумя древними языками;

– классической – с одним латинским языком;

– реальной – без древних языков.

Одним из показателей качества получаемого в гимназиях образования было то, что выпускникам гимназий было довольно легко продолжать свое образование в европейских странах, каждый седьмой студент получал высшее образование в Западной Европе: «Наиболее притягательными для молодежи были университеты, особенно германские, пользовавшиеся среди других европейских учебных заведений самой высокой научно-педагогической репутацией. Только в одном Берлинском университете обучались 553 студента из царской России, что составляло 43% всех обучавшихся в нем иностранцев (1300 чел.).

Среднее образование 100 лет назад делилось на две ступени – среднюю и низшую. Современная начальная школа из четырех классов соответствовала тогдашним начальным училищам. В них отправляли детей с семи-восьми лет, а обучение было бесплатным. В Одессе 100 лет назад было 97 таких училищ! Для неуспевающих учеба в начальном училище могла затянуться на четыре или на пять лет – по правилам того времени, двоечников запросто могли оставить на второй год. Поэтому на следующую среднюю ступень – в гимназию, реальное или коммерческое училище – наравне с 10- и 11-летними детьми порой поступали настоящие «недоросли» по 12–13 лет.

Особо престижными средними учебными заведениями 100 лет назад считались гимназии. Учеба в них длилась восемь лет, а аттестат об окончании давал право поступить в вуз без экзаменов. Однако и в гимназиях действовало железное правило: за плохую учебу – на второй год. Тогдашних преподавателей

Форма гимназистов, II половина XIX века

невозможно было задобрить денежным подношением – они считались госслужащими и получали от 85 рублей в месяц, притом, что средняя зарплата по Одессе составляла всего 45 рублей.

Образование в гимназиях стоило не так уж дорого – от 30 до 40 рублей в год. В частных же плата за обучение была выше – от 50 до 100 рублей в год. Однако для кухарки, дворника или простого городового даже эта сумма была неподъемной. Поэтому 90% гимназистов были отпрысками состоятельных семейств – адвокатов, офицеров и купцов.

Подростки из менее состоятельных семей учились в коммерческих и реальных училищах. Эти заведения с семи- и восьмилетним обучением отличались от гимназий более «практичными» предметами. В них преподавали бухгалтерию, коммерческую арифметику, корреспонденцию на русском, немецком, английском или французском языках, товароведение и экономику. Замечания о проступках гимназистов заносились в специальный журнал – «кондуит», и учитывались при сдаче экзаменов. Подростки тех времен были одержимы спортом – большая часть тинейджеров век назад бредила новомодным футболом. К слову, именно гимназистам Одесса обязана первыми успехами в футболе: в 1908 году неофициальным лидером в нем была команда «ШКС» из 3-й мужской гимназии. А гимназист из Одессы Григорий Богемский и вовсе стал настоящей звездой дореволюционного российского футбола – в каждом матче с его участием обязательно был гол его авторства.

В далеком 1834 году был принят закон, утвердивший общую систему всех гражданских мундиров в империи. В эту систему вошли гимназический и студенческий мундиры. А в 1896 году появилось положение о гимназической форме для девочек.

Костюм гимназиста отличал подростка от тех детей, которые не учились или не могли позволить себе учиться. Форма гимназистов была сословным признаком, потому что учились в гимназиях лишь дети дворян, интеллигенции и крупных промышленников. Форму носили не только в гимназии, но и на улице, дома, во время торжеств и праздников. Она была предметом гордости. Во всех учебных заведениях форма была военного фасона: неизменно фуражки, гимнастерки и шинели, которые отличались только

цветом, кантами, пуговицами и эмблемами. Неизменным атрибутом гимназистов был ранец.

А мы продолжаем нашу экскурсию. Кроме перечисленных Молдаванка приютила несколько специальных учебных заведений, являвшихся гордостью всего города:

Внешняя, 74, – духовное четырехклассное училище, называемое «младшим классом Одесской семинарии»;

Градоначальницкая, 3, – общественное еврейское училище Талмуд-Тора;

Старопортофранковская, 16, – железнодорожное училище;

Старопортофранковская, 14, – городское ремесленное училище (ныне автомобильно-дорожный колледж).

Городское ремесленное училище заложено в память 25-летия царствования императора Александра II, строительство: 1892-1896 гг. Открыто 01.10.1892, три основных и один подготовительный класс. Давало среднее общее и специальное образование по положению городских училищ от 1872 г. В училище обучается до 150 учеников. Обучались таким ремеслам: слесарно-механическому, литейному, кузнечному, малярному,

Храм Украинской православной церкви Одесской епархии Одесской семинарии Святых Мефодия и Кирилла (бывшее духовное четырехклассное училище, называемое «младшим классом»)

Старопортофранковская, 16. Железнодорожное училище (старое здание до реконструкции, фото 1900-х гг.)

Железнодорожное училище (современный вид)

Старопортофранковская, 14.
Городское ремесленное училище
(ныне автомобильно-дорожный колледж)

Ул. Старопортофранковская, 14.
Современный вид

Мечникова, 104. Городская народная аудитория

столярному, токарному и другим. Плата за обучение – 20 рублей в год, $^1/_7$ часть учеников освобождается от платы. По тому времени условия обучения ремесленников были идеальны. Кроме оснащенных по последнему слову техники учебных мастерских и кузни там имелись просторные классные комнаты, обширная библиотека, зала, спортивная площадка. В 1914 году в училище было 190 учащихся. 1929 – профшкола «Металл» № 3. 1982 г. – автомеханический техникум. Здание является памятником архитектуры и градостроительства местного значения.

Забота городского управления о народном образовании не исчерпывала только открытие школ и училищ, а шла гораздо дальше. По адресу ул. **Старопортофранковская, 104,** в 1893 году открылась городская народная аудитория. Она обошлась местной казне в солидную сумму 100 тысяч рублей. Здесь находился зрительный зал на 1000 человек. Он использовался для театральных представлений и для чтения лекций. Хорошо оснащенные кабинеты для практических занятий по физике, химии, истории, астрономии. Это здание

Современный вид, кинотеатр «Родина»

пережило реконструкцию для Театра музыкальной комедии в 1940 году. Восстановление и реконструкцию для панорамного кинотеатра «Родина» в 1961-1963 гг. Реконструкцию в 2000-х годах. Сегодня это знание – довольно известный в городе кинотеатр «Родина».

Образованием детей своей паствы занимались приходские церкви предместья:

Алексеевский храм – двухклассное училище

Алексеевская площадь, 19. При Алексеевском храме в 1911 году размещалось Алексеевское церковно-приходское 2-классное училище. В здании также размещался четвертый детский дневной приют того же комитета. Попечителем приюта в 1908 году был Федор Иванович Савченко, а в 1909 становится Николай Яковлевич Гавель. После восстановления храма в 2013 году при нем вновь открылась воскресная школа.

Старопортофранковская, 20, – 2-я женская гимназия. Гимназия с 1893 года перешла на Старопортофранковскую, 20. Здание построено по проекту архитектора Ландесмана. Содержалось на средства города; учениц свыше 400; плата за учение от 50 до 100 рублей в разных классах. До переезда гимназия располагалась в доме Меера

Старопортофранковская, 20.
Вторая женская гимназия

Современный вид

на Елисаветинской, 5. В XX веке назначение здания поменялось. Тут были: профшкола № 1; горхолодильник; хладокомбинат № 2; Укроптмясомолторг. В 1922-1924 гг. в профтехшколе № 1 учился будущий конструктор ракетно-космической техники, академик, дважды Герой Социалистического Труда Сергей Павлович Королев. Здание является памятником истории местного значения.

Старопортофранковская, 26. Мужская гимназия № 2. Архитектор Д.Е. Мазиров, 1884-1886 г. Реконструкция с надстройкой 3-го этажа выполнена в 1934 году архитекторами Н.М. Каневским, Н.С. Бронштейном. До постройки нового здания 2-я гимназия располагалась на Тираспольской, 7. Обучалось около 400 учащихся. Плата за учение: в приготовительном классе 50 р., в остальных 64 р. При гимназии – церковь во имя Св. Николая, построена в 1889 г. частью на средства почетного попечителя гимназии М.Ф. Маврокордато, частью же на другие пожертвова-

Старопортофранковская, 26. Вторая мужская гимназия

Современный вид

ния. Ныне это главный корпус одесского Южноукраинского педагогического университета им. К.Д. Ушинского. В здании учились: в 1901-1907 гг. – ученый, академик, Герой Советского Союза О.Ю. Шмидт; в 1929-1934 гг. – украинский поэт Б.С. Олейник; в 1929-1933 гг. учился и до 1941 года работал украинский поэт, журналист Д.П. Надеин. Принято под охрану государством решением одесского облисполкома № 480 от 15.08 1985 г.; решением одесского облисполкома № 381 от 27.07.1971 г.; приказом Министерства культуры № 728/0/16-08 от 20.06.2008 г.

В советское время Молдаванка приросла лишь двумя учебными заведениями. Это ОЗОШ № 103 – самая многонациональная школа города, и наша славная одесская гимназия №4.

Наша экскурсия подошла к концу. Надеемся, что к нашему особенному району питают нежные чувства не только люди, связанные с ним по рождению и призванию.

Мы точно знаем, что география этого нежного чувства распространяется далеко за пределами Одессы, потому что по-настоящему неповторимым наш город, бесспорно, делает «душа Одессы» – Молдаванка.

Мы смогли рассказать вам только о части учебных заведений нашей Молдаванки. Мы понимаем, что доступ к образованию в те времена существовал не для всех. Фактически это были счастливчики.

Я закрываю глаза… весна… утро… Слышу… стучат каблучки, звук шагов, еще, еще. Это ранним утром спешат на занятия беспечные, счастливые ученики гимназий и училищ… Они молоды… у них впереди вся жизнь. Так было, так есть, так будет!

Удел молодых – это радость полета,
Познание жизни, начало пути,
Учеба, карьера, паденья и взлеты,
Упав, подниматься и снова идти.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Искусство – жизнь – искусство

252 **Феликс Кохрихт**
Десять дней, которые нас…

265 **Ефим Бершин**
«Договор между Богом и мною…»

274 **Линда Стоянова**
В доме Буковецкого

281 **Леонид Авербух**
Одесские музы поэтов

299 **Людмила Азарова**
Капитан своего корабля

306 **Александр Галяс**
Смерть не оборвала песню

316 **Тамара Михайличенко**
«Волна счастья подступает к горлу – сейчас вот начнется урок»

Феликс Кохрихт

Десять дней, которые нас…

Так уж случилось, что название книги американского журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» стало чем-то вроде приглашения к игре, где от участников требуется после слова «которые» определить, чем же та или иная декада в нашей жизни отличалась от других, что яркого и необычного произошло с нами в это промежуток времени. Рид писал о 10 днях октября 1917 года, когда революция в России только начиналась. Отсюда – и потрясения. Но впоследствии этот сакральный смысл изменился, стал чем-то вроде квеста, но при этом события, которые мы оцениваем, должны быть значительными и даже знаковыми.

К таковым, несомненно, относится и Четвертый Международный фестиваль «Odessa Classics», который проходил в нашем городе с 1 по 10 июня. Я бы для начала разговора выделил в этом словосочетании определение «четвертый». И вот почему.

По себе знаю, с каким воодушевлением и отвагой в 2000 году мы запускали в типографию верстку первого альманаха «Дерибасовская – Ришельевская», и какая радость охватила нас после определенного успеха нашего предприятия. Радость, которая повторилась еще раз, а на третий сменилась легкой паникой: «А где же взять деньги на выпуск? Как найти в нашем окружении достойных авторов, согласных отдавать нам свои произведения –

да еще и без гонорара? Будут ли нас читать земляки?». Да еще острые на язык приятели и коллеги…

Мы давно дружим с Алексеем Ботвиновым – уверен, что он испытывал подобные чувства уже после первого фестиваля, но, в отличие от меня, и виду не подавал о своих – нет, не сомнениях (он их никогда не испытывал) – а естественных проблемах и трудностях…

Три фестиваля кряду с программами, уложенными в пять дней, прошли с несомненным успехом, но когда я услышал, что четвертый растянется на 10 дней, то, как говорят японцы, потерял лицо и высказал Алексею следующие опасения. Я уже убедился в том, что президент нашего фестиваля пользуется авторитетом и доверием коллег, входящих в элиту современной классической музыки, и они с удовольствием играют в Одессе, но где найти их столько, чтобы поддержать уровень фестиваля, которого тот уже достиг? Дело даже не в том, что «первачей» мало, – они нарасхват, их гастроли расписаны на годы вперед…

Прошло несколько месяцев, и я получил программу фестиваля, в которой каждый из десяти вечеров обещал встречу с мастерами

Даниель Хоуп и Берлинский камерный оркестр

Себастиан Кнауэр

высокого класса. К тому же, как и на прошлых фестивалях, были запланированы и концерты на разных площадках, на сей раз – новой украинской музыки, мастер-классы, круглые столы.

Еще до начала фестиваля в Музее западного и восточного искусства открылась выставка одного из самых оригинальных и востребованных художников Украины и Европы Виктора Сидоренко, на обсуждение которой в Одессу приехали ведущие киевские специалисты в области современного визуального искусства.

С огромным успехом в основной программе в зале филармонии состоялась презентация уникального проекта, посвященного памяти великого режиссера Андрея Тарковского, с участием его сына Андрея и итальянских музыкантов.

Но вернемся к моим предфестивальным сомнениям. Опасался я и того, что наша публика не сможет целиком заполнить залы оперного театра и филармонии, и вот почему. Ежедневное посещение концертов классической и камерной музыки требует от нас немалых усилий. Во-первых, не всегда можно найти на это

Виктор Сидоренко у своих работ

время, во-вторых, каждый такой контакт с высоким искусством не только сулит наслаждение и нирвану, но требует от слушателей и зрителей внимания и сопереживания сложным, порой трагическим чувствам и мыслям, которыми делятся с нами композиторы и исполнители. И в-третьих, что немаловажно, сегодня далеко не все могут позволить себе приобрести билеты если не на все, то на желанные концерты…

Пишу эти строки, вспоминая заполненные тысячные залы. Ожидания лишнего билета. Приставные стулья а зале филармонии, молодежь – на галерке оперного… Знакомые лица тех, кто уже в третьем поколении приходит сюда со стареющими родителями, взрослеющими детьми и внуками… Ощущаю присутствие и тех, кто здесь во второй или первый раз, – они, случается, аплодируют в паузах между частями сонат…

Уже сложилась аудитория иностранных завсегдатаев фестиваля: немцы, швейцарцы, итальянцы… Образовался пул журналистов – наших и зарубежных, критиков, музыковедов.

Алексей Ботвинов и Бурхан Очал

Из фестиваля в фестиваль архитектоника многодневного действа становится разнообразнее – и по жанрам, и по стилистике. На нынешнем были широко представлены инструментальные ансамбли – от дуэта до квартета, квинтета и камерного оркестра. Преобладала сонатная форма – ею фестиваль открылся и закрылся.

В первый день июня в оперном театре после торжественной церемонии открытия Максим Венгеров и Полина Осетинская играли сочинения Равеля, Сен-Санса, Брамса, задав тон партнерской, полной взаимного уважения игре ярких и виртуозных инструменталистов, каждый из которых – самодостаточная и яркая личность.

Второй день – там же. И вновь дуэт, который знаком нам по проекту «Бах. Перезагрузка». Смелый эксперимент: строгая форма исполнения «Гольдберг-вариаций» европейским классическим музыкантом Алексеем Ботвиновым и импровизационное участие восточного перкуссиониста Бурхана Очала явили новое качество звучания, но, главное, – доказана плодотворность взаимообогащения двух великих культур.

Максим Венгеров и Полина Осетинская

На четвертом фестивале «Перезагрузка…» обогатилась включением в программу «Картинок с выставки», в которых вслед за строгой ритмической порой аскетичности вариаций Баха пришли драматизм и гротеск Модеста Мусоргского.

В последующие дни один за другим вышли на сцену филармонии два камерных состава, представляющие, казалось бы, полярные стили музицирования… В мир ярких и шумных страстей, лихой удали и сентиментальной грусти поместил нас барон венгеро-цыганских скрипачей Роби Лакотош, представляющий шестое или седьмое колено легендарных музыкантов – мастеров чардаша, стилизаций Брамса и народной стихии мадьярских пастухов и цыганских кибиток… Звучали в том концерте и мелодии Пьяццоллы, и Косма, и все это – с кавалерийским драйвом венгерских гусар и под рокот цимбал!..

Иная музыка, философия, иное мироощущение – квартет Дмитрия Ашкенази, объединившего мастеров игры на деревянных духовых – кларнете, гобое, фаготе и примкнувшей к ним валторны.

К гостям присоединился Алексей Ботвинов. Времена Моцарта и его современника Станица – расцвет деревянных духовых, говорящих человеческими голосами, но звучала и музыка постимпрессиониста Пуленка.

Алексей Ботвинов, планируя «сетку» фестиваля, режиссируя его темпоритм, выбрал для финального концерта музыку Сергея Рахманинова, композитора, с которым его жизнь связана особым образом. В 1989 году девятнадцатилетний одессит стал самым молодым победителем Международного рахманиновского конкурса в Москве. И с этого дня началось его становление как инструменталиста и музыкального деятеля мирового класса. Алексей признан одним из лучших исполнителей произведений Рахманинова.

Двумя годами раньше на этом же конкурсе первое место среди виолончелистов занял бразилец Антонио Менезес – ныне мировая звезда. Об этом совпадении они узнали только сейчас – в Одессе. Десятого июня 2018 года лауреаты встретились в Одессе, чтобы сделать музыкальное приношение и своему кумиру – Сергею Рахманинову, и нам – слушателям, собравшимся в зале филармонии. Было исполнено большое элегическое трио Сергея Васильевича Рахманинова «Памяти великого художника», посвященное памяти Петра Ильича Чайковского. Партию скрипки исполнил Майкл Гуттман.

Гимн и реквием. Но все же больше – гимн.

А сейчас – о новациях, о встречах одесской публики с тенденциями в мировой музыке, родившимися на стыке XX и XXI веков. Речь идет о переосмыслении отношения к наследию классической музыки. Сторонники этого течения уверены, что сегодня шедевры великих предшественников кроме непреходящей эстетической составляющей содержат и огромный запас идей, которые при чуткой и бережной интерпретации могут родить новое содержание. На фестивале были реализованы два направления новаторской работы над выдающимися произведениями классиков. Первое успешно реализовали Алексей Ботвинов и Бурхан Очал – об этом мы уже говорили. Сотрудничество музыкантов продолжается. Второе направление основано на создании оригинальных произведений, в которых содержатся и цитаты из ше-

девра, и ассоциации, родившиеся у композитора, взявшегося за многотрудное предприятие – создание диалога с великим предшественником средствами современного арсенала профессиональных приемов и душевных порывов… Нам довелось впервые познакомиться с результатами подобных новаций.

Два знаковых концерта с участием мировых звезд были впервые показаны одесской публике – один за другим. На сцене оперного театра маэстро Даниель Хоуп подарил нам встречу с вечным и непревзойденным сочинением Антонио Вивальди «Времена года». В первом отделении он блистательно, артистично и вдохновенно (стандартные и привычные определения, но более всего уместные этом контексте) исполнил сольную партию скрипки, оставаясь при этом великодушным лидером по отношению к оркестру, который отвечал ему нескрываемым восторгом.

В антракте я встретил в фойе давнего знакомого – книжника и меломана Андрея, и он показал мне диск с символом знаменитой немецкой фирмы «Дойче граммофон». На обложке новенького конверта – Хоуп со скрипкой… «Вивальди?» – спросил я. «Рихтер», – ответил Андрей. И тут я вспомнил, что «DG» недавно признала лучшим диск с за записью концерта, в котором скрипач исполнил сочинение современного композитора Макса Рихтера, – именно его нам предстояло услышать во втором отделении. Андрей поспешил за кулисы – за автографом нашего гостя, а я уже под третий звонок поспешно сообщу следующее. Сегодня ведущие звукозаписывающие фирмы мира возобновили выпуск привычных мне виниловых дисков. Технология – самая современная, смысл в том, чтобы вернуть носителям звучание, приближенное к естественному, а не тому, что обеспечивает «цифра». Такие диски стоят дорого – Андрей получил свой в подарок от немецкого друга.

А теперь – о произведении, которое мы услышали во втором отделении после наслаждения оригиналом – «Временами года» в классическом звучании. Уверен, музыковеды и теоретики уже дали оценку этому сочинению, которое автор назвал «Vivaldi Rekomposted»: в этом словосочетании каждое слово понятно, и секрет возможного успеха определяется в том, чтобы музыка, сочиненная под этаким девизом, соответствовала замыслу

новатора. А именно: перевыпуск Вивальди должен, по возможности, соответствовать если не уровню, то смыслу и стилистике оригинала. За столь мудреной фразой я скрылся из-за того, что подобную музыку в подобном контексте, да еще после гениального оригинала, нужно слушать лично и, желательно, в зале, предпочтительно нашего оперного, в крайнем случае – записанную по новой технологии на виниловый диск. И еще ее обязательно должен исполнять Даниель Хоуп, и он же – управлять камерным оркестром.

Себастиан Кнауэр, один из самых стильных и масштабных пианистов нашего времени, познакомил нас с проектом, которым сейчас занят. Он, как и Ботвинов, Хоуп, – не только солист и мастер ансамблевой игры, но и деятель современного искусства музыки. Земляк и частичный тезка Баха, Себастиан Кнауэр видит в его сочинениях, а главное – идеях, неисчерпаемый депозитарий вечных ценностей, из которого чуткий музыкант и композитор с фантазией могут и должны извлечь темы и поводы для самовыражения. И в этом концерте, прошедшем в филармонии, было две составляющие. В первом отделении Кнауэр сыграл Концерт Баха ре-минор. Он сидел за клавикордами спиной к залу, как это было принято с старину, и управлял Берлинским камерным оркестром кивками головы и, вероятно, взглядами. Под аплодисменты зала мы услышали эталонное звучание одного из шедевров кантора Лейпцигского собора Святого Фомы, Tomaskirche.

Много лет назад мы жили в этом старинном саксонском городе и не раз слушали в соборе раскаты органа, от которого, казалось, только что отошел Бах… На какое-то время зал Одесской филармонии превратился в сводчатое пространство собора.

В антракте перед вторым отделением на сцене произошла перестановка. Появились рояль и инструмент, который не часто услышишь в концерте классической музыки. Виброфон, да еще современный, похожий на пульт управления межпланетным кораблем в голливудских блокбастерах… Он внес свой голос в звучание сочинения, обозначенного в программе как проект «Uberbach». Маэстро Кнауэр перевел это название таким образом: «Над Бахом», но Татьяна полагает, что точнее было бы –

«Возле, у Баха»: так правильнее в переводе с немецкого. Но я позволю себе добавить, что и по смыслу точнее. Все же новаторское сочинение молодого иранского композитора Араша Сафаяна пока еще путешествует по периметру пика Баха, но не воспаряет над ним.

А музыка прозвучала мелодичная, местами трогательная, не побоюсь этого слова – красивая. И этому немало способствовало звучание виброфона, которым управлял Паскаль Шумахер.

После этих концертов, в которых звучали великая классическая музыка и ее современный вариант, мы заспорили, что же это за явление. Ботвинов, Хоуп, Кнауэр и композиторы, условно, новой волны, смело изымающие цитаты из наследия классиков и вплетающие их в свои сочинения, вроде бы полные почтения к гигантам, но и являющиеся поводом для их рестарта… Спорили Евгений и Аня Голубовские, я и Татьяна. Первым делом прозвучала коннотация – постмодернизм, и тут же была отвергнута: все же музыка – не изобразительное искусство и не литература. А что? Решили (на какое-то время), что встретились с новой классикой. Так ли это? Во всяком случае, спор идет, и в нем, уверен, участвуют и специалисты – теоретики-музыковеды и критики… Да и, судя по всему, на пятом одесском фестивале спор будет продолжен на новом материале.

Несомненно, важнейшей составляющей концепции Алексея Ботвинова, которая сделала Четвертый фестиваль особенно значимым для одесситов, стало проведение в его рамках конкурса юных пианистов страны, посвященного памяти выдающегося педагога, профессора Одесской консерватории Серафимы Леонидовны Могилевской. Его победитель, киевлянин Богдан Федюрко, получил право сыграть на концерте опен-эйр на Потемкинской лестнице и с успехом сделал это.

Одним из самых ярких событий фестиваля стало пребывание на нем Захара Брона, о котором написаны книги и диссертации, уникальная личность которого удивительным образом содержит и талант прекрасного инструменталиста, и дар великого учителя. Его воспитанниками на сегодняшний день являются более 120 скрипачей, входящих в мировую элиту. Среди них и звезды нашего фестиваля – Вадим Репин, Максим Венгеров и Даниель Хоуп.

Захар Брон в школе имени. Столярского

Захар Ефимович – создатель новейшей одесской скрипичной школы. В детстве он учился в школе имени Столярского у Артура Зиссермана, а затем, в Москве, – у наших выдающихся земляков Бориса Гольдштейна, Игоря Ойстраха, и был ассистентом у великого Давида Федоровича Ойстраха.

В родной школе высокий гость дал концерт и провел мастер-класс, ставший незабываемым событием в жизни юных скрипачек, одна из которых – Мария-София Дикая, представляющая славную династию одесских музыкантов – Диких и Джамагорцян.

Мне посчастливилось провести с Захаром два дня. Мы однокашники, учились в Столярке в разное время. Оказалось, что любим одни песни, и в перерыве между концертом и мастер-классом исполнили, к изумлению окружающих, куплет из гимна Одессе – песни Тоси из «Белой акации».

Концерт опен-эйр на Потемкинской лестнице.
У рояля победитель конкурса памяти Серафимы Могилевской Богдан Федюрко

К сожалению, маэстро не мог продолжить пребывание в Одессе – он спешил в Японию на международный фестиваль по поводу его 70-летия с участием звездных учеников. Захар Брон проявил серьезную заинтересованность в продолжении традиций скрипичного образования в Одессе и в разговоре с Алексеем Ботвиновым обещал вернуться в наш город и принять активное участие в предметном разговоре на эту тему.

…И в завершение перенесемся на Приморский бульвар, где 8 июня на Потемкинской лестнице – от начальных и до последних из 192 ступенек – расположились одесситы и гости города, чтобы увидеть-услышать концерт в формате опен-эйр, что означает «открытый воздух», «открытое небо». Небо над вечерним морем. Перед его началом Алексей Ботвинов поблагодари всех, кто сделал Четвертый фестиваль – действо длиною в десять дней. Он говорил о помощи, оказанной властными структурами – страны, области, города, о просвещенных меценатах, о зарубежных посольствах, фондах и институциях… Главная благодарность –

артистам, музыкантам со всего мира, доставившим нам столько радости, размышлений, и надежд.

На площадку опен-эйра выходили скрипачи Захар Брон и Майкл Гуттман, виолончелистка Цзин Чакао, Алексей Ботвинов, музыканты Берлинского камерного оркестра. В вечернем небе барражировали дроны. За этим красочным действом наблюдал Дюк, чье изображение на эмблеме фестиваля явно приносит удачу.

Так чем же мы закончим знаковую фразу из старой книги? Ее название – «Десять дней, которые потрясли мир»…

Не скрою, в процессе написания этих заметок родилось немало вариантов. Но, поразмыслив, я все же поменяю в нем всего одно слово:

Десять дней, которые потрясли Одессу.

Ефим Бершин

«Договор между Богом и мною…»

За спиной Семена Липкина стояла история. По крайней мере – история русской литературы. Так мне казалось. Когда мы беседовали на лавочке Дома творчества в Переделкино или позже на его переделкинской же даче, за ним маячили тени Эдуарда Багрицкого, Осипа Мандельштама, Анны Ахматовой, Арсения Тарковского и других выдающихся поэтов страны. Это ощущение не оставляло ни на минуту. От одной мысли, что точно так же, как со мной, он сидел за столом и пил чай с Мандельштамом, дух захватывало. Ведь таким образом и я прикасался к истории.

Судьба Липкина – лишнее доказательство непредсказуемости Божьего промысла. Казалось бы, какая жизнь могла быть уготована сыну бедного одесского портного, родившегося в 1911 году, еще в царской России, в черте оседлости? Последовать по пути отца? Стать портным, сапожником или даже одесским биндюжником? Ведь из-за известной процентной нормы получить серьезное образование было невозможно. Впрочем, впоследствии Семен Израилевич сам с юмором рассказывал о своих первых шагах в творчестве, то есть о попытках вырваться из замкнутого круга, вроде бы уготованного ему рождением и судьбой.

Для начала, как рассказывала его жена поэтесса Инна Лиснянская, мать отвела маленького Сему в ставшую впоследствии знаменитой на весь мир музыкальную школу Петра Столярского. Знаменитой, поскольку великий педагог воспитал великих скрипачей. Если бы Столярский выпустил в мир только Давида Ойстраха и Леонида Когана, этого уже было бы достаточно. Но он дал путевку в музыкальную жизнь десяткам других выдающихся мастеров. Так вот, Столярский немедленно забраковал приведенного к нему Липкина.

– Как же так? – удивилась его мать. – Ведь у Семы такие музыкальные пальцы!

– Пальцы у него музыкальные, – ответствовал Столярский, – но совершенно нет музыкального слуха.

Оказалось, что слух у Липкина был, но слух несколько иного рода – тончайший слух на слово. Еще мальчиком, учеником реального училища, он принес свои первые стихи в одесскую газету «Моряк». Ему указали кабинет, в который нужно обратиться со стихами. Войдя в комнату, он обнаружил огромный стол, на котором возлежал огромный человек. Это был Эдуард Багрицкий.

– Вы ко мне? – поинтересовался человек. – Стихи принесли?

Липкин протянул незнакомцу стихи и получил указание прийти за ответом назавтра. Но не в редакцию, а домой. При этом непременно прихватить с собой банку шпротов.

На другой день Липкин отправился пешком через всю Одессу на Молдаванку. Пешком – потому что на выделенные отцом на трамвай деньги пришлось покупать шпроты. Явившись по указанному адресу, Липкин обнаружил уставшую женщину, которая обреченно махнула рукой в сторону чердака. В ту же минуту из чердачной прорези высунулась кудлатая голова Багрицкого, а за ней – длинная рука.

– Шпроты принес?

– Принес.

– Давай.

Рука выхватила шпроты, а голова исчезла. Больше Багрицкий так и не высунулся. Литературное свидание на этом было закончено.

Впрочем, именно по совету Багрицкого Семен Липкин переехал в Москву. Багрицкий же, переехавший в столицу раньше, на первых порах и приютил у себя юного земляка, ставшего студентом… инженерно-экономического института. То есть чисто одесская убежденность в том, что «ребенок должен иметь твердую профессию», на первых порах возобладала. Хотя и не совсем. Занятия литературой были, конечно, продолжены, и уже в 1929 году в «Новом мире» были опубликованы его первые стихи – всего лишь три строфы. Но это была уже маленькая литературная победа.

Впрочем, с 1931 года его уже перестали печатать. Чем-то стал неугоден. А может быть, и хорошо, что перестали. Именно в это время начала формироваться знаменитая позже «Квадрига», содружество четырех поэтов – Арсения Тарковского, Аркадия Штейнберга, Марии Петровых и Семена Липкина. Так вот: старший из четверки, можно сказать, идеолог «Квадриги» Аркадий Штейнберг работал в ту пору в редакции литературы народов СССР и предложил Липкину попробовать себя в переводах. В результате мы получили гениального переводчика восточных эпосов и поэм. Калмыцкий эпос «Джангар», киргизский «Манас», бурятский «Гэсэр», «Лейла и Меджнун» Алишера Навои, «Шахнаме» Фирдоуси – все это, как и многое другое, перевел Липкин. Им переведено в общей сложности 180 000 строк восточной классики. Около пятидесяти томов переводов! Только за одно это нужно ставить памятники. Но позже, когда во времена так называемой хрущевской «оттепели» Александр Твардовский вернул оригинальные стихи Липкина на страницы «Нового мира», нашлись литературные (и не очень литературные) критики, заклеймившие Семена Израилевича как пропагандиста «байско-феодальных» эпосов. Тем не менее официальную переводческую деятельность Липкин продолжил.

Особенностью Липкина-переводчика было удивительное умение постигать культуру, традиции и язык того народа, с языка которого он переводил. На время работы он просто растворялся в этом народе. Учил языки. Умудрился выучить персидский. Проще говоря, переводя киргизов, он становился киргизом, а переводя калмыков, – калмыком. Позднее эту свою особенность Липкин объяснял тем, что родился и вырос в Одессе – многонациональном и многоконфессиональном «котле», в котором варились десятки национальностей. И совершенно естественно, что язык и культура соседа уже воспринималась как собственная. У Липкина вообще отношение не только к русскому, но и к другим языкам было особенное. Он умел видеть зарождение и развитие языка во времени. Он с восхищением отмечал, что литературный язык может зародиться там, где никто этого не ждет. В этом отношении показательно его стихотворение «Молдавский язык»:

Молдавский язык

Степь шумит, приближаясь к ночлегу,
Загоняя закат за курган,
И тяжелую тащит телегу
Ломовая латынь молдаван.

Слышишь медных глаголов дрожанье?
Это римские речи звучат.
Сотворили-то их каторжане,
А не гордый и грозный сенат.

Отгремел, отблистал Капитолий,
И не стало победных святынь,
Только ветер днестровских раздолий
Ломовую гоняет латынь.

Точно так же блатная музыка,
Со словесной порвав чистотой,
Сочиняется вольно и дико
В стане варваров за Воркутой.

За последнюю ложку баланды,
За окурок от чьих-то щедрот
Представителям каторжной банды
Политический что-то поет.

Он поет, этот новый Овидий,
Гениальный болтун-чародей,
О бессмысленном апартеиде
В резервацьи воров и блядей.

Что мы знаем, поющие в бездне,
О грядущем своем далеке?
Будут изданы речи и песни
На когда-то блатном языке.

Ах, Господь, я прочел твою книгу,
И недаром теперь мне дано
На рассвете доесть мамалыгу
И допить молодое вино.

У Липкина было особое отношение к нациям. Нацию он воспринимал исключительно как культуру. В романе «Декада» Семен Израилевич написал: «Национальное самосознание прекрасно, когда оно самоосознание культуры, и отвратительно, когда оно самоосознание крови». К этому, пожалуй, и добавить нечего. Самосознание нации как сомоосознание культуры – ключ ко всеобщему пониманию, ко всеобщему примирению народов и религий. Липкин это не просто понимал, он с этим родился, этим пронизано его поэтическое творчество. Не случайно он, оставаясь иудеем по вере, неоднократно признавался в своей любви к Христу. О его любви к восточным культурам и восточным богам мы уже говорили. Потому что самым важным для Липкина была именно вера, а не способ ее отправления. Вера – светильник, вера – факел, освещающий путь. И всякая попытка в истории загасить этот светильник неизменно заканчивалась катастрофой, мраком в его буквальном значении.

Мы заплатили дорогой ценой
За острое неверие Вольтера;
Раскатом карманьолы площадной
Заглушены гармония и мера;

Концлагерями, голодом, войной
Вдруг обернулась Марксова химера;
Все гаснет на поверхности земной, –
Не гаснет лишь один светильник: вера.

В светильнике нет масла. Мрак ночной –
Без берегов. И все же купиной
Неопалимой светим и пылаем.

И блещет молния над сатаной,
И Моисея жжет пустынный зной,
И Иисус зовет в Ерушалаим.

Невозможно понять творчество Липкина без понимания его отношения к Богу. Потому что весь его длинный жизненный творческий путь освещен и освящен этим светильником веры, который помог, наверно, выжить в самые сложные годы. Ведь Липкин прошел всю войну, он испытал на себе «Сталинградский котел» и другие кровопролитные сражения. Но поразительно его суждение о великой Победе.

– Как-то Семен Израилевич поспорил со своим другом писателем Василием Гроссманом, еще не успевшим написать свой знаменитый роман «Жизнь и судьба», – вспоминала Инна Лиснянская. – Гроссман стал что-то говорить о важной роли партии и политотделов в победе над гитлеровцами. Реакция Липкина была мгновенной: «Не вижу никакой роли партии в победе. Победил Бог, вселившийся в народ».

Уже после войны, в начале шестидесятых, Семен Липкин написал свою знаменитую военную поэму «Техник-интендант», в которой, кстати, и показал на совершенно частном, простом случае, как на войне жили простые люди, в которых вселился Бог. Анна Ахматова причислила поэму к лучшим русским стихам на военную тему. Но, на мой взгляд, абсолютным поэтическим шедевром, созданным Липкиным по следам войны, является его стихотворение «Моисей»:

Тропою концентрационной,
Где ночь бессонна, как тюрьма,
Трубой канализационной,
Среди помоев и дерьма,

По всем немецким и советским,
И польским, и иным путям,
По всем печам, по всем мертвецким,
По всем страстям, по всем смертям –

Я шел. И грозен, и духовен
Впервые Бог открылся мне,
Пылая пламенем газовен
В неопалимой купине.

Увидеть в пламени газовен концентрационных лагерей неопалимую купину дано было не каждому. Горящий куст, когда-то принесший человечеству Скрижали, но ставший средством истребления людей, – страшное предупреждение тому же человечеству. И Липкин это понял. Потому что знал, что Бог – не добрый и злой. Он – Бог. А злыми бывают люди, нарушившие Завет. Поэтому Липкин не жаловался Богу, не роптал, подобно Иову. Он просто широко раскрытыми глазами смотрел на страшную действительность войны и не плакал. Потому что «плакать нельзя».

Военная песня

Что ты заводишь песню военну.
Державин

Серое небо. Травы сырые.
В яме икона панны Марии.
Враг отступает. Мы победили.
Думать не надо. Плакать нельзя.
Мертвый ягненок. Мертвые хаты.
Между развалин – наши солдаты.
В лагере пусто. Печи остыли.
Думать не надо. Плакать нельзя.

Страшно, ей-богу, там, за фольварком.
Хлопцы, разлейте старку по чаркам,
Скоро в дорогу. Скоро награда.
А до парада плакать нельзя.
Черные печи да мыловарни.
Здесь потрудились прусские парни.
Где эти парни? Думать не надо.
Мы победили. Плакать нельзя.

В полураскрытом чреве вагона –
Детское тельце. Круг патефона.
Видимо, ветер вертит пластинку.
Слушать нет силы. Плакать нельзя.
В лагере смерти печи остыли.
Крутится песня. Мы победили.
Мама, закутай дочку в простынку.
Пой, балалайка, плакать нельзя.

Война – это, конечно, особая тема для Липкина. Но у него ведь и в мирные годы продолжалась война. Другая, но – война. Ее апогеем, пожалуй, уже в пожилые годы стала история с подцензурным альманахом «Метрополь», куда он, как и многие другие писатели того времени, передал свои стихи. После выхода альманаха началась травля в советской прессе. Хотя, честно говоря, ничего особо крамольного в альманахе не было. Просто чисто стилистически он очень отличался от официальных публикаций того периода. Впрочем, стилистика – это очень много. Это, может быть, самое важное. Не случайно на суде Андрей Синявский заявил, что у него с советской властью именно стилистические разногласия. Такие разногласия были и у Липкина, который вместе со своей женой Инной Лиснянской вышел из Союза писателей СССР в знак протеста против исключения оттуда молодых писателей Виктора Ерофеева и Евгения Попова.

Опять начались трудные годы. И Липкина, и Лиснянскую перестали публиковать. С жильем тоже были проблемы. И это у человека, награжденного медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и четырежды (!) орденами «Знак Почета». Но в этот период его активно начали печатать в других странах. В 1981 году Иосиф Бродский составил для издания в Америке книгу Липкина «Воля» и добавил: «Повезло мне». А говоря о военных стихах Семена Израилевича, Бродский сказал буквально следующее: «Такое впечатление, что он один за всех – за всю нашу изящную словесность – высказался».

Но, как написал когда-то Александр Кушнер, «времена не выбирают – в них живут и умирают». Времена изменились, и долгожитель Липкин опять стал востребован. Его стихам и прозе были

рады любые издания. Его стали награждать, любить и лелеять. Но он оставался, как всегда, невозмутим, верен себе, своим мыслям, своим представлениям о мире и людях. И – своей работе. Незадолго до смерти, когда ему было за девяносто, он успел закончить гигантский труд – переложение эпоса «Гильгамеш».

А 31 марта 2003 года почти девяностодвухлетний Липкин вышел погулять по двору переделкинской дачи. Он уже давно сам никуда не ходил. Тем более – когда снег и лед. А тут тайком оделся и незаметно вышел на улицу. Дошел до калитки, вдохнул еще морозного воздуха, огляделся по сторонам и упал замертво.

После войны, в 1946 году он написал:

Если в воздухе пахло землею
Или рвался снаряд в вышине,
Договор между Богом и мною
Открывался мне в дымном огне.

31 марта 2003 года срок договора закончился. Но не закончился Липкин. Не закончились его стихи. 27 апреля нынешнего года в Одессе на Пушкинской улице открывали мемориальную доску Семену Израилевичу Липкину. В суете открытия среди множества народу и под аккомпанемент речей я поначалу плохо отдавал себе отчет в том, что происходит. Но, придя на Пушкинскую на следующий день и увидев его портрет на стене, в очередной раз поразился причудливости судеб. Из мрамора на меня глядел тот самый Липкин, с которым мы разговаривали, пили чай и даже пару раз вместе выступали. Поверить в это уже невозможно. Можно только догадаться, что так уходят в вечность поэты.

Линда Стоянова

В доме Буковецкого

Выставка картин южнорусских художников и их последователей из частных собраний в доме Буковецкого на Княжеской, 27

Более века назад дом Буковецкого гостеприимно распахивал свои двери для творческой интеллигенции нашего города, и сегодня благодаря энтузиазму его новых владельцев, которые подарили этому пространству еще одну жизнь, мы имеем возможность погрузиться в атмосферу воссозданного заново интерьера, сохранившего дух того времени, когда дом являлся одним из культурных центров дореволюционной Одессы. Столетие тому эти стены украшали полотна как великих мастеров из собрания художника Буковецкого, так и картины его современников, друзей и учителей. Сегодня же пространство дома предоставлено под экспозицию работ лучших живописцев Одессы конца XIX – начала XX века.

За три десятилетия своей деятельности в Товариществе южнорусских художников состояло 87 действительных членов, а в выставках и культурных акциях объединения принимало участие более 280 мастеров живописи и графики. Товариществом было организовано больше сотни выставок (включая годовые, передвижные, благотворительные). Члены объединения участвовали в выставках ТПХВ, всероссийских (Нижний Новгород, 1896 г.), международных (Всемирная выставка в Париже, 1900 г.) и др.

В Одессу на выставки ТЮРХ привозили свои работы известные художники Москвы, Петербурга, Варшавы, Риги, Киева, Полтавы. В разное время на вернисажах этого художественного объединения можно было увидеть работы В.А. Серова, И.И. Левитана, Н.И. Мурашко, Н.К. Пимоненко, В.В. Кандинского и многих других прославленных живописцев. Товарищество играло значитель-

ную роль в общественно-культурной жизни Одессы. Многие его члены состояли в Одесском обществе изящных искусств, были преподавателями состоявшей при этом обществе Рисовальной школы (с 1900 г. – Одесское художественное училище). ТЮРХ участвовало в создании Городского музея изящных искусств (ныне Одесский художественный музей).

В 1898 году по инициативе ТЮРХ создано Одесское литературно-художественное общество (1898-1904). Товарищество просуществовало до 1922 года. В этом же году на его базе было основано художественное объединение – Общество имени К.К. Костанди, возглавлявшего ТЮРХ с 1902 по 1921 год. Творчество большинства южнорусских мастеров отличают тонкие изысканные цветовые решения, камерность и лиризм, а наибольшей популярностью из всех жанров остается пленэрный пейзаж.

Знаковым произведением на выставке, бесспорно, является картина Петра Нилуса, на которой изображены двое его друзей – Евгений Буковецкий и Николай Лепетич, в интерьере гостиной дома. Такого плана небольшие по формату жанровые, тщательно прописанные под влиянием передвижничества работы, немалое количество которых хранится в собрании Одесского художественного музея, принесли художнику огромную популярность и известность в 1890-х годах. Данное произведение относится к самому началу переходного периода творчества художника от передвижнического реализма к романтическому импрессионизму и, несмотря на сдержанность колорита, поражает богатством тончайших живописных нюансов, построенном на контрасте белого и черного цветов. Композиционное решение определено таким образом, чтобы наиболее глубоко передать характер персонажей, с которыми Петр Нилус состоял в самой тесной дружбе. Известны как минимум две фотографии, на которых Нилус, Лепетич и Буковецкий изображены втроем. С особой теплотой художник относился к Николаю Лепетичу, стоящему на заднем плане картины за Евгением Буковецким, с которым Нилус был знаком с начала девяностых годов XIX века. Судьба художника-акварелиста, литератора и графика Лепетича сложилась трагично – он умер от голода в заброшенном отцовском доме в 1922 году. Центром композиции

является молодая женщина, сидящая за столом в черном платье. Ее личность остается загадкой и весомым поводом для дальнейших исследований. Художник В.М. Синицкий, зять К.К. Костанди, в собрании которого находилась работа, перейдя его семье по наследству от Кириака Константиновича, рассказывал о ее сюжете следующее: два товарища пришли в дом к вдове их покойного друга-художника принести ей свои соболезнования. И правда, такое чувство, что в воздухе повисло молчание, а темная одежда и белые хризантемы на столе еще более подчеркивают тихую грусть, которая так и исходит от картины. Однако мне гораздо ближе другая версия: за столом изображена первая супруга Буковецкого Вера Прокудина – ведь действие происходит в гостиной дома самого Евгения Иосифовича. Сохранилась фотография, сделанная перед войной, где Евгений Буковецкий, уже в почтенном возрасте, беседует с художником Муцельмахером на фоне того же самого панно на стене, которое хранится сейчас в одном из музеев Украины. Излюбленной темой в творчестве Петра Нилуса того периода была тема свиданий, в различных вариантах сюжет сводился к одной и той же идее – показу зарождающихся отношений. Не потому ли так близко, практически касаясь подола платья девушки, расположен носок начищенной до блеска туфли Буковецкого?

Работы Александра Стилианди, бессменного секретаря Товарищества южнорусских художников с 1910 года и до момента конца его существования, особо выделяются по своему стилю и тональности цветовых гамм. В его картинах часто доминируют те три цвета, о которых в своем творчестве говорил Леон Бакст: «На печальный зеленый я кладу синий, полный отчаяния… Есть красные тона торжественные и красные, которые убивают… Художник, умеющий извлекать пользу из этих свойств, подобен дирижеру…».

Красный у Стилианди всегда торжественен. На женском портрете, выполненном в технике пастели, гроздь красных ягод в зеленой ленте на голове девушки, одетой в зеленое платье и изображенной на зеленом фоне, вносит в образ юной натурщицы мажорный аккорд яркого и чистого звучания в общей минорной тональности исполнения композиции.

ТЮРХ на пикнике. 1914 год

Значительная часть экспозиции выставки отведена под портретный жанр, и это максимально приближает зрителя к той эпохе, в которой жили и работали художники, дает возможность ощутить дух того времени через характеры и образы портретируемых. Люди разных сословий, возрастов, каждый со своей судьбой и историей, иногда трагичной, нелегкой, порою счастливо сложившейся, изображенные в предреволюционные годы и после, наполняют своей энергетикой пространство выставочного зала.

Играющий на фортепиано мальчик В. Крихацкого; погруженная в свои мысли девушка Т. Дворникова; художник в ожидании музы Б. Эгиза; цветущая и молодая жена К. Костанди; акварельный портрет художника Стилиануди его же кисти; художник Порубаев, изображенный в карандашном рисунке В. Синицкого; грузчики, несущие мешки соли в районе Пересыпи, Г. Ладыженского – все они продолжают вести свою жизнь даже спустя столетие.

Натурщики Владимира Синицкого, написанные во времена учебы в Художественном училище Одесского общества изящных искусств в 1914-15 годах, – простые люди, все с печатью нелегкой судьбы, в чертах их лиц читается усталость – ведь не от хорошей жизни идут позировать в натурный класс. Один лишь погрудный написанный сангиной портрет Лелички, как ласково называл свою супругу Елену Кириаковну Костанди художник, излучает гармонию и умиротворение. Леля, будучи уже в преклонном возрасте, изображена на фоне гипсового бюста девочки, автором которой является известный скульптор Иосиф Мормонэ (1875, Неаполь – 1925, в эмиграции в Италии), автор скульптур львов на Старосенной площади в Одессе. Мормонэ был дружен с семьей Костанди и даже помогал поступить в художественную школу одной из дочерей Кириака Константиновича – Любови Кириаковне, делавшей успехи в лепке.

Исходит свет и от портретов двух молодых людей работы Всеволода Цымпакова – Владимира Синицкого 1916 года и Елены Костанди-Синицкой, исполненного в 1926 году. Друг Синицкого и семьи Костанди, талантливый портретист Цымпаков, в 1915 году поступает в Художественное училище, где в течение одного года выполняет пятилетнюю учебную программу. В 1917-1921 годах учится в Свободных художественных мастерских у Т. Дворникова и К. Костанди, а в 1927 году оканчивает ОХИ, занимаясь в мастерской П. Волокидина. В память о муже вдова Костанди приютила и подкармливала трех его учеников: В. Синицкого, В. Цымпакова и Г. Машталера. В период оккупации Цымпаков находился в Одессе вместе с В.М. Синицким и получил 15 лет лагерей. Другу его юности этой участи избежать удалось.

Из редко встречающихся произведений следует отметить работу Александра Аввакумовича Куренного (1865, Екатеринославская губерния – 1944, Москва) под условным названием «Арабский пейзаж». А.А. Куренной учился в Киевской рисовальной школе Н.И. Мурашко и у Н.Н. Ге в его мастерской в Черниговской губернии (конец 1880-х). В качестве помощника В.М. Васнецова участвовал в росписи Владимирского собора в Киеве, был помощником М.А. Врубеля в росписи Кирилловской церкви

в Киеве. Принимал участие в выставках Товарищества южнорусских художников, был членом ТЮРХ и Общества художников им. И.Е. Репина.

Поражает своей таинственной энергетикой и мастерством картина «В саду» еще одного талантливого и самобытного живописца – Николая Александровича Купина, вынужденного всю жизнь трудиться в качестве банковского служащего, при этом все свое свободное время отдававшего главной страсти своей жизни – занятиям живописью в частных художественных мастерских и работе на пленэре. В 1919 году Николай Купин принимается в члены ТЮРХ, а с 1925 года становится членом Художественного общества им. К.К. Костанди. Дата смерти Купина точно не установлена, известно лишь, что последняя выставка с его участием «Salonul Oficial» проходила в 1942 году. Портреты Н.А. Купина были написаны П.Г. Волокидиным и К.К. Костанди.

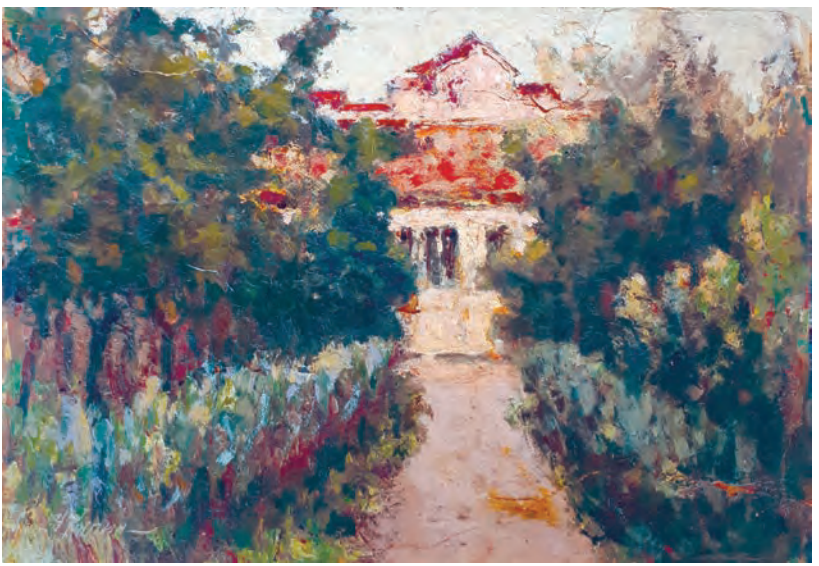
Эти картины, как и две превосходные по своему исполнению акварельные миниатюры «Полдень» и «Одесский берег» 1902 года кисти Ю.М. Дмитренко, были приобретены незадолго до подготовки к выставке. Архитектор Юрий Мелентьевич Дмитренко, экспонент выставок ТЮРХ, родился 11 марта 1858 года в Одессе. Начальное образование получил в гимназии, после которой окончил Рисовальную школу Общества изящных искусств, где его одноклассниками в мастерских скульптора Л. Иорини и академика-живописца А. Бауэра были будущие известные мастера – архитектор Ф. Нестурх, скульпторы Б. Эдуардс и М. Молинари, художник К. Костанди. С 1880 года, еще не окончив обучение, Ю. Дмитренко получил должность помощника А.И. Бернардацци. В 1883 году стал преподавать в Одесской рисовальной школе, а в 1885 году получил звание классного художника первой степени, окончив Петербургскую Академию художеств.

Нашей основной целью является возродить традиции дома на Княжеской, 27, напомнить, что южнорусская школа живописи легла прочным фундаментом в художественную жизнь и историю развития изобразительного искусства Одессы, продолжая жить в творчестве учеников и последователей художников – членов

ТЮРХ. Именно поэтому в экспозицию выставки вошли работы не только самих южнорусских мастеров, но и наиболее близких к ним в своем творчестве продолжателей традиций одесской живописной школы, зародившейся в конце XIX века благодаря таким мастерам, как Костанди, Ладыженский, Нилус, Дворников, Стилиануди, Буковецкий, Головков, Заузе, Эгиз, Кузнецов и др. Их школу на протяжении всей своей творческой жизни пронесли в своих произведениях Шовкуненко, Синицкий, Цымпаков, Шелюто, Герус, Ольшанецкий, Божий, Кордонский, Гавдзинский, Ломыкин. На выставке представлены архивные документы, личные вещи, фотографии, печатные издания, каталоги, восемьдесят произведений живописи и графики действительных членов и экспонентов выставок ТЮРХ, членов Художественного общества им. К.К. Костанди, а также их преемников, продолживших традиции южнорусского импрессионизма.

П.А. Нилус. В доме Буковецкого
Холст, картон, масло, 50×41 см

К.К. Костанди. Портрет Александра Стилианди. Бумага, тушь, 20×17 см, 1890-1891 гг.



Н.А. Купин. В саду. Картон, масло, 18×27 см

К.К. Костанди. Старухи. Картон, масло, 24×31 см. 1890-е годы

А.Н. Стилиануди. Пейзаж с домами
Бумага, масло, 17×25 см

Все шесть работ, которые мы репродуцируем на этой вкладке, хранятся в частных коллекциях нашего города

Б.И. Эгиз. В ожидании музы.
Холст, масло, 44×35 см

Леонид Авербух

Одесские музы поэтов

А.А. Блок и К.М. Садовская

Свою первую любовь юному Александру Блоку довелось пережить летом 1897 года. Это было всепоглощающее, сильнейшее чувство, страсть, захватившая все существо молодого поэта, подарившая ему ярчайшее поэтическое вдохновение. В результате этого чувства родились чудесные стихи о любви. Вот одно из стихотворений, датированное 14 декабря 1898:

К. М. С.

Луна проснулась. Город шумный
Гремит вдали и льет огни,
Здесь все так тихо, там безумно,
Там все звенит, – а мы одни…
Но если б пламень этой встречи
Был пламень вечный и святой,
Не так лились бы наши речи,
Не так звучал бы голос твой!..
Ужель живут еще страданья,
И счастье может унести?
В час равнодушного свиданья
Мы вспомним грустное прости…

Это мощное чувство настигло Блока летом, на германском курорте Бад-Наугейм, близ Франкфурта, где он отдыхал с матерью

и теткой. Блоку – семнадцатый, его возлюбленной – тридцать семь. В ту пору своей жизни она была женой и матерью семейства, богатая, изнеженная. Красавица. Ее «очи синие бездонные» сразили мальчика наповал. Ксения Михайловна Садовская, до замужества Островская, родилась в 1859 году в семье мелкого акцизного чиновника в Херсонской губернии. Семья едва сводила концы с концами: долги, унижающая нужда. Тем не менее Ксения получила вполне приличное образование – в частной женской Мариинской гимназии в Одессе, потом – в Москве и Петербурге. Готовилась к сценической карьере – у нее обнаружился хороший голос, но внезапная болезнь горла помешала ей окончить консерваторию. И девушка из обедневшей семьи вынуждена была пойти на службу в Статистический комитет, чтобы самой зарабатывать на жизнь. На одном из спектаклей в Мариинском театре встретила своего будущего мужа, весьма обеспеченного человека. Он занимал должность товарища (заместителя) министра и имел классный чин статского советника. Она, не раздумывая, приняла его предложение: нищета надоела.

На первоклассный курорт в Южную Германию, знаменитый своими лечебными водами, неоднократно посещаемый российской царской семьей, действительная статская советница приехала с детьми, чтобы поправить здоровье после третьих, не очень простых родов. По другим источникам, в оздоровлении нуждался и ее малолетний сын. Тетушка Блока, писательница Мария Андреевна Бекетова вспоминала: «Она первая заговорила со скромным мальчиком, который не смел поднять на нее глаз, но сразу был охвачен любовью. Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика». Не рассмотрев толком даму, а только услышав ее чарующий голос, Александр по уши влюбился. Она хорошо знала себе цену, опытная светская дама, кокетка и говорунья, в облаке золотых пышных волос, в тени неизменных широкополых шляп с перьями и омуте огромных глаз, подведенных томными «сердечными тенями»!.. На самом деле, наверное, дело обстояло так и… не совсем так. Юноша был горяч, ухаживал неумело, возможно, докучал: каждое утро приносил розы, молча сопровождал даму, прячась в кустах, вздыхал и пытался поймать ее взгляд. Ксения Михайловна пыталась превратить эту докуку

в шутку – то приказывала ему быть смелее, то запрещала являться на глаза, то била зонтиком по руке, то возвращала цветы и высмеивала его. Но в какой-то момент увлеклась. Словом, шепот пылкого юноши во время одиноких катаний на лодке подействовал… Она оставила его на ночь.

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок…

И еще:

В такую ночь успел узнать я
При звуках ночи и весны
Прекрасной женщины объятья
В лучах безжизненной луны.

Садовская была на год старше матери своего возлюбленного…

А маменька встревожилась не на шутку. Гранд-дама (без иронии) Александра Андреевна Бекетова – Блок – Кублицкая-Пиоттух (в первом браке – жена профессора Варшавского университета А.Л. Блока, во втором гвардейского полковника, вскоре ставшего генералом, дочь ректора Санкт-Петербургского университета), как свидетельствуют источники, нанесла утренний визит любовнице сына, кричала, хваталась за сердце, угрожала «гнусной совратительнице молодого дарования» серной кислотой и даже каторгой. Садовская улыбнулась и молча открыла перед истеричной женщиной дверь… Александра Андреевна писала домой (не без ехидства): «Сашура у нас тут ухаживал с великим успехом, пленил барыню, мать троих детей… Смешно смотреть на Сашуру в этой роли. Не знаю, будет ли толк из этого ухаживания для Сашуры в смысле его взрослости, и станет ли он после этого больше похож на молодого человека. Едва ли». А сыну она цинично заявила: «Куда деться, Сашурочка, возрастная физика, и, может, так оно и лучше, чем публичный дом, где безобразия и болезни?». Биографы между тем уверенно отмечают, что разовый

опыт посещения подобного учреждения у юноши уже был. Можно понять эмоции матери, которая, не ведая, что Александр еще год назад познал интимную близость с женщиной (за деньги), незадолго до встречи с Садовской сделала запись в дневнике: «Сашура росту очень большого, но дитя, и женщинами не интересуется». Вскоре отрока увезли в Шахматово – имение Бекетовых, а потом в Петербург. Он, конечно, побежал к Садовской прощаться. И подарил ей полуувядшую розу.

Как всегда в подобных случаях, очерки биографов Блока изобилуют противоречиями, а то и небрежностью, касающимися фактов, описаний внешности героев и дат (читатель увидит их в цитируемых материалах. – **Л. А.**). Авторы этих текстов дискутируют между собой, критикуют друг друга… Некоторые из них, как гневно и, пожалуй, преувеличенно сетует С. Макаренко, «…навечно и язвительно пригвоздили пылкие и неловкие мечтания юности к позорному столбу насмешки, а уцелевшие письма объявили беллетризованным образчиком искусственно выдуманных чувств». Другие просто опускают в своих «исследованиях» эту ярчайшую страницу (или главу?) достаточно короткой (всего-то 40 лет!) жизни великого поэта. Даже «вездесущий и всеведущий» Д.Л. Быков в своей более чем часовой лекции о Блоке и Менделеевой ни словом не упоминает К. М. С. Для меня основными источниками послужили серьезные литературоведческие работы, прежде всего – двухтомник В.Н. Орлова «Гамаюн. Жизнь Александра Блока» и книга А.М. Туркова «Александр Блок» в серии «ЖЗЛ». Предпочтительным мне также представляется обращение к сохранившемуся обширному поэтическому и эпистолярному наследию Блока, и пусть

субъективным, воспоминаниям близкого человека и непосредственного свидетеля событий – тетушки поэта. Именно с этих позиций импонирует мне опубликованный сравнительно недавно, в 2004 г., очерк упомянутой Светланы Макаренко (Семипалатинск). Мария Андреевна Бекетова, в частности, пишет: «1897 год памятен нашей семье и знаменателен для поэта. Ему было шестнадцать с половиною лет, когда он с матерью и со мною отправился в Бад-Наугейм. Сестре был предписан курс лечения ваннами от обострившейся болезни сердца. Путешествие по Германии заинтересовало Блока. Наугейм ему понравился. Он был весел, смешил нас с сестрой шалостями и остротами, но скоро его равновесие было нарушено многознаменательной встречей с красивой и обаятельной женщиной. Все стихи, означенные буквами «К. М. С.», посвящаются этой первой любви. Это была высокая, статная, темноволосая (?) дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка, и ее красота, щегольские туалеты и смелое, завлекательное

Блок в юности

А.А. Блок 1910-е годы

кокетство сильно действовали на юношеское воображение. В ту пору он был очень хорош собой уже не детской, а юношеской красотой. Об его наружности того времени дают приблизительное понятие его портреты в костюме Гамлета, снятые в Боблове, имении Менделеевых, год спустя. Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил ее восторженной, идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти. Они виделись ежедневно. Встав рано, Блок бежал покупать ей розы, брать для нее билет на ванну. Они гуляли, катались на лодке. Все это длилось не больше месяца. Она уехала в Петербург, где они встретились снова после большого перерыва».

А вот строки из дневника той же Марии Андреевны: «26 июня ‹1897›. Бад-Наугейм. Здесь было много тяжких часов и дней. На мне была новая громадная ответственность: Аля (мать Блока. – **Л. А.**) с плохим немецким языком, с моими силами и с ее болезнью. Потом началось дело с Сашурой. Сначала он просто скучал, ныл и капризничал, и мучил свою маму и меня. Но потом мы познакомились с Садовской, и началась новая игра и новые муки. Он ухаживал впервые, пропадал, бросал нас, был неумолим и эгоистичен, она помыкала им, кокетничала, вела себя дрянно, бездушно и недостойно. Мы боялись за его здоровье и за его сердечко. Тут подошло новое теченье: знакомство с А.И. Сент-Илер… Мы жаловались ей на Садовскую, она нам сочувствовала, побранила как-то Садовскую; та обиделась, разозлилась. Стала допытываться у Сашуры, что про нее говорят. Сашура сдуру свалил все на m-me Сент-Илер. Вышли сплетни, гадости, дрязги…». Дальше и проявляется то, что я назвал субъективной позицией огорченной тетуш-

ки, и не подтверждается последующим ходом событий: «Кончилось все, однако, тем, что Аля все узнала от скрывавшего Сашуры, и оказалось, что любви у него никакой нет, и она-то завлекала его, на все сама была готова; только его чистота и неопытность спасли его от связи с замужней, плохой, да еще и несвежей женщиной. Теперь Аля с ним проводит весь день; он, как дитя, требует развлечений и забав; Аля и забавляет его; дни идут. Та злится, не уезжает, но, Бог даст, все скоро кончится ничем, и мы останемся одни. Худшее, что будет, – это ссора с ней. Но не все ли равно? Главное же, чтобы он остался цел и не был против матери. Отношения его с Алей были одно время ужасны, пока та все у него выпытывала, закабаляла его и брала с него слово, что он будет молчать. Он, наконец, не выдержал этого, сказал, что попал в скверное положение, что сам готов бы отвязаться. Тут-то все и пошло в другую сторону…».

А в итоге она сдержанно констатирует: «Но вот начало Сашуриного юношества. Первая победа, первые волненья. Тут была и доля поэзии. Она хороша. Он дарил ей цветы. Она ему пела…». Садовская уехала в Петербург. Сашу увезли в бекетовское имение Шахматово, а затем семья также возвратилась в свою петербургскую квартиру.

Вот уцелевшие строки из самого первого письма Блока Садовской, отправленного еще раньше из Шахматова, от 13 июля 1897 года: «Ухожу от всех и думаю о том, как бы побыстрее попасть в Петербург, ни на что не обращаю внимания и вспоминаю о тех блаженных минутах, которые я провел с Тобой, мое Божество». В других многостраничных письмах он сравнивал Садовскую с «розой юга, уста которой исполнены тайны, глаза – полны загадочного блеска, как у сфинкса, который мгновенным порывом страсти отнимет всю душу у человека, с которым он не может бороться, который жжет его своими ласками, потом обдает холодом, а разгадать его не может никто…». Он преувеличивал, разумеется, романтичный юноша, но что-то уже сумел разглядеть вещим всегда взрослым взором истинного поэта. Что-то было настоящее в ней, непритворное, трагическое. Из чего позже, как пишут биографы, «…возникнет драма ее собственного покинутого, остывшего, растерзанного сердца»:

Страшную жизнь забудем, подруга,
Грудь твою страстно колышет любовь.
О, успокойся в объятиях друга,
Страсть разжигает холодную кровь.
Наши уста в поцелуях сольются,
Буду дышать поцелуем твоим.
Боже, как скоро часы пронесутся…
Боже, какою я страстью томим!..

По большинству свидетельств, они увиделись лишь восемь месяцев спустя после возвращения Садовской в столицу. Что мешало их более раннему свиданию и что стояло за словами «страшная жизнь» для поэта, гадать бесполезно. Были ли это продолжающиеся истерики матери, или украдкой прочтенные чужими глазами письма и дневники, язвительные насмешки и уколы, мелочное тиранство и угрозы, обычная убивающая поэзию души рутина жизни – неизвестно. До 1900-го года включительно Блок не прерывал связи с К.М. Садовской. Подробности и фазы этого романа можно проследить по многим стихам, напечатанным в собрании стихотворений Блока и в томиках, не изданных и не вошедших в собрание. Они по большей части обозначены инициалами «К. М. С.». А вот строки адресованной ей записки от 10 марта 1898 года: «Если бы Ты, дорогая моя, знала, как я стремился все время увидеть Тебя, Ты бы не стала упрекать меня… Меня удерживало все время все-таки чувство благоразумия, которое, Ты знаешь, с некоторых пор слишком развито во мне, и простирается даже на те случаи, когда оно совсем некстати». В этих и других строках Блок обращается к ней, как ко всем своим последующим возлюбленным, как к Прекрасной Даме – на «Ты» и с большой буквы. (Все петербургские «незнакомки» Блока, мимолетные девушки для плотских утех долго будут «дышать духами и туманами» и внешне напоминать ту первую – синевой глаз, страусовыми перьями, флером вуали, загадкой… – **Л. А.**)

Далее – строки из письма Блока К.М. Садовской в Петербурге, 1898 г.: «Чем больше я вижу Тебя, Оксана (он часто называл ее именно так – Оксаной, «хохлушкой»: «Твои, хохлушка, поцелуи, Твои гортанные слова». – **Л. А.**), тем больше во мне пробуждается

то чувство, которое объяснить одним словом нельзя: в нем есть и радость, и грусть, а больше всего горячей, искренней любви, и любовь эта не имеет границ и, мне кажется, никогда не кончится. Чувство это бурно и не дает мне совсем покоя, я имею потребность видеть Тебя как можно чаще, любоваться Тобой и хоть на минуту утишить ту страшную бурю, которая все время бушует у меня в душе; и мне хочется, чтобы Ты, безмятежный ангел, обвеяла меня своими крылами и разрушила сомненья моей больной души, которая стремится к Тебе только и не находит выхода. Ты скажешь, откуда взялись эти порывы у такого холодного, безнадежного эгоиста, который заботится только о себе?! Неужели же я не знаю, что я действительно эгоист, и сознание этого часто мучает меня… Я не могу ждать дольше пятницы нового свидания: если только можешь, то приходи в четверг, я буду ждать Тебя во 2-й линии против дома; мне нужно только видеть Тебя и знать, что Ты со мной; а в пятницу прийти я не могу, меня заставляют исповедоваться именно вечером. Странное совпадение! Приходи в четверг, ради бога, моя душа только к Тебе стремится, только Тебя и жаждет. Может быть, Твое письмо поможет мне избавиться от эгоизма, и этим Ты спасешь меня от большого горя в жизни; а если Ты думаешь, что экзамены и пр. будут страдать от этого, то знай, что мне, прежде всего, нужна жизнь, а жизнь для всякого человека самое главное, потому я и стремлюсь к Тебе и беру от Тебя все источники жизни, света и тепла. Не знаю, может быть, это свойственно моей молодости, но на меня благотворно и живительно действует эта роскошно распускающаяся весна и наполняет все мое существо, особенно когда Ты со мной, а мне кажется часто, что Ты близко от меня, и я думаю,

Не здесь ли Ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?
И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг…

А.А. Бекетова, мать Блока, в юности

У меня в сердце постоянно звучат эти чудные строки. А мысль о Тебе действует на меня как музыка: то душа полна грусти, то внезапно замрет от бурного веселья, то жадно стремится к свету. Не правда ли, что это любовь? Будешь ли Ты еще сомневаться? Я жду теперь Твоих писем, как неземного счастья… Жду Тебя, приходи».

Было все. И даже – еще один визит взвинченной от раскрывшейся тайны затянувшегося безумия maman к госпоже Садовской. В этот раз «королева-мать» оставила высокомерный грозящий тон и уже просто умоляла «обольстительницу-сирену» быть благоразумной и отстранить от себя окончательно потерявшего голову юношу. Как пытается понять А. Турков: «Вся ее любовь сосредоточивается на сыне. «Образ матери склоненной» – благодарное воспоминание, вынесенное Блоком из детских лет. В раннем детстве он был с нею особенно ласков, позже она стала не только его наставником в чтении, но и поверенным его тайн, первым ценителем его стихов, внимательным и чутким советчиком. Один из ближайших друзей Блока, Е.П. Иванов, писал впоследствии, что в Александре Андреевне «была ночь с мраком смертным, черным, как тень, поглощающая свет дня… Эта мрачная ночь была один из двойников в душе матери».

Эти ее настроения никак не могут быть целиком объяснены ни ее болезненной нервностью и страстью противоречить окружающим, ни несчастливо сложившейся личной жизнью. И сама Александра Андреевна впоследствии, пережив сына, склонна

была принять на себя самые страшные вины. «Я безмерно и непоправимо виновата перед Сашей…» – говорится в одном ее письме. Но едва Ксения Михайловна робко заговорила с Александром о благоразумии, супружеском долге и прочих скучных вещах, как сошедший с ума от страсти наследник невротичной маменьки впал в экстаз моралиста. Вот строки его письма к возлюбленной: «Я не понимаю, чего Ты можешь бояться, когда мы с Тобою вдвоем среди огромного города, где никто и подозревать не может, кто проезжает мимо в закрытой карете… Зачем понапрасну в сомнениях изводить всю жизнь, когда даны Тебе красота и сердце? Если Тебя беспокоит мысль о детях, забудь их, хоть на время, и Ты имеешь на это полное право, раз посвятила им всю свою жизнь…». Ксения Михайловна пыталась следовать эгоистичным советам стремительно взрослеющего гимназиста-любовника, но вскоре слепая ее преданность и бесконечные ревнивые сцены, упреки и мольбы о прощении (на почве подавленных душевных угрызений совести, быть может!) стали всерьез тяготить вспыльчивого нервного юношу! Было ли обречено чувство? Ему изрядно хватало опеки, слез и укоров дома, и в любовных отношениях все эта излишняя экзальтированная нервозность и «романтическая сладость примирений и слез» стали его тяготить. Александр, безусловно, отдаляется от Садовской. Тем более что по прошествии года на горизонте появилась Любочка Менделеева – дочь великого ученого-химика Д.И. Менделеева, женщина, с которой он, то постоянно влюбляясь и превознося ее до небес, то постоянно

И с сыном – в старости

изменяя ей и мучая ее, то терпеливо снося ее измены, останется до самой смерти.

Душа его, как уверяют современники, леденела все больше. А свидания с К. М. С. все чаще прерывались ссорами. Переписка, длившаяся с перерывами до 1901 года, постепенно сводилась к выяснению отношений и вопросу о возвращении фотографий и писем с обеих сторон… Близился грустный и совершенно банальный финал курортного романа. Из других стихотворений этого периода видно, как образ Любови Дмитриевны все сильнее и сильнее овладевал всем существом поэта и мало-помалу вытеснял из его сердца образ любовницы. Маменька будет всячески приветствовать состоявшийся брак: все-таки они ровесники… А не тот дикий, ужасный мезальянс… Но, мягко говоря, совсем непросто складывались отношения в этом браке, который превратился «в ледяное подножие царственного трона поэзии». Любови Дмитриевне Менделеевой-Блок поклонялась вся «поэтически пишущая и читающая Россия» во главе с рыцарем-мужем, но и через год после свадьбы брачное ложе останется нетронутым… В своих более чем откровенных мемуарах, посвященных ее непростым отношениям с Андреем Белым, которые Анна Ахматова (ревниво и уничижительно отзывавшаяся и о Н.Н. Гончаровой-Пушкиной. – **Л. А.**) назвала «порнографическими», Любовь Дмитриевна (напомним – незаурядная актриса, историк балета, мемуаристка, автор книг «И быль, и небылицы о Блоке и о себе» и «Классический танец: история и современность». – **Л. А.**) подробно рассказала про свою безрадостную интимную жизнь с Александром Александровичем. На протяжении года после свадьбы законная супруга оставалась девственницей. Когда же муж, имевший достаточный сексуальный опыт, перенес его на брачные отношения, это превратилось, по свидетельству жены, в «редкие, краткие, по-мужски эгоистичные встречи», продолжавшиеся менее двух лет.

Современный биограф Блока литературовед Владимир Новиков пишет: «Между супругами нет того, что составляет земную сторону брака. Блок убеждает Любовь Дмитриевну в том, что им не нужно «астартической» любви. Он делает это вполне искренне, но в то же время не по свободному выбору, а вынуж-

денно. Налицо некая психофизиологическая аномалия, которая препятствует обыкновенной телесной близости. По сути дела, предпринята попытка брака, основанного исключительно на душевном и духовном единении супругов». Воздержусь от попыток «диагностики» психотипа героя очерка, но невозможно игнорировать указания биографов на некоторые генетические семейные особенности – дед и отец поэта страдали душевными заболеваниями. «Прекрасными дамами» Блока становились актрисы Наталья Волохова и Любовь Дельмас, а также Евгения Книпович (литературовед, критик, поэт и переводчик, автор содержательных воспоминаний о Блоке), и многочисленные поклонницы поэта, и, наконец, «незнакомки» – дамы полусвета, проще говоря, куртизанки и проститутки, «…обитательницы петербургских публичных домов и трактиров столичных окраин», как свидетельствует иронизирующий биограф…

К.М. Садовская

Мы приводим здесь известную фотографию Ксении Михайловны Садовской, практически единственную публиковавшуюся. Но в журнале «Огонек» за 1982 год была опубликована небольшая заметка Л. Ильюниной, посвященная первой любви А. Блока, и очень редкий снимок-находка – фотография 1903 года, то есть сделанная всего два года спустя после окончательного расставания с Блоком в 1901 году. Качество репродукции, которой мы располагаем, не позволяет увидеть то, что удалось рассмотреть обладателям подлинника. Цитирую: «Синеокая, бог тебя создал такой. Гений первой любви надо мной». Усталое лицо – в глазах настороженность, тревога. Хорошее лицо, мужественное

К.М. Садовская – крайняя справа во втором ряду

и неординарное. Сохранившая молодую фигуру, привлекательная и почти юная женщина в хорошей компании. Интересно было бы знать, и кто окружающие ее люди. Племянница Ксении Михайловны, И.М. Садовская, сохранившая эту фотографию, уточнила: «В Бад-Наугейм Ксения Михайловна приехала тогда не на летний курортный отдых, а со своим сыном, болезнь которого была крестом всей ее жизни. В 1897 году ей было 39 (?) лет. О «наугеймовской истории» она уже в преклонном возрасте часто рассказывала родным. О том, что Блок стал известным поэтом, знала, стихи его читала. Хранила его письма (те 12, которые сейчас в Пушкинском доме), но в голодный 1919 год в Одессе готова была их продать». Известно, что в 1900 году, еще до заключения брачного союза с Любовью Дмитриевной, между Блоком и Ксенией Садовской произошло последнее решительное письменное объяснение. На этот раз унижалась она и, в конце концов, в сердцах назвав юношу «изломанным человеком», она яростно проклянет свою судьбу за то, что встретила его. Садовская делает в этом письме робкую попытку из долин Южной Франции позвать Блока за собой еще раз в Бад-Наугейм, где она вновь принимает курс лечения, но бывший возлюбленный решительно противится властным призракам памяти. Он парирует вяло и вежливо, называя некогда «дорогую Оксану» на «вы» и «Ксенией Михайловной». И все, как будто, кончилось…

В Бад-Наугейм Блок приехал через девять лет после этого письменного диалога, в 1909 году, вместе с женой в самую тяжелую смутную пору своей жизни, после всего пережитого в этом странном браке – трагедий взаимных измен, прощений, разрывов и возвращений, после маленькой могилы на Волковом кладбище – сына Любови Дмитриевны от очередного «возлюбленного на час»… И тут, в почти не изменившихся за прошедшие годы местах, вос-

поминания вновь нахлынули на него с такою силой, что ему оставалось только облечь их в поэтическую форму, чтобы они «…не разорвали болью почти изношенное, растравленное сердце»:

Все та же озерная гладь,
Все так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?
Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?..

Так был написан цикл «Через двенадцать лет» – одна из драгоценностей любовной лирики Блока. Да и цифра «12» – знаковая в его творческом наследии. «Старым и мирным» называет себя человек и творец, которому нет еще тридцати, и которому всего-то отпущено было около сорока! Он снова, как наяву, услышал гортанные звуки голоса своей давней подруги, вспомнил вкус ее губ, торопливую нежность поцелуя… Из строк или со слов матери (как было чаще всего) до него неожиданно доходит ложный слух о смерти Ксении Михайловны. Интрига почти удалась. Как еще могла бороться неукротимая чисто женская материнская ревность с вечностью любви? Получив ложное известие, он кривит губы в ледяной усмешке: «Однако кто же умер? Умерла старуха. Что же осталось? Ничего. Земля ей пухом». Но уже наутро после неожиданной вести рождаются строки, которые стали финалом, подлинной жемчужиной цикла:

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.
И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

Вместе с тем есть безусловные свидетельства того, что и почти перед смертью, в 1918 году, Блок снова и снова «посвящал давно угасшему костру чувств и призрачно неясному облику первой возлюбленной строки в дневнике и стихи… ставшие бессмертными». Время от времени в течение всей жизни Блок возвращался к прежним стихам, к тому, что литературоведы называют «ранним наследием», переписывал их, правил. А уже будучи тяжело больным, перед смертью, он признался матери: может быть, только те первые рифмованные строки и есть то, что следует предъявить потомкам…

Поистине, право говорить о первой любви, категорически и справедливо утверждает С. Макаренко, имеет только сам поэт. Он и сказал. Навсегда. Поседевшей ревнивой властной матери оставалось только подавленно молчать. Было ли в этом молчании смирение, неизвестно. Вряд ли… Разве что перед мощью таланта… Больше о госпоже Садовской упоминаний ни в семейных разговорах, ни в переписке никогда не возникало.

Но жива была тогда Садовская, и суждено ей было пережить своего молодого любовника. Правда – *как* пережить… После революции она похоронит мужа, недавно удостоенного высокого чина тайного советника, позже будет страдать от нищеты в голодном Петрограде. Отправится к сыну в Одессу, а по пути будет подбирать колоски и жевать их, чтобы не умереть от голода. Дни свои Ксения Михайловна Садовская закончит в Одессе шестидесяти пяти лет, в клинике для душевнобольных, пережив поэта на четыре года. Комментаторы сообщают: лечащему врачу-психиатру, большому любителю и знатоку поэзии, она раскроет тайну первой любви Блока. Он не сразу ей поверит, но, вернувшись к инициалам «К. М. С.», поймет, что это правда. И окончательно убедится в этом, когда после смерти пациентки в подоле ее юбки окажутся зашитыми двенадцать (!) писем Блока, перевязанных розовой лентой, и засохшая роза, по лепесткам которой совершенно невозможно было узнать ее прежний цвет…

«Жизнь давно сожжена и рассказана, Только первая снится любовь, Как бесценный ларец перевязана Накрест лентою алой, как кровь».

Дом на Елисаветинской, 19, сегодня

Не знаю, был ли этим врачом мой учитель – заведующий кафедрой психиатрии Одесского медицинского института профессор Л.А. Мирельзон, но именно от него году в 1950-м или 51-м я впервые узнал эту историю и то, что он консультировал и лечил ее на дому на ул. Щепкина (Елисаветинской), 19.

О характере ее заболевания и его печальном исходе еще подробнее поведала нам, студентам, и ассистент этой кафедры Л.Я. Сосюра-Великанова, а ее кузина Татьяна Тэсс (Т.Н. Сосюра), родная сестра выдающегося украинского поэта Владимира Сосюры, известная советская писательница, многолетняя сотрудница газеты «Известия», в 1928 году побывала в Одесской психбольнице и оставила в книге посетителей следующую оптимистическую запись: *«Закрытый мир бездумной, душной мысли. / Погасших глаз неуловимый мрак. / И в коридорах тягостно повисли / Пустые тени, и неверен шаг, / Но в этот мрак размеренно и строго / Несут врачи свой разум и свой труд, / И видим мы, что трудною дорогой / К здоровым дням безумные идут».* Не всегда, к сожалению, удается… Я видел эти строки в музее больницы, где хранился

Стенд, посвященный К. М. С.,
в музее облпсихбольницы (старое фото)

и «скорбный лист» – история болезни К.М. Садовской. При недавней попытке – в связи с подготовкой этого очерка – посмотреть эти экспонаты вновь, меня заверили, что они не утрачены, но доступ к ним сейчас невозможен.

Источник сообщает: «В 1925 году на одесском кладбище появился грубый каменный крест. На участке № 56, в 20-й линии, 19-й могиле, близко к Воронцовским воротам похоронена была Ксения Садовская – «К. М. С.», воспетая Александром Блоком, его первая и никогда не забываемая любовь…» На каком кладбище? На Первом, на Втором? Какие такие Воронцовские ворота? Кого спросить? Конечно, О.И. Губаря! Олег Иосифович уверенно свидетельствует – на Втором. Это «тыловые» ворота, обращенные к Воронцовке – этому своеобразному «острову» между Ближними Мельницами, железной дорогой и небольшой промзоной, соединяющимся с городом в сердце Молдаванки – на Алексеевской площади. Много лет считалась таинственно-загадочной причина ранней смерти А.А. Блока, пока компетентные эксперты из военно-медицинской академии не пришли к выводу: лечащий врач Пекелис был прав – «Блок погиб от подострого септического эндокардита (воспаления внутренней оболочки сердца), неизлечимого до применения антибиотиков». Такая вот невеселая история…

Людмила Азарова

Капитан своего корабля

Воспоминания о своем отце Всеволоде Борисовиче Азарове я хочу начать с дарственной надписи на книге стихов «Мальчик с обручем», которую он подарил нам с мужем в 1984 году: «Дорогим Миле и Володе сердечно от мальчика, ставшего неожиданно для самого себя старым капитаном».

А название этим заметкам также пришло из стихотворения В.Б. Азарова «Старые капитаны», где есть такие строки:

Позовите меня, окажите мне честь, капитаны,
Я ведь тоже, как вы, капитан своего корабля…

Отец родился 14 мая 1913 года в Одессе в семье врача. Там он на всю жизнь полюбил море, начал писать стихи, познакомился со своей будущей женой Л.П. Молдаван. В 1930 году мои родители перевелись со второго курса Одесского педагогического института на филологический факультет Ленинградского университета. Я родилась после окончания войны, а моя старшая сестра Марина – в декабре 1940 года. Во время войны маму с Мариной эвакуировали в деревню Черная Краснокамского района.

Отцу было девятнадцать лет, когда в Ленинграде в 1932 году был опубликован его первый сборник стихов «Мужество». Всеволод Азаров работал редактором на радио, писал стихи. В 1941-1945 был военным корреспондентом в редакциях фронтовых газет в Кронштадте, в соединениях балтийских подводников и штурмовиков. Он участвовал в работе оперативной группы писателей при политуправлении Балтийского флота (ПУБалт), руководил которой писатель и драматург Всеволод Вишневский.

Всеволод Борисович Азаров

Всеволод Азаров прошел военным корреспондентом всю войну, участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождении Эстонии, в операциях Балтийского флота в Восточной Пруссии. Во всех биографиях отца упоминается написанная Вс. Вишневским, А. Кроном и Вс. Азаровым героическая комедия «Раскинулось море широко», написанная авторами в блокадном Ленинграде в 1942 году и поставленная на сцене Театра музыкальной комедии – единственного театра, который работал во время блокады.

Но все это достаточно известные факты, отраженные во всех официальных биографиях, статьях и книгах о писателях в годы войны. Подробно о работе над опереттой «Раскинулось море широко» и о сценической судьбе блокадного спектакля рассказывается в книге Ю. Алянского «Театр в квадрате обстрела». Много интересных материалов хранится в школьном народном музее «А музы не молчали…». Мне же хочется рассказать одну историю, которую знают, к сожалению, уже не все, и о том, как она запомнилась в нашей семье.

Сколько я себя помню, отец всегда очень плохо видел, у него была сильнейшая близорукость, во время блокады Ленинграда зрение почти пропало. А человеком он был очень деятельным, много ездил, встречался с героями своих книг, руководил флотским литературным объединением «Путь на моря», которое теперь носит его имя. Все друзья и близкие знали, как ему трудно передвигаться по городу и в поездках одному, поэтому часто становились попутчиками. Мама всегда была его помощником, лите-

ратурным секретарем, редактором и первым читателем, а иногда и критиком. Мне тоже довелось сопровождать отца, встречаться со многими интересными людьми, побывать даже на военных кораблях. Как-то раз в День флота мы попали на подводную лодку, которая пришла на праздник из Эстонии. До сих пор не могу забыть, как бесстрашно спускался Всеволод Борисович по узким крутым лестницам, но моряки были начеку.

Однажды, когда я была еще ребенком, отец привел меня в дом, у нас в семье все называли его «домик», на улице Профессора Попова, 10 (бывшая ул. Песочная), где жила писательница Ольга Константиновна Матюшина, вдова художника Матюшина. Мы поднялись на второй этаж, я увидела комнату, о которой тогда еще ничего не знала. Они с отцом долго и взволнованно о чем-то разговаривали, упоминали Всеволода и Соню (я догадалась, что речь шла о Всеволоде Вишневском и его жене художнице Софье Касьяновне Вишневецкой). Потом мы спустились во двор, уж не помню точно, какие там были растения. Сидя на скамеечке, они вспоминали какие-то грядки, огород. Как выяснилось потом, речь шла о блокадном огороде у дома Матюшиной, который помогал им выжить. Но одно я запомнила точно: они говорили о чем-то очень, очень важном…

А теперь о том, как причудливо переплелась судьба людей и «домика». Когда я пришла работать в ЛЭТИ, то уже знала из рассказов отца, что во время войны, а точнее – в 1942 году, оперативная группа писателей при политуправлении Балтийского флота переехала вместе с военным советом и политуправлением в здание второго корпуса Ленинградского электротехнического института. В конце лета 1942 года Вишневского вызвали в Военный совет Ленинградского фронта и поставили задачу: к 25 годовщине Октябрьской революции написать пьесу, но только не трагедию, ее и без того хватало, а комедию, даже оперетту. Ведь единственным театром, который в те дни работал, был Театр музыкальной комедии. Вишневский пригласил своих друзей А. Крона и В. Азарова и сообщил о боевом задании. На все про все отводилось не более трех недель. Никто из авторов до этих пор не писал комедий, а тем более оперетт. Вот тут они и попросили начальство разрешить им поселиться на время вместе. Так

они по приглашению О.К. Матюшиной оказались в ее квартире в деревянном домике на Песочной (Профессора Попова) улице, 10.

В комнате, где коммуной поселились три товарища, были поставлены три железные койки и три письменных стола. Вот туда и привел меня отец во время моего первого посещения домика. Я тогда мало что понимала.

Тут я хочу привести строки из стихотворения отца 1943 г., где он вспоминает то время, а еще пишет о маме, которая находилась с маленькой дочкой в эвакуации:

В этой комнате все не мое,
Стол треногий, чужая кровать.
Только стопочкой книги, белье, –
Долго ль с вами еще кочевать?
А на книгах твой давний портрет,
Юга, юности нежной черты.
Улыбаешься мне столько лет,
Девятнадцатилетняя, ты.

Но вернемся в блокадный город. Как же им все-таки удалось за 17 дней написать героическую комедию, оперетту о героизме балтийских моряков?!

Я долго не могла понять, почему, когда к нам приезжал из Москвы Александр Крон, начиналось застолье, шли воспоминания, и вдруг отец и Шура, так он его называл, запевали нестройными голосами «Мечтать я буду об этой пупочке…». Пока не прочитала в книге В. Азарова о Вишневском: «Тогда мне казалось, что особенно трудно приходится мне. (Отцу была поручена вся стихотворная часть оперетты.) Недаром в нашей коллективной стенгазете меня не раз упрекали за задержку «запчастей» – арий, дуэтов, куплетов…

Я просыпался под бодрое пение Крона, стоявшего над головой и старательно исполнявшего: «Мечтать я буду об этой пупочке…». Так втягивал он меня в специфику оперетты. Я хватался за голову, не зная, что делать. Но Крон и Вишневский были неумолимы, и я в меру своих сил старался написать куплеты».

Каждый день Н-ское соединение трех авторов выпускало свой шуточный «Боевой листок». В нем сообщались новости, критико-

вались отстающие. Из листка было очевидно, писал отец, что гарнизон маленького деревянного дома на Песочной устал и далеко не сыт. Об этом вопияла «шапка» одного из «листков» – «Мяса!».

Отец еще при жизни передал в различные архивы и библиотеки множество документов, писем, блокадных предметов. Но с рукописными «Боевыми листками» не хотел расставаться ни за что. И они до сих пор бережно хранятся в доме на улице Ленина, где жили мы с родителями, а теперь живет сестра Марина со своей семьей. Когда смотришь на эти живые свидетельства страшной войны, блокады, но и огромного мужества и жизнестойкости, словно попадаешь в другой мир, где три боевых товарища, подбадривая друг друга, смеялись над трудностями и жили с мыслью о победе.

Хочу привести несколько записей из «Дневников блокадных лет» Всеволода Вишневского: «Наш домик хотят сломать на топливо. Послал в горком и райисполком просьбу сохранить домик. Маленький дом… В нем так хорошо…». 7 сентября 1942 г. А вот запись, сделанная в ноябре 1942 года: «Обеспечил Азарову месячный отпуск, кроме того, его переведут в авиасоединение. Там ему будет легче работать. *У него очень ухудшилось зрение…*». О тяготах войны отец мало рассказывал, практически ничего. Быть может, я не очень прислушивалась. Но когда приходили в гости друзья-фронтовики, герои его будущих стихов и книг, их лица освещались каким-то особенным светом, в голосах появлялись иные интонации, и воспоминания уносили их туда, где детям не нужно было быть.

Опять вернемся к записям в дневниках Вишневского: «Вот, казалось бы, блокада, чужой домик, но как тут все стало по-питерски родным, как напряженно мы здесь работаем. Сроднились с ним, с книгами, рисунками – со всем духом, историей домика… Он наш писательский». 22 декабря 1942 г.

Домику, как и всем деревянным постройкам в осажденном Ленинграде, грозила участь быть разобранным на дрова. И тогда его спас именно Вишневский. Вот как об этом вспоминает отец: «Когда дом уже пришли сносить, Вишневский вышел в кителе при всех регалиях и произнес небольшую речь. Из нее явствовало, что дом, где жили и работали художник М. Матюшин, поэтесса

Е. Гуро, где неоднократно бывали В. Маяковский, В. Хлебников, *где, наконец, черт возьми, мы создали свое* «*Раскинулось море широко*», заслуживает лучшей участи, чем быть распиленным на дрова. В результате дом уцелел, он и сегодня живет, светит своими окошками из-за деревьев и забора; на стене мемориальная доска с упоминанием, что здесь в военные годы жил и работал Вишневский».

И еще из военных воспоминаний отца:

«Вот окно нашего домика, из которого Софья Касьяновна нарисовала неведомо как сохранившуюся напротив будку булочника с флюгером наверху – красным петушком.

Теперь уже нет ни будочки, ни петушка. Я храню эту картину…»

И эта картина с изображением будочки, увенчанной флюгером-петушком, написанная из окна домика на Песочной, 10, продолжает храниться в доме сестры. Она висела у отца в кабинете рядом с фотокарточкой девятнадцатилетней мамы, которую отец пронес через всю войну, да и через всю жизнь.

А что же домик? Я помню, отец, пока еще была жива Матюшина, и когда ее не стало, все время куда-то звонил, беспокоился за судьбу домика, который так много для них всех значил. В июне 1977 г. здание было передано Музею истории города. В 1987 году в доме случился пожар, отец продолжал биться за его восстановление. В 2004 году дом отстроили заново и открыли в нем музей авангарда.

Когда я думаю о судьбе домика, мне вспоминаются другие пожары. В Одессе, где во время войны погибли родители отца, в Доме писателей на улице Маяковского (ныне Шпалерная). Отец не дожил до этих времен, его не стало в апреле 1990 года. Что ж, авангард – это здорово и интересно. Но стоит ли забывать хоть какую-то часть истории, тем более такую? Вопрос риторический.

А блокадная премьера героической комедии «Раскинулось море широко» состоялась:

Звучал оваций гром,
Был людям страх неведом,
Мы нашу над врагом
Предвидели победу.

Под небом грозовым
Морские флаги вьются.
Народ непобедим,
Когда бойцы смеются.

И закончить воспоминания о Всеволоде Азарове я хочу строками из его любимого стихотворения «Старые капитаны», с которых начался этот рассказ.

К мысу Горн я не шел и не плыл на далекую Кубу,
Но я знаю другие теченья, другие моря.
Горький ветер балтийский не раз холодил мои губы,
Там, где юность давно утопила на дне якоря.
Погибали друзья, но другим открывались глубины,
К самым дальним портам я опять выбираю маршрут,
Потому что команды своей никогда не покину,
И туда уплываю, где новые вахты встают.
На Приморском бульваре сидят на скамье ветераны
И ревниво следят, как сынов провожает земля.
Позовите меня, окажите мне честь, капитаны,
Я ведь тоже, как вы, капитан своего корабля.

Александр Галяс

Смерть не оборвала песню

В феврале 1988 года в популярной в то время радиопередаче «Встреча с песней» прозвучала песня в исполнении Петра Лещенко. Это был шок. Лещенко был самым табуированным из эстрадных певцов, включенных в «запретные списки» Гостелерадио. К тому времени уже давно были «помилованы» Вертинский, Морфесси, Иза Кремер, начали звучать записи Рубашкина, Токарева, Бродской, Шуфутинского и прочих «родных эмигрантов», и лишь запрет Петра Лещенко оставался, «мов скеля, непорушним». Но вот пал и этот «последний бастион»…

Едва окончилась передача, я бросился звонить Владимиру Михайловичу Гридину, который, прожив в Одессе весь оккупационный период, не раз делился со мной своими подростковыми впечатлениями о концертах Лещенко 1942-43 годов, историями, которые он слышал о нем и его жене-одесситке Вере Белоусовой. Вскоре мы засели за совместную работу по сбору воспоминаний о Петре Лещенко, фактов его биографии. Беседовали с одесситами, помнившими выступления Лещенко и его самого, расспрашивали приезжавшую на гастроли знаменитую Аллу Баянову, тоже входившую в «запретные списки», наконец, не раз беседовали с Верой Георгиевной Белоусовой, чьи мама и брат жили в Одессе…

Филофонист Борис Котлярчук впоследствии отметил наши труды: «За период 1988-1991 годов в центральной и периферийной прессе советской империи накануне ее саморазвала появилось около двух десятков публикаций о Петре Лещенко. Наиболее активными авторами проявили себя В.М. Гридин и А.В. Галяс: им удалось в Одессе и Москве опубликовать шесть совместных работ, главным образом о малоизвестном одесском периоде жиз-

Лещенко с Белоусовой (справа)

ни певца». Две из этих статей появились в московских журналах «Музыкальная жизнь» и «Огонек» (волею судьбы мы с В. Гридиным оказались единственными одесскими журналистами, кому удалось напечататься в легендарном «Огоньке» времен Виталия Коротича). Теперь на них часто ссылаются, включая словари и энциклопедии. Но, говоря откровенно, многое в этих текстах основано на источниках, которые трудно отнести к достоверным, особенно в том, что касается детства и юности артиста. Увы, в ту пору у нас не было самого достоверного источника – свидетельств самого Петра Лещенко. А содержались они в протоколах допроса артиста, хранившихся в архиве КГБ и рассекреченных уже в 1990-х.

«Лещенко Петр Константинович, 1898 г. рождения, уроженец села Исаево, быв. Херсонской губернии, русский, гражданин Румынской Народной Республики, образование среднее, владеет русским, украинским, румынским, французским и слабо немецким

языками, по профессии артист, в марте 1951 г. арестован румынскими органами госбезопасности и содержится под стражей», – так начинается этот протокол, позволивший восстановить некоторые «темные пятна» биографии певца.

Петр Лещенко родился 2 (14) июня 1898 года в небольшом селе Исаево, которое сейчас входит в состав Николаевского района Одесской области. Кто его отец, так и осталось тайной; Алла Николаевна Баянова намекала на еврейские корни своего коллеги. Ясно одно: ребенок рос «безбатченком». Так что, видимо, уберегая дочь от позора, семья с девятимесячным Петей переехала в Кишинев. До восьми лет мальчик рос и воспитывался дома. Родственники, заметив его тягу к танцам и музыке, отдали ребенка в солдатский церковный хор, а регент этого хора устроил Петра в Народное приходское училище в Кишиневе. Так к семнадцати годам получил общее и музыкальное образование. В 1915 году «ввиду перемены голоса» юноша остался без средств, поэтому решил пойти на фронт. Сперва устроился вольноопределяющимся в 7-й Донской казачий полк, откуда был направлен в Киевскую пехотную школу прапорщиков, в марте 1917 г. через 40-й запасной полк в Одессе был отправлен на румынский фронт и зачислен в 55 пехотный Подольский полк 14 пехотной дивизии на должность командира взвода. В августе того же года был тяжело ранен, почти полгода провел в кишиневском госпитале, откуда вышел уже жителем Румынии. В Кишиневе работал токарем по дереву, псаломщиком и подрегентом церковного хора, одновременно участвуя в вокальном квартете и даже в оперных спектаклях. А с 1919-го года Лещенко окончательно переходит на артистическую стезю.

Выступает, в основном, как танцор и реже как певец в составе различных артистических групп, колеся по Румынии. В 1925 году оказывается в Париже, год работает в парижских кинотеатрах и ресторанах. Там же знакомится с юной танцовщицей Жени Закитт, родом из Риги, вспыхивает любовь, и молодые люди составляют не только танцевальный, но и семейный дуэт. Вместе работают в Турции, Сирии, Греции, выступают в Черновцах, в Риге. Именно в столице Латвии происходит решающий поворот в жизни Лещенко. Пока жена была беременна (сын Игорь родился

Лещенко с сыном Игорем

в 1931-м), Петр «переключился на вокал». Благо в Риге работали такие мастера, как композиторы Оскар Строк и Марк Марьяновский, чьи песни-танго имели огромный успех далеко за пределами Латвии. Хозяин нотного магазина в Риге предложил Петру поехать в Берлин, где Лещенко записал свои первые грампластинки на фирме «Парлофон».

Затем последовали записи в Вене и Лондоне. Голос Лещенко оказался замечательно «пластиночным», и песни в его исполнении быстро стали популярными, вызвав немалую ревность «старших товарищей» по жанру. Говорят, что у Вертинского сразу портилось настроение, когда он узнавал, что кому-то из его собеседников нравятся записи Лещенко. Существует легенда, будто Федор Шаляпин сказал о Лещенко: «Глупые песни хорошо поет». Выглядит она сомнительно, тем более что пока еще не удалось отыскать первоисточник.

Факт, однако, состоит в том, что пластинки с записями песен в исполнении Петра Лещенко расходились огромными тиражами.

А сам он, перебравшись в середине 1930-х в румынскую столицу, открыл в компании с «некими Кавурой и Геруцким» фешенебельный ресторан в самом центре Бухареста, где гвоздем программы были его сольные выходы. Основу репертуара Лещенко составляли песни на русском языке, пел он также цыганские романсы, украинские народные песни, разумеется, сочинения румынских авторов (последние, правда, в мизерном количестве). Основной, а по сути, единственной темой его песен были любовные страсти. Одно из редких исключений – «Песня о Родине» И. Дунаевского из кинофильма «Цирк». Забавно, как певец обошел самый скользкий куплет этого сочинения, а именно:

За столом никто у нас не лишний,
По заслугам каждый награжден.
Золотыми буквами мы пишем
Всенародный сталинский закон…

Так вот, «сталинский» Лещенко заменил на «строгий всем» – что, впрочем, было не так уж далеко от истины.

Похожий трюк ему пришлось проделать и еще с одним советским супершлягером: песней из фильма «Веселые ребята». Там, правда, было проще: «комсомольское» племя было заменено на «молодецкое». Трудно сказать, почему Лещенко включил в свой репертуар и даже записал на пластинки эти шедевры советского агитпропа. Скорее всего, по причине нехватки репертуара: круг его авторов был все-таки довольно ограничен. Потому и приходилось одалживаться песнями у той страны, которая категорически его не признавала.

Для меня изначально было загадкой, почему из безобидного, в общем-то, артиста Петра Лещенко в Советском Союзе сделали идеологическое пугало. Все дело, по видимости, в том, что не зависящий от догм соцреализма Лещенко был *иным* и пел об *ином*. Он был свободным артистом и человеком, а это в сталинские времена почиталось страшным грехом. И то, что до него невозможно было добраться, только усиливало ярость идеологических контролеров. Удивительное дело: среди десятков людей, с которыми мне в конце 1980-х – начале 1990-х довелось беседовать о Петре

Лещенко, были и те, кто не ставил под сомнение его «вину перед Родиной» (категорически отрицалось только «пособничество оккупантам»; тут все одесситы, пережившие в родном городе 1942-44 гг., едины). Но за его пластинками охотились, иногда даже отказывая себе в необходимом (характерная деталь: в послевоенные годы на черном рынке пластинка Лещенко стоила в десятки раз дороже буханки белого хлеба!), их слушали, запиливая до хрипоты. И это несмотря на то, что за прослушивание «вражеских записей» вполне реально было схлопотать срок.

Между тем личная жизнь артиста складывалась не гладко. По его признанию, с женой он в 1939-м году порвал всякие отношения; по слухам, из-за того, что у нее появился любовник – румынский полковник. (Интересная деталь: никто из наших собеседников, включая Аллу Баянову, даже не намекал на наличие у Лещенко любовниц.)

После начала войны Лещенко как румынский подданный и военнообязанный неоднократно получал извещения о призыве в армию – для службы при одном из лагерей военнопленных. Используя связи, ему удалось уклониться от призыва, тем более что в декабре 1941 года он получил приглашение из Одессы, от директора оперного театра Селявина – дать несколько концертов. Разрешение на поездку в Одессу он получил только в апреле 1942-го, а выехать смог лишь в мае, после окончания зимнего сезона в ресторане.

19 мая 1942 г. Лещенко приехал в Одессу и остановился в гостинице «Бристоль», а потом снял квартиру на Коблевской. По одной версии, певец привез с собою в Одессу автомобиль «Форд» с личным шофером, по другой, приобрел его уже на месте. Так или иначе, но первой новостью, благодаря которой большинство одесситов узнало о приезде знаменитого артиста, было сообщение об угоне его авто.

Но, конечно, куда больше многочисленных поклонников Лещенко интересовало, где и когда он будет выступать. Селявин предоставил в распоряжение певца оркестр, состоящий из музыкантов оперного театра. Один из них рассказал, что в ресторане «Одесса» выступает с концертами певица Вера Белоусова, аккомпанируя себе на аккордеоне. 19-летняя красавица

с красивым голосом певцу понравилась. Так начался их роман. Первые концерты прошли 5, 7 июня 1942 года – естественно, с огромным успехом. Правда, зрителей обескураживало то, что концерты начинались с румынских песен, но таково было требование оккупационных властей. Армейцы, однако, от артиста не отстали. В июле 1942 года он получил приказ явиться на службу в 13-ю дивизию в качестве переводчика. Чтобы избежать поездки на фронт, Лещенко договорился с владельцами ресторана «Норд» («Северный»), который находился в Театральном переулке, 12, что поступит к ним в качестве совладельца. Благодаря чему ему удалось получить документ о том, что он мобилизован для работы на месте. С приходом Лещенко «Норд» стал едва ли не самым популярным рестораном города. Певец выступал сперва один, а потом и вместе с Белоусовой и другими артистами. В сентябре 1942 г. он сделал Вере предложение, на что девушка ответила согласием. И Лещенко переселился на Новосельскую, 66, где Вера жила с мамой и двумя братьями.

Армия с упорством, достойным лучшего применения, продолжала охоту за певцом, как будто его присутствие на фронте могло хоть что-то изменить в ходе военных действий. На сей раз угроза была настолько серьезной, что Лещенко решил лечь в госпиталь для удаления аппендицита, хотя в том не было ни малейшей необходимости. Но это лишь отсрочило призыв. В мае 1943-го его направляют в Керчь, но в Раздельной он покидает поезд, едет в Одессу и тут договаривается о поступлении в военную артистическую группу 6-й дивизии, с которой ездит по городам, выступая перед румынскими воинскими частями и в госпиталях. Но в октябре его все-таки отправили в Крым, где он служил заведующим офицерскими столовыми.

В марте 1944-го, когда результат уже стал вырисовываться более-менее ясно, Лещенко срочно приехал в Одессу, и 22 марта вывез Веру с ее семьей в Румынию. Там он окончательно оформил развод с Закитт и зарегистрировал брак с Белоусовой. Вместе с новой супругой вплоть до весны 1948 г. он выступал перед советскими войсками, причем солдаты и офицеры принимали его тепло, не видя в артисте врага. Ходили слухи, будто однажды

Лещенко и Белоусова в Бухаресте с советскими воинами

Лещенко пел перед Жуковым, но это не так; а вот выступление перед маршалом Коневым представляется вполне реальным.

В марте 1949 г. Петр и Вера поступили в Театр эстрады. А через два года в антракте концерта в городе Брашове, носившем тогда имя Сталина, Лещенко арестовали и приговорили к пяти годам трудовой колонии. В июле 1952 года Вера в последний раз видела своего супруга – за решеткой. Вскоре арестовали и ее, присудив 25 лет лагерей. К счастью, сидела она относительно недолго; ее освободили вскоре после смерти Сталина. О судьбе своего мужа долгое время она ничего не знала, пока случайно встреченный один из музыкантов лещенковского оркестра не сообщил ей, что «шеф отдал Богу душу» летом 1954 года. Где он похоронен, пока что неизвестно; румынские власти архивы не раскрыли.

После реабилитации в 1988 году Петр Лещенко очень быстро и органично вошел в избранный круг великих певцов «легкого жанра» – наряду с Морфесси, Шульженко, Утесовым,

Вечер в честь 120-летия Лещенко в Музее звука

Рубашкиным и др. Этот круг, по всей видимости, уже никогда не расширится, и вовсе не потому, что не может появиться в будущем выдающихся певцов. Просто уже никогда не повторится время, когда песня и в самом деле помогала «строить и жить», когда популярным певцам поверяли личные тайны, советуясь, как с самыми близкими людьми, ожидая от них помощи, подсказки. Да, за песню тогда могли уничтожить, но ведь это тоже означало – пусть в страшном, искореженном, исковерканном виде – но признание силы искусства. Глупо жалеть об уходе этого времени, слава Богу, что сегодня можно петь о чем угодно и как угодно, но разве не обидно, что душа даже в искусстве нынче сплошь и рядом заменяется голым расчетом? Что понятие «эстрадное *искусство*» заменило иное – «шоу-*бизнес*»? Петр Лещенко по современным критериям был классическим представителем этого самого шоу-бизнеса, но помнят о нем не потому, что он был совладельцем крупных ресторанов, а потому что был *артистом*.

Его посмертной славе ничто не угрожает. Лучшее тому свидетельство – многочисленные пластинки и диски, выпущенные после 1988 года, книги и десятки статей, наконец, сериал, который хотя и весьма далек от реалий жизни артиста, но благодаря которому молодое поколение хотя бы узнало, что был на свете такой певец. И даже недавнее появление на свет «мемуаров Петра Лещенко» (чего не было, и быть не могло; уж Вера Белоусова знала бы об этом) – методом от противного доказывает живучесть его славы: не будь расчета на коммерческий успех, не возникло бы и мысли о появлении такой фальшивки.

К юбилейным датам и просто так поклонники творчества Лещенко в разных городах устраивают вечера его памяти. Один из таких вечеров прошел 14 июня 2018 года, в день, когда исполнилось 120 лет со дня рождения Петра Лещенко, в Одесском музее звука Василия Пинчука. Слушатели долго не расходились, снова и снова прося ставить старые пластинки на старые проигрыватели…

Тамара Михайличенко

«Волна счастья подступает к горлу – сейчас вот начнется урок»

С таким состоянием уже годы, переходящие в десятилетия, начинает свое общение с детьми Клавдия Михайловна Боголюбова.

Всякий талант – явление редкое и ценное. Но как появляются таланты? Ведь кто-то их открывает, формирует. И тут мы обращаем внимание на фигуру, казалось бы, мало заметную, забываемую в детстве – учитель. Это он обучил основным навыкам, показал пути, сформулировал задачи: самим процессом общения учитель творит – создает человека. Результат усилий не сразу заметен – он проявляется только через время, с годами. Но этот талант – педагогический, создание человека – особенно ценен.

Таким редчайшим талантом – педагога, воспитателя – обладает в полной мере Клавдия Михайловна Боголюбова, приобщающая детей к художественному творчеству, как говорят в народе, «учит рисовать».

Со временем понимаешь, что все в жизни не случайно. А тогда, много лет назад, для нее, выпускницы Одесского художественного училища им. М.Б. Грекова, стало большой неожиданностью предложение завуча музыкальной школы попробовать себя в качестве учителя. В школе на Слободке, куда она водила дочку на фортепьяно и где параллельно были уроки рисования, еще в середине 1970-х пытались создавать образовательные программы более широкой эстетической направленности. Но класс рисования пустовал, дети не хотели туда ходить. И хотя Боголюбова никак не связывала себя с педагогикой, она решилась – и приняла предложение. Первая тема – музыкальная и очень образная – была удачно выбрана ею: «Баба-яга» Модеста Мусоргского из цикла «Картинки с выставки». Результат оказался неожидан-

ным для нее самой: «Мне так понравилось, что я им рассказываю – и сразу вижу результат, как это у них получается быстро и интересно. И у меня тоже сразу все стало получаться».

Вспоминая то время, Клавдия Михайловна с удовольствием отмечает, что большинство детей тех первых лет связали свою жизнь с искусством. Окончила Академию искусств в Киеве Надя Фомичева, позднее Маша Апрятова и Денис Ковальчук – одесские училище и институт, Алена Чумаченко занимается в Германии, выдержав огромный конкурс, Оля Цапенко – в Москве. Теперь, спустя годы, питомцы Боголюбовой высоко оценивают основную базовую грамоту, знания, полученные в детстве. Например, Настя Покотилова, с которой приходилось воевать, требуя наброски, работает ведущим дизайнером большой фирмы, и все с удивлением видят, что она может и на холсте работать, и разными материалами хорошо владеет. Она доучилась компьютерным технологиям, но при этом осталась художником.

А тогда, в музыкальной школе, занятия пошли настолько успешно для начинающего педагога, что вскоре пришел директор и сказал: «Клавдия Михайловна, на вас жалуется вся школа, дети не хотят идти на музыку». Ее класс наполнялся очень быстро, дети приходили на рисование и никуда больше идти не хотели, а потом вообще стали проситься только на рисование.

Появившийся опыт, уверенность в своих силах дали Боголюбовой возможность сделать следующий шаг – создать самостоятельную студию с собственным вѝдением образовательного процесса. Для этого пришлось организовывать все заново: искать

новое место, создавать рабочие условия. Несколько лет педагогическая жизнь Боголюбовой была связана с детской художественной школой им. К. Костанди, в стенах которой класс существовал автономно. Директор школы В.Ф. Токарев не препятствовал методике преподавания и оказывал действенную поддержку планам неординарного педагога. Но все закончилось тем, что сегодня существует независимая студия с небольшим количеством детей разного возраста и совершенно самостоятельным – авторским – процессом обучения. Боголюбова рассказывает: «Одновременно у меня не больше двадцати детей, разделенных на несколько групп. Лучше всего получается то, что я задумала, когда пять-шесть детей на одном занятии, не больше. Когда больше, даже до десяти, уже тяжело – теряешь контакт с каждым ребенком. А это очень важно – сохранять контакт».

На занятиях у Клавдии Михайловны группы смешанные – дети не делятся по возрасту, как принято при традиционной методологии. Работают вместе – от трехлетних до пятнадцатилетних, и это для нее принципиально. Преподаватель видит в этом существенное преимущество: старшие опекают малышей, помогают им – идет процесс воспитания, приобретения навыков общения; а младшие берут пример со старших, учатся практическим приемам. Иногда приходят и те, кто уже учится профессии дальше. Здесь они приобщаются к педагогике, и это тоже важно для их судьбы. Кроме того, что дети получают бесценное богатство – умение общаться – это дает возможность педагогу предлагать более разнообразные, иногда не по-детски серьезны темы: Великая Отечественная война, библейские сюжеты, борьба со СПИДом, эпизоды греческой мифологии. Эти и многие, многие другие темы Клавдия Михайловна вводит в жизнь и сознание детей через душу и сердце, обращаясь к их собственному опыту. Так постепенно она готовит их и ко взрослой жизни, с разными сторонами которой они столкнутся впоследствии. И чем раньше они это все узнàют, тем подготовленнее, защищеннее будут, считает педагог. Воспитание – постоянная составляющая ее контакта с детьми.

«Иногда и не знаешь, – рассказывает Боголюбова, – что будет, как пойдет развитие темы, а начинается какой-то разговор – и все само выстраивается. Совсем не обязательно, чтоб это было

четко запланировано, иногда экспромт очень оживляет ситуацию, получается очень интересно».

Тысячи учебников написаны, как научить рисовать зверушку, человека, сколько раз голова помещается в туловище. Это вспомогательные знания – это техника, ей можно научить всех, считает Боголюбова. Но очень важно для любого ребенка – растормошить то, что у него есть внутри, чтоб он мог выразить *свои* мысли, *свои* переживания, нужно разбудить *его* увлеченность. «Ведь все очень просто, – считает Боголюбова, – если ты увлекаешься чем-то, тебя это интересует, трогает – тебе хочется «заразить» этим ребенка. Дети вроде крохи с виду, да и по годам невелики, но они хорошо чувствуют и могут делать потрясающие вещи. Вот Олечка Цапенко совсем маленькая была, а рисовала грандиозные композиции».

Клавдия Михайловна не только учит детей навыкам изобразительного искусства – она вводит их в мир непреходящих ценностей, мир подлинно высокой духовности: знакомит с богатством классической музыки, серьезной поэзии. Она умеет открывать детские души для прекрасного, после знакомства с которым выше и совершеннее становится человек. Рождается то, что называется «жизненный опыт», еще очень маленький, но собственный, и потому – незабываемый. При этом с детьми идет спокойная беседа – человечная, душевная, нет сочинений, вопросов, как в школе, цитаты не нужно искать. Они просто рассуждают. «Дети теперь очень современные, – рассказывает Боголюбова, – и развиваются быстрее, чем мы. Я никогда не забуду, как пятилетний Никита Зарх на вопрос «Что будет дальше с Онегиным?» ответил: «Я думаю, он умрет – без любви нельзя жить».

Результатом такой методики и ее объективной оценкой являются, несомненно, многочисленные признания как украинских, так и международных смотров, в которых дети Боголюбовой активно участвуют и получают награды. Это стимулирует их и расширяет кругозор. Детям не только присылают награды и подарки, но и их самих приглашают приехать, чтоб лично участвовать в устраиваемых для них праздниках. Список таких поездок немал: пять раз была Клавдия Михайловна с группами отмеченных детей на конкурсе «Малый Монмартр в Битоле» (Македония), четыре – в Португалии на Международном фестивале подросткового искусства,

шесть – в России. Каждые четыре года Госдепартамент США организует грандиозный смотр – «Детский творческий потенциал планеты», в котором участвует один представитель от страны. Дети Боголюбовой были приглашены и ездили три раза в течение двенадцати лет, а Аня Торопыгина и Денис Ковальчук получили высшие награды. Не менее успешными были и многократные поездки в Македонию, Португалию, Россию для Маши Апрятовой, Дениса Ковальчука, Саши Кадзевич, Алины Безбабной, Оли Цапенко. Они росли, взрослели, и сегодня искусство стало их профессией. А рядом начинали и подтягивались следующие: Тоня Жура, Кристина Коновалова, Леня Новиков, Андрей Боголюбов.

В главном детском конкурсе в нашей стране, в Киеве, восемь детей Клавдии Михайловны на протяжении шести лет становились лауреатами и победителями Всеукраинского конкурса «Новые имена Украины». Стипендии и медали получили Настя Зинченко, Саша Кадзевич, Кристина Коновалова.

Общей оценкой труда педагога являются те дипломы и гран-при за «лучшую коллекцию», которыми устроители акций отмечают представляемые работы и которыми неоднократно отмечали Боголюбову.

А Одесский греческий центр, регулярно устраивающий разнообразные культурные программы, в том числе и детские выставки-конкурсы, в которых ее питомцы постоянно участвуют, и были неоднократно отмечены, наградил Клавдию Михайловну Боголюбову Золотой оливковой ветвью и званием «Лучший учитель мира». От имени Детской академии искусств в акции «Мосты любви» вручил их консул Греции.

И он взял Манассе за воротник, так
что его в себе на бинарит и поехал со
двора. На протянутой его руке Манассе
висел, как на виселице.

Конечно, такие события – стимул работать, возможность поехать. И если для детей это расширение географии, то для их руководителя – возможность посмотреть, как работают в других странах, получить каталоги, которые она показывает детям. «Мы смотрим, как можно по-разному делать привычные вещи. Это же тоже развитие и меня, и детей. Это дорога вперед. Для меня существенно и другое, – признается К. Боголюбова, – возникают интересные темы, свежие, неожиданные. Вот, например, тема из Финляндии «Давайте покушаем». Очень интересное предложение, очаровательное, мы бы сами такое не придумали».

Мы живем в красивом городе – море, зелень, старинная архитектура. Одессу много фотографируют, изображают взрослые художники. Но всякий раз в начале лета стайка детворы, увлекаемая Клавдией Михайловной, – с этюдниками, папками, стульчиками – располагается в очередном живописном уголке, и происходит их собственный настоящий творческий процесс – дети пишут родной город. Изображают они только то, что видят, и так, как видит каждый из них. В этом важнейший и труднейший для педагога путь к творчеству – сохранить неповторимую индивидуальность каждого, максимально раскрыв его способности. Юные художники создают свой город, всякий раз новый, такой загадочный и узнаваемый.

Работы их, естественно, становятся экспонатами выставок. Практически во всех музеях и галереях Одессы боголюбовские дети устраивали праздничные вернисажи – а они у них всегда получаются действительно праздничными.

Всемирный клуб одесситов в очередной раз принял у себя выставку этого по-настоящему творческого коллектива. Целый комплекс работ на тему «Мы пришли сегодня в порт» – результат пленэрной практики лета прошлого, 2017 года. Зрителю показывают глазами детей город рабочий, город портовый. Большие корабли, изящные яхты, всевозможная морская живность – произведения, написанные на бумаге, и объемные, изготовленные из разных материалов. Они, как всегда, разнообразно и широко представляют творческие возможности детей, которые открывает в них педагог.

Знаменательно, что на вернисаже вспомнили о предыдущей выставке детей Клавдии Михайловны в клубе, которая называлась «Мне это рассказал Исаак Эммануилович (по рассказам Бабеля)». Сложная задача не простого знакомства детей с произведениями Бабеля, а понимание ими, ощущение ситуаций и эпизодов литературного произведения, настолько успешно была продемонстрирована юными авторами, что решено было издать альбом студии Боголюбовой на фоне произведений Бабеля. Эту идею поддержал городской голова Геннадий Труханов, и ко Второму конкурсу имени Бабеля альбом увидел свет.

Хочется вспомнить название первой выставки работ детей Клавдии Михайловны Боголюбовой, проходившей во Всемирном клубе одесситов несколько лет назад, – «Есть город, который я вижу во сне». Замечательные слова песни Леонида Утесова – память прошлого, строки, поэтизирующие настоящее, в котором мы живем сегодня. В таком подходе основа работы с детьми талантливого педагога.

Как известно, человек начинается в детстве, и оно – наполненное событиями, впечатлениями, воспоминаниями – навсегда остается в памяти и питает нас всю жизнь. Велика в этом роль родителей, своим участием помогающих детям войти во взрослую жизнь. Но большая удача здесь, несомненно, – встреча с хорошим педагогом. Как говорит Боголюбова, «мои общения с детьми обращены к их душе». Такую нестандартную направленность учебного процесса и его результатов высоко оценил автор оригинальной программы эстетического воспитания школьников художник Борис М. Неменский. Он предложил Клавдии Михайловне обнародовать методическую разработку своего труда. Впервые сформулировав и изложив на бумаге свой многолетний опыт, она получила за авторскую методику гран-при конкурса «Рождественская звезда» (Москва).

Соприкоснувшись в детстве с таким учителем, как Клавдия Михайловна Боголюбова, по-другому будет взрослый человек видеть ценности мира, каким бы делом он ни занимался, – в нем открыли его собственные способности вѝдения мира. И ярким огоньком засияла звездочка его разбуженной души.

Публикации

324 Алена Яворская
«Судьба морской газеты «Моряк»…»

Алена Яворская

«Судьба морской газеты «Моряк»...»*

По страницам газеты «Моряк» 1921 года

В № 75 за 21 апреля в рубрике «Искусство и культура» помещен очерк «Поэт порта. К годовщине смерти Кармена». Подпись «В.-Одник».

Поэт порта (к годовщине смерти Кармена)

Прибой волн морских, лязг лебедок, пыхтенье пароходных труб, суета и беготня пристанской прислуги, крики на капитанской рубке, перекличка матросов, шнырянье грузчиков, скрип лопат, загребающих уголь, свист сирен – вот стихия большинства рассказов писателя Кармена.

Еще юношей он ушел в порт. И там, то работая в портовых мастерских, на верфях и в таможнях, то плавая на океанских судах, на рыбачьих шхунах, на баржах и лодках, черпал вдохновение для своих рассказов и повестей.

«На дне Одессы». Это первая книжка, выпущенная Карменом, где он так ярко живописал портовые нравы, выдержала бесконечное множество изданий и была встречена в литературных кругах как редкое литературное откровение.

Дорошевич, работавший тогда в одесских газетах, посвятил молодому автору целый ряд фельетонов.

Гремевший в это время писатель Амфитеатров восторженно отзывался о книге Кармена, а Н.К. Михайловский утверждал

* Продолжение. Начало в кн. 73.

в «Русском богатстве», что в лице Кармена русская литература приобретает чуть ли не второго Горького.

Увы, печально сложившаяся для юного писателя жизнь не дала ему полностью оправдать возлагавшихся на него надежд.

Бродяга по натуре, он кочевал из города в город, часто пешком, с котомкой за плечами, то присоединяясь на Волге к бурлацким артелям, то отправляясь в качестве кочегара в дальневосточное плавание, посещая манившие его берега Босфора, Греции, Палестины и Египта, то плавая по финским озерам.

Все эти странствия и путешествия описаны Карменом в целом ряде красочных и трепетных очерков, повестях и фельетонах, украшавших страницы толстых журналов и газет.

В поисках волновавших его истин и тем вечный странник Кармен очутился со связкой своих произведений в Петербурге. Холодный каменный город задавил цветущие побеги молодого дарования.

А тут еще высылка из столицы, гонения по финским городам и местечкам, где он вынужден был скрываться за свою принадлежность к еврейскому народу, и, наконец, последний удар, смерть ребенка, окончательно подкосили писателя, и из морского по внешности волка он превратился в сгорбленного издерганного обывателя.

Кармена опять тянет в Одессу, чтоб подчерпнуть [так!] там силы и бодрые стимулы для продолжения остановившейся литературной работы.

С приходом большевиков Кармен выступает здесь с целым рядом рассказов из жизни портового пролетариата.

Но мучительная болезнь – чахотка, все крепче и крепче сжимала в своих смертоносных объятьях поэта, пока не задушила…

Это было ровно год тому назад. Кармен окончил свои дни в одной из одесских санаторий.

Да будет память молодого писателя благословенна в сердцах грядущих пролетарских поколений.

Примечательно почти дословное в некоторых местах совпадение с опубликованным в 1923 году в московском журнале «Огонек» очерком «Поэт низов. К годовщине смерти Л.О. Кармена», подписанным «Я. О.».

«Бродяга по натуре, он кочевал из города в город, часто пешком, с котомкой за плечами, то присоединяясь на Волге к бурлацким артелям, то отправляясь в качестве кочегара в дальневосточное плавание, посещая манившие его берега Босфора, Греции, Палестины и Египта, то плавая по финским озерам», – «Моряк», 1921.

«Перекати-поле, он странствовал, зачастую с котомкой за плечами, зарисовывая сочным пером то волжских бурлаков, с которыми вместе странствовал, то матросов и корабельную шпану, в среду которых он записался в качестве кочегара с целью совершить дальнеокеанское плавание, то знойные восточные типы Босфора, Палестины, Египта, куда его забросила его бродяжническая судьба, то холодных финнов, среди которых он бродил», – «Огонек», 1923.

Паустовский вдохновенно описывает «Библию моряка», рукописную книгу, которую боцман Миронов достал на английском пароходе: «Она была написана на австралийско-английском морском жаргоне и являлась, по нашему общему мнению, фольклором, не имеющим равного в мире».

Красивая история, но, вообще-то, портрет автора книги Тома Баркера, делегата международной конференции моряков, и сообщение о выходе его книги «Моряк» публиковал. Как и главы из книги, вовсе не такие романтические, как вспоминалось Паустовскому.

Первомайский номер, на красной бумаге, напоминал первые одесские газеты начала XIX века – часть материалов была на французском языке. В этом номере, 79 по счету, радовали сердце и глаз любителей литературы стихи Валентина Катаева «На яхте» и «На свет маяка», отрывок из поэмы Георгия Шенгели «Броненосец «Потемкин».

В газете стихи Тристана Корбьера, по словам Паустовского, найденные мадам Мозер. «Мозер, высокая и сухая, как англичанка, несколько чопорная и вполне светская дама, что в те годы

производило на нас музейное впечатление». Предваряет стихи небольшое страстно-романтическое предисловие о трудной судьбе рано умершего поэта-матроса.

И что с того, что мадам Мозер – в действительности Георгий Шенгели? Что Корбьер (подлинное его имя Эдуар Жоашен) был человеком небедным, матросом и вовсе не был, а на яхте отца «Невольничье судно» выходил в море не для заработка, а для удовольствия, что умер в 30 лет – по тем временам не такая уж и молодость? Все, прочитавшие книгу Паустовского, запомнили именно того Корбьера, матроса-поэта.

И стихи, напечатанные в далеком и голодном 1921 году на обороте табачных бандеролей, бледные строки, почти неразличимые на красных полосах, трогают душу и сегодня:

«Тристан Корбьер – французский поэт, моряк, которому ранняя смерть помешала показать во всем блеске его дерзкий и вместе с тем бесконечно печальный, до сих пор еще неразгаданный талант. Сын французского капитана дальнего плавания, он провел всю свою недолгую жизнь среди молчаливых рыбаков и матросов, вечно на море, в своем клеенчатом морском плаще и тяжелых деревянных «сабо». Потому и стихи его так же отрывисты, немногосложны и суровы, как язык бретонских моряков.

В 1873 году он издал в Париже свою единственную книгу стихов, а два года спустя умер на берегу океана от тяжелой грудной болезни.

«В истории французской литературы, – писал о нем Реми де Гурмон, – он был непризнанным талантом, странным и драгоценным исключением, исключительный даже в целой галерее исключительных».

Стихи его, по словам Жюля Лафарга, полны дерзости, сухой крепости, каламбуров, живости, нервной отрывистости слога и глубоко жалящей и иронической тоски. Выросший у океана, впитавший широкий гул его приливов, влажность его северо-западных ветров, туманы осенних пепельных штилей, слушая неторопливые рассказы дряхлых стариков о гибели парусных шхун, среди заросших мхом камней, сумрачных часовен Бретани и монотонного рева маячных сирен, он привык смотреть на море, как

на живое, суровое и бесконечное существо, с которым до конца своих дней неразрывно связана душа моряка.

Мы печатаем в русском переводе его стихотворение».

Кончина

Все братья-моряки – матросы, капитаны,
Должны погибнуть там, в свинцовой пелене.
Под смех и зовы жен они ушли в туманы
На тяжкой, медленной, колышащей волне.
Теперь они мертвы. Мне это ясно так же,
Как то, что я видал уход их черных шхун.
Ведь ремесло их – смерть. Гудит маяк на пляже,
И с мыса черного кричит всю ночь ревун.
Я вижу их в плащах, смеющихся и страшных.
С стаканом абсента они пошли ко дну.
Ну ладно! Все равно! У шхун под крик протяжный
Морского следа нет, – ныряют под волну.
Эх, полно! Там в заре качает их над зыбью,
Иль словно в вещий сев засеяло на дне.
И рифы мокрые блестят, как будто рыбью
Рассыпал чешую прибой на их спине.
Вы, сударь, знаете, как эту фразу пишут?
«Их залило волной»? Удар седой воды,
Рангоут хлещет зыбь, и ничего не слышат
Те чайки серые, что видят их сады.
«Их залило волной»! Вы, сельские ребята,
Ведь ваша смерть всегда достаточно смешна.
Но там величье есть! На палубе фрегата
Велик и пенный вал, и синь, и тишина.
Вся горечь ваших снов завянет безнадежно
Перед улыбкою погибших моряков.
Свистать всех по местам! Эй, шкипер, слишком поздно:
Смерть кажет белый лик во мгле ночных ветров.
Матросы, шкипер, кок с неслыханной божбой
С ножом у пояса ушли. Моряк достойный,

Хлебнув морской воды, не давится слюной.
Из чаши горестной, соленой и великой
Они испили все – предсмертный свой абсент.
Их не покроет снег своей одеждой дикой
И жены – мишурой своих истлевших лент.
Ласкают их тела пассаты, и не знают
Они слепой возни кладбищенских червей.
Прибои всех морей их кровью напитают
Пески прибрежные и кили кораблей.
Венчает ветер их последней панихидой,
И к девственной земле усталой чередой
Тела их гонит зыбь близ золотой Флориды,
В песках сверкающей под тусклой бирюзой.

В том же номере напоминает о прекрасном прошлом Одессы очерк Александра Дерибаса «Старый порт», в котором есть удивительно современные замечания:

«Современные одесситы слишком заняты своими городскими делами среди своих бездушных улиц и домов. Да к тому же, до последних годов доступу населения к морскому берегу мешали дачники. А было время, когда одесситы не понимали, как можно жить без моря, как можно жить, не дыша морским воздухом. Берега были свободные – купайся, уди рыбу, мечтай, плыви – кто хочет. В особенности было оживленно в порту. Туда стекались не только люди, занятые портовыми работами, но и все население города. <…>

Море, море! Как оно расширяет нашу грудь! Как оно разверзает нашу душу! Нельзя быть у моря, дышать им, любоваться, но не почувствовать почти непреодолимого стремления слиться с ним. Так и хочется броситься в него! Но не для того, чтобы утонуть в нем, чтобы погибнуть. Нет, – для того, чтобы отдать себя чему-то более широкому, более просторному, нежели наши маленькие земные интересы, чтобы выйти в нем за свои пределы… И прежде всего, чтобы омыть себя».

В № 87 за 21 мая стихотворение Валентина Катаева «Слепые рыбы», которое упоминает Паустовский во «Времени больших ожиданий»: «Катаев хрипло и недовольно прочел свои стихи о слепых рыбах. Дело в том, что рыбаки с Санжейки и Большого

Фонтана иногда вылавливали в море слепых дунайских рыб. Рыбы слепли, попав из пресной воды в соленую».

Всю неделю румянцем багряным
Пламенели холодные зори,
И дышало студеным туманом
Непривычно-стеклянное море.
Каждый день по знакомой дороге
Мы бежали к воде, замирая,
И ломила разутые ноги
До коленей вода ледяная.
По песчаной морщинистой мели
Мы ходили, качаясь от зыби,
И в прозрачную воду смотрели,
Где блуждали незрячие рыбы.
Из далекой реки, из Дуная,
Шторм загнал их в соленое море,
И ослепли они и, блуждая,
Погибали в незримом просторе.
Били их рыбаки острогою,
Их мальчишки хватали руками,
И на глянцевых складках прибоя
Рыбья кровь распускалась цветами.

Раздел «Искусство и культура» часто информирует о судьбе покинувших родину одесских артистов и об их успехах: «Известная в Одессе артистка Иза Кремер выступает теперь в мюзик-холле в Принталии, в Константинополе» (№ 83, 12 мая); «Русские артисты за границей. Мария Кузнецова получила приглашение на гастроли в театр «Perl» в Нью-Йорке. До этого играла главным образом в Париже в Гранд Опера. Мозжухин играет в фильмах Павийон Руж и пользуется большим успехом» (№ 132, 23 сентября).

Впрочем, сообщали не только об одесситах – большая заметка об успешных гастролях «Летучей мыши» Балиева во Франции и Англии (№ 141, 5 октября).

Трогательный лирический очерк о Воронцовском маяке в № 97 за 14 июня принадлежит перу безымянного автора:

На маяке

Сумерки в порту.

Тусклым золотом играет волна, поднятая катером. В туманы, в тяжелые дымы раскаленных степей ложится громадное солнце.

Нагретые за день набережные остро пахнут смолой, рассолом и рыбой – тем непередаваемым и волнующим запахом моря, запахом гавани, который идет и от дубовых бортов шхун, и от выцветшей воды и ветра одежды матросов и рыбаков.

Лениво, нехотя покачивается «Саджак». Смуглые и гортанные турки что-то жарят в тесном камбузе. Кричат мартыны, ускользая вдаль, к уже тускнеющим медным отблескам дофиновского берега.

На волноломе – узкой каменной тропе, ведущей среди моря к маяку, – заржавленные причалы, изорванные волной, красные от соли и времени тросы, громадные выбоины, выбитые зимними штормами.

Еще несколько жестоких штормов – и размытые выбоины углубятся, рассядутся, старинный волнолом перестанет защищать порт от бурь, порвется связь с маяком, и самый маяк – старый белый знакомый всей России Воронцовский маяк, может быть подмыт волнами.

На маяке тишина. Жаром веет от нагретой чугунной башни.

Внизу в темной, сырой и унылой комнате – деревянные нары без матрацев для дежурных фонарщиков. Под самым потолком в гранитной толстой стене пробиты маленькие иллюминаторы. Едва сочится тусклый свет. О стену бьет прибой.

В углу какие-то черные развалины какого-то средневекового, примитивного и закопченного очага, который уже давно не горит. Оказывается – это плита.

Нет дров. Сторожа отбывают свою вахту без кипятка. Обед им приносят с берега жены. Какой обед – неизвестно, ибо получает маячный сторож что-то около 2000 рублей в месяц.

«Паек у нас обычный, как у всех, – говорит фонарщик. – Тут уж жаловаться не приходится».

Единственное и очень скромное желание – это одежда и, главным образом, обувь. От ходьбы по волнолому, вечно заливаемому

водой, по соленым лужам, обувь съедается, перегорает в течение нескольких дней.

Работы на маяке пока еще очень мало. Следят главным образом за его сохранностью, поддерживают, чистят. Хотя за последние дни были уже случаи, когда маяк зажигали.

Но несмотря на отсутствие работы, все же выпадают дни, когда сторожам приходится очень туго. Прошлой зимой в течение восьми дней длился шторм. Вода ходила через волнолом, водопадами сливаясь с внутренней стены. Сторож, застигнутый на маяке, просидел без пищи и света в сырой и холодной комнате, в массивные двери которой все время хлестал прибой, – все восемь суток. Лишь на шестой день к маяку подошел портовый катер. С катера как-то изловчились и сбросили на площадку перед дверью хлеб и кое-какую провизию.

Чугунная винтовая лестница ведет к фонарю. Площадка вокруг фонаря залита багровыми отблесками от круглых и сложных линз. Пахнет гарным машинным маслом. Бесшумно заводится часовой механизм, и медленно, методично и спокойно начинает вращаться фонарь.

Фонарщик жалуется на то, что многие части механизма уже сработались от времени и требуют ремонта. Ремонт, правда, несложный.

На воздушном и сквозном балкончике около фонаря торчит широкое горло сирены. Она уже давно молчит. Но механизм в порядке, и в любой момент ее можно будет пустить в ход. Около сирены – позеленевший от времени старинный колокол, извещающий суда, идущие в тумане, о близости порта.

На балкончике – свежий ветер с моря, кричат и садятся чайки. Медленно огибает покрытый плесенью массив маяка, и, дымя, вползает в порт черный на закате «Эльборус».

Когда спускаемся вниз – на чугунных, покрытых белой краской стенах, заметны бурые потеки ржавчины.

Снова подземелье для сторожей – дыра без света и воздуха и выход сквозь залитую закатным солнцем узкую дверь к морю, на цементную площадку.

Снова тишина и легкий шорох воды у волнолома, и на красных обрывах глинистых берегов – бездымная в прозрачном вечернем воздухе Одесса.

Немногочисленная (если верить одному из выступавших) публика озаботилась приобрести билеты на вечер стихов, прочитав 18 июня в № 99 объявление:

«В субботу 18-го июня в 9 ч. вечера в Центральном зале депеш «Югукроста» (ул. Ленина, 10) состоится вечер стихов.

Участвуют: Э. Багрицкий (стихи из неизданной книги «Харчевня») и М. Тарловский (стихи и поэмы). После чтения стихов обмен мнений.

Билеты при входе 18-го июня от 2-5 часов дня и с 7 час. вечера».

Об этом вечере Тарловский вспоминал: «Одно время я этим клубом (залом депеш. – **А. Я.**) заведовал. Находился он на углу Ришельевской и Греческой улиц, в бывшем банковском помещении. В огромных его витринах выставлялись плакаты. Были библиотека-читальня и кино <…>. Устраивались литературные вечера, лекции и т. п. «Использовав наше служебное положение», мы даже как-то устроили с Багрицким под председательством Льва Славина свой литературный вечер. Но мы хоть честно читали перед немногочисленной публикой».

Знаменитый сотый номер «Моряка»! Он вышел 23 июня на двадцати страницах и был «золотым» – таким напечатали часть тиража специально для конференции водников, где чествовали сотрудников газеты. Впрочем, судя по фельетону Боцмана Якова «Как нас приласкали», чествование особо рьяным не было.

Но номер был поистине золотым! Ведь здесь опубликован рассказ И. Бабеля «Король», рассказ В. Катаева «Сэр Генри и черт», стихи Г. Шенгели «Побег» и два стихотворения Э. Багрицкого.

Как известно, одним из талантов Эдуарда Багрицкого была способность легко и быстро сочинять стихи как на любую тему, так и по случаю всевозможных дат и торжеств. Сам он такие творения не особо ценил и в свои книги не включал. В № 100 два стихотворения Багрицкого.

Одно, как говорят в таких случаях, «датское» – об истории газеты на первой странице, и подписано инициалами Э. Б.

Еще трехцветный флаг кипел
И тяжек был ярем упорный,
А ты сквозь холод ночи черной
Бескрылым голубем летал.
И сумрачные моряки –
Матросы с темными глазами,
Сильней сжимали кулаки,
Следя за вольными словами.
В океаническом просторе,
Где гулких волн разбег широк,
Простой и пламенный листок,
Ты радость зажигал во взоре.
И в кубрике при свете чадном
Среди склонящихся голов –
Ты крепким был и беспощадным,
Свободою и медью слов.
В Константинополе суровом,
Изгнанник северной земли,
Ты призывал кипящим словом
К рабочей воле корабли.
В египетских просторах строгих
Средь обветшалых пирамид
Стоял ты, словно легкий щит,
Пред станом нищих и убогих.
И вот окончен грозный труд,
Свободнее бушует море.
И вольности российской зори
Над темной пропастью цветут.
И в гаванях родной земли,
Увенчаны рабочим благом,
Вошли и стали корабли,
Украшенные красным флагом.

А вот под стихотворением «Путнику», действительно достойным, подпись – Эдуард Багрицкий:

Студент Сорбонны ты или бродячий плут,
Взгляни: моя сума наполнена едою.
Накинь свой рваный плащ, и мы пойдем с тобою
В чудесную страну, что Фландрией зовут.
В дороге мы найдем в любой корчме приют,
Под ливнем вымокнем и высохнем от зноя,
Пока из-за холмов в глаза нам не сверкнут
Каналы Фландрии студеною волною.
Довольно ты склонял над пыльной книгой грудь,
Взгляни: через поля свободный льется путь!
Смени ж грамматику на посох пилигрима,
Всю мудрость позабудь и веселись, как дрозд,
И наша жизнь пройдет струей мгновенной дыма
Среди мычанья стад и в тихом блеске звезд.

Ограничились инициалами еще два сотрудника газеты – Константин Паустовский и Исаак Лившиц.

«…однажды вечером ко мне вошел худой и несколько вертлявый юноша и назвался выпускающим будущей газеты «Моряк» Исааком Лившицем», – писал Паустовский о первой встрече.

Лившиц в разделе «Стихи о море» публикует перевод стихотворения Жана Ришпена и собственное стихотворение.

Копчушка

Из книги «Море» Жана Ришпена

Стыда в твоей худобе нету.
Пусть, старина, зовут они
Тебя копчушкой, – кличку эту
Как клад храни.
И пусть их над тобой смеются,
Бульварных песен голося,
Ведь безобразнее найдутся
Тебя. Куда!

В лице их гордость не простая,
Их тело гнилью съедено –
Белей, чем шкурка горностая, –
Насквозь видно.
И ежедневно моют тело
Водой пахучею, любя,
И ценным мылом то и дело
Лощат себя.
Их кожа сходна с кожей псиной,
Под ней жир мягкий кабана,
Твою – сравнил бы я с козлиной,
Брезент – она.
И только немощность их коже
Дает свой цвет. Она больна;
На розу в молоке похожа
Как раз она.
Твоя, будь грязной или чистой,
Здоровый сев в себе таит;
И солнце жжет ее искристо,
Вода солит.
Привык ты к широченным брюкам,
Они с тобою и во сне,
Бежит под ними с бодрым стуком
Кровь, как в огне.
Дружище, все, что осмугленно,
Что дышит солнцем и волной,
И воздух рейда, ветр соленый,
Вода и зной.
Соединяется все тесно
Под окисью годов, и вот
Я вижу, как металл чудесный
Блестит, живет.
Твое лицо – годов наследье,
И шея – жилистый упор,
Как бюст из золота и меди
Слепит мой взор.

И. Л.

И стихи самого Лившица:

* * *

Смеялось море тысячами губ,
Целуя сталь усталых кораблей.
Ответный гул был радостен и груб,
И серый дым рабочих черных труб
Смешало море с запахом солей,
И катера, живая прядь стеблей,
Тянули баржи, грузные, как труп.
И с солнцем слившись в радостную трель,
Смеялось море.
Текут года, один другого злей,
Замкнулся город осажденный в круг.
Порт опустел, как брошенный улей,
И на руках не стало мозолей…
Но ждет маяк, чтоб снова на ветру
Смеялось море.

И. Л. (Исаак Лившиц)

Стихотворение Паустовского «Вы помните, у серого Камилла…» напоминает о недавно заходившем в Одессу пароходе «Камилло Гильберт». Его приходу была посвящена большая статья в № 94:

«В пятницу вечером, 3 июня, в Одесский порт прибыл пароход «Камилло Гильберт» под норвежским флагом, доставивший закупленный в Америке советским правительством паровичный уголь в количестве 7471 тонны.

«Камилло Гильберт» представляет собой прекрасно оборудованный грузовой пароход новейшей конструкции», – далее следовало подробнейшее описание судна, оборудования и даже кают.

* * *

Вы помните, – у серого «Камилла»
Ныряли чайки, словно хлопья снега,

Как чешуя, вода в порту рябила,
И по ночам слепительная Вега
Сверкала вся, как древняя корона,
Как божий знак покинутых морей.
Железный лязг скрежещущих лебедок,
И хриплый крик, и темные закаты
На пелене прозрачной и зеленой,
Где облака – как крылья лебедей.
И тихий ход портовых ветхих лодок
У черных и бездымных кораблей,
Заржавленных, как латы.
А на рассвете, тусклом, как опалы,
Мы слышали густой и медный рев
Сирен тягучих. Бледные кораллы
Мигали в ночь. И этот гулкий зов
Напомнил мне о гаванях шумливых,
О зное стен и запахе вина,
О бронзовых и закаленных лицах
Чужих и странных моряков.
И горечь дум, и блеск зарниц в заливе,
Сквозных медуз в волне голубизна,
И запах соли, солнца и корицы
Измучили, как мучает весна
Беспомощных рабов.

К. П. (Константин Паустовский)

Автор стихотворения позже даст яркий портрет еще одного поэта газеты «Моряк»: «Шенгели был высок, глаза его по-юношески сверкали. Он ходил по Одессе в тропическом пробковом шлеме и босиком. При этих внешних качествах Шенгели обладал эрудицией, писал изысканные стихи, переводил французских поэтов и был человеком, расположенным к людям и воспитанным».

Георгий Шенгели

Побег

Полночь. Ветер. Лодка покачнулась,
Задержалась на валу прибоя;
Виноградною волной плеснуло
Прямо в парус, в полотно литое.

Узкий луч по волнам простирая,
Там на взморье сторожит нас катер;
Ветер плещет в дуло митральезы.
Луч мы видим, слышим пенье ветра.

Проскользнули! Прямо руль! По ветру!
Ах, как звонок бег наш полнокрылый!
Ах, как пахнет сеном и свободой
Берег тот, куда наш путь направлен!

В море кинут островок песчаный.
Здесь ночуем, здесь мы солнце встретим.
И, спугнувши уток, мы выходим
На песок, уступчивый и теплый.

Спать… Не спим. Сидим и курим трубки,
И молчим, глядя на берег черный,
Где ревут паровики, и в небе
Винной розой взвешен дым пожара.

В этом же номере «Стихи о Москве» Эмиля Германа и очерк Незнакомца (знакомого всей Одессе Бориса Флита) «Портовая старина (из архивов порта)».

Для тех, кто интересовался западной литературой, – большая статья о Ромен Роллане и перечень его новых произведений: «Кола Брюньон», «Клерамбо», «Лилюли».

Примечательно, что именно учившийся в двадцатые годы в Одессе Евгений Кибрик именно с одесситки Евгении Хин нарисует в тридцатые годы Ласочку из «Кола Брюньона». Ромен Роллан считал портрет Кибрика лучшим изображением Ласочки и писал об иллюстрациях к повести: «Я приветствую Кибрика, мастера жизни и юмора, который умеет быть в свои счастливые часы также и мастером красоты. Я благодарю его от имени моей Бургундии». О Евгении Хин можно прочесть в 72 номере альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».

Увы, именно после сотого номера исчезают со страниц газеты стихи и рассказы известных литераторов (кроме Боцмана Якова). В дальнейшем значительное место будет занимать информация о театре, русских и заграничных изданиях и литературных вечерах.

Окончание следует

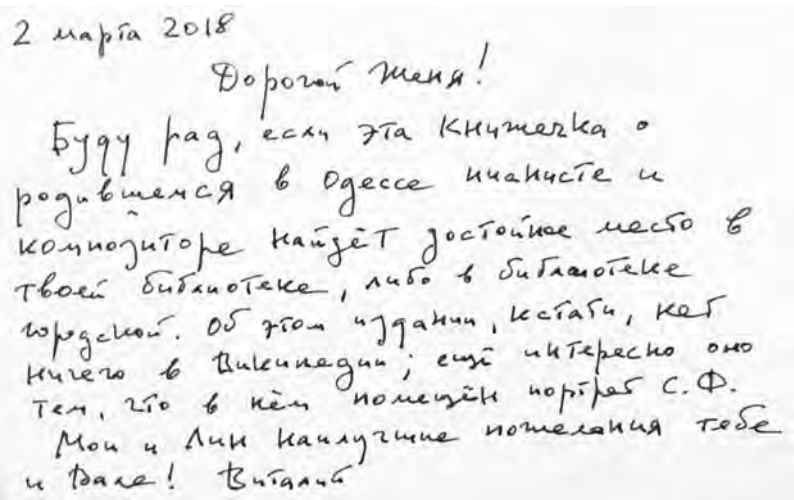
Сокровища из сокровищницы

342 Татьяна Щурова
«Явление мировой музыкальной культуры»

Татьяна Щурова

«Явление мировой музыкальной культуры»

Недавно небольшая редкая книжка пополнила фонд музыкального раздела искусствоведческой литературы нашей библиотеки. Передал ее Евгений Михайлович Голубовский, который, в свою очередь, получил книгу из Парижа от известного журналиста и поэта Виталия Амурского с такой запиской:



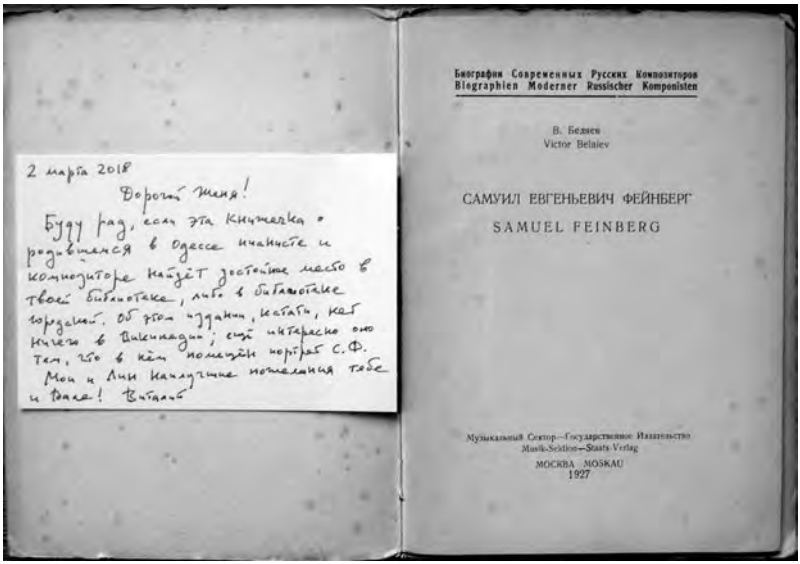
2 марта 2018

Дорогой Женя!

Буду рад, если эта книжечка о родившемся в Одессе пианисте и композиторе найдёт достойное место в твоей библиотеке, либо в библиотеке городской. Об этом издании, кстати, нет ничего в Википедии; ещё интересно оно тем, что в нём помещён портрет С. Ф.

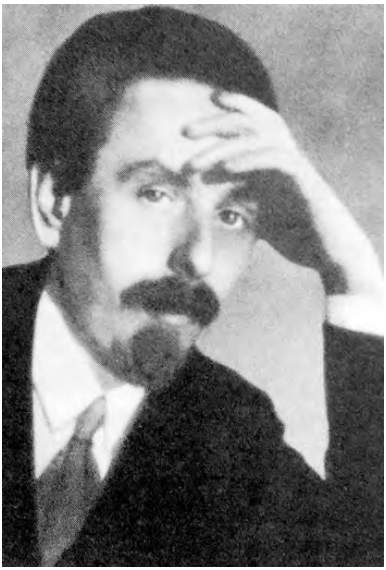
Мои и Лин наилучшие пожелания тебе и Вале! Виталий

Речь идет о брошюре В. Беляева «Самуил Евгеньевич Фейнберг» (М., 1927), изданной на русском и немецком языках в серии



«Биографии современных русских композиторов». Она вышла в свет, когда 37-летний композитор был в расцвете творческих сил, он также считался одной из крупнейших фигур в отечественном фортепианном исполнительстве. Однако сегодня это имя известно достаточно узкому кругу профессионалов и его вряд ли сразу вспомнят среди композиторов первой половины XX века. Избирательность судьбы непредсказуема, увы…

Еще один талантливый человек, родившийся в Одессе (1890). Правда, в четырехлетнем возрасте он был перевезен родителями в Москву, где вплоть до кончины (1962) протекала его жизнь и музыкальная деятельность. К сожалению, с родным городом в дальнейшем контактов не случилось. Талантливый ребенок уже в шесть лет свободно подбирал музыку, которую слышал, а в одиннадцать стал сочинять собственные произведения в стиле Шопена. Затем увлечение музыкой Вагнера. А потом самые сильные впечатления и любовь на всю жизнь, связанные с творчеством Скрябина. Современники музыканта вспоминали, что



„БЕТХОВЕНСКАЯ СТУДІЯ".

19 14

Годъ II я. Сезонъ 1913 — 14 гг.

Залъ Синодальнаго Училища.

Понедѣльникъ, 3-го, Пятница, 7-го, и Понедѣльникъ, 10-го Февраля,

состоятся

ТРИ БАХОВСКИХЪ ВЕЧЕРА

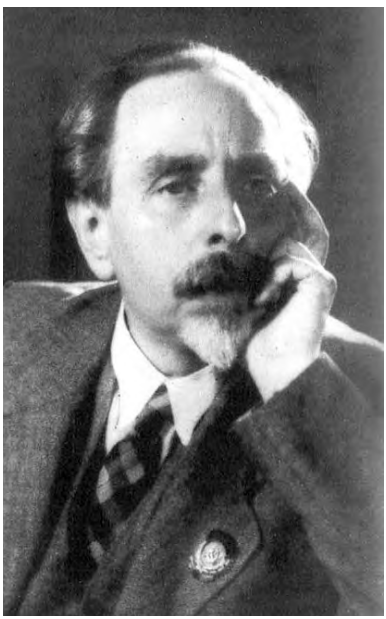
пианиста

Самуила ФЕЙНБЕРГА.

однажды Александр Скрябин посетил концерт Фейнберга и похвалил его исполнение. Считалось, что «скрябинская жилка навсегда у него осталась и помогала интерпретировать другие стили». В его мастерстве ощущалась также линия классического пианизма – он был выдающимся по дарованию учеником Александра Гольденвейзера.

Фейнберг не только обладал виртуозным исполнением сложнейших музыкальных произведений, но и его феноменальная память быстро вошла в поговорку. Он знал наизусть все основные произведения Баха, Шопена, Шумана, Скрябина, многие пьесы Чайковского, Рахманинова, Прокофьева. Причем все это сохранялось в состоянии готовности в любую минуту к концертному исполнению. Он славился тем, что мог, бисируя после концерта, сыграть труднейшую технически вещь, которую не исполнял многие годы.

Самуил Фейнберг полностью подчинил свою жизнь музыке. Его брат-художник Леонид вспоминал: «Мне всегда казалось, что для брата игра на рояле столь же естествен-



ное состояние – необратимое и неутомительное – как дыхание или биение сердца».

В 1920-е годы Фейнберг неоднократно выступает за рубежом – в Италии, Австрии, Германии – как пианист и музыкант мирового значения, получая при этом самые лестные отзывы в прессе. В 1930-е годы его приглашают членом жюри Международного конкурса пианистов в Вене.

С 1922 года Фейнберг сорок лет преподавал в Московской консерватории, был среди основателей ее фортепианной школы, занимая должность профессора класса специального фортепиано. Удивительно интересно читать воспоминания учеников Фейнберга, которые до сих пор исполняют его произведения в концертах. Многие из них считали, что пять лет занятий у этого профессора – это своеобразный университет искусств. Навсегда запоминались молодым музыкантам его простота, тактичность, деликатность во время занятий, умение держать себя с достоинством, быть изысканным в жестах и суждениях. Фейнберг-педагог считал, что артистизм и мастерство неразделимы,

Члены жюри от Советского Союза на Конкурсе им. королевы Елизаветы. Брюссель, 1938 г.
Слева направо: Э. Гилельс, С. Фейнберг, И. Михновский, П. Серебряков

и их следует развивать в учениках одновременно. Учитель должен освободить, раскрепостить ученика, «чтобы сидение за инструментом не оказалось напрасными усилиями, даром потраченными часами». Перед выходом на эстраду он говорил ученикам: «Забудьте про всех учителей и про меня в первую очередь! Играйте увлеченно!.. Сила музыкального произведения обнаруживается только тогда, когда находится артист, умеющий по-иному воссоздать замысел автора, связать его со своей личностью, временем, переосмыслить его…». Смысл педагогических воззрений С.Е. Фейнберга, метод его работы с учениками подробно изложены в его книгах «Пианизм как искусство» и «Мастерство пианиста», в которые вошли тексты его блестящих лекций. Увы, сами книги вышли уже после кончины Фейнберга благодаря усилиям брата Леонида и учеников музыканта. Эти книги до сих пор активно используются педагогами, они входят в обязательные

списки учебной литературы по методике и истории фортепианного искусства, ибо заключают в себе много полезного и методически верного. Внушать веру в себя – не это ли одно из основных назначений педагога-наставника!

С.Е. Фейнберг. Портрет работы брата композитора, Л.Е. Фейнберга

Читая статьи самого Фейнберга, интервью, материалы о его творчестве в таких, например, сборниках, как «Пианисты рассказывают» (три выпуска под редакцией Михаила Соколова; 1980-е гг.), книгу Александра Вицинского «Беседы с пианистами» (2004), сборник под редакцией Ирины Лихачевой «Самуил Евгеньевич Фейнберг. Пианист. Композитор. Исследователь» (1984), понимаешь, что речь идет о тонком художнике, богато одаренной и цельной натуре – во всех своих проявлениях креативной.

Образованность не могла не сказаться на его композиторском творчестве. Он прекрасно ориентировался в новой музыке, понимал и исполнял Прокофьева, Шостаковича, Метнера, считал Шёнберга великим композитором. В свое время Фейнберг, конечно, попал в число композиторов-«формалистов», испытал непонимание критики и запрет на исполнение его сочинений, который затем повлек за собой и запрет его выступлений как пианиста, отказ в записях. А потом Сталинская премия за Концерт для фортепиано с оркестром и другие высокие награды… Он много сочинял, большинство его произведений для фортепиано: три концерта, 12 сонат, две фантазии, две сюиты, мелкие пьесы, свыше 50 романсов на стихи А. Толстого, Цветаевой, Брюсова, Пушкина, Лермонтова, Маршака, Рэмбо, Кирсанова. Окружающие считали, что ему довелось при жизни обидно мало «услышать» в печати

В классе С.Е. Фейнберга в день его 70-летия, 1960 г.
Слева направо сидят: З. Игнатьева, С.Е. Фейнберг, Л. Рощина, В. Мержанов, М. Виноградова, К. Эскаланте (Куба); стоят: М. Курманаева, В. Бунин, С. Величко, М. Касаткин, М. Савельева, Т. Лазарева, Ю. Батуев, Т. Галицкая, Г. Залинг (ГДР), А. Соболев, В. Малинников

серьезных, умных, добрых и восхищенных слов… Похоже, он был нетипичной фигурой советского музыканта: «Не конформист и не диссидент, а художник, идущий своей дорогой…». Уже потом выяснился жуткий факт: после войны он носил зашитую в воротник пиджака ампулу с цианистым калием, на случай ареста…

Самуил Фейнберг не был столь знаменит, как Генрих Нейгауз, Святослав Рихтер или Эмиль Гилельс, но перед нами раскрывается одаренный мастер, не признававший дилетантства и дешевой саморекламы. Личность, оставившая по себе добрый след в душах многих людей…

Так небольшая книжка побудила нас вспомнить еще об одном интересном человеке, рожденном в Одессе.

Путешествие

350 Евгений Деменок
Дерево жизни. Большая синагога. Будапешт

Евгений Деменок

Дерево жизни. Большая синагога. Будапешт

О самой большой синагоге Европы, расположенной на улице Дохань в Будапеште, я узнал от… Дэна Брауна. Он описал ее в романе «Origin», «Происхождение». Там же в пятой главе рассказал он и о похороненных во дворе синагоги тысячах убитых нацистами евреев, и о выкованном из металла «Дереве жизни», на каждом из листочков которого выбито имя невинной жертвы.

В эти дни мы как раз собирались в Будапешт на открытие большой выставки современного украинского искусства в тамошнем филиале Музея Людвига. По дороге в самолете я читал о синагоге.

Построенная в мавританском стиле синагога на улице Дохань – не только самая большая в Европе, но и вторая в мире после синагоги Эману-Эль в Нью-Йорке. Она рассчитана на три тысячи человек, площадь ее – 1200 квадратных метров, высота башен – 44 метра. Возвели ее в рекордно короткий срок – менее чем за пять лет, с 1854-го по 1859-й, по проекту венского архитектора Людвига Ферстера, построившего ранее Венскую хоральную синагогу, а внутреннее убранство спроектировал Фридеш Фесл. Торжественное открытие синагоги состоялось 6 сентября 1859 года. Внутри синагога немного напоминает католический собор – в ней даже есть кафедра и орган, на котором играли Лист и Сен-Санс. За более чем полтора века существования синагоги орган дважды ремонтировали и один раз полностью заменили.

Находящиеся в здании сиденья (1492 мужских и 1472 женских мест) были куплены еще до полной сдачи синагоги строителями. И в дальнейшем ими могли пользоваться только владельцы. Их можно было продать-купить или даже заложить, настолько

ценным являлось каждое место в синагоге. В местном еврейском обществе даже существовала поговорка: «Член общины должен иметь квартиру, дачу и место в синагоге на улице Дохань».

Вплотную к синагоге примыкает Еврейский музей, построенный по проекту Ласло Ваго и Ференца Фараго, – он расположен на месте, где стоял раньше дом Теодора Герцля. Вернее, дом, в котором Герцль в 1860 году родился. Ему повезло родиться прямо рядом с Большой синагогой, поэтому обряд бар-мицвы он проходил именно тут.

«Когда мне исполнилось тринадцать лет, родители устроили пышное празднество «Бар-мицва». Утром той торжественной субботы я помолился в синагоге, где меня вызвали для исполнения обряда и чтения особой молитвы «Мафтир»; глубоко врезалась в память праздничность и величие этой минуты. Дома во время самого празднества мной была произнесена взволнованная «речь», и в конце ее я поклялся «остаться верным еврейству в любых условиях и обстоятельствах», – писал Герцль в своих воспоминаниях.

В 1929-1931 годах облик синагоги и прилежащей территории меняется. Завершается строительство Еврейского музея, а во дворе возводится храм Героев – в честь погибших на полях первой мировой войны десяти тысяч евреев. Тогда же во дворе появляется и сад.

Начало 1930-х – время уже тревожное. Начинаются провокации. Весной 1931 года выстрелили в двух верующих рядом с синагогой, в 1939 в группу молящихся была брошена ручная граната. В стране полную силу набрали антисемитские настроения. В 1938 году был принят «Первый еврейский закон», устанавливавший квоту на максимальную долю еврейского населения в трудовой занятости в 20 процентов; в следующем, 1939 году, принимается «Второй еврейский закон», определявший еврейство как расу, а не как религию, что меняло статус евреев, принявших ранее христианство. Тогда же фашистская партия «Скрещенные стрелы», которая насчитывала в тот момент 250 тысяч членов, набрала 15 процентов голосов на выборах в парламент – правда, допущена туда так и не была. Более того, ее лидер Ференц Салаши был в 1938 году приговорен к трехлетнему тюремному заключению

за то, что открыто заподозрил жену правившего Венгрией с 1920 года регента Хорти в еврейском происхождении. Однако в 1940 году под давлением Германии Салаши был досрочно освобожден из заключения по амнистии.

В августе 1941-го был принят «Третий еврейский закон», который налагал запрет на бракосочетания и половые контакты между евреями и венграми. Венгрия становится полноценным союзником фашистской Германии. И все же до весны 1944 года венгры не отправляли евреев в лагеря смерти и не создавали гетто. Но 19 марта 1944-го немецкие войска оккупировали Венгрию. Сразу после этого началась отправка евреев в лагеря смерти – в период с 15 мая по 9 июля в Освенцим депортировали более 400 тысяч человек. Депортацией занимался печально известный Адольф Эйхман, выслеженный уже в 1960 году в Буэнос-Айресе агентами Моссада и повешенный по решению суда в Израиле.

RAOUL WALLENBERG
ANGEL SARZ ROIZ
ANGEL SEGOVIA
APOR VILMOS
DR. ANTALL JÓZSEF
CARL LUTZ
CARLOS DE LEZ-TEIXEIRA BRANQUINHO
ERNSTWON RUFS
FERENCZY DÉNI ÉS FELESÉGE
FRIEDRICH ROBE
GIORGIO PERLASCA
NAGYBACZONI NAGY VILMOS
PÁTZAY PÁL
PER ANGER
PETER ZÜRCHER
REVICZKY IMRE
SCHALKHÁZI SÁRA
SCHLACHTA MARGIT
SZTEHLO GÁBOR
ALMÁSY TIBOR
HENRIK SLAWIK
GENNARO VEROLINO
SAMPAYO GARRIDO
NINA ÉS VALDEMAR LANGLET

1
Cohen family
ABE, JACKIE, MICHAEL, ADRIANNA

В октябре 1944-го Миклош Хорти, чей сын был похищен и взят в заложники отрядом СС, передал власть Ференцу Салаши, партия которого, «Скрещенные стрелы», начала массовые убийства евреев и похищение их имущества. Жертв расстреливали прямо на берегу Дуная… В память об этом в 2005 году организован мемориал. Вдоль набережной у края воды стоят шестьдесят пар мужской, женской и детской обуви – стоптанные ботинки, туфли, башмачки, аутентичные копии моделей 1940-х годов.

В декабре 1944-го в Пеште было создано гетто. В синагоге и окружающих зданиях были сконцентрированы 70 тысяч евреев. В гетто были расстреляны, погибли от эпидемий, голода и холода тысячи человек. Их тела подолгу лежали под стенами синагоги. 3500 человек удалось захоронить на ближайших кладбищах, а после освобождения гетто 18 января 1945 года на соседней с синагогой площади было найдено более трех тысяч тел, во дворе самой синагоги – 2881 тело, для захоронения которых были созданы 24 братские могилы. Синагога на улице Дохань стала единственной в мире с кладбищем в саду. При синагогах никогда не устраивают кладбища, но еврейский Закон резко осуждает откапывание и перемещение мертвых тел.

Из приблизительно 800 тысяч евреев, живших на территории Венгрии к 1941 году, немногим более 200 тысяч пережили Холокост. По другим данным, из 803-850 тысяч погибло около 565 тысяч. За два года в Венгрии было уничтожено, по разным источникам, от 500 до 600 тысяч евреев – примерно 70 процентов еврейского населения…

Синагога уцелела чудом. Когда фашисты заняли Будапешт, здание синагоги перешло в их распоряжение и использовалось как штаб, а на двух башнях были установлены антенны. В нем же была немецкая поликлиника, которой несколько месяцев руководил известный впоследствии изверг доктор Йозеф Менгеле. Часть времени синагога использовалась как конюшня, а деревянные сиденья были сброшены в подвал – благодаря этому они сохранились, и сейчас в зале установлены те же скамьи, на которых сидели те, кто приходил сюда молиться еще до войны. Но большинство сидений, на которых сохранились фамилии и имена тех,

кто имел в синагоге постоянные места, никогда больше не служили своим хозяевам – те сгинули в Катастрофе.

Витражные окна синагоги тоже подлинные – в начале войны все они были сняты и спрятаны в подвалах Национального музея.

После войны, как и многие синагоги Восточной Европы, здание постепенно приходило в упадок. Только лишь в 1996 году, через несколько лет после падения коммунистического режима, начался ремонт синагоги. Основная часть суммы была пожертвована актером Тони Кертисом и Эсте Лаудер. Родители обоих были выходцами из Венгрии; настоящее имя Тони Кертиса, того самого, который сыграл Джозефину в фильме «В джазе только девушки», – Бернард Шварц, а Эсте Лаудер до замужества была Жозефиной Эстер Ментцер.

Благодаря созданному Тони Кертисом Фонду памяти жертв Холокоста «Эману-Эль» в 1991 году во дворе синагоги был установлен памятник «Дерево жизни» работы скульптора Имре Варга. На тысячах листиков сделанной из металла плакучей ивы выбиты имена убитых; достаточно небольшого ветерка – и металлические листочки начинают шелестеть, словно напоминая о страшных временах.

Мы пошли в синагогу в первый же день по приезде в Будапешт. Послушали экскурсию. Обошли все от и до. Самое большое впечатление произвел на меня Мемориальный парк памяти жертв Холокоста имени Рауля Валленберга, где на мемориальной плите выбиты имена праведников народов мира, тех, кто спасал евреев в те страшные времена, часто рискуя собственной жизнью. И если о шведском дипломате Рауле Валленберге, спасшем десятки тысяч человек, выкраденном СМЕРШем и замученном чекистами в Москве, я знал, то имена Джорджо Перласки и Карла Лутца услышал впервые.

Джорджо Перласка был убежденным фашистом, верным последователем Муссолини. Если бы не это обстоятельство, он вряд ли смог бы спасти от депортации и неминуемой гибели несколько тысяч венгерских евреев. После окончания технической гимназии Джорджо был призван в армию, участвовал в войне в Абиссинии. В 1936 году добровольцем поехал в Испанию, где сражался на стороне Франко. В 1939 году он вновь мог попасть на военную

службу – Италия готовилась тогда вступить в мировую войну на стороне Гитлера, – но на этот раз в армию не попал, так как жил в Будапеште и работал на фирме, которая снабжала итальянский флот консервами.

Когда в сентябре 1943 года режим Муссолини пал, Италия вышла из войны и была оккупирована нацистами – как вскоре Венгрия. Возвращаться в Италию Перласка не захотел, но и оставаться в Будапеште было опасно – для венгерского правительства, поддерживающего Гитлера, итальянцы стали гражданами враждебного государства. Весной 1944 года Перласка с группой итальянских дипломатов был интернирован в специальный лагерь в городке Кекеш под Будапештом.

В октябре 1944 года Джорджо удалось освободиться благодаря шведской делегации, которая посетила лагерь, – Швеция защищала права итальянских граждан в Венгрии. Перласка получил разрешение несколько дней сопровождать делегацию в Будапеште. Больше в лагерь он не вернулся. Но положение его было очень уязвимым – его могли арестовать не только местные фашисты, но и немцы, взявшие фактически власть в Венгрии. И тут ему пригодилось… обещание генерала Франко защитить всех, кто воевал в Испании на его стороне.

Перласка отправился в испанское посольство и попросил помощи. В тот же день он стал испанским гражданином. Перласка предложил свои услуги послу Испании в Будапеште Анджело Санц-Брицу, который помогал венгерским евреям избежать депортации и уничтожения. Санц-Бриц выдал Перласке удостоверение сотрудника испанского посольства.

Джорджо Перласка взялся за защиту будапештских евреев совершенно добровольно, без какого-либо принуждения. «Я просто не мог отвернуться и пройти мимо, когда на моих глазах совершались страшные преступления», – рассказывал Перласка в Иерусалиме во время церемонии присвоения ему звания Праведника народов мира.

Новый дипломат помогал в оформлении испанских виз для будапештских евреев, а также размещал беженцев в специальных домах-общежитиях, приписанных посольству. Когда он приступил к работе, под испанской защитой находилось около трехсот

евреев. В конце ноября 1944 года в домах-общежитиях под испанской юриспруденцией жило уже более трех тысяч беженцев.

30 ноября 1944 года Перласка не нашел в посольстве своего начальника – Санц-Бриц, опасаясь прихода русских, уехал в Швейцарию, не назначив себе заместителя. Перласка тоже мог уехать, но решил остаться. Была только одна проблема – он не имел больше права выдавать людям испанские паспорта. И тем не менее делал это.

Перласка фактически назначил сам себя исполняющим обязанности консула Испании, и если бы венгерские власти проверили его полномочия, смертный приговор был бы весьма вероятен. Он продолжал заботиться о своих «подопечных», принося каждый день еду и лекарства и неоднократно спасая их от гибели от рук венгерских фашистов.

Но… В середине января 1945 года венгерский министр внутренних дел Габор Вайна приказал собрать и уничтожить всех евреев, находящихся под зашитой иностранных представительств в Будапеште. Это было безоговорочное требование Гитлера. Что же сделал Перласка? Он добился встречи с министром и в течение нескольких часов убеждал его отменить варварское решение, угрожая (!) точно так же поступить с венгерскими гражданами, находящимися в Испании, Бразилии (!) и Уругвае. В итоге Габор Вайна согласился не трогать евреев, находящихся под испанской защитой. Так Перласка спас от верной смерти три тысячи человек.

Джорджо Перласка и Рауль Валленберг неоднократно сотрудничали. Валленберг выдал шведские паспорта и визы более чем двадцати тысячам венгерских евреев. В январе 1945 года Перласка в последний раз встретился с Валленбергом. Валленберг опасался за свою жизнь и просил испанского дипломата о помощи. Перласка предложил ему свой автомобиль с испанским флагом и сопровождение полицейского эскорта, чтобы доставить шведа в испанское посольство, однако Валленберг отказался – у него оставались еще незавершенные дела в Будапеште. Валленберг обещал приехать вечером на своей машине, но не приехал…

Когда советские войска вошли в Будапешт, Перласка сжег свой испанский паспорт, дипломатическое удостоверение и снова ока-

зался итальянцем. В июне 1945 года он вернулся к своей семье в Падую. Долгие годы он жил в безвестности и нищете, и лишь через сорок лет после войны люди узнали о его заслугах. Тогда Джорджо Перласка впервые ощутил, что такое мировая слава. Он получил высший орден Венгрии, Италия наградила его Рыцарским крестом, Израиль назвал его почетным гражданином страны. В 1989 году в Иерусалиме Перласке торжественно присвоили звание «Праведник народов мира». Ему было тогда 79 лет.

Карл Лутц был швейцарским дипломатом, вице-консулом в Будапеште с 1942 года и до конца войны. Он спас более 62 тысяч евреев, выдавая им охранные свидетельства и создавая «дома безопасности»; кроме того, сотрудничая с Сохнутом, помог десяти тысячам еврейских детей эмигрировать в Эрец-Исраэль. Однажды, получив от властей восемь тысяч сертификатов, которые позволяли не отправлять в лагеря смерти соответствующее количество евреев, намеревавшихся якобы выехать в Палестину, Лутц начал выдавать сертификаты не на одного человека, а на целую семью, а затем самовольно выпустил еще несколько тысяч сертификатов с номерами от 1 до 8000. Усилия Лутца были так заметны и эффективны, что в ноябре 1944 года проконсул Эдмунд Веезенмайер, представитель Третьего рейха в Венгрии, даже запросил у Берлина разрешения убить Лутца. Берлин так и не ответил.

Вскоре после войны Карл Лутц был обвинен швейцарскими властями в превышении полномочий, но в 1958 году обвинение было снято, а в 1965 году он стал первым швейцарцем, признанным Праведником народов мира. Памятник Карлу Лутцу установлен недалеко от Большой синагоги – на фоне мрачных серых домов позолоченная бронзовая фигура ангела парит над лежащим на земле евреем и протягивает ему руку помощи. На табличке у памятника выведена цитата из Талмуда: «Кто спасет одну жизнь – спасет целый мир».

Вместе с Валленбергом, Лутцем, Перлаской и Санц-Брицем евреев в Будапеште спасали португальские дипломаты Карлос де Лиз-Тексейра Брэнкуинхо и Сампайо Гарридо, апостольский нунций Анджело Ротта, швейцарский представитель Международного Красного Креста Фридрих Борн и многие другие.

На 1 января 2016 года 837 граждан Венгрии были признаны Праведниками народов мира за участие в спасении евреев от Холокоста.

Прошли годы. Сегодня в венгерском парламенте представлена ультраправая националистическая партия «Йоббик», которая отвергает европейскую интеграцию и является антисионистской. Прямо во время нашей поездки в Будапешт прошли парламентские выборы, и «Йоббик» набрала 20 процентов голосов, став второй партией в парламенте. Так что ультраправые в Венгрии как были, так и остались.

Недавно представители партии публично сожгли флаг Израиля прямо перед Большой синагогой. А в 2012 году Чанад Сегеди, один из партийных лидеров и депутат Европарламента, прослывший ярым антисемитом, неожиданно узнал о своем еврейском происхождении и впоследствии вышел из партии, принеся публичные извинения за свои ксенофобские высказывания. Он стал религиозным евреем и в 2016 году переехал в Израиль. Бывают и такие повороты судьбы.

После мемориального парка мы вновь вернулись в синагогу. Я пытался представить себе, на какой скамейке сидел Дэн Браун. Он ведь наверняка был здесь. Он даже в Прагу приезжал, собирая материал для одного из будущих романов. Гулял по городу, слушал лучших экскурсоводов. Так что и в синагоге на улице Дохань он не мог не побывать. Размышляя об этом, я шел по центральному проходу и, пропуская вперед группу, случайно сел на скамью, на столешнице которой была привинчена латунная табличка: «Семья Коэн. Абе, Джеки, Михаэль, Адрианна».

Какова судьба этих людей? Живы ли они?

Очень хочется, чтобы ответ был положительным.

Ах, Одесса

360 **Феликс Кохрихт**
Третий глаз Гергая

363 **Сергей Осташко**
Одесские байки

Феликс Кохрихт

Третий глаз Гергая

Гергая – такая фамилия, может быть, и аджарская, а быть может, грузинская. Никогда не интересовался у Георгия, каких он корней. Точно знаю, что – одессит.

Фамилия эта не склоняется. Откуда и название этих заметок: глаз – не Гергаи, а – Гергая. Так у них, кавказцев, принято. Но, может быть, Жора и не кавказец.

Знаю его давно, еще юношей. Повзрослев, он стал инженером, туристом и фотографом. Еще играл в КВН, где его фамилия иногда обыгрывалась.

Третий глаз – редкая особенность не столько физиологического устройства органа зрения, сколько способность въедливо и незаметно, глядя в одну сторону, снимать своим фотоаппаратом другую часть, скажем, лица. Таким образом натура и не догадывается, что стала предметом проявления, печати и фиксации. В былые годы Жора печатал свои снимки на фотобумагу. Нынче же все делают за него гаджеты.

Недавно Гергая устроил выставку своих работ в Доме ангелов, сам при этом анге-

лом не будучи. Там он показал нас всех, кто попадался ему, как он сам пишет в пресс-релизе: «за столом, в собраниях, на концертах, в транспорте». Среди попавшихся ему на глаза – артисты, футболисты, туристы, художники, городские чудики. Есть и мы, журналисты. В частности, члены редколлегии альманаха «Дерибасовская – Ришельевская». Не могу понять, почему Евгения Голубовского он напечатал на отдельном листке фотобумаги, а Олега Губаря и меня стиснул вдвое на таком же размере. При этом я получился как бы частично – в пол-лица.

Словно злорадствуя, Георгий назвал этот снимок «Третий глаз» и не успокоился, пока не затащил меня на выставку. За что и получил от меня вышеупомянутый заголовок, из которого несведущий читатель может решить, что Жора либо продвинутый йог, либо, упаси господь, пришелец.

Но это не так. Он – хороший фотограф и добрый наш приятель.

Сергей Осташко

Одесские байки

Сегодняшняя публикация полностью посвящена поездкам в одесском транспорте.

Диалог с приезжим

Глубоко советские времена. Лето. Переполненный троллейбус. Происходит следующий диалог:

– Простите, пожалуйста, мне нужно в «Детский мир». Вы не подскажете, где мне сойти?

– В среду.

– Что «в среду»?

– В среду в «Детский мир» нужно ходить. Там завоз товара в среду.

Дед с мороза

В промерзший троллейбус заходит крепкий старик.

Кондукторша: – Проходите, садитесь, там есть места.

Старик: – А там уже нагрели?

Разговор с не-мадам

Есть чудное одесское обращение «мадам», которое помнят все одесситы, даже самые молодые, – на уровне генетической памяти. А вот неодесситы – в упор не понимают. Даже обижаются.

В трамвае сравнительно интеллигентный и сравнительно молодой человек обращается к явно не местной даме средних лет:

– Мадам, передайте, пожалуйста, на билет.

Казалось бы, что тут такого, а она возмущенно:

– Мадам, мадам, какая я вам мадам?

Мужчина с недоумением смотрит на нее и с ужасом спрашивает:

– Неужели мадмуазель?

Весь трамвай взрывается от смеха, а дама, похоже, так ничего и не поняла.

Лучше бы вы стояли

Сразу скажу, что не был свидетелем этого эпизода, а знаю о нем со слов обладательницы прекрасного бюста, что (собственно, прекрасный бюст) могу подтвердить.

А теперь история.

Лето, жара, полная маршрутка. Рядом стоят обладательница прекрасного бюста (см. выше) в соответствующем декольте и молодой человек средней молодости. Заметно, что молодой человек воспитанный, но декольте заметно лучше. Поэтому волей-неволей взгляд мужчины на секунды фиксируется на уютной ложбинке, а затем стыдливо отводится.

Рядом со стоящими освобождается место. Далее диалог без комментариев.

– Садитесь, пожалуйста…

– Ничего, я постою.

– Зачем же стоять? Садитесь!

– Да мне недалеко…

– Места же больше будет.

Не знаю, как долго продолжалось это препирательство, – я же предупреждал, что при сем не присутствовал, – но так или иначе обладательница декольте села. Взгляд воспитанного молодого человека на секунды фиксируется сверху на уютной ложбинке, и он вздыхает:

– Нет, лучше бы вы стояли!

Троллейбус с шашечками

На одной из прошлых Юморин наших друзей, приехавших на праздник, поселили в гостинице «Аркадия». И в последний день, вернее, последнюю ночь праздника мы, уютно расположившись в их номере, просидели за бутылочкой вина и обычным трепом старых друзей до утра. А когда посиделки закончились, и мы с коллегой вышли из гостиницы в рассветную Одессу, то увидели, что на площадь 10 Апреля из парка выворачивает первый троллейбус. Что было сил мы рванули его догонять и… конечно бы, не догнали, если бы водитель не притормозил. А когда мы, запыхавшись, ввалились через услужливо распахнутую им заднюю дверь, он высунулся со своего места в пустой салон и спросил: «Куда ехать?».

Интеллигентные одесские пацаны

Маршрутка возле Пересыпского моста. Два мальчика лет шести, похожие, как близнецы, да и одеты в одинаковую гамму цветов. Но бабушки у них разные.

Каждый сидит на коленях у своей, и поскольку дорога длинная, решают раскинуть разговор. Естественно, на «вы».

– Скажите, вы тоже на поселок Котовского едете? – вопрошает один.

– Что вы! Поселок Котовского – это далеко, – ответствует второй. – Я это знаю абсолютно точно. Мой папа туда в командировки ездит.

Последний аргумент

Везет мне с попутными детишками в одесских автобусах.

Та же маршрутка на Пересыпь, даже шофер тот же. Балковскую с опасностью для жизни перебегает мать с двумя девочками. Шофер успевает затормозить и вся троица с возгласом «Уф, спасибо!» влезает в салон.

Девочки устраиваются прямо за водителем и сразу передо мной.

В руках у младшей нечто игрушечное мохнатое небольшое кошкообразное с бантиком. И, войдя в салон, очаровашки продолжают обсуждать возникший еще на той стороне Балковской вопрос: кот или кошка. Обсуждают шепотом, но я сижу рядом и все слышу.

– Кот, – утверждаем младшая.

– Нет, кошка, – возражает старшая.

– Нет, кот!

– Нет, кошка

– Нет, кот!

– Ну подумай, разве у кота может быть бантик розового цвета?

Младшая задумывается и решает предъявить последний аргумент. Она переворачивает кото-кошку и тыкает пальчиком ей (ему) куда-то под хвост.

Я сижу рядом, я четко вижу, что там ничего даже не нарисовано. Но старшую этот аргумент впечатляет.

– Да, действительно, кот.

Всего одна поездка на маршрутке

Удивительные люди, водители одесских маршруток. Настоящие, одесские, а не «те, что понаехали».

Помните? Лето! Жара! Переполненный салон! Маршрутка на пляж! Цельсий зашкаливает за Фаренгейт. Все лезут с глупыми вопросами, а он, отвечая, даже не шутит, а просто поднимает настроение.

Вы не поверите, но все изложенное ниже подслушано во время одной-единственной поездки из конца в конец на одной-единственной 203-й маршрутке с одним-единственным водителем.

Итак, едем по Ольгиевской и слушаем.

* Остановка Княжеская. С передней площадки в салон буквально ввинчивается дистрофичного вида мужик.

Мужик: – Фу! И когда уже у нас будут ходить сочлененные автобусы?

Шофер: – После обеда.

* Разговор двух пассажиров.

– На Новом базаре сходите?

– Зачем? Я уже все купил. Можно было бы еще купить совесть. Но она не продается.

* Явно не местная старушка проморгала пересесть на Пастера на 242-й, и на каждой остановке пытается выйти, а шофер каждый раз ее останавливает:

– Шо вы волнуетесь, мадам, доедем до Екатерининской, там пересядете.

Наконец доезжаем до места, шофер говорит:

– Вот ваша остановка, теперь волнуйтесь, чтобы у вашей маршрутки ничего не сломалось.

Старушка (выходя): – Спасибо большое.

Шофер (вслед): – Заходите еще.

* Чуть раньше. При пересечении Преображенской дама протягивает деньги и говорит:

– Возле «Одесского дворика».

– Чего??? – удивляется шофер.

– Это за поворотом на Успенской, – уточняет знаток одесской географии, которых всегда полно в салоне.

– Да знаю я, – отмахивается шофер от знатока, и обращается к даме. – Вы б еще сразу Ланжерон попросили, причем третий буек от дельфинария.

* Угол Осипова. В салон, как ледокол, врезается возмущенная дама одесских размеров.

Дама: – Я вас так долго ждала, так долго ждала… Где вы ходите?

Шофер: – А где вы ждали?

– Там!

– Шо ж вы ждали там, если мы ходим здесь?

* Конечная остановка в парке Шевченко. Все выходят, остается один сухонький старичок на переднем сиденье.

Шофер: – А вы почему на пляж не выходите?

Старичок: – Мне на солнце нельзя. Я обратно поеду.

– Так та маршрутка раньше пойдет.

– Не-ет, я с вами. Мне нравится вас слушать.

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Издано...

370 **Евгений Голубовский**
Книжный развал

Евгений Голубовский

Книжный развал

Издано в Одессе

Валерий Кондратюк,
Виктор Михальченко,
Олег Сивирин
«Да будет правда»
Одесса, ТЭС, 2018

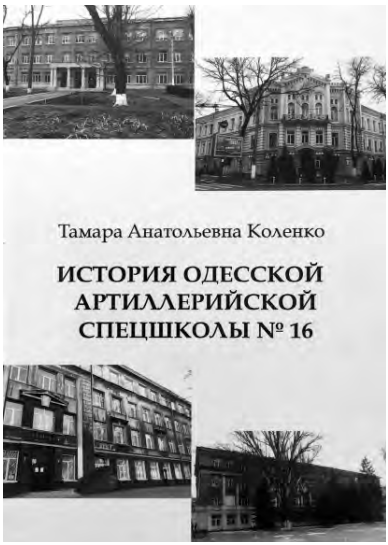
Это второе, значительно дополненное издание монографии по истории дворянского рода Курисов, непосредственно связанного с нашим городом и краем на продолжении пяти поколений.

Первым из Курисов, кто поселился в Причерноморье, был георгиевский кавалер, начальник канцелярии у Александра Суворова Иван Онуфриевич Курис. Известность роду добавил его внук, уже не военный, а гражданский человек, богатый землевладелец, рачительный хозяин, предводитель дворянства Херсонской губернии, тайный советник Иван Ираклиевич Курис. Мне он интересен и тем, что был увлеченным и удачливым коллекционером.

Память об этой семье хранят замечательные сооружения – старинный замок в селе Петровском (бывшее Курисо-Покровское)

и прекрасный дворец в селе Исаево. Оба эти объекта нуждаются в бережной реставрации.

В книге республикуются многие документы из областного архива о жизни и деятельности Курисов.



Тамара Коленко
История Одесской артиллерийской спецшколы № 16
Одесса, Астропринт, 2018

В нашем городе в тридцатых годах прошлого века были созданы три спецшколы – военно-воздушная, военно-морская и артиллерийская. Именно о последней, так как в ней учился ее отец, собрала документы, воспоминания, фотографии Тамара Анатольевна Коленко и создала книгу – памятник ее выпускникам.

Первоначально артспецшкола размещалась на Ботанической, 4 (сейчас – Гагарина, 6). Тут и сегодня в школе-интернате есть мемориальный музей. Затем в 1938 году школа переехала на Чичерина, 1 (сейчас – Успенская, 1). На этом здании сегодня висят две мемориальные доски в память об артспецшколе.

До войны состоялось четыре выпуска учащихся школы. Все они получали направления в артучилища и сразу же на фронт. Как же сложились их судьбы?

Множество документов, свидетельств позволили автору составить списки выпускников школы, погибших на фронтах войны. Так что книга стала им рукотворным памятником.

Есть списки выпускников разных лет, где прослежены их судьбы.

В целом книга воскрешает еще одну, во многом малоизвестную страницу военной биографии нашего города.

Георгий Бербер
Граф А.Ф. Ланжерон – отзвуки истории
Киев, Интерсервис, 2018

И у наших читателей, и у наших писателей в последние десятилетия пробудился интерес к истории края, города, к биографиям его значительных деятелей. К примеру, за последние годы вышли три биографических романа о жизни градоначальника Одессы и генерал-губернатора Новороссийской губернии Александра Ланжерона. Это книги А. Сурилова, Р. Феденева, А. Горбатюка. Но личность графа Ланжерона столь многогранна, что он привлекает все новых исследователей.

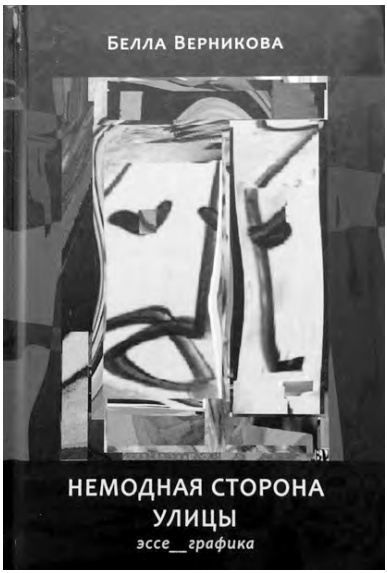
Ланжерон сражался за независимость Соединенных Штатов Америки от Великобритании, Ланжерон сражался во Франции, защищая корону, но произошла революция – и он уехал в Россию, чтобы вновь сражаться. Вначале со шведами, затем с турками. Надо же было так случиться, чтоб в штурме Измаильской крепости приняли участие Дерибас, Ришелье и Ланжерон…

Но граф был не только воином. Он был блистательным фельетонистом. Его фельетоны в газетах Франции пользовались большим успехом. Бо̀льшим, чем его пьесы, а он был и драматургом. Но в историю Одессы он вошел как рачительный градоначальник, создатель порто-франко, замысленного еще Ришелье.

Увлекательно, эмоционально пишет о своем герое Георгий Бербер. Он верит, что не только памятники Ришелье и Воронцову, Дерибасу и Маразли должны украшать наш город. Но надеется

увидеть памятник и своему герою, еще одному французу, прославившему Одессу графу Ланжерону.

Издано в Москве



Белла Верникова
Немодная сторона улицы
Эссе и графика
Москва, Водолей, 2018

Белла Верникова – поэт, эссеист, художник, историк литературы. Родилась в Одессе, здесь окончила университет, здесь работала в литмузее. С 1992 года в Израиле, доктор философии Иерусалимского университета, автор восьми книг, неоднократно публиковалась в нашем альманахе.

Новая книга Беллы Верниковой органично объединяет ее эссе об искусстве и литературе с самим искусством – ее печатной графикой.

Темы эссе Верниковой разнообразны. Но всегда, о чем бы она ни писала, она помнит об Одессе, о творчестве своих одесских друзей – Юрия Михайлика, в чьей студии «Круг» она начинала писать стихи, Татьяну Мартынову, Валерия Бодылева, Анну Стреминскую, с кем вместе делала первые шаги в литературе. Ее наблюдения всегда остры, неожиданны, парадоксальны, она поэт и в литературоведенье.

Белла Верникова принадлежит к тому поколению исследователей, для кого важен Интернет – и как инструмент отслеживанья тенденций, и как интерактивная связь. И этим интересны и привлекательны ее эссе.

Мне приятно, что в эту книгу Белла Верникова включила и эссе-рецензию на мою книжку «Глядя с Большой Арнаутской».

Михаил Вайскопф
Между огненных стен
Москва, Книжники, 2017

Это книга израильского исследователя об Исааке Бабеле. Уже вышли рецензии на нее, где книгу считают значительным прорывом в понимании Бабеля.

Дело в том, что Вайскопф – знаток Библии и Торы, знаток хасидских легенд – прослеживает религиозно-национальные истоки образности Бабеля. Теперь его наблюдения, предположения, выводы будут осмыслены всеми, кто занят изучением творчества Бабеля.

Но не только религиозный аспект увлек Вайскопфа. Он перечитал огромный массив книг, которые мог прочитать в юности Бабель. И в немецком экспрессионизме, и в стихах Рембо, как и в прозе Гоголя и поэзии Маяковского, находил точки соприкосновения с миром «Конармии».

В этом году выходит в «Литпамятниках» первое издание «Конармии», где будут восстановлены все цензурные лакуны, прокомментированное крупнейшим специалистом по Бабелю Еленой Погорельской. Она же готовит на 2019 год первую научную биографию Бабеля. По словам Елены Погорельской, многие идеи Вайскопфа найдут отражение в ее работах.

Вадим Перельмутер
Записки без комментариев
Москва, БСГ-Пресс, 2017

Вадим Перельмутер – поэт, эссеист, историк литературы, живущий в Мюнхене. В дарственной на этой книге он написал мне: «Не развле-чтение». И действительно, эта книга в 400 страниц – не развлекательное чтение, а повод для размышлений, обдумывания литературы и жизни в литературе.

Это мысли автора по поводу и без повода, наблюдения, сопоставления, да и просто – шутки.

Почему мы помещаем рассказ о ней в одесском альманахе? В этой книге много Одессы. Сопоставления плана Петербурга и замысла Одессы. Напомню, что Вадим Перельмутер был составителем замечательной книги «Юго-западный ветер в русской литературе».

Наугад возьму одну из одесских записей из новой книги:

«Интуиция Липкина (не знаю, как назвать вернее, быть может – наитие) однажды меня поразила.

Летом девяносто седьмого я привез ему в Переделкино только что вышедшие однотомники Штейнберга («К верховьям») и Шенгели («Иноходец») – их выпустило одно и то же издательство с интервалом… в два дня.

Он осторожно, как бы не совсем веря, взял обеими руками книгу друга, до книги стихов так и не дожившего, отогнул картон переплета, взглянул на портрет, закрыл – и вдруг поднес к губам, поцеловал. Так же осторожно положил на стол. «Потом».

И наугад разломил том Шенгели, поднес страницу совсем близко к глазам, стал читать. Я заглянул через плечо и едва сдержался, чтобы не выдать впечатления.

В одном из комментариев мне пришлось исправить ошибку памяти из мемуаров Липкина о Шенгели. Всего строчек двадцать в пятисотстраничной книге. И он первым делом раскрыл ее именно на этом развороте и стал читать о себе.

А потом рассказал, что Мария Петровых, с которой он всю жизнь дружил, была отчаянно влюблена в Шенгели. Я об этом знал из письма Шенгели к Ланну, правда, имя женщины в письме не названо, однако все совпало.

То письмо начинается с просьбы: сразу по прочтении немедленно уничтожить. Теперь оно хранится в государственном архиве».

Это одна запись из книги, где их сотни. Интереснейших.

Издано в Бостоне

Валерий Базаров
Времен связующая нить
Бостон, 2014

В «Книжный развал» мы обычно включаем книги, вышедшие в этом или прошлом году. Но эта книга настолько значительна, что хотя и попала нам в руки спустя три года, захотелось обозначить ее в нашем альманахе.

Валерий Базаров – одессит. Родился в 1942 году в Алма-Ате, но его отец – офицер-пограничник, был переведен в Одесский пограничный округ, и вырос Валерий в Одессе, жил

на Гоголя, 7, учился вначале в холодильном, потом в ОГУ, работал. Я запомнил его в «Вечерке», где он, окончив школу молодого журналиста, стал деятельным внештатным корреспондентом.

Оказалось, что не зря в «Вечерке» его учили азам журналистики. В США, переехав туда 30 лет назад, он начал работать в ХИАСе – обществе помощи евреям-иммигрантам, и обнаружил, что там хранится огромнейший архив. Этот архив может помочь людям узнать, как сложились судьбы их близких.

Так возникла книга, которой автор дал подзаголовок «Записки детектива-генеалога».

Два десятка поисковых историй. Толчком чаще всего было письмо. Вот несколько названий очерков: «Как американец создал военно-промышленный комплекс СССР», «Как мальчик Миша пережил свою смерть», «Шесть жизней Гриши Мейзлера», «Об Иосифе и его брате». Я прочитал их все и восхитился подвижнической работой Валерия Базарова, соединившего судьбы людей. Читал медленно, все надеялся, что найду хоть одну одесскую историю. Не нашел. А впрочем, я неправ: история становления Валерия Базарова – вот одесская история этой книги.

Надеюсь, что у книги будет продолжение. Так много разъединенных душ еще осталось в этом мире…

Содержание

От редакции 3

Михаил Жванецкий
Богатство и бедность 5

Михаил Жванецкий
О Бабеле 13

История, краеведение

Олег Губарь
Путеводитель по пушкинской Одессе 16

Андрей Добролюбский
Имя дрока 54

Сергей Котелко
История здания на Княжеской улице, 1 69

Игуменья Серафима: «Любовью все преодолеем» 91

Галина Педаховская
На берегу прошлого 106

Вадим Ярмолинец
Любовный круг Александра Федорова 131

Проза

Елена Тищенко
Собака, кот и ворона 154

Виктория Коритнянская
Аз есмь 162

Ирина Озёрная
Держи осколок 168

Александр Хинт
Линия 28 183

Сергей Кравцов, Екатерина Бойчук
Отмычка Соломона 189

192 слова

Длинный список 204

Вадим Ярмолинец
Пушкинская улица 205

Елена Андрейчикова
Все как у людей 206

Игорь Паночишен
О чем думает девушка 207

Ганна Костенко
Удвох 208

Анна Михалевская
Перепутье 209

Ольга Яблонская
Во главе 210

Виктория Коритнянская
Трагедия одной бабы 211

Виталий Стецко
Другой язык 212

Поэзия

Тая Найденко
Запах чаек и моря крик 214

Поль Гранек
Ироническая поэзия 221

Татьяна Щербина
Одесса 226

Сергей Главацкий
Грамматические последствия 227

Виталия Бабущак
Неразделенное чувство 232

Первые шаги

Елизавета Помукчинская, Арина Плотникова
Молдаванка за партой 236

Искусство – жизнь – искусство

Феликс Кохрихт
Десять дней, которые нас 252

Ефим Бершин
«Договор между Богом и мною…» 265

Линда Стоянова
В доме Буковецкого 274

Леонид Авербух
Одесские музы поэтов 281

Людмила Азарова
Капитан своего корабля 299

Александр Галяс
Смерть не оборвала песню 306

Тамара Михайличенко
«Волна счастья подступает к горлу – сейчас вот начнется урок» 316

Публикации

Алена Яворская
«Судьба морской газеты «Моряк»…» 324

Сокровища из сокровищницы

Татьяна Щурова
«Явление мировой музыкальной культуры» 342

Путешествие

Евгений Деменок
Дерево жизни. Большая синагога. Будапешт 350

Ах, Одесса

Феликс Кохрихт
Третий глаз Гергая 360

Сергей Осташко
Одесские байки 363

Издано...

Евгений Голубовский
Книжный развал. 370

Литературно-художественное издание

Дерибасовская – Ришельевская

Одесский альманах
Книга 74

Deribasovskaya – Rishelievskaya

Odessa almanac
Book 74

Издается с 2000 года

Координатор проекта «Одесская библиотека» Иван Липтуга

Технический редактор Геннадий Танцюра
Верстка, корректура Татьяна Коциевская

Подписано в печать 20.07.2018
Бумага офсетная PAMO SUPER 80 г/м

FSC
accredited
FSCTrademark©1996
ForestStewardshipCouncil®A.C.
FCS-AOC-015

Печать офсетная. Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Заказ № .... Тираж 500 экз.

Всемирный клуб одесситов
65014 Одесса, Маразлиевская, 7
Украина
Тел.: +38 (048) 725-45-67

Worldwide Club of Odessits
7 Marazlievskaya Str. 65014 Odessa
Ukraine
Tel.: +38 (048) 725-45-67

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Плутон»
65023 Украина Одесса, Нежинская, 56
Тел.: +38 (048) 700-42-42

Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»
Регистрационное свидетельство ДК № 3673 от 21.01.2010
а/я 299, 65001 Украина Одесса
Тел.: +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ДЕРИБАСОВСКАЯ РИШЕЛЬЕВСКАЯ

ПОДПИСНОЙ КУПОН-ЗАЯВКА

Настоящим подтверждаю свое намерение оформить подписку:

Фамилия:	
Имя:	
Отчество:	
Адрес доставки:	
Телефон:	
E-mail:	

Стоимость подписки*	12 месяцев	4 выпуска	200,00 грн.

** В стоимость подписки не включаются затраты на доставку изданий.*

Оплата:

❑ безналичный расчет ❑ наличными

❑ кредитная карта ❑ необходим договор

Оплату согласно выставленного счета гарантирую

Дата _____ Подпись _____

Отправьте подписной купон-заявку почтой или факсом по адресу:
Украина, 65001, г. Одесса, а/я 229,
Издательская организация АО «ПЛАСКЕ»

PLASKE
ПЛАСКЕ

Факс: +380 (48) 7-385-375; 7-287-221;
тел. редакции: +380 (48) 7-385-385, 7-288-288;
0-800-300-30-80 (бесплатно со стационарных телефонов)